

НА РУИНАХ МИГЛАХА

ЛЕГЕНДА
О ДИГОНЕ

НИКОЛАЙ
СИБИЛЁВ

К чему могут привести игры правителей, власть которых не ограничена даже смертью, в реальности, наполненной враждой, соперничеством и магией? А если реальность эта стоит на грани? А если в неё приходит кто-то поистине всемогущий, исполненный личных неведомых целей? И хватит ли сил одному человеку привести в согласие целый мир, разрушаемый алчностью? Ответы на эти вопросы читатель найдёт в истории, которую в антураже греко-римской эпической патетики поведает её очевидец.

Николай Сибилев

На руинах Миглаха. Легенда о Дигоне

ДОМ КРОНОСА

МИГЛАХ

ДОМ ГАДЕСА

ДОМ ДИАНЫ

ДОМ ЗЕВЕСА

ДОМ ЦИФРЫ

ДОМ ВЕНЕРЫ

ДОМ ГЕРМЕСА

ДОМ АПОЛЛОНА

ДОМ АРСЕСА

МАСШТАБ
1 CM = 195 ЛИГ = 940 KM

Вступление

Ни дна, ни берегов не имеет Океан Времени. Его таинственные глубины скрывают в своих толщах бесчисленные истории. Они хранят отпечатки миров реальных и миров, рождённых фантазией вечных Богов. Смогли бы мы, люди, отличить одни от других? Есть ли вообще между ними различия? Кому дано понять где заканчиваются первые и начинаются вторые?

Умелый искатель истины без конца запускает в Океан свою сеть в надежде выловить жемчужину интересной истории. Но великое сокровище лежит на поверхности. Наша действительность загадочна, как и всякое прочее чудо, и непостижима, как одинокие души чёрных дыр в потаённых уголках Вселенной. Что знают люди, которые смотрят перед собой и забывают вчерашний день, о бесконечных зонах в круговороте жизненных циклов миров? Люди, не помнящие и собственной доподлинной истории — что можем мы знать про затерянные в вечности события, следы которых разнесло песком по реальностям, оставив лишь тень от пыли воспоминаний?

Но ни одна история не остаётся навсегда потерянной. В безграничных просторах Океана обязательно найдутся те, кто знает их до конца...

Во второй половине осени холодный туман привычно укрыл воды Дагарокского залива. Вытянутую полукруглом бухту с обеих сторон закрывают крутые базальтовые скалы, что не даёт волю ветрам разогнать плотное марево. На береговой линии, в самом центре углубления, величественной каменной звездой врезается в лагуну столица земель Дома Кроноса, мраморный город Анциломет. Всего в десяти лигах от него, по середине прохода в залив, расположился остров Дагарок — идеальная естественная крепость. На его северном берегу, лицом к проливу в Ледовой Океан, возвышаются башни каменного бастиона, у подножья которого тихо и размерено обосновалась деревня с кричащим названием «Мокрая». Населяют её, в основном, люди пришлые из числа бывалых моряков, решивших окончить здесь свои скитания и наконец осесть на месте. Земли в этих краях неуютные, суровые, как и немногочисленные деревенские жители. Кормятся они за счёт рыбной ловли, небогатого земледелия и щедрой помощи, направляемой в охранную цитадель из столицы.

Влага была везде. Несмотря на клятвенные заверения хозяина небольшой гостиницы, даже наглухо закупоренные ставни не спасали от сырой постели. Массивные деревянные брёвна, из которых состоял трёхэтажный сруб здания, давно почернели, пропитавшись водой из морских ветров и частых дождей. Случись вдруг пожар, они наверняка не обратили бы на огонь никакого внимания. Тепла каминов едва хватало для того, чтобы разогнать плесень и затхлость, но это было недостатком всех маленьких прибрежных деревушек на севере земель Кроноса. Один из многочисленных поставщиков информации Дома Цифры с именем-позывным Gs-9, которое указывало на его клан и положение в иерархии, готовился к завтрашнему дню. Он распахнул окно, ответившее на сильный толчок протяжным скрипом, постоял минуту в потоке бодрящего ночного ветра и принялся смазывать маслом нательную угреную кольчужку. Эта очень ценная вещь досталась ему по наследству от деда, слывшего когда-то бесподобным воином. Сидеть на этом промозглом острове предстояло ещё долго. Его смена заканчивалась только через месяц, а безрукавка тонкого равномерного плетения мастеров Цифры, хоть и была неожиданно крепкой, но очень не любила морскую влагу и уже начала терять прежний блеск. Не любил влагу и её хозяин, уроженец тёплых восточных краёв. Долгими зябкими вечерами, наблюдая дождливую сырость за окном, он сетовал на решение руководства Дома отправить в эти края именно его.

Однако, сейчас Gs-9 волновала совсем не суровость здешнего климата. На следующий день было запланировано весьма деликатное дело, а накануне вечером произошло нечто, не вписывающееся в строгий распорядок его трудовых будней. Как обычно Gs-9 сидел за уже привычным дубовым столом на первом этаже постоялого двора, заполнял привычные бумаги и ожидал привычную запечённую рыбу. В остальном полумраке трапезной звучали тихие ленивые звуки цитры местного музыканта, когда неожиданно агента окрикнул стражник из охраны. На первый взгляд казалось, что он просто забежал погреться и добрать хмельного на дежурство:

— Эй, пришлый, здаров тебе! Как наш остров? Впечатляет? Уже везде побывать успел? И не надоело ещё у нас-то такому, южному?

Это не прозвучало ни грубо, ни нагло. Разве станет кто-то из местных, даже пьяный и сильный вояка, нарываться на ссору с представителем Домов, выполняющим официальные обязанности? Да и сами цифиры, народ Дома Цифры — совсем не те, кто провоцируют

конфликты. Но вопрос насторожил. Раньше, кроме старого морехода, охочего до разговоров хозяина гостиницы, никто не сказал ему лишнего слова. А служивый продолжал. Подошёл, и даже присел на противоположную от стола скамью:

— Вы там, небось, к тишине привыкли, к библиотекам. А у нас тут грязь да слякоть. Ни садов тебе, ни апартаментов. А вот ты, уважаемый, что делаешь? Мож и мне в ваши края податься? Я слышал, что вы на работу нанимаете и тех, кто в других Домах родился. Тебя вот как звать-то? Меня — Радом кличут. А у вас вот и имена чудные такие...

Внимание охранника становилось явно излишним, а многословие начинало донимать. К тому же, эта его фамильярность выглядела какой-то наигранной, словно гость прикрывал ей попытки разузнать что-то. Такое поведение можно было бы объяснить наличием перегара, но нет... Тот, кто представился Радом, был абсолютно трезв. Поставщику информации совсем не хотелось разбираться в чём дело, поскольку мысли его были заняты предстоящими с раннего утра делами, и он ответил сухой фразой по форме представления:

— Мой идентификатор Gs-9. Я официальный представитель Дома Цифры. Выполняю функцию по сбору информации в рамках Конвенции Домов Миглаха.

Это возымело нужный эффект. Охранник, словно опомнившись, прокашлялся, отодвинулся на край лавки и пробормотал: «Ну ладно, коль не хотите болтать — и не надо. Мы понятливые. Мы пошли». А потом просто встал и вышел из гостиницы, так ничего и не купив.

Возможно, в этом мимолётном инциденте никто бы ничего подозрительного и не заметил, но тонкое чутьё цифира подсказывало, что ни одна случайность не происходит просто так.

Далеко на юго-востоке рассвет озарил ещё по-осеннему тёплые оливковые сады вокруг столичного замка правителя. Огненный Аполлон, поднимаясь над горизонтом, разгонял предутреннюю свежесть, и быстро прорисовывал размашистые тени деревьев по каменной кладке.

На балконе, выходящем к почти пустой необъятной площади, опершись руками на балюстраду, стоит немного седоватый человек. Крепкую широкоплечую фигуру плотно укрывает дивный фиолетовый плащ. Покров этот, как будто соткан не из нитей, а сотворён лоснящимся флюидом чистой энергии. Это живое полотно. Оно дышит, оно мыслит, оно анализирует. Каждую секунду своего странного существования эта материя думает о безопасности своего носителя и вряд ли найдётся оружие, способное причинить вред этой охранной мантии. Человек смотрит на противоположный конец площади, расположенный так далеко, что обычным зрением почти не разглядеть миниатюрные фигуры пешеходов. Там, в вершине эспланады, которую окружает каменная стена, находится гигантская арка прохода. Под её потолком прямо в воздухе висит ослепительно сияющее дерево. Кроной своей упирается оно в свод арки, а корнями повторяет полукруг над проходом. Даже яркий утренний диск Аполлона не способен затмить чистый белый свет, из которого состоит тело этого дерева. Он пульсирует, разливается плавными волнами, переплетается с жёлто-красными лучами рассвета и заполняет пустое пространство от арки по всей огромной площади. Очень скоро она заполнится тысячами учеников Дома, мельтешащими между лекторами в поисках древней мудрости.

Человек смотрит на средоточие своих владений. Человек ждёт. Тишину, пронизанную гармонией утреннего птичьего щебета, нарушают размеренные удары тяжелых сапог о каменные полы террасы.

— Приветствую Вас, Отец! — произносит с поклоном и безграничным почтением вошедший мужчина в плаще того же цвета, но далеко не той же природы, — Позвольте сообщить. Исполнитель получил Ваше задание и сделает всё, что от него требуется. Наши люди готовы и ждут приказа.

Отец на секунду закрыл глаза, погружаясь мыслями во времена, о которых мало уже кто может что-то вспомнить. Разобщённые обрывки картин прошлого не дают ему покоя. Одни из них складываются в ясные логические цепочки, произошедшие словно вчера. Другие — яркими вспышками озаряют какие-то важные события, неразрывно связанные с настоящим. А некоторые, словно звёзды в пустом чёрном небе, висят в памяти — они, вроде бы и случались, но было ли это на самом деле, понять совершенно невозможно. Это терзает и раздражает его древний разум. Ах, как изменился мир с тех пор, когда он пришёл на эту землю впервые...

Внезапно нахлынувшие мысли так же быстро покинули хозяина Дома Цифры, и он повернулся к собеседнику:

— Хорошо, G-1. Я отлучусь на время. Направляйся в Керикион, столицу Земли Гермеса. Поселись в отеле «Трикефал» под именем Елизар и жди высокого гостя. Он должен быть там через две недели, так что постарайся не задерживаться. Что делать дальше ты знаешь.

Ещё раз поклонившись, докладчик спешно покинул хозяина замка. Правитель снова посмотрел в сторону площади, на которую начали выходить первые жители, и задумчиво

шёпотом произнёс самому себе: «Что ж, начнём свою игру». После чего направился к балконному входу и добавил: «Не проиграть бы теперь...».

Ночь выдалась на редкость звёздной и утро обещало быть светлым. Даже дагарокский воздух, обычно затхлый и тяжёлый, казалось, наполнился нитями горной свежести. Наступило время, когда молодой агент Gs-9 должен был распечатать конверт с информацией о дополнительном задании на эту смену. Перед самым отъездом его вручил ему сам G-1, архос клана Информации в Доме Цифры. Письмо уже обрамилось полоской красного света, сигнализируя о сроке раскрытия. И тот, кому оно предназначалось, проснулся в волнительном ожидании. Наконец, могло измениться хоть что-то в скучной череде однотипных событий. Стандартный набор отчёта по смене для наблюдателя за ключевым портом Севера содержал сбор незатейливых данных: когда и сколько кораблей прибыло, когда убыло, что доставили, что забрали, какая относительно значимая магия применялась, да бытовая статистика сторожевой крепости Дагарока. Вот и всё, что происходило. Gs-9 испытывал гнетущее чувство мизерности своей работы. Он вообще испытывал как-то слишком много чувств для представителя Дома Цифры. Втайне от остальных, конечно. Это пугало его, заставляло чаще быть настороже со своими хладнокровными соплеменниками. И когда G-1 пришёл лично выдавать ему на смену задание по Алгоритму, да ещё и вручил кроме стандартного набора дополнительный опечатанный конверт, его душу заполнили смешанные чувства. С одной стороны дополнения к заданиям — обычная вещь; не каждодневная, но и не выходящая из ряда вон. С другой — сам архос, входящий в Совет Дома, не стал бы по пустякам разносить пакеты. Сейчас, в полутьме безымянной гостиницы, молодой черноволосый цифир средней комплекции испытывал только любопытство и азарт. Раскрыв конверт, он внимательно изучил содержимое. Дважды перечитал строки, написанные извилистым каллиграфическим почерком, и бросил бумагу в тлеющие угли камина. Она вспыхнула, разбавив комнатный воздух специфическим едким запахом.

Смена могла стать неординарной. И она, несомненно, такой стала...

В пяти лигах к югу от деревни, на противоположном берегу острова, откуда в погожий день можно увидеть отблески полированных каменных крыш богатых кварталов Анциломета, находились заброшенные руины какой-то постройки. Похоже, ещё Старого Мира. Следов тех времён на земле почти не осталось, и ненасытный в познании Gs-9 уже представлял себя стоящим в окружении таинственной древности. Изъеденные ветром и дождями, наполовину ушедшие под землю камни, томящиеся, как говорили в деревне, с доисторических времён, ещё до учреждения Домов, были похожи на развороченный исполинский храм, вросший в скалу. А, возможно, это остатки такой же сторожевой крепости, как и северная, но созданной с куда большим изяществом и помпезностью, чем современное охранное строение Дома Кроноса. Доподлинно неизвестно. Туда и должен был отправиться сегодня Gs-9, выполняя особое задание своего архоса.

Путь был неблизким. Поставщик информации плотно позавтракал и оставил распоряжение не ждать сегодня его возвращения. Он вышел из гостиницы с восходом скупого в этих краях светила. Оно казалось лишь тенью того могучего яркого Аполлона, чей свет щедро взращивал бескрайние луга и сады в землях Домов, расположенных далеко на Юге. Но просторы Дома Кроноса были вовсе не такими. Они источали звенящую пустоту, тяжесть и спокойствие камня, который в голом, первозданном виде господствовал здесь.

Нижнюю часть земель Кроноса, лиг за шестьсот от скалистого перевала, на склоны которого выходили стены крепостей Анциломета, тоже покрывали дикие чащи Кариатидских лесов. Но и они были другими, не чета своим жизнерадостным южным собратьям. Это настоящие дебри высоких крепких кедровников вперемешку с дубами, соснами и великанами-секвойями, тянущиеся на сотни лиг, создавая естественный барьер между землями северных Домов и их южными соседями. Лишь один, но широкий и мощный каменный тракт, проложенный, несомненно, усилиями магии Верховного Совета Домов, упирался в столичную гавань Анциломета и от неё направлялся далеко на юг. Проходя сквозь всю землю Кроноса, он стремился к общему перекрёстку дорог, в город Омфал — место, где сливаются воедино все главные пути мира, который сами его жители именуют «Миглах». В Омфале располагается дворец Верховного Совета Домов. Gs-9 никогда не был под роскошными сводами этих чертогов. Лишь однажды, проезжая из очередной смены, проведённой в благостных землях Дома Венеры, ему посчастливилось быть принятым во внутреннем дворе. И этот момент навсегда врезался в его память рядами статуй Покровителей из радужного огненного опала, манящими звуками струйной капли дворцовых фонтанов и незабываемым величием самого огромного дворца, обнесённого двадцатиметровыми колоннами и укрытого необъятным куполом. Но сейчас его путь лежал в тысяча трёхстах лигах от красот Омфала, по промозглой каменистой равнине острова Дагарок.

Задание требовало определённой скрытности и Gs-9 отправился пешим ходом. В пути, мимо однотипного серо-бурого ландшафта, поставщик информации размышлял об известной ему мировой истории и гадал о природе загадочных развалин. Нелёгкие, но вполне беззаботные годы обучения в школе Цифры могли дать очень многое тому, кто искал знания, а молодой цифир не упускал возможности получить больше, чем позволялось. Каждый последующий семестр обучения открывал всё новые и новые сведения соискателю. Они обновляли, дополняли, надстраивали, а, порой, и вовсе меняли представление ученика о мироздании. Школа занимала основную часть города Ацилут — столицы земель Дома Цифры. В её двери входили ещё детьми, а покидали, спустя полтора-два десятилетия, уже полноправными членами Дома. В итоге каждый ученик получал распределение, согласно усвоенным знаниям и степени проявленных способностей. Соответственно, и историю мира всякий знал в меру своего уровня и положения в Доме. Gs-9 не был выдающимся соискателем. Знания он усваивал с жадностью и интересом, однако магия Дома подчинялась ему с неохотой. Строгая причинно-следственная связь присутствует во всём, что формирует Дом Цифры, и в этом он мог дать фору многим своим соплеменникам. Но магия — удел высших духовных сфер. Даже будучи уже выпускником, поставщик информации с трудом ловил ментальный переход из области холодной логики в царство интуитивного восприятия. К тому же, эти его эмоции, не свойственные народу цифиров... В общем, закончил он школу в ранге поставщика информации с именем Gs-20 — одним из слабых в своём поколении, хотя и на пару лет раньше многих одноклассников. Видимо, архосы школы решили, что это достаточный для него уровень. И он, пожалуй, был бы обречён на клеймо «слабого» и судьбу тяжёлого монотонного труда, если бы с завидной настойчивостью не стремился изменить сценарий своей жизни, в общих чертах написанный руководством Дома. Непрерывная работа и негибкая воля позволили ему достаточно быстро подняться по иерархии, выслужившись за несколько лет до имени Gs-9. Но его знания о мире всё равно были весьма ограничены. Немалую их часть он получил уже после школы, благодаря своему

неудержимому любопытству и желанию учиться — не зная прочих удовольствий, молодой цифир находил истинное наслаждение в познании.

Он шёл и размышлял о далёких временах, когда тысячи лет назад Первые Отцы разделили материк на равные сегменты, основали девять больших Домов и установили каждый своё правление. Перед этим Старый Мир постиг загадочный катаклизм. Неведомая сила ворвалась в Миглах. Волна таинственных землетрясений и шквальных ветров началась где-то здесь, на Севере, и успокоилась лишь спустя несколько дней. Параклаз — так это событие в полголоса называли в школах. Дальнейшие знания уже были недоступны служебному положению простого поставщика информации. От этого он с ещё большим рвением желал их получить и по крупицам собирал данные во всех концах континента, куда приводили его долгие путешествия с заданиями от своего Дома.

Катастрофа тогда изменила всё. Прежний уклад, о котором почти ничего не знают и мудрейшие учителя школ, рухнул. Пришлая сила пронеслась по землям Миглаха, стерев даже память о прошлом. Но из пепла Старого Мира был восстановлен новый порядок, который наполнился невиданными ранее красками. Прошло немного времени, как стихла дрожь земли, и люди начали находить в себе малые ростки той странной потусторонней Силы. Говорят, что именно тогда народы начали творить Магию. Кто находился ближе к эпицентру и выжил (а таких было очень мало), получили поистине огромный потенциал. Далее, по мере отдаления от Параклаза, обретенные способности затухали. О Первых Отцах, основателях Домов, ходили только слухи. Одни легенды говорили, что это Боги, которые пришли в наш мир из высших сфер, другие — что это группа людей, случайно оказавшихся в самом центре катастрофы, и впитавших неразбавленную Силу. Подтверждения этому, конечно, поставщик информации не имел. В итоге большинство могли лишь зажечь сухие поленья в камине или предугадать дождь, но некоторые озаряли ночную мглу подобием Аполлона или стирали в песок горы. Хотя, ни первые, ни вторые не спешили решать все свои вопросы таким способом. Очень быстро все осознали, что эти дары не проходят бесследно и требуют вполне ощутимых утрат здоровья, а порой и жизни. Тогда, в начале нового времени, никто не оказался «пустым». Пустые появились позже. Намного позже. Как говорили, через многие столетия. Так рождалась иерархия.

Кроме обретения новых возможностей, со временем, в людях трансформировалась сама природа: резко акцентировались ментальные черты, одни качества превозносились над другими, образы и разные модели поведения перестали уживаться в одной личности и разделили человечество на несколько подвидов. Даже Стихии, фундаментальные первоэлементы, которые наполняют жизнью всё вокруг, расслоились и наполнили собой природу тех или иных народов. Стихийные энергии стали частью «скелетов» Домов, на которые нарастала «плоть» их Магии. Силу родственной стихии каждый Дом воспринял, как свою собственную; другие же, стихии-антагонисты, стали вызывать невосприимчивость, отторжение и боль. За последующие тысячелетия, вслед за новыми способностями, изменился даже внешний вид тех, кто эти Дома населял.

В дальнейшем, когда Первые Отцы ушли, каждый Дом возглавлялся Верховным Отцом — сильнейшим представителем своего поколения, который на исходе невероятно долгой жизни передавал свои знания и силу заранее выбранному преемнику. Девять больших Домов (Кроноса, Дианы, Цифры, Гермеса, Ареса, Аполлона, Венеры, Зевеса и Гадеса) со временем собрали под своё покровительство людей, чьи характеры и способности соответствовали природе их энергий. Сегодня Миглах — это огромный континент, который Верховные Отцы

разделили на равные части, сходящиеся от периферии к центру, словно дольки лимона. Он стал местом совместной жизни девяти основных народов. Но так было не всегда. Тысячи лет истории прошли в бесчисленных спорах и стычках, переговорах и войнах, пока правители разработали и записали стабильную систему законов и правил. В незапамятные времена эти базовые императивы приняли все большие Дома и соблюдают их поныне в целях общего мира и процветания. Так появилась Конвенция Миглаха. И никто за последующие годы не нарушил её в сколько-нибудь значимой мере, потому что каждый Дом обладал своей собственной частью Силы, не подвластной народам других Домов.

Мысли о прошлом всегда возвращали поставщика информации к родным пенатам. Сейчас, в окружении мёрзлых кронианских земель, с трудом рождающих блеклую растительность, и суровых камней, словно укрытых от холода шапками мха, память о солнечной отчизне была особенно яркой. Далеко на Востоке, между Домами светлой Дианы и предприимчивого Гермеса, лежат земли Дома Цифры. Его граждане — властители информации и логики, чьи жизни проходят в согласии с Алгоритмом, формируемым в Совете Дома. Конечная цель Алгоритма, если она вообще существует, известна только Верховному Отцу. Он самодержавно правит владениями и задаёт вектор их развития, а действия свои согласует только с мистическим голосом Силы, доступным ему одному. На фоне большинства прочих народов Миглаха, цифры не обладают выдающейся властью над магией. Сродни способностям Дома Зевеса, их дар — это разум. Но если первые искусны в его практическом применении, то вторые — непревзойдённые аналитики. В отличие от других, зевиты и цифры после рождения нового мира не обрели покровительство какой-то отдельной стихийной энергии. С одной стороны, это лишило Дом Цифры способностей к великим чарам, но при том позволило работать со всеми проявлениями магии Миглаха и воспринимать взаимно противоположные стихии, несущие разрушение Домам-антагонистам. Сила в свою очередь не трансформировала их внешность. Они стали истинными мастерами в работе с образами мышления: за тысячи лет дотошные цифры разработали сложную мистическую систему понимания мироздания, изучили основы и законы реальности, которую создал Параклаз. Наверное, если бы жители прочих Домов, после завершения обучения в своих школах, захотели расширить познания — им стоило бы идти в город Ацилут, проходить под висящим в воздухе священным Деревом Цифры, чья тень сжигает всякого, кто идёт с целью навредить, и примерять на себя фиолетовые церемониальные одежды его адептов. Но это было невозможно. Дом Цифры ревностно хранил тайны. А секретов у них хватало. Именно благодаря таким же членам клана Информации, поставщикам, как Gs-9, которые собирали данные с самых отдалённых уголков Миглаха и окружающих архипелагов. Другие кланы Дома, обрабатывали эти данные, структурировали, изучали взаимное влияние фактов, анализировали последствия. И тщательно сберегали в бесконечных хранилищах — кристаллах памяти. Эти прозрачные с лёгким перламутровым отливом камни очень дорого ценятся среди народов мира. Их созданием из редкого минерала под названием мнеморин занят клан Кристаллов Дома Цифры. Поставщики информации, из тех, кто побогаче, часто носят с собой один из малых образцов этих чудесных кристаллов, значительно облегчая себе работу.

После двух часов пути, наполненного воспоминаниями, Gs-9 ощутил неприятное волнение. Показалось, что по идеально ровной глади потоков тонкого мира пробежало лёгкое возмущение, которое не обнаружить даже сложными приборами мастеров Дома Зевеса. Пробудилось то, что так упорно не давалась ему — интуиция. Мысли стужались, будто он забыл нечто важное, а по спине то и дело пробегал коварный холодок, словно сзади что-то давило. За ним следили. Не магией, конечно — такие воздействия он бы вычислил. Просто за ним шли.

Заклинание «обзор» — одно из самых простых. Ни особых усилий, ни потерь не требует. Его действие, конечно, могли обнаружить, но, если слежка существовала, то это уже не важно. Найдя низкое, уже давно осыпавшееся деревце, Gs-9 сел, закрыл глаза и отрешился от происходящего вокруг. Достигнув состояния внутреннего покоя и гармонии, он мысленно отделил свои зрительные чувства от остальных, собрал их в единый комок, наполнил энергией ветра и подбросил вверх. На мгновение он увидел окружающее с высоты пяти десятков метров, словно подпрыгнул и задержался в вышине. Через секунду зрение вместе с лёгкой болью в переносице ворвалось обратно в сознание. Недолго перед глазами стоял тёплый переливистый туман, но поставщик информации добился своего. За несколько сотен шагов по направлению к нему двигались три фигуры: два местных кронианина с серыми лицами в плотной кожаной броне, и вчерашний гость из охраны сторожевой башни, который так навязчиво пытался заговорить в гостинице. Последний, похоже, был из пустых или очень слабых. А вот двое первых удивили и заинтересовал поставщика информации.

Во времена формирования Домов под властью Кроноса объединились те, кто был замкнут и задумчив, словно сами его мрачные земли. Их кожа за тысячи лет стала сероватого оттенка, тела обрели сухость и жилистую крепость, а сердца — рассудительность, сдержанность и жажду бескомпромиссной справедливости. Им подвластны форма и время, предсказания и мудрость делать выводы из уроков прошлого. Ходит поговорка, что сама Судьба спрашивает совета у Дома Кроноса, выбирая свои шаги. В архивах школы Анциломета хранятся глубочайшие знания об истории Миглаха, в чём крониане могут соперничать даже с библиотеками Дома Цифры. Между их народами всегда были хорошие отношения, поскольку они имели похожие взгляды на жизнь. Дом Кроноса, вопреки суровой пустынности большей части его территорий, вовсе не бедствовал. Наоборот, в богатстве с ним мало кто может поспорить. Недра его наполняют многие руды, самые чистые самоцветы и ценные самородки выходят здесь на поверхность обильными жилами. Этому немало способствует умение крониан «говорить с Землёй», родственное понимание этой стихии и управление ей в той мере, которую Земля позволяет. Стихия Воды дружелюбно воспринимается этим народом, тогда как Огонь и Воздух стали для них непримиримыми врагами. Способности управлять временем и предугадывать его капризные повороты дают серолицым жителям Кроноса немалые преимущества. Им присущи твёрдость, стабильность и организованность, словно нерушимым цельнокаменным зданиям, которые они строят, а продолжительность жизни превышает прочих жителей мира, в зависимости от проявленной Силы. По давней нерушимой традиции, рекомендованной Конвенцией, они всегда носят одежду чёрного цвета, чем вызывают в дождливую погоду острую зависть адептов Дома Дианы. Даже издали нельзя было спутать членов этого Дома ни с кем другим.

Gs-9 ещё раз прогнал в памяти полученное видение и безошибочно прочувствовал в двух преследователях все признаки крониан. Да, Дома Кроноса и Цифры всегда ладили между собой. Но сейчас, похоже, был не тот случай. Конечно, Конвенция не запрещала следить за действиями друг друга. Но что могло так насторожить хозяев, чтобы приставить наблюдателей? К тому же, один из серых был явно не из простых гвардейцев — от него ощутимо веяло кронианской магией, и посланник Цифры не мог ни почувствовать этого. От такого не уйдёшь заклинаниями сокрытия. Тем более, теперь он точно знал, что обнаружен.

Появление шпионов не входило в планы Gs-9, но задание, которое архос в роковой час передал ему, имело приоритет важности. А значит, если жизни исполнителя ничего не угрожало, его нужно было выполнить. Круг возможных решений сужался и адепт Дома Цифры, экономя силы на концентрацию, не выходя из транса только что отработавшего заклинания, решил действовать. О драке не могло быть и речи. Цифры скорее учёные, чем воины, а тем более здесь, на земле Кроноса, с её жителями тягаться не было смысла.

Возможно, дипломатия? Официально раскрыть себя? Так и решил поставщик информации, направив в сторону следивших за ним мыслеформу послания вежливости с вопросом о причинах преследования. Подтверждая добрые намерения, Gs-9 вложил в послание в качестве дара мощную порцию стихийной энергии Воды, дружественной местному народу.

Но случилось невероятное. Крик отчаяния и боли Gs-9 услышал уже без всяких заклинаний. Воздух вскипел вокруг преследователей, мгновенно поглотив одного из магов и незадачливого сторожевого по имени Рад. На серо-коричневые камни замертво упали два тела. Второй маг, тот самый, от которого, якобы «веяло Землёй», успел мастерски защититься от Воды, к удивлению, оказавшейся враждебной, и сбросил искусно сотканную маскировку под кронианина. Даже без атаки с его стороны, поставщик информации теперь чувствовал яростную силу Огня. Следивший явно был умелым воином. Он разбил что-то у себя под ногами и всё его тело окутало «огненным вихрем». Магия подхватила хозяина и мгновенно пронесла почти весь путь до жертвы, растерянно перебирающей в голове варианты защиты. Преодолевая оставшееся расстояние гигантскими прыжками к Gs-9 приближался воитель стихии Огня — краснокожий адепт Дома Ареса.

Родина этого незваного гостя располагалась далеко на юге, между Домами просвещённого Гермеса и властительного Аполлона. Гигантской неприступной крепостью, оцетинившейся во все стороны пиками дозорных сторожевых постов, наполненный тренировочными лагерями и полигонами боевой магии, стоял Дом Ареса — воплощение идеи войны и активного «мужского» начала, его сексуальной и творческой энергии. Gs-9, сколько ни пытался, не мог до конца понять саму идею перманентной борьбы, которую проповедовали арейцы. Война наполняла всё их существо, и не важно кто был противником: реальные враги, среда обитания, даже сама Сила или своя собственная природа. Эта концепция виделась расчётливому уму цифира излишне расточительной, содержащей слишком мало конструктивных направлений, но конечно, не лишённой необходимости в картине глобального равновесия. Арсенал последователей Ареса — это магия Огня и активное воздействие на мир с позиции грубой силы. Обычно они энергичные, решительные и смелые до безрассудства. Арейцев отличает красноватый оттенок кожи, резкие точёные черты лица, крепкие мускулистые тела и цвет волос — от соломенного до огненного-рыжего, В результате долгих метаморфоз, вызванных древним Параклазом, стихия Воздуха стала им дружественной, а Земля и особенно Вода — разрушительными. Нет равным по силе

этим прирождённым воинам — ни мужам, ни жёнам. Волевые, дерзкие, не в меру настойчивые, страстные и, порой, агрессивные, они ведут традиционно суровый образ жизни, противостоят пиратам дальних островов и часто выступают наёмниками во всех конфликтах. Но это не значит, что война для них — единственная цель. Нет. В периоды мира или на склоне лет, когда физическая мощь угасает, арейцы создают прекрасные, наполненные духом Силы предметы. Их оружие и боевые артефакты ценятся куда дороже золота, а их постройки крепки и неприступны, воплощая в своей форме идею непрестанной борьбы. Когда их ало-красные конвенционные одежды встречаются на просторах иных Домов, одним своим видом они внушают уважение и страх. Столица Дома, город Градив, похож больше на бескрайнее ристалище, наполненное звоном стали и вспышками огня, чем на помпезные и комфортные столицы земель других народов. Из северных Домов лишь покрытый тленом Гадес мог назвать Дом Ареса своим «соратником», поскольку смерть — есть извечный спутник войны...

Встретить арейца здесь, в Доме Кроноса, а тем более атакующим, Gs-9 никак не ожидал. Видимо, для качественной маскировки, чтобы никто другой не распознал подлога, арейцы, следившие за поставщиком информации, сняли все защиты от враждебных стихий. Это и стало роковым для второго мага и случайно попавшего в кипящий вихрь солдата сторожевой башни.

Но его явно не хотели убивать. Это можно было сделать и не приближаясь. Он нужен был живым.

— Моё имя Сенар! — услышал Gs-9 громоподобный голос арейца, уже находившегося в нескольких прыжках от него. — Я охотник Дома Ареса. Хочешь жить — не сопротивляйся.

В руках воина уже сверкал «пилум огня» — любимое оружие арейцев для боя на средней дистанции. Плотная раскалённая плазма, сгущённая в продолговатую полуметровую смертоносную пику, вселяла страх и смотрелась здесь, среди тусклой каменной степи, словно луч Аполлона в ночном мраке. Яркие оранжевые блики очерчивали и без того внушительный рельеф сильного тренированного тела, готового драться и побеждать.

Поставщик информации не был слабым. Его обучение в школе Цифры проходило в условиях частых стычек с более удачливыми в магии сокурсниками, а потому он оказался не из робкого числа. Но конечно, с воином-арейцем у него не было шансов.

— Что тебе надо? Мы не воюем с вами! Ты нарушаешь Конвенцию! — выкрикивал Gs-9, судорожно анализируя ситуацию и ища выход.

Арейца это не смутило:

— Куда ты идёшь и зачем? Что ты знаешь про Храм Древних? Отвечай!

На последних словах Сенар уже подбежал к поставщику информации и держал сгусток огня направленным в центр груди. Gs-9 понимал, что тот не оставит его в живых если получит ответы. Открытое нападение на официального представителя другого Дома, к тому же, на задании — равносильно объявлению войны. А значит его убийство будет единственным разумным исходом. Мысли бешено металась в голове, никак не желая выстроиться в план разумных действий. Магия? Щиты? Бегство? Дорожный кинжал? Нет. Всё не то. Всё незначительно и неэффективно перед лицом боевого мастерства противника. Уроки загрузки кристаллов? Опасно. Но это последний шанс. Цифир резко двинулся вперёд, чего совсем не ожидал арец. Пламя «пилума» мгновенно превратило в пыль и лёгкую кожаную куртку, и холщовую рубаху под ней, обнажив висящий на шее поверх кольчужки

перламутрово-прозрачный кристалл памяти.

— Нет! — только и успел выкрикнуть Сенар, слишком поздно осознав задумку врага. Его лицо исказилось ненавистью и яростью.

Острые разрушительного магического огня впились в наполненную мощью структуру кристалла. Стихло всё. Ветер перестал заунывно посвистывать между камней, дыхание и биение сердец противников остановились. Замерло само время. Кристалл памяти, бездонное хранилище, способное впитать историю жизни самих окружающих равнин, жадно пил Силу. Поглощал её, всасывая и не давая возможности прервать своё пиршество. Сначала потускнел и потух «пилум», потом красный оттенок лица арейца сменился на бескровно бледный и стал даже без маски походить на местного жителя. Наконец, артефакт добрался и до своего хозяина, вгрызаясь в самую его душу. Две разнородные энергии Огня и Информации сплелись и взорвались волнами Эфира, отбросив противников на расстояние десятка шагов. Сознание покинуло обоих. Последнее, что увидел поставщик Дома Цифры — мутную облачную дымку, словно сотканную из тьмы. Нет. Из отсутствия света. По форме она напоминала человека в плаще, склонившегося над телом его смертоносного противника.

Верховный Отец Дома Цифры, статный мужчина по имени Кетер, ростом был ощутимо выше среднего и такой же не дюжей силы. В ночь перед началом путешествия Gs-9 по каменистым тропам Дагарока он проснулся от давно позабытого зова. Вставать очень не хотелось. Ощутимая осенняя прохлада уже спустилась со звёздного неба, а прерванный сон не обещал ничего хорошего. Нервно прошагав несколько раз из стороны в сторону по своему кабинету, он подошёл к тонко вырезанной фигуре, изображающей в миниатюре Дерево Цифры, и снял с неё свой фиолетовый живой плащ. «Защита не помешает», — пронеслось в озадаченных мыслях. По очереди нажав на три кирпича в противоположной от дерева стене, он открыл проход на скрытую лестницу, ведущую в галереи подвалов его резиденции, и вошёл в темноту.

Тот, с кем у него назначена встреча, не любит свет. Даже холодный отражённый свет Дианы. Что-то поистине неординарное произошло, раз его собеседник покинул свои северо-западные владения и сам, без свиты своих омерзительных последователей, появился здесь, в цитадели разума. Какими путями он воспользовался — известно только ему самому. Конечно, от главы Дома Гадеса можно ожидать и не таких сюрпризов, но Кетер был в недоумении: как тот проник в его жилище беспрепятственно, не остановленный никакими охранными мерами, даже не замеченный. Сердце его Дома было закрыто и от стихийных порталов, и вообще от всего, что приходило на ум. Капитальная каменная кладка винтовой лестницы темнела по мере того, как хозяин замка опускался всё ниже. Уже на самом дне, куда глубже уровня земли, колодец упирался в один из тайных коридоров бесконечных подземелий Дома Цифры. Там, на фоне правильных блоков стен, покрытых вековой чернотой, стояла белая фигура гостя.

— Приветствую тебя, нетленный Отец Гадеса! — отчеканил сухой глубокий голос Кетера. — Мы не виделись без малого три сотни лет. Я был ещё черноволосым мужем, когда ты пробуждал в моей памяти утраченные картины прошлого. И вот теперь я уже в сединах, а ты всё так же неизменен. В твоих владениях время течёт иначе.

Северо-западный Дом Гадеса, лежащий по левую руку от Дома Кроноса, перед Домом Зевеса, всегда вызывал смятение даже в душах глав других Домов, пугал и настораживал их. И Кетер не был исключением. Его жители, нелюдимые молчаливые гади, с иссиня-белой кожей и мягкими пепельными волосами, не могли воздействовать иначе. Кроме арейцев, пожалуй, только адепты Кроноса, делившие с гади север Миглаха, находили их существование естественным. К тому же, и стихия Земли не конфликтовала с Домом Гадеса, а потому кронианцы не опасались их, хотя и не искали особой близости. Гади так же не настаивали в дружбе, предпочитая общению с остальными народами уединение своих подземных келий и магию всепоглощающего праха.

Нет в известном мире ничего бесконечного. И неминуемый финал, будь то переход в иную форму или окончательное слияние с Океаном Теней, ожидает всё без исключения. Дом Гадеса объединил тех, кто ощутил себя связанным с энергией Смерти. Никто не знал пределы возможностей этого Дома. Представители его правления хоть и входили в Верховный Совет, но на том их общение с остальным населением Миглаха заканчивалось. Лишь изредка, по крайней необходимости, пересекались пути его угрюмых жителей с другими. Поговаривали, что магия гади возвращает ко второй жизни мёртвых, которые

выполняют всю работу для Дома, что их столица, город Флегетон, и его школа стоят на гигантском древнем месте погребения, выросшем во времена Старого Мира ещё до Параклаза. Что последователи Гадеса стянули туда и захоронили бесчисленные миллионы трупов, оставленные этой катастрофой. Ходили легенды, что Верховный Отец Гадеса по имени Маркар — никто иной, как сам Первый Отец этого Дома, создавший его и проживший тысячи лет, познав тайну смерти. Но никто из говорящих не знал этого наверняка и Дом Гадеса оставался самым таинственным и пугающим из всего разнообразия Миглаха. Даже их конвенционная одежда несла цвет, чёткого имени которому не существует. Её можно было описать, как не имеющую цвета вовсе, словно ты смотришь на неё и явно видишь серый, но в тот же момент понимаешь, что это и белый, и чернявый, и даже синий одновременно, после чего ты оставляешь тщетные попытки распознать его и твоим глазам предстаёт покров цвета, которого нет. «Смутного цвета», как говорили об одежде гади в школах, при изучении природы больших Домов.

И вот, этот самый Маркар, в смутном плаще на почти голое тело, не чувствующее ни жары, ни холода, стоял перед Кетером собственной персоной в подземном тоннеле Дома Цифры. Белая кожа, покрытая живым полотном, и не защищённая доспехами, отливала мертвецкой бледностью — она явно не видела свет Аполлона многие сотни лет. Одно его присутствие сковывало всякую волю к жизни.

— Мои приветствия, мудрый Кетер, — произнёс Маркар и сырой холод распространялся с каждым металлически-хриплым звуком его голоса. — Совсем немного времени прошло, а ты действительно седой. Периоды жизни Отцов сокращаются. Мне это хорошо видно. Но я пришёл не просто увидеть тебя.

— Несомненно, — кивнул в ответ глава цифиров.

— Я пришёл к тебе сам до общения с другими, потому что знаю — ты затеял игру с неизвестными тебе силами. Снова? Ты, видимо, уже не помнишь, что мы играли так когда-то. И в прошлый раз мы едва не отправились в вечные просторы моей нынешней вотчины. Зачем? Чего тебе не хватает? Что ещё ты хочешь получить, кроме того, что уже имеешь? Весь мир? Власть над всеми Домами? Ответь мне, ведь ты знаешь, что меня не интересует ни то, ни другое. И вообще ничто в этой реальности.

Кетер задумался. Несмотря на всю его мудрость и бесчисленные потоки информации, несмотря даже на голос Силы, с которым советовался, он понимал далеко не всё из того, о чём говорил его собеседник. Но выдавать пробелы в своём знании он не хотел.

— Ты предлагаешь союз? — прямо спросил Кетер, решив не скрывать своих намерений, — я не враг никому, Маркар. И власть над всеми — не моя цель, хотя, ты знаешь, я от неё не откажусь, если к тому всё придёт. У меня иные мотивы и они распространяются куда дальше мелких политических дрызг. Ты помнишь времена до Параклаза?.. Помнишь Всеотца? — добавил он, делая вид, что степень его осведомлённости выше, чем есть на самом деле.

Показалось, что на бескровном лице собеседника вспыхнула краска.

— Конечно же. Ты многое узнал, — голос Маркара утратил металл и стал, скорее, мечтательно-задумчивым, — а мне узнавать ничего и не требуется. Я помню каждое мгновение и тех времён, и тысяч лет, прошедших после. Ведь мне не нужно, как прочим Отцам умирать и перерождаться, теряя части себя. Я и так наполовину мёртв. Я помню всё.

Глаза Кетера загорелись надеждой, и он отбросил напускную браваду:

— Значит никто лучше тебя не сможет сказать: что Он такое? И был ли наш мир частью

чего-то большего? Исследования моего Дома и те части памяти, которые я всё ещё храню от прошлых воплощений, привели меня к выводу, что Всеотец был не один. Были и другие, подобные ему. Я уверен. И были не только они, не так ли? Были многие существа, с которыми тысячи лет назад мы жили бок о бок. Где они? После Параклаза, после падения Всеотца, всё изменилось, ведь так? Больше не появлялись ни ему подобные, никто вообще. А мир задыхается, теряя с каждым годом силу жизни. Мы все теряем её — ты и сам видишь, как быстро мы стали стареть. А что дальше? Мы, как будто одни. В пустоте...

Маркар, обычно терпеливый, перебил собеседника:

— Останови свои рассуждения. Ты понял далеко не всё. У меня мало времени. Твои выводы во многом верны, Кетер. Были и другие. Одних мы называли Богами, других — соратниками, третьих — врагами, четвёртые не имели имён. Я не знаю всех, в те времена я не был проклят бессмертием, но я помню, что всё это действительно было. Наш мир часть Плеромы — бесконечного универсума, условно разделённого на сегменты, «эоны», заполненные множествами миров. Миров высших, низших и равных нашему. Все они заселены разумными существами разной природы. Но нам теперь нет туда дороги.

— Но почему же ты молчал раньше? Почему мы не работали над выходом из этой ловушки? Разве тебе, бессмертному, не претит сидеть взаперти? Почему?

— Потому что и прочие стали бы искать выход, — произнёс бледнолицый глава всех гади, — Потому что цена выхода нам не по карману. А ты, как я теперь понимаю, именно этим и занят. Будь осторожным в своих поисках. Ты можешь найти то, что тебе не понравится.

С этими словами Маркар подошёл к стене, лёг на неё и слился с камнем, оставив после себя привычный холод и привкус тлена.

«Мы увидимся вскоре, повелитель Информации, у меня будут новости» — ощутил напоследок уже не слова, а мыслеформу Верховный Отец Дома Цифры.

Когда Gs-9 начал приходить в себя, сменяя чувство жажды желанием не просыпаться вовсе, прошли сутки. Полдень уже покидал эти земли, а тени мрачных камней Дагарока выползали из-под их оснований. Ломота и жар наполняли каждый сустав его тела. Пересохшее горло издавало хрипы при каждом коротком вдохе, сулившем нестерпимую боль в том месте, где недавно висел спасительный кристалл памяти. Его тело требовало немедленного лечения. Цифры могут ограниченно работать со всеми Стихиями, первоэлементами, неразумными силами, которые не чувствуют и не ощущают, которым без разницы какую энергию на что менять. И откатов такие действия не сулили. Поставщик информации попытался «заземлиться» — провести несложный ритуал обмена с наиболее плотной стихией — Землёй, отдать ей боль и взять взамен жизненную силу. Он сконцентрировался, отрешился от реальности и, не успев удивиться тому, как легко ему удалась медитация, прежде требовавшая усилий, поразился повторно. Но уже неприятно. Земля не ответила ему. Ничто ему не ответило. Попытавшись сродниться с ней, он не ощутил той холодной, сухой, стабильной и уверенной энергии, которой дышала стихия Земли. Монолит тверди казался пустым и безответным, будто и не было в нём привычной жизни.

Gs-9 вернулся в состояние пустоты и покоя, направив свой разум к стихии Воды. Ритуал «омовения», позволявший смыть с себя все разрушения, слившись с холодной влажностью Воды, трансформировать себя, став одним целым с её мягкой неопределённостью, был несколько сложнее, учитывая более тонкую структуру этой энергии. Но ответа поставщик информации не получил. Живительная изменчивость Воды не откликнулась на его старания.

Он попытался «проветрить» себя, что было ещё сложнее, сойтись с ещё более тонкой стихией Воздуха и выдохнуть боль с повреждениями, вдохнув чистоту и лёгкость... Но и в этот раз его постигла неудача. Ни тёплой влажности, сопровождающей Воздух, ни безграничной свободы он не получил в ответ.

«Вероятно, место схватки, погашенное Кристаллом, замерло», — подумал он. Это было возможным. Так происходило, когда мастера Цифры гасили проявления магии, но было странным для Gs-9, никогда не достигавшего таких умений.

Обращаться к агрессивному и страстному Огню не было смысла после произошедшей драки с его адептом. Оставался Эфир. Он не гаснет, поскольку сам есть первоэлемент для всех прочих Стихий, объединяя в себе враждующие противоположности и порождая их. Он своенравен и непокорен, наделён зачатками сознания. Он вездесущ и наиболее тонок. Школа Цифры учила работать и с ним, пусть не так активно, как адептов Дома Зевеса, чьим машинам Эфир покорился, но учила. Поставщик информации сконцентрировался так, как ему не удавалось даже на экзамене в школе города Ацилут, в идеальных условиях и в окружении своих сородичей... Нет. Ничего. Зияющая пустота, как будто и не существовало привычных с детства Стихий. Будто резко не стало ничего, кроме безжизненной молчаливой материи.

Gs-9 открыл глаза. Пустые глаза пустого человека в мире, наполненном Магией.

«Что же будет со мной теперь?» — Пронеслось в голове, когда боль начала постепенно отдавать бразды правления рациональному рассудку цифира. — «Звуки тихие. Внутри пусто. Свет тусклый. И холодно. Дико холодно.» — Мысли путались, но удары крови в висках,

отдавали волнами боли и заставили собраться. — «Неужели я пуст? Значит вот так они чувствуют себя... Как такое возможно?!..»

Правила всех больших Домов имеют очень строгие установки на этот счёт. Горе тому, кто не проявит в процессе обучения никаких способностей. Такие случаи, хоть и редко, но встречались в школах Домов. Например, это могло произойти в результате рождения детей от родителей разных народов, что безоговорочно осуждалось Советом. Дети-полукровки не всегда рождаются «пустыми», но их способности обязательно оказываются невнятные и непредсказуемы, плохо поддаются контролю. Бывают и другие, менее объяснимые причины появления «пустых» — такие вопросы учёные каждого Дома не оставляют без внимания. Но однозначно одно: быть «пустым» на территории больших Домов — это страшная неприятность. Таких людей ждала судьба изгнанников, либо они сами покидали свои Дома, убегая от чёрной работы и всестороннего презрения. Большинство из них вынуждены были искать своё место на островах и архипелагах, обильно окружающих Миглах. Кроме девяти больших Домов, основанных Первыми Отцами, есть и другие, менее значимые, которые только называли себя «Домами» и сформировались позже на кусках суши вокруг основного материка. Это и беспринципный Дом Автолика, промышленявший, в основном, убийствами; и Дом Нерида, чьи последователи практически не сходили на берег, предпочитая земным перипетиям морские просторы; и Дом Тифа, который за его кровавые ритуалы избегали даже бесчувственные гади; и ледяной Дом Хионы, вынужденный прятаться от невыносимых для его адептов лучей Аполлона в пределах Ледового Океана, в местах вечной ночи; и многие другие, чьих имён Gs-9 мог даже не знать. Все они жили по своим законам, не входя в Конвенцию больших Домов, хотя последние нередко взаимодействовали с ними, привлекая к решению спорных и щекотливых вопросов. Эти малые Дома отличались лояльностью и становились прибежищем как для «пустых», так и для беглых магов, вынужденных по каким-то причинам покинуть свою Родину. Ходили ещё легенды о том, что далеко за глубокими и беспокойными водами Мирового океана, куда не могли доплыть даже искусные мореходы нериды, есть ещё один Великий Дом, превосходящий в совокупной мощи все большие Дома Миглаха. Ему приписывали невероятные свойства и верили, что сила его происходит из пустоты и стремится повергнуть весь мир в Ничто. Дом Хаоса. Его имя произносили шёпотом, боясь призвать несчастье или бдительную стражу. Само собой, на самом деле никто ничего не знал о нём. Впрочем, среди цифиров считали, что его существование — это страшная сказка, которой бывалые члены Домов пугали юных соискателей и своих менее разумных собратьев.

И вот теперь, оказавшись, возможно, «пустым», Gs-9 предсказуемо боялся за свою дальнейшую судьбу. Но если «пустота» означала трудности, то невыполнение задания архоса вполне могло окончиться и казнью. Прекрасно это понимая, он отложил на время мысли о том, чего изменить не в силах, и принялся искать свой рюкзак. Боль не утихала, а магия была недоступна, значит пришло время средств, от неё не зависящих.

Осмотревшись кругом, поставщик информации понял, что следов его недавнего противника нет, а походные вещи лежат аккуратно сложенными возле того места, где он очнулся.

«Что? Я точно не мог этого сделать. Я был не один? Та тень, которую я заметил, теряя сознание. Кто бы это мог быть?..»

Закутавшись в покрывало, он достал флягу и несколько флаконов из тонкого кованного металла с маслянистыми жидкостями. Из открытых бутылочек полился мягкий сладковатый

насыщенный запах южных трав. Такой могут издавать только эссенции, приготовленные и заговоренные мастерами Домов для походных аптек своих адептов. Каждая эссенция заряжена своим уникальным набором качеств, из которых пользователь собирал нужную конструкцию зелья. Gs-9 наслаждался ароматом, вдыхал его, и головная боль, повинувшись вложенным в зелья заклятиям, отступала. Магия действовала на него. Более того, она действовала несравненно быстрее и эффективнее, видимо, не встречая внутреннего сопротивления пациента.

«В этом состоянии есть и свои плюсы», — пронеслось в слегка захмелевшей голове.

Приготовив исцеляющий напиток, соединив нужные пропорции определённых эссенций, и выпив его, Gs-9 быстро ощутил ласковый тёплый дурман и снова погрузился в глубокий сон.

Странный сон для цифира. Привычные абстрактные сновидения, наполненные размытыми образами, геометрическими формами, непонятными категориями и стройными цепочками связей между формальными событиями — всего этого не было. На этот раз всё казалось ярким, чётким, насыщенным цветами и... чувствами, ЧУВСТВАМИ, палитры которых была столь мало знакома ученикам школы Цифры. Эмоции нарастали, как ветер во время урагана, и в один момент их концентрация превысила все разумные пределы. Gs-9 ощутил подобие взрыва. Воображение сна, не скованное условностями сознания, вырвалось из спящего тела, заметалось из стороны в сторону, взвилось по спирали вверх и понесло его вдаль. Над островом, над Дагарокским заливом, минуя пустынные каменные равнины неприветливых северных земель, через заснеженные шапки гор. Скорость полёта безудержно росла. Вот уже где-то по левую руку проплывало бесконечное тёмно-зелёное море деревьев Кариатидских лесов. Сон уносил его далеко на Юго-Восток.

Приближался Дом Гадеса, вызывавший в душе цифира обоснованную неприязнь и страх. Его земли всегда прятались под мрачными тяжёлыми облаками, закрывавшими бескрайние просторы территорий гади от губительных для них лучей Аполлона. Он не отразился в памяти и проскользнул мимо с неистовой быстротой. Сбоку заблестели в полуденном свете белокаменные дворцы центра Миглаха, величественного Омфала, который стоит на берегу огромного внутреннего Центрального моря. Gs-9 нёсся, буквально задыхаясь от переполнявших, неведомых раньше эмоций.

И вот, он уже летит над землями зевитов — филигранных мастеров, сникавших славу и почтение других народов, покоряя энергии мира, создавая невероятные машины и механизмы, объединяющие науку и магию. Даже колоссальная скорость, с которой сон переносил поставщика информации к неведомой цели, не помешала ему восхититься результатами труда инженерной мысли. Идеально гладкие участки местности, часто встречавшиеся между лесов и скал, заполнялись стройными рядами ровных, без излишеств, домов и производственных площадок, сплошь утыканных трубами, дымящими заводами, шахтами и железными дорогами.

Но и этот Дом он пролетел без оглядки. Путь сознания Gs-9, влекомого таинством сна, лежал дальше — к вожделенному пристанищу ценителей всего возвышенного и прекрасного. К венетам. Дом Венеры населяли красивые, пропорциональные, светлоликие люди, с густыми волосами от тёмно-каштановых до жёлто-белых цветов, с кожей, похожей на атласный бархат, лоснящийся под лучами обоих светил. Мало кто в мире, пожалуй, кроме хладнокровных гади, не подвержен чувству любви. В арейцах она пробуждает всепоглощающую страсть или дикую жестокость, в герметах — дух великого авантюризма

или нижайшую подлость, в аполонитах — высочайшее благородство или неистощимую гордыню, в кронианах — глубочайшую мудрость или желчную злость, в цифирах — созидание прекрасного или серую скупость, в зевитах, жителях девятого Дома Зевеса, — самопожертвование и триумф или тщеславие и похоть. И эта мягкая грандиозная сила, трансформирующая всех и каждого, сосредоточилась в руках венетов. Они управляли магией чувств и стихиями Воды и Земли, избегая губительных для них потоков Огня и Воздуха. Как доблестные арейцы воплощают в себе радикально мужское начало, так и венеты стали олицетворением начала женского. Счастье и гармония, любовь и милосердие, уют и страсть, доброта и исцеление — вот качества, приходящие на ум при виде зелёных плащей Дома Венеры. Сама природа подвластна им и венеты в полной мере раскрывают потенциал своего Дома, украшая поэтически прекрасными садами границы занимаемых земель. Пожалуй, сады Венеры — это единственное место, давно побывав в котором, Gs-9 никак не хотел уезжать обратно. И никто не хотел. Парадоксальный магнетизм, словно необоримый приворот, сковывал сердце всякого, кто ступал на землю Дома Венеры. Кроме служителей Гадеса, конечно. Но прекрасные венеты даже с ними, как и со всеми прочими Домами, всегда были в добрых отношениях.

Во сне проносился взор поставщика информации над бескрайними лесами цветистых деревьев, изредка ловя отблески озёр, берега которых усеяны пляжами и лёгкими шатрами пастельных тонов. Его бег замедлился. Он видел множество прекрасных фигур в лёгких зелёных одеждах, беззаботно веселящихся на лугах, окружающих разбросанные поселения. Деревянные дома и виртуозные терема, превосходящие гармонией и тонкостью замки прочих Домов. Красотой дышал каждый дюйм этой земли. Красота рождалась здесь и обретала Силу.

Сон свернул правее и понёс Gs-9 к центру этих владений, вдаль от помпезного Омфала, в сторону столицы Дома Венеры — блистательного города Бербея. Только в этот момент он полностью осознал, что спит. Он знал, конечно, об особых состояниях, в которых адепты некоторых других Домов, в особенности Дианы, могли жить во сне такой же сознательной жизнью, как и в реальности. Таким образом они изучают и познают бесконечный мир сновидений. Однако цифирам, как, в прочем, и угрюмым кронианам, и суровым арейцам, этот дар был недоступен. А сейчас он понимал, что спит. Великолепие окрестностей Бербея, в которых он никогда не был и к которому его несла неудержимая сила сна, заставляло цепенеть. В предместье столицы, в одном из амфитеатров школы Венеры он заметил ярко-белую точку, от которой будто исходит тёплый свет. Одну среди множества зелёных плащей учениц школы, с воодушевлением слушавших чьё-то выступление. Точка приближалась, обретая точёную фигуру молодой девушки в ярко-белых одеждах с накинутым поверх них зелёным плащом, собранным сзади. Gs-9 уже подлетел настолько, что можно было рассмотреть не свойственные венетам чёрные волосы и уши... слегка заострённые уши молодой девушки, рождённой в Доме Дианы. И только он успел задаться вопросом: что могла бы делать здесь, в школе Венеры, дианита, та повернулась. Она настороженно бегала глубокими чёрными газами по пустому пространству в небе над амфитеатром, пока не впиалась испуганно-удивлённым взглядом в нежданного гостя.

Это действительно была дочь проницательного Дома Дианы, земли которого лежат на севере, с восточной стороны от Дома Кроноса. Дианиты — бледные и высокие, как все северяне, в длинных сребротканых или белых одеждах, с чёрными волосами, которые они любят закладывать за удлинённые уши, подчёркивая последние, словно отличительный знак

превосходства. Всегда спокойные и утончённые, они — мастера пророчества, интуиции, подсознания и чтения мыслей, чьей воле подвластна Вода. Природа их близка народу венетов, но если вторые олицетворяют любовный и страстный аспект женской энергии, то дианитов наполняет мягкая, умиротворяющая её сторона. Они чувствуют Магию во всех, даже самых незначительных проявлениях, а те, кто обладает высоким потенциалом — получили возможность и полностью гасить её, превосходя в этом искусстве любой из других Домов. Но главный их дар в пророчестве. В отличие от способности Дома Кроноса предугадывать грядущие события, основанной на искусном знании закономерностей, последователи Дианы полагаются на тонкое интуитивное чувство потоков, наполняющих Миглах. Зачастую это даёт куда лучшие результаты. Город Менна — столица адептов ночного светила, прорезает остроконечными шпилями холодное северное небо. Его нельзя назвать уютным. Он похож, скорее, на величественный бескрайний соборный комплекс, чем на место жизни людей, что в полной мере отражает возвышенно-отстранённое отношение дианитов к жизни. «Плыви по водной глади вместо ходьбы по острым камням» — звучит один из главных аллегорических принципов Дома Дианы. И в этом вся их суть: ни за что не цепляясь, ни к чему не привязываясь, игнорируя обычные понятия целей и стремлений, они действуют по наитию и предчувствию, ими движет интуиция и единение с Силой, а не логика и разум, так что другим народам они часто кажутся капризными и непостоянными. При всей этой отрешённости, дианиты в большей мере, чем прочие Дома, чувствуют родство друг с другом. Даже традиция передавать детей на долгие годы в школу, которая практикуется во всех больших Домах, в землях Дианы, воспринимается не обязанностью, а даром внутри одной большой семьи.

И вот сейчас, в благословенных землях Венеры, на проекцию сна поставщика информации, невидимую для всех остальных, смотрела она — дочь Дианы. Первый лёгкий испуг сменился увлечённой заинтересованностью, а жгучие пытливые глаза сузились игривым прищуром. На бледно-мягком юном лице даже проступил тонкий румянец. Она встала со скамьи амфитеатра, направившись в ту сторону, откуда с восторгом и ещё каким-то незнакомым ранее чувством смотрел на неё Gs-9. Девушек в Доме Цифры не так много, да и те славились больше несравненным искусством беседы, чем женственным изяществом, а сейчас цифир любовался ей именно как женщиной. Пока полы венерианского плаща не сомкнулись, скрывая прочие одежды, взгляд Gs-9 приковало молодое, сильное, не свойственное обычно детям Дианы тело. Девичьи выраженные формы облегал почти невесомая ткань серебристой тоги и казалось, что под мантией почти ничего нет.

Происходившее на сцене перестало волновать дочь Дианы. Она шла осторожно, вкрадчиво, словно кошка по чужой местности, едва касаясь босыми ногами нагретого полуденным светом камня, а сновидческое сознание так и продолжало висеть на месте в замороженно-восхищённом ступоре. Длинные распущенные широкими волнами волосы поддерживали две тонкие косички, сплетённые по обеим сторонам лица от висков до затылка, где их соединял перламутровый полумесяц, направленный, словно чаша, рогами вверх. В двух десятках шагов от амфитеатра начинался редкий перелесок усыпанных белыми цветами деревьев, чей сладкий нежный аромат дополнял и без того идеалистическую картину. Gs-9 наконец был свободен от невидимой силы, притянувшей его на это место, и мог передвигаться сам, хотя давалось это весьма сложно и со стороны могло выглядеть неуклюже. Ему нестерпимо захотелось приблизиться к девушке, и он продирался к цели сквозь воздух, как через течение полноводной реки. Та в свою очередь уже остановилась,

села на траву и начала плавно раскачиваться из стороны в сторону, ритмично напевая что-то неразборчивое. Она входила в транс. Стройное тело обмякло и аккуратно спустилось на землю. В тот же момент поставщик информации услышал по-детски нежный, высокий, но в то же время глубокий певучий голос:

— Остановись, незнакомец, — произнесла прекрасная дианита. — Ты в мире грёз ведёшь себя, как новичок. Меня зовут Лаянна. Я будущая провидица Дома Дианы и здесь в гостях на обучении у сестёр из Венеры. А ты кто? Никак не могу понять из какого ты народа.

Gs-9 хотел представиться, даже пошутить, но слова не клеились, будто рот был заполнен вязким мёдом. Выходило какое-то неразборчивое мычание.

— Ого! — в замешательстве воскликнула Лаянна. — Ты что же, вообще впервые в таком сне? Тогда как ты здесь оказался? Ты же явно не из венетов. Наполнен Силой, чью стихийную природу я не узнаю, — с этими словами она так мило улыбнулась, что поставщик информации почувствовал огонь внутри, — Я совсем не чувствую твоего народа... Позволь я приближусь. Не двигайся.

Лёгким облаком образ в серебристых одеждах, уже без зелёного плаща, проплыл несколько метров, отделявших лежащее на земле тело от сознания Gs-9. Лаянна коснулась образа и резко сменилась в лице. Холодная дрожь пробежала по ней. Глубокие антрацитовые глаза вспыхнули насыщенным зелёным цветом, заискрились слёзной поволокой, но не отрывали взгляда от глаз гостя. Губы судорожно сжались. Даже голос сменился, стал ниже и тише, перешёл на шёпот:

— В тебе намешано всё и ничего нет, ты как будто пуст, но чем-то наполнен до краёв... О, защитница Диана! Кажется, я знаю КТО ты. Пророчество... Матери видели тебя...

Она метнулась в сторону, буквально исчезнув в том месте, где была, и мгновенно появившись поодаль, но так, чтобы можно было общаться без усилий. Подняла ладони к собеседнику и тот почувствовал холод мощного защитного заклинания дианитов.

— Я не несу зла, — смог, наконец, произнести Gs-9. Вяло, неумело, но вполне разборчиво, — я не знаю, как я здесь... Ты сказала, что я во сне? Меня сюда притащило что-то, — оправдывался он, не понимая странную реакцию столь прекрасного создания. И добавил, пытаясь вложить в слова нежность, но они всё равно звучали, как разговор под водой, — я хотел бы узнать... Я никогда не чувствовал ничего подобного. Меня зовут Gs-9, я цифир и моё задание пошло не по алгоритму...

Он хотел было сократить расстояние, но Лаянна чуть повела руками и воздух вокруг сковал его, словно камень.

— Я знаю, что ты ещё ничего не понимаешь, но наш Дом видел пророчество о тебе — мы читали это будущее, смотрели на то, что ещё только должно произойти. Ты — нежеланный гость, но неминуемый рок. Ты можешь и не знать, и не хотеть, ты ничего не изменишь — ты сосуд, который наполнят боли этого мира. Прости, что я говорю это. Тебе здесь не место, — закончила дианита и добавила с нежной грустью, — Прости, бедный мой гость...

Вспышка белого света. Удары сердца, резь в глазах, жар, сменивший холод окаменевшего воздуха, и липкий пот, покрывший всё тело. Пробуждение после лёгкого и сумбурно-волнительного путешествия наполнило Gs-9 ярко ощущаемым дискомфортом. Так пришёл в себя на твёрдых камнях Дагарока лишённый магии поставщик информации. Дул привычный сырой ветер, гоня по голой неровной поверхности земли облака пыли, неприятно контрастируя с только что покинутым великолепием садов Венеры, наполненных

ароматом цветов, ярким теплом Аполлона, щебетом птиц и памятью о прекрасной юной дианите.

Прошло не более часа, но снадобья исправно сделали своё дело, излечив полученные раны. Мысленно поблагодарив составителей эссенций и собрав вещи, он продолжил свой путь, вернувшись к заданию, от которого, как он считал, могло зависеть очень многое в алгоритме Дома Цифры. И думать так он имел все основания, поскольку мечты о переменах в однообразной и размеренной жизни поставщика информации воплотились за этот странный день стократно.

Он шёл выполнять задание, окружённый каменистой пустошью, а перед глазами стояло только милое лицо прекрасной дочери Дианы, в ушах звенел её незабываемый голос... и пугающие слова, сказанные ею.

Высоко в тёмные туманные небеса, застилающие, по обыкновению, земли Дома Гадеса, поднимаются остроконечные макушки храмоподобных строений гади. Но ещё больше в глубь земли уходят бесконечные лабиринты их нор. Широкие просторные арки коридоров, вымощенные кубиками обожжённой дочерна и отполированной до зеркального блеска глины, освещаются жуткими огнями равномерно развешанных ламп. В их горнилах вечно томятся обезличенные неразумные остатки душ убитых когда-то врагов Гадеса.

В изголовье огромного купольного зала, за столом, над ворохом старинных пергаментов с истрёпанными краями, сидел вычеркнутый из списков смерти Маркар. Верховный и он же Первый отец Дома предпочитал замкам на поверхности своё подземное логово. Он давно перестал жить в том смысле, какой видели жизнь другие люди Миглаха. Его бесконечная память хранила каждое мгновение десяти тысячелетий нового мира. По этой причине такие чувства, как надежда, радость, ожидание или интерес, давно покинули его разум. Но теперь, после разговора с Верховным Отцом Дома Цифры, искра веры в новую возможность ощутить привкус позабытых эмоций загорелась в чертогах его мрачной природы. Кетер, которого он знал в десятках иных воплощений, так неожиданно сейчас удивил его.

«Клиодна!» — мысленно призвал он к себе одну из первых помощниц, архоса касты Дзуликих. Под её началом служили лучшие воины, специалисты по особым поручениям Дома Гадеса. И они не ради красивого слова носили своё имя. Их тела, изменённые силой Смерти, могли жить в двух мирах. В нашем, материальном, это были страшные противники, чьё мастерство боя за неестественно долгую жизнь оттачивалось до совершенства. При переходе в иную реальность, в область успения, их мирские тела становились густой облачной дымкой, сотканной из поглощающих свет и саму жизнь миазмов — энергий настолько тонких, что даже стихии, кроме всепроникающего Эфира, не могли воздействовать на них в таком состоянии.

Клиодна не заставила себя ждать. Молодая на вид, но со старческим взглядом, внешне приятная по сравнению с большинством других гади, она шла, словно не касаясь пола тронного зала своего повелителя.

— Моя посланница, Захария, — начала она без лишних в Доме Гадеса приветствий, — нашла того, о ком Вы говорили. Этот цифир оказался с сюрпризом. Он уложил местного гвардейца и двух огненных гончих Ареса. Причём, одного — из элитных. Тренированного, закалённого, полновесного боевого мага. Сенара. Вы же помните его... Но, как мне доложили, цифир опустел при этом. Разве такое вообще возможно? Разве рождённый магом может стать пустым?

— И не такое возможно, отрада очей моих, — задумчиво произнёс Маркар. — Я говорил с Кетером. И читал его душу. Он не просто так послал в Храм Древних своего поставщика. Он, похоже, вычислил, что там сосредоточен ответ на его поиски, но не помнит, что там произошло. А я помню. Собирайся в путь. Возможно, Захарии потребуется больше, чем то, на что она способна. Теперь вот и арейцы там оказались. Хорошо хоть Верховный Отец крониан сейчас не у дел — Лабрис умирает и не обратит внимание на происходящее в его землях.

— Захария заверила меня, что арейцы не знали о целях молодого цифира, — возразила седовласая дева. — Они пытались сами выпытать у него это.

— Возможно... — Задумался Маркар. — Воины прямолинейны и бесхитростны. Иди тропами успеха, смертоносная Клиодна. Постарайся успеть через день до рассвета. Следи за цифиром. Запоминай каждый его шаг. Он не сможет, конечно, сделать ничего серьёзного. Весь наш Верховный Совет, даже в полной памяти, вряд ли смог бы. Но эту ситуацию нужно держать под контролем. Если посчитаешь нужным — верни его душу в Океан Теней.

Тем временем проходная дорога давно закончилась, и поставщик информации шёл, сминая сухие полевые травы, ориентируясь на висящий над головой огненный шар Аполлона и периодически выскакивающие по правую руку блики залива. Почти пять лиг пешего хода от деревни Мокрая подошли к концу. Gs-9 впервые увидел своими глазами знаменитые развалины Старого Мира с острова Дагарок, о которых все слышали, но в границы которых воины города Анциломета не спешили пускать всех желающих. На этот раз заинтересованному путнику, как ему казалось, удалось пройти к ним без лишних свидетелей. Слухи о строениях неизвестных архитекторов явно распускались теми, кто не был в этих краях и не видел их сам. Когда Gs-9 достиг вершин одной из возвышенностей, его взгляду открылась невероятная картина: холмы по периметру скрывали огромную широкую вогнутую долину в треть лиги поперечного хода со странным сооружением, словно свеча, стоявшим в центре.

Прямо под его ногами на три четверти зарытый в земле лежал большой кусок колонны. Хотя, такое определение и было весьма условным, ведь кусок этот вполне сопоставим с маленьким одноэтажным ремесленным домиком кого-нибудь из городских мастеров. Посланник Дома Цифры даже заподозрил, что выцветший от времени, изъеденный ветрами и дождями материал колонны тот же, из которого отстроена добрая часть Анциломета. Сложно было даже представить какой немыслимый катаклизм оказался способным сотворить такое: схожие детали взгляд встречал по всей долине. К периферии реже, а к центру всё гуще. И там, и тут, где полуприкопанными, а где и поверх прочих, валялись куски чего-то циклопического, массивного и поистине величественного. В самом центре плоскодонного углубления, в котором местами даже не виднелась почва под нагромождением осколков, располагались причудливые руины похожие на громадный термитник. Массив белой, как мел, скалы казался единым с остатками почерневшего строения, части которого живописно украшали плато долины. Даже теперь, когда на месте грандиозного сооружения оставалось не более сотой его части, просматривалась многоуровневая система. В ней тело скалы контрастно переплеталось с участками искусственных элементов, словно выросших из неё, а не созданных руками древних зодчих. Gs-9 на какое-то мгновение просто перестал дышать — столь захватывающим был открывшийся вид на долину. Он невольно представил, что этот храм (ничем другим, кроме бывшего храма, он не мыслил увиденные руины) непременно превосходил в своё время дворец Верховного Совета Домов города Омфал. А тот по праву считался образцом высокого современного искусства. От этого ещё более странным было найти его здесь — на краю мира, в окружении промозглых пустынных земель.

Но дневное светило уже стремилось к закату, а задание, выданное архосом клана Информации, ещё требовало исполнения. Посланник Дома Цифры двинулся к центру долины, обходя разбросанные неведомой силой куски каменного исполина. Тот, кто написал задание, похоже, посещал это место. Подобравшись почти вплотную к массиву скалы и обойдя его с южной стороны, Gs-9 обнаружил в нагромождении чёрных валунов едва различимый проход в половину человеческого роста, ведущий внутрь каменной тайны. С трудом протиснувшись вдоль узкой расщелины, поставщик информации оказался в просторном вытянутом вверх на два десятка метров коническом зале. Общее запустение,

сплошь усыпанный крупными валунами и мелкой каменной крошкой пол, и слой пыли в два пальца толщиной говорили о том, что этим местом давно никто не интересовался. Местами помещение освещалось лучами Аполлона, которые пробивались то из остатков окон, то из крупных трещин, свидетелей фатальной гибели храма. Внутренняя отделка удивляла не меньше наружных размеров: от пола до арочного свода все стены были испещрены вырубленными в камне и покрашенными, полуистлевшими картинами. Одни изображали, по видимости, процессы и ритуалы, которые совершали бывшие хозяева башни, другие переносили наблюдателя в неведомые места и знакомили с моментами далёкого прошлого. Задokumentировать строго определённую часть из них и было заданием Gs-9.

Когда он покидал свой тихий временный приют не самой дружелюбной гостиницы, то и не догадывался, что работы у него будет куда больше, чем можно осилить за пару дней. И тем более представить себе не мог, что одну из ночей придётся провести под сводами стен, помнящих крах прошлой цивилизации. Но спальный мешок из лёгкой и тёплой шерсти, с какими не расставались северные кочевники, он предусмотрительно взял с собой. Наскоро приготовив место для будущего ночлега, адепт Цифры принялся изучать живопись древних мастеров.

Образы жителей прошлого завораживали. Сотни их. Высокие и стройные, даже по меркам дианитов, неестественно красивые, они заполняли всё пространство по периметру вокруг наблюдателя. Gs-9 начал искать нужный ему фрагмент, о котором в задании говорилось следующее: «фиксация использования девятью операторами чёрного кубического артефакта с белым свечением от него».

Задача оказалась не из простых. Мало того, что краски померкли от времени и частично осыпались, к тому же и множество трещин покрывали больше половины поверхности фресок. Где целыми прогалинами размером с окно, а где лёгкой тонкой паутиной сетью, глубокие рытвины искажали картины.

Время шло. Минуты складывались в часы и свет Аполлона уже прятался за горизонтом, когда последователь Дома Цифры понял общую систему, в которую складывались древние рисунки. Они двигались по кругу слева направо, отделяя узкие временные промежутки линиями узорчатой вязи. Похоже, что хозяева этого места запечатлели значимые для себя вехи истории. События каждого промежутка располагались от пола к потолку. Нужный ему элемент Gs-9 обнаружил не сразу. Он находился между странной процессией девяти людей, похожих на жрецов, обступивших сгусток света по очертаниям похожий на человека, но выше всех окружающих в полтора раза. Они, то ли конвоировали его, то ли были его почётной свитой. Далее, чуть выше, находились две крупные фигуры из света, по очертаниям похожие на мужскую и женскую, с ярким чёрным кубом. На следующей картине, выше, стояли уже девять обычных людей, изображённые под высокими сводами, похожими на само помещение с фресками. Каждый положил правую руку на куб, от которого энергия лучами расходилась далеко за пределы рисунка. А ещё выше сквозь наросты мха виднелось изображение огромного красно-фиолетового шара, сплошь покрытого непонятными символами, сложенными из сильно вытянутых треугольников. Ради этих надписей он и пришёл сюда. Вверх от шара под самый потолок направлялся росчерк извилистой молнии. Он упирался в абсолютно чёрную блестящую полусферу. Чёткую и монолитную, словно не тронутую старением тысяч лет, превративших это место в запустелые руины.

Gs-9 снова попытался прибегнуть к магии и включить ночное зрение. Предсказуемо безрезультатно. Тогда он зажёл обычный, созданный мастерами зевитами фонарь,

работающий на чёрном земляном масле. Мерцающий слабый свет будто оживил пространство зала и его блики заиграли тенями на рельефных, вырубленных в камне рисунках. Неоднократно поблагодарив про себя учителя горных восхождений, поставщик информации забрался по трещинам в камне ближе к середине стены, закрепил страховочные стропы и в подвешенном состоянии начал работу. Пока не наступила глубокая ночь, он скрупулёзно перечерчивал клинописные символы, тщетно пытаясь разобрать незнакомые ему письмена, о которых ничего не мог бы сказать даже бессмертный Маркар.

Когда в ночном небе уже полностью раскрылись судьбоносные звёзды, Gs-9 лёг спать, немного перекусив остатками походных припасов. А поодаль, в самом тёмном углу разрушенной башни, едва заметно колыхалась лёгкая чёрная дымка, напоминавшая формой фигуру в плаще...

Переход в сон снова преподнёс сюрприз. Не было обычного погружения в абстрактные видения. Вместо них, словно по щелчку пальцев, мир вокруг изменялся. Облущенные замшелые краски фресок сначала медленно, нехотя, а потом всё интенсивнее наливались цветом, восстанавливались. Постепенно нарастал гул и скрежетание камня. Кирпичная крошка и осколки, словно капли расплавленного металла, собиралась в большие валуны, те, в свою очередь, объединялись с более крупными камнями и поднимались на свои места, откуда были изъяты силой катаклизма и неумолимого времени. В самом центре зала под сходящимися сводами поднялся алтарь в две трети человеческого роста с квадратной выемкой в центре. Gs-9 стоял возле этого гладкого каменного монолита и с изумлением смотрел на происходящее вокруг, периодически бросая взгляд на собственное тело, лежащее в нескольких метрах правее.

Он посмотрел на огненный шар, покрытый письменами, и замер. Сама надпись не изменилась, только обновилась и стала чистой, написанной будто вчера. Стройные ряды острых вытянутых треугольников продолжали заполнять поверхность того места, где весь вечер он работал, но изменилось восприятие. Теперь он отчётливо понимал написанные строки:

*«Ведомы Силой всех Начал собрались в круг иерофанты.
Хозяин Силы их призвал из храмов первых элементов.
Жрецы столетия служили Отцу элементарных Сил,
Жрецы желание копили ко власти, что Отец носил.
Собрав совет, жрецы решили Хозяина низвергнуть власть
И меж собою поделили решение Отца закласть.
Хозяин вышел на закланье, не зная участи в судьбе
И совершив предначертанье, жрецы осилили в борьбе,
Но окончательной победа с падением Отца не стала —
Теперь затворник он с надеждой вернуть утраченную славу.
А мир, до этого прекрасный, немезисом заполнен ныне
И Кто-то с изначальной Властью закрыл пути в миры иные.
Свет победителей не принял и, заточив Отца во мраке,
Жрецы себя самих пленили в оков безвыходной клоаке.»*

Молодой адепт Цифры ощутил, как сводит дыхание от потока информации и открывающихся ему тайн — не этого ли он жаждал, выполняя десятки казавшихся теперь

ничтожными поручений своего Дома? А окружающее продолжало меняться. Храм восстановился, и свет, как ясным южным днём, залил всё его помещение. Грохот камня сменился неестественной тишиной, в глубине которой послышались твёрдые чеканные шаги. Сначала посланник Цифры услышал глубокий, низкий, проникновенный голос, а после и увидел фигуру в два человеческих роста, словно одетую в свет, спускающуюся с недавно изучаемой картины. Фигура шла по воздуху, как по лестнице, и каждая поступь рождала волну, колышающую пространство возрождённого храма.

— Я ждал тебя, бывший маг, — прогремели слова под древними сводами, сотрясая мощью каменные стены.

В это время тишину реального мира разорвал истошный крик, и непреодолимая сила вышвырнула прямо сквозь стены облакоподобного наблюдателя из тёмного угла каменных руин. Бледное женское тело, уже в обычной форме жнеца из касты Двуликих Дома Гадеса, осталось лежать в пяти десятках шагов от разрушенного храма.

— Я ждал подобного тебе с тех пор, как только появились и этот остров, и залив вокруг него, а мой храм ещё возвышался над этими землями. Тогда ещё благоденственными и плодородными. Я приложил все доступные мне теперь возможности, чтобы ты пришёл сюда в таком виде. Поверь, у тебя нет причин сожалеть о потере той малой толики Силы, что жила в тебе — пустой сосуд всегда можно наполнить новым, куда более ценным содержимым...

Длинные маховые перья крыльев неутомимого чёрного стрижа рассекали плотные встречные потоки воздуха над перевалом восточной гряды, когда из-под горизонта всплыл мерцающий отблеск. Флаг гильдии Камня из Дома Гермеса — играющее пурпурным цветом полотно с вышитым на две трети площади золотым схематическим изображением огранённого кристалла. Вокруг правой лапы стрижа поблёскивала небольшая металлическая пластина, скреплённая печатью главы Дома Цифры — деревом, составленным из десяти взаимосвязанных кругов. Птица приближалась к Шагнагару — городу-резиденции архоса гильдии Камня неудержимого Дома Гермеса.

Границы этого Дома населяют невысокие худошавые авантюристы герметы — прекрасные ораторы, дельцы, торговцы, путешественники и знатоки закулисных игр. Благодаря этому их многоцветные, пурпурно-переливистые плащи чаще прочих встречаются в землях владений других народов. Им свойственны невероятная живость ума, понимание людей и продуктивность. Их дар убеждения и влияния на окружающих снискал им славу непревзойдённых переговорщиков и удачливых купцов, в чьём ведении находятся львиная доля потоков товаров Миглаха и окружающих его островов. Последователи Гермеса в совершенстве овладели стихией Воздуха и повелевают ветрами, а те из них, кому посчастливилось родиться с высоким потенциалом, развивают способность к левитации. От того ученики школы в Керикионе, столице этого Дома, во время экзамена Воздуха напоминают стаи птиц на южных островах. Кто-то взлетает и парит, получая шанс на высокое место в иерархии, при наличии способностей к другим дарам Дома. Кто-то только отрывается от земли и ему приходится уповать на иные свои достижения. А кто-то не может и на мгновение покинуть твердь, лишь слегка покачивая ветерок — таких, скорее всего, ждёт незавидная судьба «слабых». Герметы, в отличие от прочих Домов Миглаха, хоть и придерживаются иерархии, но живут разрозненно, поделив земли Дома на территории, подвластные гильдиям. Даже в Совете Дома под руководством Верховного Отца, хитроумного Агорея, заседают только представители этих гильдий, тогда как их архосы предпочитают столице резиденции в своих владениях.

В последние столетия чёрных стрижей рассылали разве что для традиционных извещений Верховным Отцам из Омфала. Как средство связи, они уступили место зашифрованным мыслеформам. Но сегодня непривычный посланник, времена использования которых давно прошли, направлялся не к Агорею. Он нёс весть архосу одной из влиятельных гильдий Дома Гермеса — Дафнису. Его подчинённые занимались торговлей самым распространённым и востребованным товаром Миглаха — минералами. Пища, одежда, древесина — всё это, конечно, имело широкий оборот, но каждый Дом и сам обеспечивал себя подобным. Гораздо более ценными, хотя и не настолько, чтобы конкурировать с магическими изделиями, были полезные ископаемые. Особенно редкие, чьи источники в землях Домов распределялись неравномерно. Каждый имел интерес в приобретении тех из щедрот, какими Изначальная Мать одарила в час рождения мира другие Дома.

Мелкая повседневная торговля среди населения, в основном, велась в виде бартера или с помощью местных монет, которые каждый Дом чеканил для своих нужд. Торговля глобальная, внешняя (а изредка и частная) происходила посредством колец офиона —

маленьких металлических змеек, смыкающихся в окружность так, что при сворачивании змея закусывала свой хвост и плотно садилась на палец. Если требовалось много колец — они соединялись в цепь и гордо демонстрировались своим носителем, удостоверяя его торговые или внешнеполитические полномочия. Каждая такая змейка изготавливалась в Омфале, под руководством Совета Домов, который зачаровывал их «значение», после чего маленькие глаза змейки начинали светиться соответствующим цветом. Белые — один офсион, примерно эквивалентный стоимости непримечательного жилища или десятка здоровых коров. Синие — десять офсион. Зелёные — сто. Жёлтые, значением в тысячу офсион, уже принадлежали чаще не отдельным лицам, а кланам, артелям, гильдиям и прочим объединениям внутри Домов и использовались при крупных сделках. Владеть змейками с красными глазами номиналом в немыслимые десять тысяч офсион могли себе позволить, пожалуй, лишь немногие группы и Советы Домов, покрывая траты глобальных соглашений.

И сейчас вокруг второй, левой лапы посыльного стрижа, приближавшегося к гильдии Камня, красовалась тонкой работы змейка с белым свечением глаз, подтверждая серьёзность намерений главы Дома Цифры, Кетера.

Дафнис Ктариан — наследник древнего и богатейшего рода. Ещё в раннем детстве он проявил поразительные способности в управлении волей других существ. А нынче, исполнившись мудрости и многолетнего опыта организации поставок ресурсов по всему континенту, он занял место своего дальнего родственника во главе гильдии Камня. Три десятилетия понадобились ему после яркого и успешного окончания школы Керикиона для восхождения по ступеням карьеры. За это время неутомимый искатель выгоды познакомился лично с большинством значимых особ Миглаха и был у всех на хорошем счету, неукоснительно соблюдая законы торговли. Это качество было свойственно всем герметам. Слово, данное при заключении сделки, соблюдалось с особой щепетильностью. Не без досадных исключений, конечно, но Дафнис торговую честь хранил прямо-таки фанатично. Потому тонкий интуитивный холодок подозрения закрался в его мысли, когда пришлось отвлечься от проверки логистики поставок партии земляной смолы из Дома Кроноса в один из цехов Дома Зевеса.

Архос с недоумением поднял глаза на птицу, по-хозяйски влетевшую в окно и севшую прямо напротив него.

«Посыльный стриж Кетера? Да ещё и с поживой... — изумился Дафнис, — Хм... Что то задумал древний жрец, раз уж достал из закровов надёжные методы прошлых эпох. Опасается перехвата мыслеформы? Он?! Верховный Отец Дома? Что же тогда стоит на кону?.. Плюс этот хабар — не пожалел офсиона, старый скряга, чтобы меня заинтересовать. А мог бы просто обратиться в Керикион, к самому Агорею... Значит не мог. Ох, не в восторге я от всего этого.»

Размышляя так, он подошёл к посыльному, снял с него белоглазую змейку и привычным бессознательным движением надел его на палец. После сломал печать Кетера и ему в ладонь упала маленькая, но увесистая табличка из беловатого материала. Угренум. Одно из достижений Дома Цифры — невероятно прочный металл, впитывающий магию не хуже камней и даже растений. Дафнис ощутил лёгкое прикосновение чужой Силы. Вещица проверяла кто её получил, и удовлетворившись, табличка проявила надпись:

«Ктариан-стремительный, мне нужна встреча с тобой на заре четвёртого дня в месте нашего знакомства».

Это вызвало улыбку и живые воспоминания о том, как он, Дафнис, ещё будучи

учеником, чуть не поссорился с тогда уже древним Кетером. Молодой гермет часто уходил далеко в пустоши к западу от столицы своего Дома и практиковал владение ветром. В этом искусстве он был куда менее одарён, чем в убеждении, и достичь нужных высот помогли только кропотливые занятия. К выпуску он уже управлял любыми воздушными потоками, а летал настолько быстро и умело, что архосы прозвали его «стремительный» (стоит заметить, что этот эпитет подходил ко всем аспектам его жизни). Но тогда, в западной пустоши, он случайно нагнал сильный ураган на конных всадников, ехавших в Керикион. Само собой, когда увидел людей с лошадьми в воздушной воронке, он остановил магию, однако извиняться его благородная кровь не умела. Но научилась. Очень быстро научилась, когда старик во главе конницы сбросил пыльную походную накидку, под которой скрывался живой фиолетовый плащ Верховного Отца Цифры. Поток воздуха, только что послушно следовавший велениям Дафниса, скрутил его и поднял с бешеной скоростью резко вверх. Повертел тело, словно сухой осенний лист и, не обращая внимание ни на какие потуги ученика, резко вогнал его по шею в землю, которая на мгновение стала буквально жидкой. И тут же окаменела. Человек в фиолетовом плаще тогда просто, без любых видимых последствий отдачи, встал с коня, подошёл к изумлённо трясущемуся от страха гермети и произнёс:

— Здравствуй, молодой Ктариан. Тебе повезло. Я вовремя понял, что ты атаковал не преднамеренно. Почувствовал в тебе след твоего отца, Ктариса — я знал его. Жаль, что он покинул наш мир...

Так и познакомились юный ученик-гермет и древний Отец-цифир. Сейчас Дафнис и не думал отказать Кетеру, вспоминая лёгкость, с которой тот проделывал удивительные вещи, до сих пор недоступные архосу гильдии Камня.

Гильдии Дома герметов пользовались достаточно широкой автономией. Таковы были убеждения Отца Агорейя. Его слово, несомненно, было высшим законом в его землях, но к силе и принуждению он прибегал крайне редко. Он всегда считал, что свобода самоуправляемых систем гораздо лучше, чем жёсткий контроль, привычный другим Домам. Дафнис Ктариан, контролируя работу всех процессов в рамках своей гильдии, был просто деспотом по сравнению со своим Верховным Отцом. Так что информацию о тайном приглашении Кетера он сообщать был не обязан. Но и совсем скрывать не собирался. Тут же пригласил свою помощницу. Расторопная Микена, молодая герметка с огромными чёрными въедливыми глазами на милом лице с тонкими острыми чертами, прибежала незамедлительно. Ей он сообщил, что отбывает на встречу к важному клиенту. Микена, двоюродная племянница Дафниса, записала изменения в его график на ближайшую неделю и задорно помчалась давать распоряжение на сбор коня, немало удивившись тому, что архос не воспользуется экипажем и поедет один.

«Эх, беззаботная молодость, как многое тебе ещё предстоит распробовать» — подумал Дафнис, провожая взглядом худощавую, но слаженную фигуру помощницы. В этом году в школе ей предстоял выпускной экзамен Воздуха, который она, несомненно, сдаст, даже дав фору своим сверстникам.

Впереди был долгий путь в сторону столицы и переговоры непонятного содержания с одним из высших властителей мира.

— Слушай меня, юный друг, — прогремел бас ночного гостя Gs-9.

Свет вокруг поутих. Фигура с фресок, опустившись на уровень земли, уменьшилась в размере, хотя и оставалась выше и крепче почти всех, кого знал поставщик информации в своей жизни. Весь его вид был словно списан с картин, изображавших Всеотца — мужа Изначальной Матери, с которой они, по легендам, сотворили мир и ушли породить иные реальности. Высокий лоб, едва затронутый лёгкими морщинами зрелой мудрости, густые, слегка вьющиеся тёмно-каштановые волосы, кое где затронутые проседью, крупный нос с едва заметной горбинкой упирался в пышные гладкие усы, переходящие в окладистую не длинную бороду. Даже под бородой виднелись очертания широких квадратных скул. Но самое запоминающееся — это глаза. Глубокие, широко посаженные под навесом тяжёлых бровей белые огни. Именно огни и именно белые: его зрачки, небольшие и чёрные, окружала совершенно бесцветная радужка, лишь к периферии окаймлённая тонкой чернявой окружностью. Он говорил всё тише и вид его постепенно начал походить на обычного, но очень крупного человека с телосложением тренированного борца арейца. Одежда перестала источать свет и теперь была похожей на обёрнутое вокруг тела полотно с геометрическими узорами и вязью странных символов по кайме.

— Слушай меня. Я — Целум, которого в иные времена называли Ураном. Но имя моё стёрто и забыто для всех. Мой род берёт своё начало очень далеко отсюда. Для таких миров, как твой, мои соплеменники — их создатели и Держатели. Я был правителем всего окружающего и хозяином всех его Сил, пока алчущие власти авгуры не попытались убить меня. Пожалуй, даже убили, насколько можно применить этот термин к таким как мы. Но полностью утопить мою личность в Океане Теней здесь нельзя, поскольку я принадлежу другим сферам, другим зонам. Потому, после предательства и поражения, я был низвергнут в самые нижние, недостижимые слои реальности и заключён там в сокрытой тюрьме междумирья на долгие тысячелетия. Только здесь, в месте моей гибели, с которым я неразрывно связан нитью Морты, я властен ещё над пространством и временем. И все эти неисчислимы годы я ждал. Я восстанавливался и собирал по крупицам возможность вырваться. Усилиями, какие сложно описать словами, я поднял свою тюрьму к поверхности бытия, но для получения свободы мне нужен ты. Признаюсь, в том, что произошло с тобой, я принял непосредственное участие. Даже в немоги своего нынешнего положения, я едва заметно сдвигал потоки линий судьбы и подталкивал последние пару сотен лет ситуацию к такому её разрешению. Пробуждал утраченные клочки памяти о прошлом в мыслях Отца твоего Дома. Подстрекал крониан, герметов и даже горделивых аполонитов следить за исследованиями Отца Кетера и продавать данные арейцам. Порождал в мыслях Отца Дома Ареса, воинственного, но справедливого Квирина, желание направить тебе на перехват своих гончих. Они все думают, что здесь источник Силы, оружие, способное сместить в их сторону шаткое равновесие этого мира. Все, кроме Маркара — он обрёл непредсказуемую форму. Никто не мог предугадать, что уничтожение меня, как узла, соединявшего все энергетические потоки этого мира, создаст таких порождений. Маркару известно всё, что здесь произошло. Он помнит. Он боится, не ощущая меня ни среди живых, ни в списках мёртвых. И потому сейчас его шпион следил за тобой. И ещё один, куда более сильный, уже пробирается своими призрачными тропами успеха.

Целум замолчал. Впервые улыбнулся. Эта улыбка дала приятное облегчение поставщику информации. Если бы он не спал в это время, то готов был бы утратить рассудок от рухнувшей на него лавины информации. Целум явно был доволен. Тысячи лет молчания у кого угодно вызовут восторг общения. Он подошёл почти вплотную к собеседнику, упёрся огромной ладонью на алтарь и, собравшись с мыслями, продолжил:

— Я в целом описал тебе происходящее. И жду ответа от тебя: ты станешь на мою сторону? Если согласишься, я буду твоим наставником и заполню твою пустоту силами такого порядка, что ты не будешь ограничен рамками одного Дома или одной Стихии. После моей смерти симбиоз сил прекратился, порядок рухнул, энергии сепарировались, отбирая себе последователей и разделяя некогда единый гармоничный мир на разнородные осколки. Энергии стали конфликтовать между собой. Я — из числа того немногочисленного в Миглахе, что может объединить их обратно. И я точно один, кто обладает знанием того, как это сделать. Скажу больше: этот новый разрозненный мир стал чужеродным телом в организме многоликого единства всех других миров Плеромы. Теперь он умирает, как отрезанный от корня цветок. Но мы с тобой можем всё изменить. Спасти его.

Величественный старец нахмурился, немного помолчал и добавил:

— Последнее, что ты должен знать перед ответом... ты умрёшь. Умрёшь физически здесь и сейчас, на Чёрном Камне Кибелы, который подарила этому миру моя сестра и супруга для упорядочивания природных сил. На нём убили меня самого, разрушив тем самым и камень, и порядок мира. Я собирал прах этого дара по крупицам, по атомам тысячи лет. И он здесь, но сделать его единым целым может только добровольно отданная жизнь. Я понимаю, это страшно. Неопределённо. И я не могу заставить тебя. Я могу только дать слово Держателя мира, что когда нить Морты истончится и лопнет, одновременно я создам новую нить, и ты, не прикоснувшись к Океану Теней, в то же мгновение возродишься вновь. Ты станешь уже существом новой природы, каких ещё не видел этот мир. А мой дух будет свободен. Даже не имея тех сил, что были прежде, я стану учить тебя. Думай, мой юный друг, задавай вопросы. Сейчас время в этой башне остановилось для нас, так что мы никуда не спешим.

Gs-9 сел на камни и обхватил голову руками. Окружающее плыло, теряя чёткость границ. Его тошнило, голова шла кругом, а мысли никак не приходили в порядок, свойственный прилежному цифиру.

«Смерть?..», — конечно же, смерть — это первое, что волновало его, — «Но ведь я не уйду отсюда живым и так. После всего, что мне здесь открылось, у меня только два пути: или он убьёт меня, или я приму его предложение. Но это тоже смерть...»

Gs-9 посмотрел на своего гостя. «Вдруг он читает мысли?», — мелькнуло в сознании. Но тот был неподвижен, словно одна из дворцовых статуй Омфала. Да, он был вылитой копией радужных опаловых фигур Покровителей, стоявших в два ряда вдоль центральной аллеи Дворца Верховного Совета.

«С другой стороны, мне и терять-то теперь нечего. Как только архосы узнают, что я пустой — моя жизнь станет невыносимой. Придётся жить в нищете и позоре или бежать на острова... Но смерть?..»

— Как мне тебя называть? Повелитель? Хозяин? — начал украдкой Gs-9.

— Зови меня просто Целум. Я уже был и «повелителем», и «хозяином». Это плохо закончилось. Сейчас я властен только в пределах этого незначительного клочка земли.

— У меня нет иного выхода? Так, Целум?

— Я бы ни говорил о его наличии. Но убивать тебя в мои планы не входило. Ты ничем не заслужил этого. Ты должен понять: то, что происходит сейчас — куда важнее отдельно взятой жизни. И твой выбор — только твой выбор.

«Всё-таки читает мысли», — снова пронеслось в голове поставщика информации.

— Но зачем я тебе после освобождения? Ты и сам сильнее всего, что я знаю.

— Увы, юный друг, когда мой дух вырвется на свободу, он так и останется бестелесной сущностью, прикованной к этому месту. И от моих прошлых сил вернётся лишь жалкая тень. Наравне с тем, как я буду учить тебя, так же и ты будешь моим учителем, моей связью с миром, чьи тысячи лет истории прошли стороной от моего разума. А после нам предстоит долгий путь к воссозданию моего телесного воплощения и восстановлению мирового порядка. Как видишь, я предельно честен с тобой. Твоя смерть разорвёт связь с Домом Цифры, и он не будет больше властен над тобой. Взамен я дам тебе новое имя, и мы будем связаны, как ученик и учитель, как в древние времена и было определено.

— Я сделаю то, что от меня требуется, Целум, — едва веря своим собственным словам, тихо, но уверенно согласился поставщик информации Дома Цифры.

— Да будет так, — ночной гость ударил в ладони и Gs-9 открыл глаза в холодной темноте под сводами разрушенного храма. С левой стороны от него, в самом центре зала, от кучи мелких обломков блестящего камня исходило голубоватое пульсирующее свечение. Чёрный Камень Кибелы звал свою жертву.

«Бежать», — первое, что возникло в его мыслях после пробуждения. Он схватил мешок и... Не смог ступить в сторону. Сделал два шага по направлению к свету обломков — и эти шаги показались ему самым приятным, что он чувствовал в своей жизни. Повернуться назад и уйти он уже не мог.

«Не бойся, мой юный друг, боли нет, и твоя жертва воздастся тебе стократно», — пронёсся в голове голос Целума.

Gs-9 медленно подошёл к свечению и каждый шаг разливался по телу волнами наслаждения. Он снял верхнюю одежду, рубаху, кольчужку, исковерканную встречей с «пилумом огня» и, оставшись в одних штанах, присел на колени возле манящего света. Мельчайшие осколки и пыль были бережно уложены в границы правильной окружности. От них исходило тепло и спокойствие, словно погружая жертву в то единственное состояние полной защищённости, которое дарила утроба матери. Всё, что находилось вне границ круга, утратило какой-либо смысл, а вид разрушенного помещения смазался в однородную серую пелену. Уже плохо понимая происходящее, поставщик информации снял с пояса походный кинжал и, не задумываясь, воткнул его себе в сердце. Кровь хлынула горячим потоком на обломки и голубоватый лёгкий свет резко сменился яркой вспышкой красного пламени. Закручивающийся вихрь поднимал кусочки камня, а огонь спаивал их воедино. Артефакт обретал конечную форму. Уже падая кровоточащей грудью на полностью сформированный чёрный куб и слыша волны стремительно приближающегося Океана Теней, он ощутил сильные руки, подхватившие его и аккуратно положившие на спину.

Огонь перекинулся с куба на тело жертвы. Он выжигал прошлое, очищая все самые дальние уголки души от жизненного опыта, от навыков, привитых школой и утративших актуальность в пустом теле, от чувств и надежд, от желаний и стремлений, оставляя чистый лист нового живого естества. Gs-9 услышал резкий пронзительный хлопок, звон, разлетающийся тысячами капель фиолетовых осколков — нить Морти, связывающая материю и энергию жизни, порвалась. Но пламя вливалось силы. Пламя держало единство

души и тела без спасительной нити. Сквозь полумрак горячечного бреда он видел дымчатую фигуру Целума, склонённую над собой. Ощутил, как призраки его рук прошли сквозь грудную клетку и сжали едва трепещущее сердце, как разряд обжигающей боли пронзил все мышцы и жилы. Как новая жизнь, зарождалась в недрах этих рук, как сплеталась новая нить Морты, кристально чистая, почти прозрачная нить. Пламя затухало. Чёрный Камень Кибелы иссяк без остатка, разрушив тюрьму одного, и сохранив жизнь другого. Первый вздох наполнил лёгкие так сладостно и мягко, как утренний свет пробуждения от ночного кошмара. А с ним по телу разлилась знакомая холодная и сухая энергия стихии Воздуха. Он снова чувствовал магию. Нет, он дышал ею, жил ею. Бесчисленные потоки энергий этого мира текли сквозь него и теперь он осознавал всё их разнообразие, а пробуждённый чистый разум понимал теперь как мельчайшие части раздробленного витража Силы должны работать вместе.

В проёмы полуразрушенных окон под сводами храма пробивался рассвет, идущий на унылый остров Дагарок. Он раскрывал всё тот же беспорядок, который вчера встретил уже бывший поставщик информации. Рядом, на небольшом кубе из чёрного метеоритного железа сидел уставший и осунувшийся Целум.

— Вставай, мой юный ученик. Теперь ты дважды рождённый, и я даю тебе имя ДИГОН. Носи его с гордостью. Но нам нужно уйти из этой реальности. Сюда приближаются непрощенные гости.

После этих слов Целум свёл ладони, громко выдохнул, и медленно развёл руки на весь размах. И пока они расходились, обстановка менялась, свет заливал пространство, а храм обретал свой прежний величественный вид, словно предыдущий сон Дигона воплотился в реальности.

Здесь же, на северном краю земли, за которым в изведанном мире нет ничего, кроме диких вод и льда, появилась небольшая брешь в ткани мира. В гигантской воронке, центр которой занимали руины древнего храма, открылась сумрачная трещина между нашей реальностью и потусторонней. С рассветом следующего дня, когда Gs-9 уже встретил сон под картинными сводами и принял судьбоносное предложение, тайными тропами мира успеха на место прибыла глава Двуликих Дома Гадеса, Клиодна. Недолго похаживая по следу своей подопечной, она нашла Захарию без сознания, прислонённую спиной к крупному обломку колонны, прорезанной вертикальными выемками. Овальное симметричное лицо, больше свойственное миловидным венецам, безвольно упиралось подбородком в грудь. Из аккуратного, слегка курносого носа вниз стремилась засохшая полоска синеватой крови, пересекая приподнятую развитыми клыками верхнюю губу. Белые прямые волосы спадали на отдающую синевой кожу упругой молодой груди, стянутой крепким корсетом. Плащ истрёпан и где-то даже разорван. Она была обессилена и без посторонней помощи явно не могла уже вернуться в реальность.

Пищей, поддерживающей неестественные способности тех из гади, в ком достаточно проявлена сила, стала энергия перехода всех живых существ нашего мира в бездонные воды Океана Теней. В особой мере это касалось двуликих. Та самая Смерть и общая энтропия материи — неиссякаемый источник их существования. Парадокс: смерть порождает жизнь. Ни что не властно уйти от неё. Умирать камни, нехотя и долго, разрушаясь, отдают свою толику жизни праху. Умирать деревья и травы, наполняя почву пищей для себе подобных, а окружающий эфир — энергией разложения. Умирать звери и люди, насыщая тонкий мир потоками боли перехода и запасами нерастраченных жизненных сил. Умирать даже боги. Нет ничего бесконечного. А значит, пища для адептов смерти найдётся всегда.

Клиодна подошла к Захарии, села на её вытянутые вперёд ноги и тихо положила руки ей на голову. Жива. Уже на этапе перехода, но Океан Теней ещё не поглотил её. Истончённая связующая нить Морты пока чувствовалась в потаённых глубинах души. Захарии нужна была пища. Клиодна сконцентрировалась. Стих ветер, замолкли птицы, неприятный Аполлон перестал светить для неё. Прорываясь сквозь плотные слои реальности, двигалась она от сферы обители живых вглубь самой сути мира, чтобы там, на дне зачерпнуть силы Смерти и накормить свою подругу. Но то, что нашла она там, ещё никогда не встречалось на её пути. Все существа, умирая, оставляют след, передавая миру то, чего достигли, сообразно уровню своего развития. И вот сейчас, приближаясь к основам, отсеивая холодное и не слишком содержательное посмертие камней и растений, дойдя до питательной энергии, помнящей жизнь людей прошлого, она остановилась. Пластом ниже лежало нечто несоизмеримо более мощное, древнее и чистое, ужасающее своей силой. Это нечто было здесь давно. Тысячи и тысячи лет оно покоилось под островом, пропитывая собой камни и почву, оно практически стало сутью самого этого места. Природу его нельзя было назвать ни живой, ни мёртвой. Сила пульсировала, обжигала и вгоняла в трепет. Дальше, ещё глубже в основах тонкого мира, хозяйка Двуликих ощутила непроницаемый купол. Сквозь его пелену пройти не хватило бы сил, пожалуй, и у бессмертного Маркара. Она смогла лишь прикоснуться к отголоскам эха, исходящим от странного объекта плавными волнами. В этот момент морок успеха сдуло, как пыль порывом ветра. Клиодна изо всех сил рванула обратно, в

реальность. Глава двуликих заметалась по сторонам, изо всех сил стараясь вернуться на спасительную гладь поверхности, словно незадачливый пловец, попавший в водоворот без запаса воздуха. Последнее, что она увидела — проявившийся на теле купола ярко-белый гигантский глаз с чёрной оторокой вокруг радужки.

Собравшись с силами, понимая сквозь головную боль, что медлить нельзя, она вложила всю собранную энергию Смерти в Захарию. Та мгновенно вскочила, с невероятной прытью перешла в тeneвую форму и окружила себя мощным ритуальным щитом. Так быстро и слаженно, что было заметно использование боевого талисмана из арсенала гади. Собственно, она сделала именно то, что намеревалась в момент, когда неизвестная сила выкинула её из развалин.

— Стой! Спокойно! Захария! Очнись. Это я — Клиодна.

Посланница Гадеса приходила в себя. Она потушила впустую активированный щит, но ещё держала наготове «стрелу Танатоса». В руке вибрировал пучок сжатого тлена — оружие, разлагавшее материю и названное Маркаром по имени какого-то древнего божества, о котором никто уже давно не помнил. Осмотревшись, и поняв, что они одни, Захария аккуратно свернула стрелу для более подходящего случая. Только после этого бросилась на шею своей спасительницы и жадно впиалась в её губы...

— Клио, милая, как я рада тебя видеть! Я думала уже всё. Думала уже встречусь с богами. Я прям смотрела на Океан, когда ты вытащила меня. Любимая... — И она снова, на этот раз нежно поцеловала Клиодну, сунув руки под чёрный жилет, покрытый мелкими кольцами из калёного железа, медленно поглаживая её гладкую холодную кожу. Грозная архос Двуликих, вестник неумолимой гибели своих врагов, плоть от плоти самой Смерти, которую побаивались даже Верховные Отцы других Домов, в ответ, словно котёнка, прижала к себе Захарию, запустила длинные пальцы в растрёпанные белые волосы и тихонько водила ими по голове. Так простояли две дочери Гадеса не меньше минуты, пока молчание не прервала архос:

— Ладно, прелесть моя, давай отойдём в тень, пока проклятый Аполлон не спалил нас. Рассказывай, что здесь произошло?

— Я следила за поставщиком информации, как ты мне и поручила. Это рядовой работник, возможно, немного более расторопный и пытливый, чем прочие флегматики цифиры. Хотя, в бою он оказался хорош. Его имя — Gs-9. В общем, я шла за ним с форпоста в назначенный день. Но не одна шла. За ним ещё трое увязались: один вояка из местного гарнизона и двое арейцев, которые, как оказалось, давно в округе ошивались под масками крониан. Слишком мудрёно всё как-то. Особенно для арейцев. Короче, видать, почуял их цифир. И уж не знаю КАК он понял, что это огненные, и что они без защиты (даже до меня дошло, только когда маски слетели), но наш герой действовал смышлёно. Он зарядил в них Водой, пока те не ждали. В общем, уложил сразу одного арейца и пустого прихватил. Чего тот вообще пошёл? Денег, наверное, захотелось. А второй сын Ареса — это Сенар, как я уже докладывала, знатный вояка. Но ты представляешь, он и второго отправил пировать с предками. А методом-то каким, я чуть из усупения не выпала от того, что произошло. В общем, он под удар Огня поставил свой кристалл памяти. Ну тот, что их мастера из мнеморина выращивают. ЧТО тут началось... Эти двое стояли, как вкопанные минуту, глаза позакатывали, трясутся. А вокруг все Стихии, как взбесились: Огонь на Воду нападает, Воздух Землю треплет, Эфир всех и каждого порвать готов. А потом всё схлопнулось. Сошлось на кристалле и тот взорвался. Арейца кристалл сразу выпил, от него и посмертия

почти не осталось. А цифирь выжил. Кольчужка его спасла. Угреневая. Я аж себе забрать захотела. Но ты сказала не трогать его, а я послушная. Тишина была долгая вокруг того места — даже в успении перемещаться тяжело было. Но я помогла. Я тела мёртвых в землю попрятала, мимоходом ещё и подпиталась. Да и цифиру этому странному тоже помогла. Он ведь совсем пустым стал. Как и не было в нём ничего. Никогда такого не видела...

— Захария, ох ты и любишь поболтать попусту. Ты вообще из гади? — пошутила Клиодна.

Но Захария встрепенулась:

— Конечно из гади. Ты же сама проверяла. Всеми способами проверяла. Можешь ещё попроверить. И ещё. — Она искоса взглянула на собеседницу и заигрывая улыбнулась. — Да я поняла. Перехожу к главному. Короче, напился он своих зелий, оправился, поспал, и вот сюда пришёл. А я за ним. Сижу, значит, в уголке воон тех развалин, — она вытянула руку и показала в сторону остатков храма, — там внутри целый зал, весь в рисунках, в иероглифах. Сижу наблюдаю, как он значки всякие перечерчивает, как спать ложится, и тут БАХ! Гул поднялся, словно все трубы Аполлона разом загремели. Светом всё залило среди ночи, да не простым светом. Это чистая Сила была, клянусь тебе, не Эфир даже, а что-то ещё тоньше. Мощнее. Я сколько уж лет живу — о таком и не слышала. Меня, как щепку водопадом вынесло оттуда. И глаза. Глаза ещё помню. Белые, как у нас, гади, но какие-то острые, живые, страстные... И всё. А дальше — Океан передо мной. И вот теперь ты, любимая...

— Да уж, — заговорила вскоре Клиодна, не обращая уже внимание на заигрывания и скошенные взгляды своей подруги, — глаз этот и я видела. Он здесь, в глубине мира. Я, когда силу тебе черпала, во что-то неизвестное упёрлась. Нужно с Маркаром говорить об этом, тут наших с тобой знаний не хватит. Ну что, пойдём посмотрим на эти руины.

Две дочери Гадеса пошли в сторону остатков древнего храма. Пройдя внутрь тем же путём, что и бывший Gs-9 днём ранее, они увидели ту же картину, словно никого и не было здесь. Замшелые стены, сплошь испещрённые картинами, и обстановка полной разрухи. Ни спавшего поставщика информации, ни вещей, ни даже следов его пребывания адепты Смерти, конечно, не обнаружили, как ни искали. Только одно не вписывалось в общую картину запустения — блестящий, начисто выжженный круг по центру зала, в пределах которого оплавился даже древний гранит пола.

Отец Дома Цифры, Кетер, в необъятном разуме которого упорядоченно анализировались бесчисленные планы и вероятные стратегии развития реальности, не стал тратить время на конные прогулки. Получив четырьмя днями ранее сигнал зачарованного послания о том, что адресат достигнут, он приготовился к перемещению. Мягкая шкура редкого белого тигра, служившая ему медитативным ковриком, тепло приняла хозяина. Стихия Воздуха ответила даже раньше, чем он погрузился в транс. Лёгкий газ медленно оплетал тело Отца цифиров, уплотняясь, сгущаясь, обволакивая лёгкой пеленой и окутывая коконом насыщенного тумана. Через несколько мгновений границы тела начали расплываться, терялось чёткое разделение между коконом и его содержимым. Со стороны казалось, что это уже не Кетер, а его отражение в воде, покрытой мелкой рябью. Кокон и разряжённое внутри него тело выросли в объёме в два раза, после чего начали медленно таять от краёв к центру. Правитель Дома Цифры воспользовался своим особым видом стихийного перехода — сложным процессом, недоступным для всякого простого жителя Миглаха, кроме Верховных Отцов. Пути между мирья Воздух понёс его к точке намеченного выхода.

Практически в то же время далеко на востоке, в пустоши около столицы герметов, в метре над землёй сгустилось сферическое пятно диаметром в два человеческих роста. Постепенно сужаясь, оно сформировало такой же туманный кокон с заключённой в него фигурой. Через пол минуты Отец цифиров стоял на ковре невысокой, по-осеннему жёлтой травы в землях Гермеса и смотрел в сторону идущего к нему богато одетого путника, который прибыл чуть ранее. Голова немного кружилась и отвечала тупой болью на удары сердца, а горизонт пошатывало, как после нескольких кружек крепкого пива.

— Приветствую тебя, архос почтенной гильдии Камня, — сказал навстречу человеку Кетер. — Ты повзрослел с нашего курьёзного знакомства. Теперь ты архос. Поздравляю. Ты, как никто другой, заслуживаешь это положение.

— Моё почтение, мудрейший Отец Дома Цифры! — с неподдельным уважением ответил Дафнис. — А вот Вы, похоже, и не изменились совсем. Ещё раз прошу прощения за свою детскую опрометчивость.

— Эх, если бы это было так, мой юный друг, но нет, увы, и я старею. И мой век краток, — взгляд цифира на мгновение наполнился грустью, но тут же вернулся привычный флёр хладнокровия. — Я следил за твоим восхождением. Признаюсь, на моей памяти мало кто мог похвастаться таким стремительным ростом. Покойный Ктарис был бы очень горд своим сыном.

Кетер знал о единственном слабом месте своего собеседника — непомерном тщеславии, и похвала из уст Верховного Отца принесла свои плоды. Дафнис расцвёл. Ему было лестно слушать о своих достижениях и о том, что его особа на хорошем счету у хозяев этого мира. Но так же глава цифиров знал, что его визави никогда не терял времени понапрасну, а потому отложил в сторону пустые славословия:

— Есть у меня к тебе дело особой деликатности. Я думаю, мы оба можем извлечь большую пользу из сотрудничества. Само собой, никаких отклонений от Конвенции оно не потребует. Но выгода от него, поверь, перекроет любые, даже самые тёмные операции.

Ни на какие запретные сделки, естественно, педантичный архос гильдии не пошёл бы, о

чём сразу предупредил собеседника:

— Конечно, мудрейший, я не посмел бы и подумать, что Вы станете предлагать что-то противозаконное. Ведь, фактически, Вы сами — и есть закон. А он не может сам себе противоречить.

Игра слов понравилась Кетеру и он, одобрительно хохотнул в ответ.

— Да уж, в софистике ты достиг не меньшего, чем в деловых баталиях. Я пришёл с намерением заключить с тобой договор. Мне нужен мнеморин. В больших количествах. И он нужен мне лично, без особой официальности. Я не хочу, чтобы в залах таверн или чертогах дворцов судачили об этом. К тому же, полагаю ты и сам уже можешь проводить такие операции, без надзора Агорея.

Упор на честолюбие снова сработал. Но Дафнис выслушал запрос своего собеседника с немалым удивлением. Он и так поставляет мнеморин Дому Цифры, где мастера клана Кристаллов перерабатывают его и в агрегатах, построенных зевитами. Под давлением и при огромных температурах они выращивают из этого сырья свои кристаллы памяти, попутно структурируя материю ритуалами. Зачем понадобились все эти сложности? Но сделка действительно не казалась тёмной, так что он принял решение согласиться.

— У меня есть приличный запас Вашего минерала. О каких объёмах идёт речь?

— Две сотни тонн. И чем быстрее — тем лучше.

Внутри у бывалого дельца всё перевернулось, хотя он и не подал вида. Мнеморин был очень редким камнем, который добывали только два Дома — Кроноса и самого Гермеса. За весь прошедший год его поставили в лаборатории цифиров не больше десяти тонн. Скрыть такое будет сложно. И для чего потребовалось старику столько мнеморина? Его хватит на десятки, если не сотни тысяч камней, а такого спроса эти, хоть и ценные, вещицы не имели... Поднаторевший в бизнесе разум Дафниса никак не мог понять выгоду Верховного Отца от такой покупки, а то, что Дом Цифры ничего не делает беспричинно — он знал наверняка.

— Я немного озадачен, Отец Кетер. Со всех запасников я с трудом наберу и тридцать тонн, а организовать срочную выборку в рудниках такого объёма, конечно, можно, но это будет греметь по всем каналам и такие работы уж точно не останутся незамеченными.

— Я подготовился к этому. Моей команды ждут полтора десятка магов с особыми артефактами — они многократно ускорят процесс. Если ты организуешь им доступ в законсервированные шахты и дашь помощников — мы наберём нужный объём не далее, чем за три месяца. Тебе останется собрать породу и провести её скрытно в место, которое я укажу. А уж в этом, как я слышал, тебе нет равных. И главное, об оплате...

Глава Дома Цифры прищурился, выждал небольшую паузу, снял с пальца двух змеек с искрящимися зелёными глазами, и держа их за хвосты перед Дафнисом, сказал:

— Это задаток на организацию дела. Ещё один офиион, но уже жёлтый, ты получишь, когда мнеморин будет на месте.

Жёлтый офиион. Любой житель Миглаха что угодно сделал бы за такое богатство. На него можно было приобрести зажиточную деревню со всей землёй и инфраструктурой, а то и маленький городок. И сейчас такая возможность сама шла в руки архосу гильдии Камня. Конечно, он принял задаток, уже прокручивая в голове планы реализации оговоренного.

Кетер точно знал, что теперь его заказ будет выполнен. Он удовлетворённо пожал руку Дафнису и добавил:

— В Керикионе, в отеле «Трикефал», через девять дней тебя будет ждать моё

доверенное лицо. Он в курсе всего и поступает в полное твоё распоряжение. И пусть нашему делу благоволит Сила Гермеса.

Скрепив договор рукопожатием, глава цифиров сдержано кивнул головой и направился обратно к тому месту, где ещё не растаял след недавнего портала. Выполнив первую часть своего плана, он начал готовиться к следующему перемещению.

Сильная и женственная дочь Дианы, прекрасная сновидица Лаянна, пять дней после таинственной встречи провела в мучительной неопределённости. На шестой безошибочное предчувствие дианиты побороло сомнения, и она решила прервать давно планируемое и желанное обучение ремеслу Любви у сестёр из Венеры. Свидание с возможным предвестником великих несчастий, появление которого предсказывала предыдущая Верховная Мать Дианы, могли иметь куда большее значение, чем амбиции молодой красавицы. То, что какой-то народ позволил представителю другого Дома заглянуть в святая святых своего общества, в школу — событие, не имевшее аналогов. Лаянна этой чести удостоилась благодаря давнему желанию Матерей двух Домов, связанных общей стихией Воды, проверить возможность слияния их Сил. Это был неординарный опыт, но на кону стояли вопросы поважнее. И она, даже боясь потерять расположение венетов, пошла просить у хозяйки Венеры позволения срочно покинуть её земли. Быстро вернуться на Родину можно было только воспользовавшись воротами Талари. Это сложный механизм, который создали мастера зевиты, а Верховный Совет насытил четырьмя стихиями. Он мог переносить простых смертных сквозь междумирье, подобно переходам Верховных Отцов. Когда агрегат, изобретённый артелью Идеи Дома Зевеса, приводили в действие, он закручивал силовой вихрь и создавал аномалию, сжимавшую воедино противоборствующие Стихии до тонкости порождающего их Эфира. В столицах всех Домов, кроме одного, имелось аналогичное оборудование. По воле главы Дома коммутатор, связывал поток энергии с приёмником и перемещал живую материю между воротами. Только чуждый всему живому Гадес был лишён такого коммутатора из-за враждебности своей природы к созидающему жизнь Эфиру. Но в безотрадные владения Маркара юная дианита уж точно не собиралась.

Лаянна вошла в столицу. Город Бербея — место восхитительное, роскошное и в ещё большей мере комфортное, по-домашнему уютное. Не было здесь ни шумных площадей, ни грязных рынков, ни бедных кварталов, аляповато гнездящихся по периметру крупных городов в других землях Миглаха. Лишь бесконечные сады и грациозные, словно живые, пасущиеся меж деревьями невысокие коренастые домики в два-три этажа. Стройные колонны из светлого мрамора, местами взмывающие над лиственными шапками, белоснежные фонтаны и блюда просторных каменных амфитеатров школы не давали забыть о том, что ты гостишь в столице. Куда видит глаз раскинулся этот дышащий гармонией город-лес, прорезанный замысловатой паутиной нешироких извилистых брусчатых дорог, что соединяют причудливые жилища. И нет среди них ни одного похожего. Резные ставни и наличники окон, фигурные фризы и узорчатые фронтоны, испещрённые символами карнизы, крыши, увенчанные фигурами, словно застывшими в динамике жизни. Каждый дом в Бербее был произведением искусства, уникальным творением деревянного зодчества и одновременно магическим артефактом. Их создавали мастера-ремесленники из общины Реза, в которой трудились, в основном, мужчины-венеты, вкладывавшие энергию любви в свои шедевры. Даже просто проходя мимо такого творения, уже чувствуешь обволакивающие потоки мощной эмпатической магии чувственных связей. И сейчас Лаянна плыла в этой полноводной реке. Дивилась теплу и мягкости, впитывала заботу филигранных струн нежности самой природы Венеры... а перед глазами стоял образ цифира неуклюже пробирающегося сквозь своё первое осознанное сновидение.

Чертоги Урании, Верховной Матери Дома Венеры, стояли на возвышенности, в самой глубине Бербеи, почти упираясь тыльной стороной в небольшую живописную скалу. Она закрывала путь в столицу ветрам и, не приведись такое, непрошенным гостям. Просторный четырёхэтажный терем, утопающий в садах и фонтанах, был невероятен. Часть его отводилась под залы заседаний Совета Дома, часть — под ритуальные помещения, а ещё часть служила жилищем самой Верховной Матери. Прочные стены, сложенные из полированных дубовых брусьев, и украшенные тонкой резьбой, сливались с живыми вязами и ясенями, которые служили несущими колоннами и балками каркаса. Это был целый комплекс, сросшийся с группой высоких крепких деревьев, застывших в недвижимом покое силами магии Дома. Дорога ко входу, вымощенная сглаженной малахитовой плиткой, проходила между широкими рядами кустов роз, формирующих живую полутораметровую изгородь. Из неё симметрично вздымались пики кипарисов, чей терпкий запах, сливаясь с розовым, дарил пряное, слегка пьянящее головокружение. Дверь была открыта. Венеты вообще любили оставлять двери и окна открытыми, позволяя окружающим цветистым ароматам наполнять свои жилища.

Лаянна переступила через порог и попала в огромный округлый холл шагов двадцать пять в диаметре. По четырём сторонам росли мощные вязы, половина которых входила внутрь помещения, а вторая оставалась снаружи. От пола до потолочного купола на них не было ни листвы, ни мелких веток, а несколько крупных, переплетаясь друг с другом, держали на себе весь свод. В самом центре, под куполом, стоял круглый стол со столешницей в форме кольца, накрытый белой вязаной скатертью с фруктами и родниковой водой. Из пустого пространства в середине росла небольшая, но раскидистая вечноцветущая вишня. Вдоль стен, между арочными проходами во внутренние помещения, стояла мягкая мебель и маленькие столики со всякой декоративной утварью.

Урания сидела в крупном глубоком кресле, прислонённом к стене прямо напротив входа, закинув ноги под себя. В одной руке она держала бокал бордово-красного напитка, а в другой книгу, и увлечённо читала. Правительница венетов была из тех женщин, которые, проходя мимо, непременно вызвали желание повернуться и смотреть в след. Не моргая. До конца своих дней. На вид ей было лет сорок — пятьдесят, или двадцать — двадцать пять. Это зависело от того, в каком она настроении. А сколько ей было на самом деле знали, пожалуй, лишь в Верховном Совете, но она определённо была старше большей части Отцов других Домов. Стройные ножки, фактурно покрытые едва заметным рельефом мускулатуры, тонкая гибкая талия, ровная спина, высокая налитая девическая грудь, пышные распущенные волосы, спадающие ниже округлых ягодиц — она буквально дышала любовью и страстью. Чёткая линия брови едва приподнялась, когда Лаянна вошла в сени и поздоровалась. На неё с добродушием и заботой посмотрели два крупных тёмно-синих сапфира, которыми, казалось, были глаза Матери Дома Венеры. Правильные карминно-розовые губы сдержанно улыбнулись, натянув тонкие нити складочек в уголках рта.

— Привет тебе, дитя. Я уже заждалась. Девочки мне сообщили, что ты хочешь срочно нас покинуть. Что-то случилось? Учение в школе наскучило? Надеюсь, не наш приём тебя вынудил? — И она улыбнулась уже широко, сверкнув ровным рядом белых зубов и проявив игривые ямочки на щеках.

— О нет, что Вы, Матушка, конечно нет! — Залепетала Лаянна, не понимая шутит та или предупреждает, но решила говорить правду, чтобы великая колдунья не заподозрила неладного. Частичную правду. — Никак нет. Дом ваш — это чудо поднебесное. Я никогда не

чувствовала себя так легко и трепетно, как здесь. Мне просто сон пришёл предвестный. Из наших, из таких, что не просто так приходят. И мне непременно нужно с Матерью нашей, Селеной, поговорить.

— Оооо, а ну ка подойди ко мне. — Урания прервала оправдания юной дианиты, отпустила бокал, который плавно сам по себе направился в сторону столика, и поманила мягким движением фарфоровой руки свою гостью. А та, как по неволе, не чувствуя своих ног, пошла к ней. — Да ты никак влюбилась?! Энергия твоего сердца расцвела и сияет алым огнём!

И она от души расхохоталась:

— Вот так и приглашай к себе девочек-дианиток: с виду тихони, а как до дела доходит, так своего не упустите. Небось кого из моих мастеров зацепила? Аль мага? Мага не отдам. У меня их и так, что воды в пустыне.

Она ещё раз улыбнулась и уверенно провела рукой от макушки, по спине, попе, ещё ниже и оценивающе произнесла:

— Хм, а кому-то немало повезёт... — и добавила, — да шучу я, милая, не обращай внимание на старушку.

Лаянна даже покраснела и решила поддержать шутливый тон Урании, поскольку отпираться перед ней смысла не было:

— Нет, Матушка, я ваших мужиков ни-ни, у вас их действительно и без того маловато. У меня свой сердечный имеется, — хихикала она, сама удивляясь в мыслях:

«Снова этот образ цифиры всплыл. Уже вот и главной любовной ведьме сказала, считай сама себе призналась. Наверное, это всё венецкая магия. И кипарисы...»

— Да? Возможно, возможно, но на днях ты не такая цветистая-то была. Ну, да и ладно. Не моё это дело. Так значит хочешь, чтобы я тебя в Менну отправила. В столице-то вашей ночь сейчас. Может и приёмник-то не активен. Хотя, вы и не спите по ночам. Да и опасно это. Ты маленькая ещё, а эфирные пути — испытание не из приятных. Но я возражать не буду. Предвестные сны — это ваша парафия. Вам виднее.

По-кошачьи прогнувшись, Верховная Мать Дома Венеры встала с кресла. Длинное изумрудное платье свободного покроя скрыло прелестные ножки и их хозяйка, взяв под руку Лаянну, направилась в одну из внутренних дверей. Они прошли по прохладному тенистому коридору, сплошь увитому виноградной лозой, по ходу съев пару спелых ягод, и болтая о ничего не значащих мелочах, вошли в комнату с вратами Талари. Это помещение разительно отличалось от прочей обстановки жилища Урании, да и всех красот земли Венеры вообще. Изнутри небольшая комната была полностью обита клёпаным металлом, а вокруг стоял солоноватый привкус разряжённого воздуха. Всё пространство буквально звенело от напряжения энергетических потоков. В центре комнаты, наклонившись друг ко другу и соприкасаясь под потолком, стояли два массивных совершенно гладких столба из неизвестного Лаянне чёрного металла. С обеих сторон к ним тянулись по четыре прозрачные трубы, одним концом входя в столб, а другим в ближайшую стену. Кроме этого, напротив образованного столбами треугольника, стоял пульта оператора и комично смотрящийся здесь изысканный мягкий стул лилово-зелёных оттенков, покрытый венецкими узорами.

— Прошу, дорогая, встань слева. Давай накормим это гениальное зевитское убожище. Пусть поработает, — произнесла Урания и села на стул так пафосно и элегантно, как будто это происходило на торжественном балу аполонитов в лучезарном городе Гелиосе. Она

положила правую руку на свою половину каменной плиты пульта. Тот представлял из себя две слитые воедино части: правая из чёрного с белыми прожилками шунгита, левая из белого с чёрными прожилками кахолонга. Оба прекрасные приёмники и передатчики. Как только нежная кожа главы венетов коснулась холодной поверхности, комната ожила. Затрепетала. Присутствующие оказались внутри огромной машины, из каждой точки которой слышались звуки старательно работающих механизмов. По прозрачным трубкам из стен в обелиски, словно живая и сопротивляющаяся, потекла разнородная субстанция: чёрная, синяя, белая, и красная. Прошло несколько секунд и тонкие струйки энергии в том же порядке начали концентрироваться на внутренних сторонах столбов. По воздуху они стягивались в центр треугольника, постепенно закручиваясь сложным вихрем. Как только все струйки достигли центра, там вспыхнул маленький, но ослепительно яркий участок серебристого света. Потоки от столбов расширились, наполнились силой, а участок света шёл от центра к столбам, пока всё пространство между ними не затянуло хаотично переливающимся рельефным волнующимся полотном.

Урания посмотрела, улыбнувшись, на спутницу:

— Работает. Клади правую руку на свою половину. Проверим, готов ли Эфир тебя доставить.

Лаянна положила, вспоминая и предвкушая ту палитру неприятных ощущений, которую ей вскоре предстояло испытать при перемещении. Портал отозвался. Полотно света сменилось неоновым-голубым и завибрировало. Врата Талари открылись.

— Что ж, милое дитя, пора нам прощаться, — тихо произнесла Верховная Мать, не убирая ладони с камня, и уголки её бездонных глаз будто немного опустились. — Я думаю, оба наши Дома получили полезный опыт. А мы с тобой — удовольствие от общения. Теперь двери нашего Дома для тебя открыты, и я лично буду ждать тебя. Мы ещё обсудим с Селеной и вашим Советом наши совместные занятия. Ты же не будешь возражать, если мы тебя пригласим к себе снова?

И она так сладостно улыбнулась, что у Лаянны выступили слёзы.

— Матушка, спасибо Вам за всё, мы непременно ещё увидимся. Я так счастлива, что меня выбрали для этой роли и направили к вам. До встречи...

И она, уже чувствуя, что сейчас заплачет, пряча голову, прыгнула в портал. Урания подождала мгновение, после чего отошла от каменного пульта. Светлая пелена медленно помутнела и рассыпалась осколками четырёх цветов. Верховная Мать венетов отрусила руки, посмотрела в пустоту между двух колонн и, хитро покачав головой, тихо произнесла:

— Эх, хороша, чертовка! — и немного повременив добавила. — Недоговаривает, хитрая маленькая сучка...

За три дня до встречи Кетера с Дафнисом, ещё один посыльный стриж прилетел в столицу Дома Зевеса, город Гонгилат. В научно-техническое сердце Миглаха. Природа этих земель имеет умеренный климат и вполне могла бы цвести не хуже бесконечных венетских садов. Но зевиты выбрали другой путь и техногенное покорение среды обитания превратило заселённые территории в площадки промышленного производства. Покружив меж дымящими трубами, вышками, антеннами и башнями, немало огорчившись состоянию местного воздуха, неутомимая птица присела на металлическую ограду балкона высокого дома, сложенного из больших кубических блоков бордово-коричневого мрамора. В этом неприметном здании жил Фульгур — Верховный Отец Дома Зевеса и давний друг Отца Дома Цифры, с которым они сблизились на почве научного интереса.

Как и все зевиты, он был крупным в плечах, коренастым, с ярко выраженными массивными чертами лица. Высокий лоб, выраженные скулы и глубокие, широко посаженные глаза дополняли картину спокойной уравновешенной силы. Благодаря свойственной им физической крепости и самоотверженности, люди Зевеса могли бы стать выдающимися воинами, но возможности разума привлекали их куда больше. Зевитов можно встретить на просторах Миглаха едва ли реже вездесущих герметов. Они очень любят общение, светскую жизнь и знаки внимания, а их синие плащи всех оттенков непрестанно мелькают везде, где только звучит слово «общество». Зевиты очень ревностно относятся ко всякого рода иерархии, порой не в меру честолюбивы и беспечны, что, впрочем, не мешает им быть целеустремлёнными и прогрессивными учёными. С начала нового времени после Параклаза они неустанно ищут способы взаимодействия магии и технических устройств. В других Домах шутили, что город Гонгилат похож на гигантскую паровую машину — столь много труб, источающих дым, его окружают. И шутки эти были недалеко от истины. Но наука — лишь часть того, чему обучают в школе Зевеса. Сочетания стихий Огня и Воды, Земли и Воздуха, которые иным Домам представляются взаимоисключающими, под властью изобретений Дома Зевеса сливаются в Эфире, запускаящем сердца их машин. Без своих технических посредников народ этого Дома весьма слаб в магическом плане, и подобно цифирам, но в ещё меньшей степени, они способны работать со всеми энергиями. «Успех и победа трудом и самоотдачей» — девиз тех, кто вошёл в этот Дом. Глубокий рациональный разум вполне обеспечивает им как первое, так и второе. Благодаря отсутствию враждебных стихий, зевиты почти никогда не шли на конфронтацию с другими народами, сторонясь только нелюдимых гади, а созданные ими техно-магические приборы облегчают жизнь во всех Домах Миглаха.

Подобно всем его подчинённым, Фульгур до слепоты погружался в свою работу. Как обычно увлечённый, с кружкой свежесваренного пива, он сидел на полу и копался в механизме дистанционной передачи энергетических волн. По его мнению, за такими технологиями было большое будущее. Он вообще любил изобретать, находя в этом занятии особое умиротворение и достойное применение череде своих долгих жизней. Как и прочие Верховные Отцы, получив божественный дар, он сотни лет мог ходить по земле, отодвигая неизбежное приближение смерти. Так же медленно он старел, а умирая, возрождался в новом теле. Заботясь о непрерывной утрате части своих знаний в процессе перехода, он тщательно записывал для следующего своего воплощения все исследования и разработки. От

того его огромный пятиэтажный дом был очень похож на смесь библиотеки и лаборатории, чем разительно отличался от красоты и пышной роскоши жилищ прочих Верховных Отцов. Такое положение вполне устраивало его изощрённый разум.

Посыльному стрижу пришлось влететь в комнату и буквально сесть на Фульгура, чтобы отвлечь его от любимого занятия.

«Гонец?! — удивился он даже больше, чем глава гильдии Камня герметов. — В этот-то век? Я таких и не припомню, когда видел. Никаких собраний Верховного Совета, вроде, не планировалось. Неужели кто-то ещё их тренирует, кроме хранителей Омфала...»

Он резво поднялся с пола. Последнее его перерождение было не так давно, лет двести назад, и он ещё наслаждался радостями молодого организма. Снял табличку с лапы птицы. Сообщение, в котором Кетер просил о неофициальной встрече, не произвело на него особого впечатления, поскольку он и сам больше любил личное открытое общение вместо официальных приёмов, скованных протокольными формальностями. Тем более, когда дело касалось старого друга, за чудачества которого он принял извещение птиц.

На утро третьего дня, как и просил Отец Дома Цифры, Фульгур снял защиту со своего рабочего кабинета, изолировал дом от внешнего проникновения и приготовил всё для облегчения открытия воздушного перехода в свои покои дорогому гостю. Ближе к обеду Кетер уже наслаждался знаменитым пивом Дома Зевеса и беседой о научных открытиях Фульгура, не упуская возможности похвастаться собственными исследованиями. С зевитами вообще легко говорить на любые темы. Кажется, что они знают всё обо всём, черпая информацию откуда-то прямо во время беседы. Для них знания, полученные всеми жителями Миглаха — это субстанция, подобная отдельной Стихии. Уникальный дар Дома Зевеса, полученный после Параклаза — возможность подключения к общему полю Разума. И Фульгур владел этим даром в совершенстве. К тому же, зевиты всегда могут понятно донести свою мысль оппоненту, словно чувствуя его мышление, трансформируя его под себя, или подстраивая своё изложение под уровень знаний собеседника.

— Друг мой, — говорил не по годам раззадоренный Кетер, — несомненно, одно только твоё пиво — это уже повод примчаться в гости. Но я, сам понимаешь, к тебе по делу.

— Само собой, — улыбнулся Отец зевитов, подливая янтарный напиток в обе кружки, — нам хоть времени отмеряно и много, но всё равно его не хватает. Сам знаю. Никогда за один цикл я не успеваю сделать всё, что действительно хочется.

— Вот как раз время и привело меня к тебе. Скажи мне, как учёный, ты анализировал то, что с нами происходит? Наша память, несовершенна. Ну, кроме Маркара, конечно. Разум нетленного не в счёт. Мы слишком многое теряем во время новых воплощений. Я думаю от тебя не скрылся тот факт, что каждый раз перерождение даётся всё тяжелее, а наши жизни сокращаются? Я проверял: в первой ипостаси мой срок был больше девятисот лет. А сейчас я и пятьсот не осилю. И у других Отцов — так же. Я проверял. Не смотри, что, например, та же Урания выглядит девочкой (и шикарной девочкой, кстати). Ей за пятьсот, и она почти мертва, всю силу тратит на поддержание оболочки. Глупо, конечно, такие-то возможности расточать, зато на берегу Океана Теней будет выглядеть неотразимо. И все мы так. Ты замечал?

— Да, Кетер, замечал, — глава зевитов вдруг стал серьёзным и, кажется, потемнел в лице. — И меня это тоже пугает. Тут ведь не только в сроках дело. Если не помнишь, загляни в свои кристаллы: что мы могли вершить тогда, на заре нашего мира. Сила была огромной. Мы сейчас лишь тень себя прежних. И с каждой новой смертью мы таем.

Становимся дряхлыми, невыразительными. А сколько пустых стало появляться? Раньше один — два на тысячу рождались. А теперь десятков, не меньше.

— И помню. И в кристаллы смотрел. Но ситуация ещё плачевнее. Весь наш мир, как и мы, чахнет. Усыхает. Ты не забыл какие течения Стихий раньше были? Я бы и представить не мог таких простых переходов, например, через Воздух, как сейчас — потоком силы разорвало бы в клочья. Помнишь, мы даже механизмы тогда создали для переходов? А теперь вот мы путешествуем запросто. Даже некоторые наши маги скоро смогут выдержать такой путь — Стихии почти не сопротивляются. Вялые стали, безжизненные. Они тоже умирают. Весь мир наш рассыпается.

— Да, мой друг, — согласился Фульгур, — я заметил это, когда наши древние агрегаты, которым по пять тысяч лет и старше, перестали работать. Им мощности потоков не хватает. Теперь мы вынуждены строить машины на других принципах, организовывать постоянный приток силы, увеличивать его. А Эфир? Ты мог бы представить несколько тысяч лет назад, чтобы мы дерзнули с ним работать? Я бы не решился тогда. У меня ещё чувство самосохранения осталось. А теперь пожалуйста. Эфир уже во всю на нас пашет. Даааа. Ты прав. Миглах застывает. Но я не знаю причины. Я уже думал над этим, но пока безрезультатно.

— Аааа. Это потому, мой дорогой учёный, что вы, зевиты, слишком на науку полагаетесь. И смотрите всё только вперёд. А мы вот, хранители традиций, «закостенелые», какими вы нас считаете, мы вот изучаем прошлое и вечное. И знаешь, я понял кое-что. Давеча и бессмертный Маркар, который всё помнит, но упрямо молчит, подтвердил мои подозрения.

— Маркар? — успел сказать Фульгур, пока Отец Цифры с упоением глотал пиво, смачивая пересохшее в разговоре горло. — Я стараюсь поменьше с ним общаться. Очень уж он, как бы это назвать, «своеобразен». Он совсем иной природы теперь. Не такой, как мы. Да и не особенно-то я разбираюсь в силах, которые ему подчиняются. Но что у него не отнять, так это память. Вечная память. Не чета нашей.

— Вот и я о том же. Подтвердил он мои опасения. В своих поисках я пришёл к тому, что мир наш не один, что есть великое множество таких же миров. И что связаны они все в единый организм. Маркар назвал это Плеромой. И так получилось, что Миглах наш от этого организма отделился. Закрылся абсолютно непроницаемым куполом. А что будет с частью организма, если его от целостности отрезать? Правильно — погибнет он. Усохнет и прахом станет. И вот тут я, дорогой мой друг, подхожу, собственно, к цели моего визита. Я долго изучал этот вопрос, ни одну жизнь, и вот, похоже, всё на свои места стало. Я понял, как этот купол можно уничтожить. Но для этого мне твоя помощь нужна.

— Да, пожалуй, ты прав. Теперь и мои наблюдения смысл обретают. А почему ты на Верховный Совет это всё не вынесешь? Совместно-то проще решить такую задачу? Это ведь всех касается, не только нас с тобой.

— Что ты, друг мой, — Кетер наиграно рассмеялся, — неужели не понимаешь, как у нас вопросы решаются? Не помнишь дразги и споры? Войны наши старые позабыл разве? А это всё из-за куда менее значимых проблем происходило. Мы только сейчас хоть какое-то равновесие установили, а представь, что начнётся, раскрой я такие тайны перед Советом. Мы погрязнем в распрях на сотни лет. А мир может уже и не выдержать. Точно не выдержит, по моим расчётам. У мира уже нет столько времени.

— Да уж, Кетер, в который раз убеждаюсь в твоей мудрости. Так как ты намерен

разрешить эту проблему? И что от меня требуется? Говори, я постараюсь помочь.

Отец зевитов заметно оживился. Его разум, вечно жаждущий новых знаний, почуял, что слова Отца Цифры могут стать началом грандиозных открытий. Глаза загорелись, а на щеках пятнами проявился румянец. Кетер заметил по-юношески задорное возбуждение друга, улыбнулся и немного потянул время, нарочито медленно глотая вязкий ячменный напиток. Насладившись моментом, он продолжил, когда Фульгур уже начал перебирать пальцами по ручке своей массивной кружки:

— Мои кристаллы памяти при некоторых условиях впитывают любую энергию. На этом принципе основана запись информации. Думаю, ты и сам это знаешь.

— Дааа, — в ответ с хитрецей улыбнулся Фульгур, — проводили мы такие эксперименты. Думали даже использовать их в качестве предохранителей на случай, если какие-то процессы со стихиями пойдут не по плану. Но отказались потом — нашли менее опасные способы. И куда менее дорогие. Цены-то у тебя заоблачные.

Кетер продолжил:

— А так называемый купол — это, несомненно, энергетическое явление. Вот я и решил создать настолько мощный кристалл, чтобы он этот купол аннигилировал. Зарядить по максимуму, поднять его над миром и активировать. Но для этого мне соответствующее оборудование нужно. Кристаллизатор, под стать тем, что ты мне поставляешь, но огромный.

Фульгур замолчал, в уме прикидывая габариты и мощность агрегата.

— Какого же размера ты хочешь камушек вырастить? Давай посчитаем какая автоклава тебе нужна для этого.

— Ну ты же знаешь, я не прихожу с вопросами, я ответы приношу. Всё уже посчитано. Вот держи, — Кетер протянул зевиту маленький кристалл памяти. — Здесь готовые чертежи и все описания. Камень будет около девяти тонн весом.

Глаза учёного округлились, и он даже встал от удивления. Девять тонн... При том, что самые большие кристаллизаторы, созданные раньше, давали выход продукта массой не более килограмма. Но теоретически это возможно. Фульгур попросил подождать. Сел глубоко в кресло, взял кристалл с чертежами в левую руку и медленно вошёл в транс, считывая информацию. Миллионы линий и конструкций, сотни тысяч расчётов и формул — всё в миг наполнило разум учёного. Да, проект был грандиозен (и когда это цифры научились так проектировать — эдак и его Дому работы не останется). Ничего более амбициозного раньше не делали, но схемы действительно говорили, что это вполне реализуемо. Просто никогда таких потребностей не возникало.

— Что ж, — начал глава зевитов минут через двадцать, выйдя из транса, — в принципе, этот аппарат можно сделать. Сложно, но можно. При достаточном финансировании и человеческом ресурсе, где-то за пару лет.

Кетер повеселел, предвкушая свою победу:

— А если я предложу избыточное финансирование и, в добавок, пришлю к тебе разработчиков проекта? — с этими словами он снял с пальца змейку офiona с соблазнительными жёлтыми глазами и положил её на стол перед собеседником. — С таким половинным авансом и помощниками ты сможешь за семь месяцев создать кристаллизатор?

Думал Фульгур не долго, учитывая жёлтый блеск офiona и перспективу его удвоить.

— Не сомневайся, Кетер, мы справимся, даже если придётся замедлить время. Но у меня условие. Я буду лично участвовать в процессе уничтожения купола. Такой опыт для меня, как учёного, бесценен.

— А я уж думал, что тебя придётся упрашивать мне помочь в этом. Конечно, друг мой. Это будет славная битва разума и сил природы...

Два Верховных Отца пожали руки и подняли наполненные душистым пивом кружки в честь свершившегося договора, а предстоящее грандиозное событие будоражило кровь давно соскучившихся по азарту друзей. Они долго ещё сидели, пили пенное пиво и вели душевную беседу, обсуждая нюансы совместной работы. Кетер покинул Дом Зевеса только на следующее утро, не забыв напомнить Фульгуру о том, что знать про их планы никому больше не стоит.

В разрушенной башне храма на острове Дагарок, подчиняясь велению таинственного властителя, время текло по-иному. Относительно всего прочего мира оно замедлилось в десятки раз. Пока для двоих жителей башни закаты сменялись рассветами, шли недели и месяцы, вне их убежища едва ли прошло несколько дней.

Целум обладал поистине безграничными возможностями в рамках этого места, служившего ему тюрьмой и за тысячи лет впитавшего саму его суть, став с ним единым целым. Его воля создала отдельный маленький мир, обеспеченный всем необходимым для наполнения нового ученика знаниями и опытом. Вечная весна в пределах роскошного храма-дворца и небольшого дворика — что может быть желаннее среди холодных голых земель кронианского севера и промозглых океанических ветров? Конечно, если этот дворец — не место твоего бессрочного заточения.

Держатель мира обладал знаниями о магии, чей уровень был совершенно недостижим всему Верховному Совету. И первое, чему он стал учить своего подопечного — никогда не полагаться на магию. Потоки стихийных энергий нестабильны, капризны и не предсказуемы, а многие народы Миглаха, по его мнению, совсем разучились жить в рамках обычных физических возможностей. Это стало великим даром Параклаза, но могло оказаться и весомым козырем в руках отступников, которым, похоже, предстояло выступить вдвоём против всего мира. Понимая это, в одном из виртуальных помещений храма Целум создал тренировочный зал и снабдил его запасом оружия на любой вкус. Значительная часть времени проходила в ежедневных утомительных тренировках.

По словам учителя, его ученик гибкостью был сравним с черенком лопаты, а силой и скоростью — с речной черепахой. Хотя упорство Дигона, подобное тому же, черепашьему, весьма радовало Целума. Так бывший рядовой поставщик информации Дома Цифры, а ныне — ученик древнего, лишённого власти и сил существа, встал на путь развития боевых навыков.

Первые полгода преобладала физическая подготовка. Утро начиналось не с завтрака, а с двух часов бега, разминки и растяжки. Пробежав двести пятьдесят метров, Дигон делал одно отжимание, одно приседанием одно подтягивание на перекладине; пробежав ещё столько же — два отжимания, приседания и подтягивания; пробежав следующую дистанцию — три подхода. И так до десяти. А потом — обратно до одного. В итоге, каждое утро он пробегал чуть больше лиги и совершал по сотне разминочных упражнений. Оставалось чуть более сорока минут на растягивание мышц и сухожилий, которые за тридцать семь лет размеренной жизни цифира никогда не подвергались таким испытаниям.

Только после этого была еда. Плотный завтрак из двух-трёх блюд, рождённых неистощимой фантазией Целума. После трапезы два часа выделялись на изучение основ новой магии. Наставник рассказывал об истинной природе вещей. О том, как в результате его убийства верховными жрецами, произошло разрушение единства энергетического организма Миглаха и сепарация Сил. О том, что именно убившие его жрецы, разделив между собой могущество Держателя, стали Первыми Отцами Домов. Говорил как нужно сочетать разрозненные начала и направлять волей полученные результаты. Учил соединять четыре стихии в Эфир и работать с ним без механизмов-посредников, подобно зевитам. Первые опыты молодого ученика удавались с трудом, но сложности интуитивного восприятия,

которые всю жизнь преследовали бывшего Gs-9, ушли в прошлое вместе с утратой личности цифира. Ученик всё больше радовал Целума. Со временем он научился без перехода в состояние транса и без дополнительных приготовлений, напрямую воздействовать на разношёрстную палитру энергий. Намного хуже дела обстояли с магией Смерти, которая никак не подчинялась слишком любившему жизнь Дигону. Целум и сам признавал, что эта сфера бытия не очень-то привлекала его, а потому оставил эксперименты по достижению в ней хоть каких-то стоящих результатов. Уроки магии молодому ученику нравились куда больше физических занятий.

Дальше шли силовые тренировки. Два часа тело повторно рождённого подвергалось изнурительным нагрузкам. Перемещение тяжестей, десятки всевозможных упражнений, по три-четыре на развитие каждой группы мышц. Каждый день разные, некоторые — в неестественных, совершенно неудобных позах. Дигон хотел было понять систему, созданную тренером, но в конце концов прекратил эти тщетные попытки. За долгие месяцы занятий, при незначительной помощи магии, его физическая сила возросла многократно, осанка стала бравурной, а мышцы налились мощью, обрели объём и рельеф. Казалось, он стал выше и подбористее. Даже выражение лица слегка изменилось: ранее спокойное и рассудительное, малость одутловатое, как и у большинства цифиров, сейчас стало выразительным, горделивым и пылким. Обозначились скулы, прятавшиеся до этого под гладкими щеками. Профиль стал походить на героя с картин, иллюстрировавших мифы и легенды для маленьких воспитанников школ Домов Миглаха. Серые тусклые глаза потемнели, запылали страстью и дерзостью. Ученичество явно шло ему на пользу.

После тренировки мышц Дигону позволен был час отдыха перед сытным обедом, сменявшийся изучением книг древних эпох, воссозданных Целумом по памяти. Ох, как много отдал бы Дигон за такие знания тогда, в прошлой жизни, собирая по крупицам тщательно скрываемую главами Домов информацию. И он узнавал намного больше, чем могли они спрятать. Об истории мира до катастрофы, с самого её истока. О создании Миглаха Изначальной Матерью, Теллур, как её звали во внешних мирах, и о том, как Уран стал Держателем, получив в этом мире прозвище Целум. О том, как совместными силами они вытянули из Хаоса, обуздали и упорядочили неразумные сущности стихий и прочие энергии сотворённого мира. О том, как прошли тысячи лет благоденствия под началом того, кем был его нынешний наставник. И о том, о чём в Домах не было даже легенд — про множественность пространства. Про то, что Плерома, объединяющая миры высшие и низшие с нашей реальностью, почти бесконечна. Про различные планы бытия, содержащие неисчислимое множество миров, планет и существ, их населяющих. Как физических, так и тех, кому чужда грубая материя. О том, что и сама Плерома, возможно, лишь часть чего-то ещё большего, невообразимого и непознаваемого в рамках мышления даже Целума. О сущностях высших, развитых и всесильных, конструктивных и созидательных. И про созданий низших, иногда не менее сильных, чья цель существования — разрушение и энтропия. О перманентной борьбе между первыми и вторыми, происходящей на всех планах, во всех зонах и на тысячах планет. И о об общем равновесии, которое складывается из побед и поражений обеих сторон. О великих бессмертных и про несчётные сонмы тех, кого смерть рано или поздно настигнет. Про грозные пророчества, которые сбылись, и которым, к счастью, не суждено было воплотиться. И про многое, многое, многое... Дигон каждый день с трепетом и волнением ждал книжных часов, как ждут юнцы на первое свидание свою возлюбленную.

За книжной наукой шли два часа обучения боевым техникам — рукопашному бою и владению холодным оружием. Вот уж где Целум изгалялся на все лады в мастерстве и искусности. Видимо, в своё время он был неподражаем в боевом деле, и обучать военному ремеслу мог до скончания веков. В первые недели Дигон только и делал, что повторял боевые и защитные стойки, блоки, статические позы и шаги из каких-то нелепых неудобных позиций. В последующие пару месяцев он освоил базовые удары руками и ногами — чёткие прямые агрессивные и наиболее эффективные. Научился правильно держать в руках щит, меч, булаву, топор, цеп, пилум, копьё, и начал неуклюже пробовать их в дебютных поединках. Параллельно учитель рассказывал ему анатомию слабых мест в телах живых существ, показывал болевые и смертельные точки, требуя меткого в них попадания, и постоянно сетовал на то, какими хилыми стали жители Миглаха со времён его заточения. А потом началось: Целум смешивал всевозможные техники десятков известных ему боевых школ, комбинировал сотни ударов разных стилей между собой, переходя от одного к другому, третьему, четвёртому в одной комбинации. Объединял в связке оружие и ударные техники, заставляя ученика повторять всё это, изворачиваясь и прогибаясь так, что кости хрустели от шеи до щиколоток. Несколько месяцев таких тренировок и бывший поставщик информации, рядовой путешественник и трудяга с документами Дома Цифры стал бойцом куда выше среднего уровня. Пожалуй, теперь он мог бы без потерь выйти победителем из боя с несколькими тренированными воинами Дома Ареса. И не так, как это уже происходило с ним, по воле случая, склонившего судьбу в его сторону, но в честном открытом бою. А очень не многим под силу справиться даже с одним арейцем.

Под конец дня Дигон был изнеможён, опустошён и обессилен. Тогда его ждал лёгкий ужин, отдых и невероятно крепкий сон. Примерно в таком темпе продолжались дни, недели, месяцы. Иногда Целум вносил разнообразие, меняя местами те или иные занятия. Очень редко, когда видел, что организм ученика звенит перетянутой струной, давал день отдыха. Тогда он мог расслабиться и провести время с кружкой чая в ленной полудрёме, раскачиваясь в гамаке среди благоухающих кустов сирени во внутреннем двореке иллюзорного храма.

Поначалу тело бывшего поставщика информации, привыкшего больше работать мозгами, чем кулаками, а тем более мечом, неистово сопротивлялось. В первое время случалось, что ломящая боль в мышцах и суставах, незнакомых с такими нагрузками, гасила свет в глазах. Тогда помогали оставшиеся эссенции, приготовленные кланом Лекарей Дома Цифры, или исцеляющие руки учителя. Но мало по малу, в течении полутора лет, через пот и кровь, в Дигоне закалилась новая личность повторно рождённого. А в остальном мире прошло не больше месяца. Так выковывал Целум своё лучшее оружие...

Через несколько дней после того, как воля Держателя перенесла его с новым учеником в потаённый уголок междумирья, на противоположной стороне континента, в столице жарких земель Аполлона, начинались приготовления к традиционному празднику.

Дом Аполлона, блистательнее которого не видела земля Миглаха, делит юг титанического континента вместе с Домом воинствующего Ареса. И аналогично последнему уверенно властвует над Стихией Огня, с тем принципиальным отличием, что склоняется к её творческому, конструктивному аспекту. Как и одноимённое дневное светило, дающее жизнь всему на планете, Дом Аполлона царствует над потоками Силы, имея способности, превышающие прочие. Его адепты, аполониты, среднего роста, сильные, с кожей золотистого отлива и соломенными вьющимися волосами. Они не изменяют время, как дети Кроноса, не видят, подобно дианитам, будущее и не властвуют над Смертью. Но в своих пределах им нет равных: каждый на своём уровне достоин троих таких же из других Домов, ведь сила Аполлона в максимальном раскрытии личного потенциала. Они — прирождённые лидеры и нежелательные соперники. Как яростны арейцы в борьбе, так же и неистовы аполониты в созидании. Несмотря на то, что численность населения этих благодатных земель не велика, территория их застроена городами и поселениями, красота зданий которых даст фору любым другим. На юге — золочёные крыши соборов и дворцов, гигантские величественные конусы пирамид гармонично сочетаются с густой насыщенной зеленью деревьев. На севере, ближе к центру континента — сухие степи и полупустыни украшены небольшими городами и пирамидальными храмами. Наравне с честью и справедливостью аполониты признают смыслом жизни только свободу. Потому их жилища просторны и всегда залиты светом, а правление Дома отличается открытостью и во многом носит совещательный характер. Их столица, Гелиос, похожа на гигантскую золотую монету, брошенную на зелёный бархат растительности. Ровные линии дорог прорезают участки со свободно стоящими усадьбами и массивными домами, украшенными колоннами, широкими лестницами и просторными открытыми террасами с каменными балюстрадами. Жилища окружают цветники и маленькие скверы со звенящими ручьями, создающие томную негу прохлады, столь желанную в этих жарких краях. Даже школа, расходясь концентрическими кругами от Замка главы Дома в центре Гелиоса, не имеет чётких границ, постепенно сливаясь с окружающей средой. Всё это великолепие стало возможным благодаря невероятному дару воплощать в реальности задуманное: Сила позволяет мыслям наиболее развитых аполонитов материализовываться, а возможность управлять Огнём надёжно сохраняет их леса и города от пожаров и засухи. Жёлто-золотые одежды, если кому-то посчастливилось встретить их трактами Миглаха, всегда сопровождаются шёпотом благоговейного восхищения.

В доме правителя с самого утра стоял шум, суетилась прислуга, повара с важным видом раздавали указания, стража в начищенных доспехах чинно патрулировала коридоры. То там, то здесь мелькали золотые плащи архосов. Гиперион, прославленный Верховный Отец аполонитов, принимал ежегодное собрание. Его дворец представлял из себя вытянутый прямоугольный комплекс, окружённый рощей мимозовых деревьев вперемежку с лавровыми и барбарисовыми кустарниками. Резные капители колонн по периметру держали на себе прямую крышу, в виде дополнительного открытого этажа, ограждённого тысячью метровых

статуэток из розового шпинеля. По четырём углам её венчали форпосты правильных позолоченных пирамид. Внутренний двор замка занимала просторная площадь, выложенная плитами сверкающего жёлтого кварца. Сейчас она была пышно украшена золотистыми флагами с вышитыми на них чёрным цветом геральдическими гербами всех альянсов Дома Аполлона. Два ряда ступенчатых фонтанов вдоль площади наполнили растёртым в пыль перламутром, и сотни тонких струек воды в них искрилась в дневном свете, переливаясь всеми цветами радуги.

Сам Гиперион, высокий, крепкого телосложения правитель Дома, ходил по уже подготовленному тронному залу и крутил в руке короткий церемониальный меч, который будет украшать его пояс на Совете. Груз почти четырёх прожитых столетий ещё не надломил крепости его тела, но уже проявился лёгкой сединой, почти незаметной в золотисто-песчаных локонах и на короткой плотной бороде. Густые с изломом брови накрывали глубокие ярко-голубые глаза. Высокие скулы и две вертикальные морщинки над переносицей придавали ему несколько угрюмый героический вид. Дополнял образ, исполненный достоинства, длинный с лёгкой горбинкой нос, упирающийся в усы, подковой переходящие в бороду. Сейчас казалось, что морщин на его лице прибавилось — беспокойно было у него на душе и причины тому были весомые.

Вечером того же дня в тронном зале замка за огромным П-образным столом, накрытым изысканными яствами, сидели главы альянсов Дома и их доверенные лица. Во главе стола, на небольшом троне, спинка которого изображает небесное светило с расходящимися лучами, в парадном гравированном нагруднике из чистого золота, сидел немолодой, но полный сил и неугасимой энергии Отец аполонитов. Собrania Совета Дома уже много лет носили формальный характер и были, скорее, дружеским поводом съехаться на шикарный пир, чем рабочим инструментом решения государственных задач. Но не в этот раз.

После того, как гости насытились и потоки свойственного этому народу хвастовства собственными достижениями начали сменяться светскими беседами, Гиперион встал и взял слово:

— Братья, прошу тишины! — серьёзность его зычного проникновенного голоса мгновенно прекратила всякие разговоры. — Нынешний Совет не будет простым. Ещё недавно я ждал от нашего праздника традиционной лёгкости, но на днях кое-что произошло. Я не стану утомлять вас долгими прелюдиями и перейду сразу к делу. Судя по всему, Миглах стоит на пороге серьёзных событий. В глубокой древности, когда наш мир пережил катастрофу Параклаза, и жизнь обрела привычные теперь правила, наши предки едва не вымерли в борьбе с неведомой и ныне забытой силой. Её угасающее эхо инородным привкусом даже сейчас ощущается в потоках энергий нашего мира.

Стоит заметить, что Гиперион отличался меж прочим жителей Миглаха и даже среди Верховных Отцов, исключительной эмпатией к состоянию окружающей энергетике и чувствительностью к Силе. Присутствующие это прекрасно знали.

— Несколько дней назад, — продолжил он, выдержав небольшую паузу, — во время утренней медитации я ощутил, что этот привкус усилился, стал чётче, выразительнее, можно сказать освежился, хотя всё время, которое я помню, он только мучительно медленно затухал. Я связался с другими Верховными Отцами и поведение некоторых из них меня насторожило. К мёртвому я не обращался, сами понимаете, хотя он бы, пожалуй, и мог что-то рассказать. Агорей, Фульгур и Урания, похоже, заняты своими делами и ничего не знают. Или умело делают вид, что не знают. Мудрый Кетер вообще куда-то исчез и не выходит на

связь, но с ним такое бывает часто. Наш сосед, апологет войны Квирион, возможно, и обладает какой-то информацией, поскольку по своей простоте и бесхитростности сразу стал напоминать о старых обидах, упорно уходя от ответа. Хозяйка тайн грядущего, Селена, по своему обыкновению, начала туманно говорить о провидении и пророчествах судных времён. Это мне не нравится. Её предсказания обычно сбываются. И только Лабрис, хитроумный Отец угрюмого Дома Кроноса, несмотря на наши противоречия, ответил сдержанно и по существу. Сейчас он не в лучшей форме. Приближается его черёд покинуть наш мир, но он чётко ощутил странные возмущения во временных потоках в тот же час, что и я — в потоках энергетических. Это не случайное совпадение, и Лабрис это понимает. Как понимает он и то, что происходящее может оказаться выше наших мелких разногласий. Потому мы пришли к выводу о необходимости временного союза, пока ситуация не разрешится, и мы не поймём с чем имеем дело.

Гиперион помолчал. Дал время своим подопечным усвоить информацию, и закончил:

— Итак, я изложил всё, что сейчас нужно для понимания ситуации. Давайте обсудим то, как нашему Дому вести себя дальше...

За столом начали говорить архосы. Сначала тихо, шёпотом, советуясь со своими помощниками. После в голос, между собой. Так продолжалось недолго, пока первым не поднялся Ратор, могучий архос альянса Брани, под чьим началом находились военные формирования Дома Аполлона:

— Отец, не примите за дерзость и сомнение в Ваших решениях, но Кронос?... Мы никогда особо не ладили, да и наши стихии враждебны друг другу. Стоит ли нам доверять кронианцам?

— Конечно нет, — без промедления ответил Гиперион. — Больше скажу. Для тебя, доблестный Ратор, особое поручение. Проверь войска. Проведи ревизию боеготовности. На всякий случай, без шума, обнови списки резерва. Никто сейчас ничего не знает, но быть во всеоружии не помешает.

Ратор сел с чувством явного удовлетворения, предвкушая долгожданную активность порядком заскучавшей армии. Серьёзных конфликтов не было уже очень долго. Второе поколение успело вырасти в мирное время, а опытный воин понимал, что армия, словно кованный металл — закаляется в горниле огня, а если лежит на складе — ржавеет. Гиперион тут же обратился к сидящей по правую руку от него архосу альянса Коструктов:

— Лита, дорогая, проверь охранные сигналы по заставам. Особенно на востоке. И направь своих к Ратору, пусть вместе поработают над снаряжением — оно, наверняка, потеряло былую мощь за годы бездействия.

Лита, прекрасная руководительница альянса предметной магии и первая жена Гипериона, одобряюще кивнула.

— Мне нужна будет помощь Астры, — добавила она, посмотрев через плечо мужа на сидевшую по левую от него руку архоса альянса Источника, свою младшую сестру и вторую жену Гипериона. — Мои запасы стихийных сил тоже давно не обновлялись и точно не готовы к такой мобилизации.

Слишком молодая, как многим казалось, для архоса, златовласая Астра улыбнулась в ответ:

— Договоримся, дорогая. Мы как раз недавно освоили новые методы концентрации Огня. Вот и проверим их в действии.

Архос альянса Резерва, весьма располневший, как и свойственно его роду занятий,

бывший атлет-тяжеловес, неуклюжий и огромный, как скала, Солидар не пытался встать из-за стола. Он и так, даже сидя, был выше тех, кто вставал. К тому же, благодаря его размерам, процесс этот мог быть разрушительным. Совершенно нелепым по отношению ко внешнему виду, мягким бархатным голосом он поприветствовал собравшихся и доложил, что склады и государственные запасники совсем не готовы резкому изменению ситуации с оборотом товаров. Продовольствие в наличии рассчитано только на полгода мирного времени. В ответ архосам альянсов Казны и Ресурса Гиперион дал задание увеличить запасы до расчётных полутора лет: выделить средства на закупку зерновых у соседнего Дома Венеры, направить свободные руки на дополнительный отлов рыбы, повысить урожайность силами магов-аграриев и прочее.

С места поднялся Аркадий — архос Филеров, садившийся, по привычке, с краю, лицом ко входу:

— Я активирую своих агентов в других Домах и направлю усиленные группы в столицы. Узнаем, что им известно в свете происходящего. И я согласен с Ратором, нам стоит быть особенно осторожными с кронианцами. И с Гадесом тоже. С последними так вообще тяжело. У меня есть там пару источников, но они слабые. К Маркару не подобраться — гади фанатики и их не купишь прелестями жизни. Через два месяца я буду с докладом. До встречи, — Аркадий поклонился, прижал кулак к сердцу в приветственном жесте, и посмотрел на Верховного Отца, который повторил его движение. Глава Филеров вышел из-за стола и направился к себе в альянс раздавать указания, не дожидаясь окончания Совета. Он знал, что дальше будут только пустые разговоры и реки хмельного пива, а тратить попусту время было не в его привычках.

Гиперион поднял руку и начавшиеся было перешёптывания смолкли.

— До встречи, брат Аркадий. Через указанное время мы собираемся снова. К тому времени будут и результаты, и новая информация. Когда мы будем готовы, я направлю весть в Омфал и иницирую Верховный Совет Миглаха. Первый на моей нынешней памяти.

Ужин продолжался до глубокой ночи. Аркадий был прав: ничего, кроме всеобщего опьянения, в тронном зале больше не происходило. Архосы спорили о природе странной Силы, распределяли обязанности по мобилизации ресурсов Дома Аполлона, обсуждали как контролировать происходящее и строили планы на случай, если ситуация выйдет из-под контроля. Ближе к полуночи Гиперион в обнимку с жёнами ушёл продолжать праздник в уединении, а последние гости разошлись уже с первыми лучами рассвета. Впереди наступали трудные дни.

Сердце столицы дианитов, серебряного города Менна, среди ночи было растревожено. В высоком и стройном, облицованном лёгкими пластинами матового металла дворце Селены, Верховной Матери Дома Дианы, поднялся шум. Сработал приёмник на воротах Талари. В замке, никто не спал (дианиты в большинстве предпочитают ночное бодрствование и дневной сон), но обычная тихая медитативная обстановка была нарушена. Наблюдатель за воротами побежал искать Селену, а та уже спешила навстречу, получив сигнал о чьём-то прибытии. Гостей она не ждала. Пришлось оторваться от дел и не переодеваясь, в длинном свободном домашнем платье, бежать на зов. Распушенные чернявые волосы играли волнами на ветру, скрывая заострённые уши, украшенные серебряными каффами с бриллиантами. Грациозная худощавая фигура Верховной Матери плыла белым пятном по клиновидным гуртам каменных коридоров дворца в сопровождении своего советника. Архос ковена Аналитиков, мудрец Эндимион, почти никогда не покидал свою госпожу. Она спешила. Перемещение воротами Талари — не самое приятное занятие и ей хотелось поскорее узнать о незваном таинственном посетителе. Слишком много знаков за последние дни говорили о странностях: резко возросла внутренняя напряжённость энергетических потоков Миглаха, медитация стала беспокойной, обрывистой, да и пророчицы-дианики начали говорить о тревожных снах, которые посещают их уже который раз. Всё указывало на какие-то экстраординарные события, а теперь ещё и ворота сработали...

Охрана у входа в экранированную комнату врат выстроилась по струнке при виде приближающихся правителей Дома и примкнувшего к ним наблюдателя. Глава дианитов, властным шагом преодолев порог комнаты, осеклась и на мгновение даже растерялась. Скрещенные колонны врат уже затухали и напряжённое пространство между ними рассеивалось. По поверхности подводящих прозрачных труб пробегали и таяли последние змейки разрядов, а на полу возле прохода лежало тело. Платье и плащ измяты, местами сорваны с тела. Лоснящиеся длинные волосы растрёпаны, словно их хозяйка побывала в центре урагана. Крепкие стройные ноги, местами со следами красных воспалённых пятен от не самого удачного перемещения, скрещены боком одна над другой. А всё остальное тело лежит на спине, раскинув руки со стёсанными от падения локтями.

— Лаянна, дитя моё, что ты здесь делаешь? — величавый силуэт Селены склонился над лежащим на полу телом. Но ответить она не смогла. Лишь протяжно застонала, пытаясь приподняться на ободранных локтях.

Эндимион выбежал за помощью. И уже через минуту ослабевшую юную пророчицу, которая едва сама могла держать голову, крепкий охранник нёс в купальные залы — одну из построек дворцового комплекса. А следом, погружённые в мыслеформенную беседу шли Селена и её советник.

— Что же могло произойти, Эндимион, раз уж эта девочка сама, без специальной защиты пошла через ворота? Мы её ждали не ранее чем через год. Она же ещё слишком молода, вполне могла и не выдержать перехода. Настораживает меня это событие. Ещё и ковен Мантики последние дни тревожит. Сёстры все, как одна, видят неразборчивую смутную фигуру, что мчится к нам из пустоты, расставив руки. И не понятно: то ли обнять хочет, то ли угрожает и держит, чтоб никто не сбежал. Все снова вспомнили пророчество о «Сосуде Боли», сказанное мной в ипостаси прошлой Верховной. Да и путешествия как раз в

это время какие-то искажённые стали, словно по всему сновидческому миру волны идут. Плавные. Сейчас уже спокойные, но мощные. Массивные. Неделию назад ещё и Гиперион вопросы задавал. Он изменения в междумирье почувствовал. Говорит, какие-то древние, противоестественные. И вот сегодня наша девочка появилась.

— Да, — качнул головой советник, — чудо, что пережила и в сознании вышла. И Урания тоже ведь «хороша». Явно ведь, что не защитила её никак от Эфира. Может разозлилась она на нашу Лаянну? Может насильно отправила?

Селена мысленно возразила:

— Придёт в себя — выясним. Но не думаю. Урания знает, что в автоматическом режиме наши врата не примут никого, кроме дианитов, а её защита исказила бы эфирную суть Лаянны. Но и так просто засовывать неопытное дитя в эту мельницу тоже не дело. Ты прав.

И добавила уже в слух охраннику, прошедшему в двери купального зала:

— Спасибо, Ирвин, оставь нас, дальше мы сами управимся. На всякий случай побудь в коридоре, последи, чтобы нам не мешали.

Просторный и неглубокий ступенчатый бассейн, полностью занимал здание со стеклянной купольной крышей, примыкающее к стенам основной башенной свечи дворца. Оно служило местом расслабления и восстановления утраченных сил. Стены купального зала выложены гладкой галькой небесно-голубой бирюзы с тонкими чёрными и белыми прожилками. Отражённый мерцающий свет звёздной ночи, пробивающийся сквозь абсолютно прозрачный купол крыши, создавал приятный голубоватый полумрак. В нём можно было спокойно видеть даже без дополнительного света, но, при необходимости, освещение добавлялось круглыми матово-белыми лампадами, хаотично, но равномерно расставленными по всему помещению. Мягкая, словно пуховое одеяло, вода, наполнявшая бассейн, была заботливо до предела заряжена магией своей Стихии. Дианиты любили воду. И Вода любила Дом Дианы.

Лаянну уложили в бассейн на мелкую площадку. Окружающая среда мгновенно приняла температуру, наиболее комфортную для того, кто в неё погрузился. Всё залитое пространство сразу ожило мириадами огоньков, будто потревоженная бесчисленная стая светлячков. Тысячи мельчайших горящих точек из пространства вокруг начали стягиваться, обволакивая безукоризненную гибкую фигуру юного тела с несвойственными для дианитов выдающимися формами. Концентрировались возле головы, в местах ссадин и красных пятен на руках и ногах. Сначала было лёгкое прикосновение силы, словно множество маленьких перьев, сорванных порывом ветра, коснулись голого тела. После появилось лёгкое скребущееся покалывание, дрожь, нарастающее напряжение, и, наконец, вспышка обжигающего колющего проникновения в каждой клетке кожи. Сознание вернулось мгновенно. Лаянна начала приходить в себя, понимать происходящее, где находится и как сюда попала. Энергия стихии хлынула в дочь Дианы волной, значительно превышающей её собственные силы. Она встала и вышла из бассейна. Вода послушно покинула её волосы и одежду, тут же оставив их совершенно сухими и чистыми. Повернувшись к ожидавшим её излечения правителям Дома, юная чародейка упала на колени и вскрикнула:

— О, Боги! Верховная Мать, здравствуйте! Советник Эндимион, моё почтение! Я вам так благодарна за спасение! Не рассчитала я свои возможности — с трудом барьер Талари пережила. Прошу, простите, что я не дождалась конца срока и не закончила порученное мне дело! Но у меня есть причина. Произошло ужасное.

Она набрала воздуха в грудь, чтобы рассказать о невероятной встрече с незнакомцем в

Доме Венеры и о своих догадках его природы, как Селена спокойно её осаждала:

— Остановись, дитя, успокойся. Живая вода сейчас играет пламенем в твоих венах. Присядь к нам, глотни этих трав и рассказывай.

Владычица подала ей хрустальную чашу, играющую голубыми отблесками бирюзового света в гранях тонкой ромбовидной огранки. Лаянна присела на пол, на мягкие подушки рядом с правителями и приняла чашу у хозяйки замка. Отвар трав был тёплым и тягучим, пряным и сладковатым на вкус. Первый же глоток усмирил внутреннее буйство, подарил спокойствие, размеренность и умиротворение, привычные в стенах этого Дома.

— Мать Селена, — уже тихо начала Лаянна, — моё задание шло гладко. Я училась вместе с сёстрами и братьями венетами, знакомилась с их Традицией, налаживала связи, и мои дела шли хорошо, как я могу судить. Но шестого дня в прошлое случилось невероятное событие, и я испросила у Верховной Матери Венеры право срочно примчаться домой. Она позволила. И пригласила даже назад вернуться, чтобы закончить наш с ними договор...

Селена слегка улыбнулась, подумав о том, как прекрасна и легка наивность. Только она позволяла видеть в Урании, древней эгоистичной распутнице, светлый образ, который явно проступал в глазах юной прорицательницы, когда та говорила о ней. Но рассказ прерывать не стала.

— Итак, во время занятий по искусству перевоплощения в объект чужих ожиданий (весьма скучная дисциплина, кстати) я ощутила холод. Но не просто холод, что и так среди жаркого южного дня было бы странным, но именно наш холод, северный. Да ещё и со вкусом стихии Земли. Вы представляете: среди тёплых потоков Земли, подчиняющейся венетам, меня накрыло холодной Землёй, словно дыханием Кроноса обернуло. Я вдруг поняла, что к месту наших занятий двигается что-то странное, чуждое не только Венере, но и всем другим Домам. Я смотрела на остальных — они ничего не чувствовали, они все сидели, как ни в чём не бывало. И вскоре стало понятно почему. Через минуту я ощутила приближение ходящего во сне, но он не из наших был явно. И вообще, кажется, шёл не самостоятельно. Я никогда такого не видела, чтобы в таком глубоко личном процессе, как осознанный сон, кто-то третий управлял сновидцем. Да и никого третьего не ощущалось. Кажется, его сам сон вёл, но так чётко, целенаправленно, аккуратно.

Селена подняла руку, остановив рассказ, многозначительно и тревожно посмотрела на Эндимиона. После вновь взглянула на Лаянну и кивнула головой. Та послушно продолжила:

— Я проверить решила кто это. Или что. Вошла в транс. А там человек. Точно не наш. По виду на цифира похож, но совершенно пустой. Я таких пустых даже не представляла себе. Я думала в каждом хоть мизер есть магии, а этот вообще ноль. Абсолютный. Словно и не из нашего мира. Но я поговорила с ним. Он и сам подтвердил, что не по своей воле явился. К тому же, ничего не понимает и даже ходить во сне умеет. И вот тогда я вспомнила древнее пророчество прошлой Матери. Вы помните: «...Сосуд пустой идёт слепой; без воли сам, чужою волей. Рождённый северной судьбой, нутро наполнит общей болью. Сотрёт, разрушит, уничтожит. Переполох, смятенья, страх...». Ведь слово в слово про моего гостя. Потому я и примчалась, как только смогла. Я связь теперь с ним ощущаю такую, что Урания её сразу заметила.

Селена помнила. Селена сама и выпустила в мир это мрачное пророчество о конце мира, каким его знали жители Миглаха. Она поднялась и плавно приблизилась к Лаянне. Положила прохладные бархатные пальцы на рокошущие волнением виски юной дианиты и произнесла с мягкостью, не терпящей никаких возражений:

— Я сама посмотрю. Расслабься и открой свою память.

Бирюзовый зал, испещрённый мерцающими огоньками, поплыл перед глазами, теряя чёткость форм. Туманным облаком свет Дианы опустился сквозь хрустальный купол, повинаясь воле Верховной Матери, и закружил сознание Лаянны в водовороте времени. Селена великолепна, когда творит магию. С лёгкостью, доступной лишь древним, она слилась со стихией и устремилась в глубины воспоминаний своей ученицы. И вот уже не с чужих слов, а своим видением она стоит на границе цветущего леса Дома Венеры, поодаль от амфитеатра, заполненного зелёными плащами слушательниц. Уже к ней приближается загадочный гость, ведомый силой сна, и уже она сама ощущает тот трепет и смятение, которые заполняли душу Лаянны перед лицом неизвестного. Но она видит больше. Куда больше неопытной молодой прорицательницы. Перед ней — едва различимый, вибрирующий след, тянущийся далеко на север, во владения мрачного Кроноса. И печать неведомого, пылающая эфирным пламенем вокруг пустоты незваного гостя. Было в этой энергии что-то до боли знакомое, пугающее из забытого прошлого. Огромное, вызывающее иррациональный страх, что одновременно содержит в себе и каждую крупицу знакомого мира, и нечто совершенно чуждое, инородное. Беседа не интересовала её. Но сам гость действительно оказался достойной причиной возвращения.

Селена аккуратно убрала руки от головы, нежно потрепав волосы Лаянны, несколько раз помассировала плечи, возвращая чувства медленно приходящей в себя девушке. Всё вновь стало на свои места и прошедший ритуал напоминал о себе лишь пьянящим головокружением. Воды купального зала бережно приняли на себя откат магии Селены.

— Отдохни немного, дочка. Выспись, — задумчиво прошептала Верховная, оставляя растерянную подопечную. — На рассвете следующего дня приходи в зал Совета Дома. Нам есть что обсудить.

Поманив рукой Эндимиона, она ушла из бассейна и погрузилась в очень беспокойные мысли. Весть о приходе Разрушителя, понукаемого неизвестной волей, Селена раскрыла ещё сотни лет назад, незадолго до того, как тело прошлого воплощения покинули жизненные силы. Для всех, кроме узкого круга посвящённых в секрет перерождения Верховных Отцов, она вскоре «умерла», истощённая последним великим пророчеством. Тайный источник жизни, струящийся во дворце Верховного Совета города Омфал, открыл тогда свои воды для специально отобранной преемницы, вся жизнь которой сводилась к единственной цели — принять хозяйку Дома. Молодая безымянная дианита вошла в них. А покинула источник — новая Селена, как выходили из него раз за разом и все прочие Верховные Отцы, отдавая дань ритуалу частью своей жизни и памяти. Кроме нетленного Маркара, конечно же.

Селена не могла ни ужаснуться тому, что пророчество сбывалось. А в этом, она не сомневалась после того, как ощутила неизвестную, но в то же время очень знакомую потустороннюю Силу за плечами таинственного гостя.

Совет Дома Дианы спешно собрался на рассвете. Далеко не все архосы ковенов могли присутствовать лично, но дианиты, имеющие родственную связь друг с другом, и без текущей срочности давно привыкли общаться мыслеформами. В созданных Верховной Матерью строгих пустынных чертогах разума над серебристой мягкой травой сияла благосклонная Диана. Ничто не отвлекало присутствующих от беседы. Селена появилась в сопровождении юной красавицы, а вокруг каменного колодца, чьё нутро освобождало невысокое синеватое пламя, на траве уже сидели семь архосов основных ковенов Дома Дианы: Мантики, Аналитики, Сноходцы, Водные, Прядильщики, Матроны и Щиты. П левую руку рядом с Селеной, чьё место единственное обозначалось небольшим возвышенным холмом, присела Лаянна. Выглядела она слегка смущённой знатным обществом, в окружении которого была впервые. По очереди Селена пристально посмотрела в глаза каждому в круге, проникая в мысли ритуальным приветствием, и открыла Совет:

— Дети мои, мы все чувствуем ауру мира и знаем, что тихие волны потока времени равномерно меняют ритмы нашей жизни. Они то заряжают окружающую реальность потенциалом развития, то облегчают природную энергию спадом. Но иногда в его вечный океан приходят приливы и отливы. Тысячелетия наша жизнь протекала в относительном равновесии, не зная радикальных перемен в его полноводном спокойствии. Наша благая владычица Диана даровала нам право видеть глубже сквозь мутные воды времени. Значимые события, которым только суждено произойти, порождают в наших сердцах волнительную дрожь предвидения. Одна из таких ситуаций и послужила поводом нашей сегодняшней встречи.

Волнение пробежало по лицам архосов. Все уже были в курсе о внезапном возвращении молодой ученицы и теперь, видя её рядом с собой на Совете Дома, гадали о причинах его срочного созыва. Селена продолжала:

— Сотни лет назад мы раскрыли тайну, не сулящую ничего хорошего. По меркам нашей жизни это произошло в глубинах прошлого, но с точки зрения бескрайнего времени — совсем недавно. Вы знаете пророчество предыдущей Матери о Разрушителе, чей приход должен положить конец существующему миропорядку. И все эти годы мы жили под гнётом ожидания его реализации. Многие из вас уже обратили внимание на возмущения в потоках энергий, появившиеся в последние дни. Сны стали сумбурными, вязкими, Вода беспокойной, а Эфир наполнился непривычными колебаниями. Прошлой ночью наша дочь Лаянна прорвалась сквозь пространство и принесла вести, которые дают мне основания думать, что безрадостный момент пророчества настал. Я покажу вам.

Хозяйка Дома положила холодные руки на голову Лаянны и передала присутствующим мысленный отпечаток событий, который вынула из её разума. Повисла тишина. Даже здесь, в изолированном мире, созданном сознанием Верховной Матери, такая тишина была редкостью. Мгновения спустя, собравшиеся пришли в себя. Обыкновенно спокойные и степенные дианиты оживились. Заговорили. Первой высказалась Каридан, архос Матрон — совещательного ковена, в который на склоне лет направлялись самые старшие и умудрённые опытом члены Дома Дианы:

— Несомненно, эти события связаны. Уже который день мы сталкиваемся с нестандартным состоянием мира вокруг и теперь многое становится понятным. Но

Верховная Мать, неужели нет сомнений в том, что именно Разрушитель пришёл к нашей дочери? Возможно, просто Дом Цифры ставит свои эксперименты, и они как-то приручили осознание во сне? Они ведь могут. С них не станется.

— О, как бы я хотела, чтоб это было так, почтенная Каридан, — возразила Селена, — но память прошлой Верховной ещё свежа во мне. Я однозначно узнала след той загадочной Силы, которая сопровождала таинство прорицания. Её ни с чем не спутать — в нашем мире нет её аналога. Но для верности мы, конечно, должны убедиться. И для этого мы здесь. Полный Круг не собирался уже много лет, но сегодня, в час полной силы Дианы, мы будем смотреть нити реальности.

— Без помощи других ковенов? — переспросила Елена, задумчивая тихая глава Прядильщиков, и её длинные вьющиеся волосы, собранные заклинанием удержания, распустились, как бы подчёркивая удивление. — Хватит ли нам сил без подготовки и без помощников правильно провести ритуал?

— Придётся. У нас нет времени на это. Мы должны выяснить что происходит на самом деле, — ответила Селена и подняла руки ладонями вверх, приглашая собравшихся встать.

Архосы во главе с Верховной Матерью и юной Лаянной поднялись. Взялись за руки и встали живой цепью вокруг холодного пламени колодца Силы — ментальной проекции алтаря в замке Селены, который аккумулировал магию Дома Дианы. Хозяйка начала творить. Обстановка изменилась. Лёгкое голубоватое свечение, до горизонта заполнявшее степной пейзаж мира, созданного разумом Верховной, постепенно менял оттенок на более тёплый, желтовато-белый. Травяной ковёр растаял. Исчезла сама твердь, на которой стояли колдующие. Их внешний вид, перенесённый с реальных тел до мельчайших подробностей, так же сменился, приобрёл гравюрные схематические очертания, словно сотканые из ярких белых линий. Образы девятерых магов парили в бесконечной пустоте, наполненной многомерной сетью хаотически переплетённых нитей с разноцветными огоньками в точках пересечения. Круг силы слился в единое кольцо, лишь немного обозначая утолщениями места участников ритуала. Волны энергии начали расходиться во всех направлениях от этого кольца. Всё дальше и дальше проявляли они паутину, окрашивали всё новые и новые узлы территорий, явлений, событий и лиц, в них участвующих. Так продолжалось, пока вся картина не превратилась в половину колоссального необъятного шара и волны не упёрлись в гигантскую полусферу стального свечения, заключившую в себя беспорядочный образ сети. Фигура стала похожей на разломанный хрустальный мяч, неравномерно разрисованный изнутри художником-авангардистом. На округлой поверхности в разных местах обособленно разливались сгустки синих, чёрных, зелёных, белых, красных, серых, смутных, фиолетовых и золотых красок. Переплетение линий оформилось в детальный образ материка. Дальше, растекаясь по дугам полусферы, нити теряли чёткость, пока в конце концов не истончились и таяли.

Дианитов покидали силы. Елена уже едва оставалась в сознании, перенаправляя энергию Круга в визуализацию плетения нитей реальности. Она бы не удержалась, если бы не помощь архоса Щитов, могучего гиганта Галита. Даже в таком контурном очертании образа, он сохранял признаки рослого атлетического волота. Белое свечение на месте Галита в цепи магов потускнело. От периферии той позиции, которую он занимал в круге, к сердцу стянулись потоки, истощая запасы щитоносца. В том месте, где должен быть центр груди Галита, сформировалась точка концентрации сил. Достигнув апогея, она двинулась в сторону Елены и её образ, уже едва различимый туманным облаком в общем круге, снова

обрёл сияние. Круг не распался. Последняя волна энергии глухим хлопком разлетелась по всем выстроенным нитям необъятной паутины, фиксируя их. Портрет Миглаха был готов.

Аватар Селены, выделявшийся в общем ряде исключительной густотой и насыщенностью свечения, закрутился вихрем, собирая с прочих участников остатки силы. Когда Круг стал похож на блеклое серебряное кольцо с огромным полыхающим бриллиантом в наверху, она выхватила сознание Эндимиона и вместе с ним рассыпалась миллиардами огненных струек. Полыхающие змейки двинулись от средоточия Ритуала вдоль всех нитей реальности по замысловатой фигуре паутины. Они искали отпечаток пути загадочного гостя юной пророчицы и тот неведомый Источник, чья воля вела его сквозь пространство дорогами сна.

Селена видела сейчас одновременно все потаённые уголки мира. Сама была его частью. Пропускала через себя прошлое, настоящее и будущее, растекающееся бесчисленными вероятностями в неведомое. Вот он, в садах Венеры, след «пустого» собеседника Лаянны. Чёткий, уверенный, но неизвестно как пропитанный связью всех стихий. Земля, Вода, Воздух и Огонь не конфликтовали в этом следе, как должны были, а равномерно заполняли его, словно нанизанные на невидимый плотный стержень. Вот он, через тысячи лиг направляется на северный край Миглаха, куда за ним устремляется Хозяйка Дома Дианы. Сила ещё наполняет её, когда она приближается к маленькому острову на самой границе Дома Кроноса. И здесь Селену встречает... Пустота. Абсолютное ничто. Отсутствие всякого бытия среди плотного сплетения нитей паутины, построенной дианитами. Ни пространство, ни время, словно бы и не касаются маленького чёрного эллипсоида на южном берегу острова Дагарок. Будто кто-то старательно стёр его из памяти мироздания. Но не затем Верховная Мать собрала общий круг магов, чтобы пассивно наблюдать за неизвестным. Она призвала сознание Эндимиона, ещё полное нерастраченного потенциала, собрала с него всю доступную энергию на острие тончайшей иглы своего восприятия и что было сил ринулась в самый центр пустоты.

Нет. Игла не встретила сопротивления, как полагала Верховная, не врезалась в жёсткую защиту, не рассыпалась ледяными осколками. Она вошла в вытянутый шар, словно острый клинок в мягкое тело врага. И застыла в нём, удерживаемая неоторимой хваткой, источник которой Селене был совершенно неизвестен. Вокруг Матери дианитов сгустилась дымка, мутно играющая радужными переливами. Проступило видение цветущих полей, окаймлённых скалистой грядой, и царственной башни, возвышающейся над этим пейзажем. Селена стояла перед ней, словно ребёнок, и не могла пошевелиться, замороженная происходящим. Резная, окованная тяжёлыми чугунными полосами дверь храма открылась и навстречу парализованной дианите вышел высокий в полтора человеческих роста могучий хозяин башни. Его каштановые с проседью волосы спадали на белоснежную тогу, окаймлённую светящейся пурпурной кромкой орнаментов и символов.

— Здравствуй, дочь Селена, — прогремел, отражаясь эхом от стен пристанища зычный мягкий бас. — Я долго ждал нашей встречи.

Голос его звучал спокойно и уверенно, хотя резкий огонь в глазах не предвещал ничего хорошего. Великан подошёл вплотную и положил огромную правую руку величиной с голову Матери Дома Дианы ей на плечо. От незнакомца исходила мощь, которую Селена не могла постичь, несмотря на тысячи лет владения Силой. Как ей казалось, высшей силой в пределах Домов Миглаха. Попытки защититься, воззвать к стихии Воды, закрыться, были смяты совершенно без усилий со стороны пришедшего. Его разум моментально проник в сознание

обескураженной Селены. В чертоги памяти ворвался ледяной ураган. За мгновение он уничтожил покровы многократных перерождений. Мириады событий, явлений и фактов прошлого, утраченных при переходах между телами, сейчас стали открытыми и ясными, словно всё происходило только вчера. От яростного сумбурного потока воспоминаний Селена попыталась бежать, рванулась прочь из зачарованной сферы, но созданная ею игла прочно сидела в тесках воли хозяина башни. Ни одна клетка тела Верховной Матери не сдвинулась с места. С животным паническим страхом она смотрела в глаза нависшего над ней человека. Человека ли?

— Не сопротивляйся, — успокаивающе произнёс Целум.

Селена вспомнила его. Вспомнила ужасные события десятитысячелетней давности. Вспомнила заговор верховных иерофантов из Храмов стихий против Держателя мира и Хозяина природных сил Целума. Свой заговор. Вспомнила кто они, эти Держатели миров, покинувшие Миглах, и колоссальную катастрофу, которой обернулись действия заговорщиков. Вспомнила себя — дерзкую фанатичную жрицу больше всего на свете жаждущую ничем не стеснённой власти. И свободы. И то, как этой свободы лишился целый мир. Вспомнила всё...

И в этот момент неодолимая сила, сковавшая всё её естество, ослабла. Отступила. Тело обмякло, и гордая величественная властительница судеб опустилась на колени. Скулы свело до онемения, глаза задрожали, открывая путь потокам слёз. Слишком многое изменилось. Эпохи прожитых жизней и светлая сила Дианы, льющаяся мягким спокойным потоком, изменили её. И сейчас она ярко ощущала, насколько кардинальными стали эти перемены. В момент возвращения памяти в ней схлестнулись две противоположности. Селена прошлая — молодая, едва прожившая полстолетия храмовница, дикого безрассудного нрава, готовая бросить вызов богам, стирая в пыль всё на своём пути; и Селена нынешняя, чей разум впитал опыт тысяч лет, чья внутренняя суть в древней катастрофе Параклаза обрела тихую уравновешенную мудрость ночного светила, пронесшая сквозь десятки перерождений и отполировавшая до идеальной чистоты этот кристальный дар благоразумного взгляда на судьбы мира. Конфликт бурлил, кипел, взрывался муками сожалений и страха. Боль раскаяния сжигала душу пуще огня, испепеляющего тело.

— Прости, отец! — единственное, что могла процедить сквозь стиснутые зубы стоящая на коленях дочь.

Целум отпустил её плечо и положил левую руку на противоположное. Боль исчезла. Страдание затихло, а его место заняла прежняя рассудительность и благородный привычный покой. Глаза Держателя уже не полыхали огнём воздаяния. Ему не нужны слова для понимания того, что происходит внутри другого. Он мог чувствовать это сам и доверял искренности стоящей перед ним женщины.

— Поднимись, дочь Селена, — уже мягко прошептал великан и поднял за руки всё ещё рыдающую гостью.

За её спиной воздух сгустился широким и глубоким креслом, упираясь мягким основанием под колени. Дианита погрузилась в него, повинуясь уверенным, но бережным движениям Целума. Тот сел в такое же, напротив.

— Я открыл тебе утраченное прошлое, непокорная дочь, чтобы ты до конца осознала, что произошло и куда теперь движется смертельно раненный вами Миглах. Ты должна понять, что мы, Держатели, были поставлены над мирами неспроста. В сотворении этих твердынь мы — проводники силы и воли Единого, не имеющего имени. Мы являемся и

гарантами их стабильности, и защитой от распада и замками, запирающими равновесие системы от её извечного стремления к энтропии. Но мы же и врата, мы — пути, соединяющие разрозненные миры в единую целостность Плеромы.

— Отец, прости меня, — только и продолжала шептать Селена, хотя её щёки уже высыхали, краснота глаз спадала, а взгляд снова обретал обдуманную ясность.

— Я здесь не для того, чтобы прощать. Моя цель — восстановление естественного порядка вещей. Миглах — это моё дитя, мой дом и мой хозяин одновременно. И вы все, как порождения Миглаха — мои дети. Возможно, я был излишне строг с вами, требовал исполнения своей воли, не говоря о причинах, не видел необходимости раскрывать истинную природу вещей. Вы были тогда недостаточно зрелыми для понимания всего, а я недостаточно прозорливым, чтобы объяснить это. Но вам хватило сил на попытку убить меня. А это — мой мир. В его рамках моя окончательная смерть невозможна. В том или ином виде я буду всегда, пока существует Миглах. И сейчас пришло время залечить его раны, необдуманно нанесённые вами. Пока ещё не поздно.

— Отец, — заискивающе, почти раболепно обратилась к великану Селена, — я понимаю о чём ты говоришь. Теперь понимаю. За те секунды прозрения, которые ты подарил мне, я заново прожила все десять тысяч лет. И я знаю теперь сколь велика моя вина перед тобой. И перед Миглахом. Отец, прошу ещё раз: прости меня. Прости и вели, что я должна делать. Я всё исполню. Моя жизнь теперь принадлежит тебе.

— Я не сомневаюсь в твоей чести, Селена, — ответил Целум и его глаза снова вспыхнули, но на этот раз тёплым, одобрительным пламенем того, кто страстно жаждал чего-то долгие годы и, наконец-то, получил желаемое. — Потому и встретился с тобой. Поверь, мы восстановим порядок и спасём жизнь нашего мира. И это будет проще, если ты поможешь. Мне нужна твоя пиксида — одна из тех капсул с прахом, которую каждый из вас, жрецов, забрал с собой после сожжения моего тела. Она в фундаменте твоего замка, ты же не забыла о ней?

— Да, Владыка, конечно.

Целум продолжил:

— От моего имени будет действовать мой проводник и поверенный по имени Дигон, бывший поставщик информации Дома Цифры Gs-9. С ним уже познакомилась одна из твоих молодых пророчиц. Он мой ученик и ему ты можешь доверять так же, как мне самому. Помогай ему, когда он придёт в твои земли. Научи его тому, что требуется. Он должен познать все Стихии своего мира для окончания обучения.

— Отец, я именно его и искала, когда пришла к тебе. Я шла по его следу. Мне было открыто пророчество о твоём ученике. Теперь я точно знаю, что о нём. И эти знания гнетут меня. Не дают покоя. Я видела его Разрушителем, повергающим наш мир в хаос.

— Не беспокойся, хозяйка сил Дианы, — сказал Целум, умиротворительно поднимая руку. — Для восстановления естественного порядка действительно нужно разрушить систему, созданную вами, новыми правителями, на ошибочном фундаменте разделённых и противопоставленных друг другу Стихий. Но твоё видение излишне живописно. Процесс перестройки будет, скорее, духовного энергетического плана, а не грубое физическое разрушение, о котором ты подумала.

Великан ещё немного помолчал, смотря на покорно сидящую бывшую жрицу, после чего добавил:

— Дай в помощницы моему Дигону ту свою ученицу. Я не просто так свёл их вместе.

Само Провидение толкало их друг к другу, а я лишь открыл перед ним дверь и дал силы, которые тогда ему были ещё недоступны. Каким-то образом нити Морты этих двоих переплетены в бесконечных вероятностях мироздания и нет причин противиться этому. Дигон вскоре прибудет в Менну. Жди его и подготовь пиксиду. А теперь иди, Селена. До встречи.

Целум сделал движение руками, словно отгоняет от себя облако пыли, и иллюзия, сотканная его всепроникающим разумом, растаяла. Вместе с ней исчезло всё: мягкое кресло, величественная башня, необъятная паутина реальности, филигранно сотканная кругом Дома Дианы, и даже созданный для ритуала мир чертогов разума хозяйки дианитов.

Во дворце Селены на двух стоящих рядом низких деревянных кушетках, обитых кожей поверх мягкого войлока, застонали два голоса. Одновременно зашевелились, приходя в себя, Верховная Мать дианитов и юная красавица Лаянна. А дальше на север, на самом краю мира, в просторный холл башни остановившегося времени, вошёл древний Хранитель природных сил, вполне довольный результатами работы своего хитроумного плана.

История Миглаха, как, пожалуй, и всякого молодого мира, не отличается покоем и дружелюбием. Людям не свойственно жить в согласии. А народам, чьи внутренние естественные различия обильно подогреваются враждебностью стихий — и подавно. С момента катастрофы великого Параклаза, когда только зарождались Большие Дома, а сепарированные силы природы стягивали под свои знамёна людей, разделяя их по способностям, противоречия внутри новых этнических групп только нарастали. На этом фоне не могли ни возвеличиться те из народов, кому стали подвластны грубая сила и яростный боевой запал. Первым в числе таковых стал огненный Дом Ареса.

Квири́н, Верховный Отец арейцев, всегда был могучим воином. Каждое новое воплощение, хотя и стирало частичку его памяти, съедало долю магического потенциала и жизненной энергии, но по какой-то причине не касалось опыта и навыков физического тела. Естественно, каждую последующую оболочку приходилось раз за разом насыщать мышечной памятью, долго пестовать и тренировать, подтягивая до прошлого уровня. Но душа, прочно связанная нитью Морты с единым жизненным началом, всё равно хранила в себе обретенное мастерство. Шаг за шагом, из одного перехода в другой, совершенствовала она воинское искусство древнего хозяина Дома Ареса. Уже тысячи лет он был настолько искусен в умении боя, что против него не осмелились бы выйти в честной схватке и десятки лучших воинов любого из Домов. Магия, особенно высших порядков, не давалась ему легко, как вообще всем арейцам, и чаще ограничивалась локальным предметным применением. Но и этот скудный арсенал убийственной мощью Огня мог доставить немало хлопот врагам. Сейчас был тот случай, когда Квири́н не пренебрег её помощью. Его сегодняшней гость требовал всех возможных мер предосторожности, несмотря на то, что стихии их Домов не враждовали в открытую. Но, и дружественными они не были, а просто занимали каждая свою нишу в мироздании.

Через пять дней после того, как весь Дом Аполлона узнал о грядущих переменах, на берег внутреннего Кораллового моря, недалеко от стен Градива, столицы Дома Ареса, спустилась одинокая гордая фигура воина. Он стоял и наблюдал не без тревоги за отражением дорожки света Дианы и ночных звёзд в водной глади. Квири́н находился внутри сферы Огня, едва заметной вокруг хозяина, как прозрачный мыльный пузырь с оранжево-красными переливами. На поверхности земли она оставляла тонкую пылающую окружность двух метров в диаметре. Стройный торс высокого мускулистого воина скрывала сверкающая кираса из мелких металлических пластинок, с плеч спадал вниз живой кроваво-алый плащ, сотканный из квинтэссенции огненной Стихии и яростной энергии Дома Ареса. Он мерно покачивался гладкими волнами, под потоками лёгкого морского бриза. В руках хозяин арейцев держал расчехлёнными два слегка изогнутых меча-близнеца, долы которых плотно покрывала вязь заклинательных рун, слабо горевших цветом свежей крови. Об этих мечах ходили легенды. И то, что легенды говорили, не шло ни в какое сравнение с тем, что им было свойственно на самом деле. Это чудесное оружие создал в незапамятные времена отец Дома Зевеса, непревзойдённый мастер Фульгур, в награду за помощь в одной из бесчисленных битв прошлого. Они буквально пили жизнь и магию тех, кого отправляли в Океан Теней. Мечи передавали своему владельцу энергию жертвы, оставляя себе умение и мощь поверженного оружия, становясь с каждой новой победой всё смертоноснее. А жертв

таких за тысячи лет у сильнейшего воина Миглаха было предостаточно.

Полы плаща зашевелились, покрылись дрожащей рябью и оцетинились в сторону немного правее от вод Кораллового моря. Квириин не любил воду. Ненавидел, как проявление в реальности враждебной для арейца Стихии. И вода отвечала ему тем же. Но просматриваемый открытый морской простор давал ощутимое преимущество при защите города, потому стратегические требования и холодный расчёт возобладали над эмоциями при выборе места закладки столицы. Плащ почувствовал приближение инородца даже быстрее своего хозяина. В пяти шагах от огненной кромки защитной сферы, на тёмной стене скалистого возвышения, задрожала каменная поверхность. Сначала появилось пятно размером с яблоко, в пределах которого камень стал ровным непроглядно-чёрным зеркалом. Пятно с ускорением растянулось, обретая форму вытянутого овала, пока не остановилось в пределах немногим выше человеческого роста. Из черноты зеркала навстречу Квириину вышла бледная фигура в смутном плаще на голое тело, едва прикрытое плотными кожаными перевязями. Ночной ветер не упустил редкую возможность колыхнуть покрывало нетленного владыки Смерти. Его порывы даже через завесу защитной сферы арейца разнесли потусторонний холод, извечно сопровождающий правителя Гадеса.

— Пусть будет век твой вечен, а враги твои сгинут, Маркар, — поприветствовал хранителя Океана Теней могучий воин и на всякий случай собрался, как перед боем. В этом воплощении он ещё не встречался с ним лицом к лицу, но знал, что природа этого гостя иная, ибо не слышал даже, чтобы тот посещал источник жизни во дворце Верховного Совета Домов в Омфале. Никогда не знаешь, чего ожидать от того, чья природа тебе непонятна, а первобытное прямодушие Ареса очень не любило неопределённостей.

— Прими и ты моё пожелание о долгих годах и достойных врагах, яростный Квириин. Вижу, годы не остудили твоего воинственного пламени. Твои предосторожности не потребуются. Я сам предложил встречу и пришёл сам. Как видишь, без оружия.

— Твоё оружие всегда с тобой. Ты сам и есть оружие, — сказал Квириин, зачехляя мечи в расположенные крест-накрест за спиной ножны, но защитную сферу не убрал. Хотя, он и подозревал, что огненная пелена вряд ли остановит, самого смертоносного мага Миглаха, вздумай тот напасть.

— О чём ты хотел поговорить? И к чему такая скрытность?

— Ты, как всегда, сразу переходишь к делу, — сказал Маркар подходя ближе к воину, и голубоватые переливы холода пробежали по защитному огненному куполу. — Это мне в тебе нравится, мой бывший некогда соратник. Ты же ещё не забыл, что когда-то мы отстаивали общие интересы? Хорошо, когда понимаешь, чего ожидать от других. И сейчас ты можешь быть уверен, что мои цели не противоречат твоим.

Собеседники некоторое время молча смотрели друг на друга. Квириин, на сколько ему позволяли возможности, постарался считать ауру гостя, силясь понять, насколько тот искренен. Маркар не стал препятствовать этой проверке, хотя методы арейца и вызвали внутри него снисходительную усмешку. Он не лгал. Никогда не лгал, имея все основания считать ложь недостойной своего мрачного величия. Увидев удовлетворение в глазах Квирина, он продолжил:

— Я знаю, что светоносный Гиперион связывался с другими Верховными Отцами, кроме меня, конечно. Он вообще вынужден терпеть меня только потому, что совершенно бессилён что-либо сделать с присутствием вверенной мне власти. Но это не важно. Важно то, что причина его активности — не пустая осторожность. В Миглах пришла Сила, на

существование которой мы опрометчиво не обращали внимание. Ты, наверняка, и не помнишь о ней, но когда-то мы плечом к плечу сражались против неё. Возможно, напрасно...

— Да, бессмертный, ты прав. Гиперион говорил со мной, но я не забыл последней войны, когда его рати сражались с моими, и не пошёл ему навстречу. — Ответил Квирина. — И в другом ты прав — я не знаю о какой Силе ты говоришь. Я не так чувствителен к магическим потокам, как ты или он, но мы, арейцы, в состоянии противостоять любым нападкам без посторонней помощи.

— Любым известным нападкам, — возразил Маркар, — известным. Но то, что происходит сейчас — это отголосок далёкого прошлого, чья тень не ступала в наш мир все десять тысяч лет после Параклаза. Ты просто не знаешь, какие перемены могут угрожать Миглаху. И велика вероятность того, что помощь понадобится всем нам.

— Но зато ты знаешь, — перебил его Квирина, — так ведь? Просвети меня, и мы сможем говорить по существу.

— Что ты помнишь о Параклазе? — спросил хозяин гади, делая несколько шагов в сторону и присаживаясь на округлую гранитную глыбу, выступающую из мелкой прибрежной гальки.

— Да почти ничего. Кажется, я начал в полной мере осознавать себя немного позже, через пару десятков лет, когда огненная Стихия распалила мою кровь, а дух Ареса перевернул моё сознание. Тогда я начал ощущать силу в себе. Но и эти моменты я помню короткими отрывками. Точно знаю, что раньше мне было известно больше, а сейчас я смотрю в прошлое, как из-под воды. И с каждым перерождением будто погружаюсь ещё глубже. Я помню, что дрался тысячи лет. Помню, как убивал, забирая несметное число жизней. Помню, как окружал себя единомышленниками, легионами братьев и сестёр. Но это всё происходило позже. Сам Параклаз для меня загадка.

— А для меня нет, — сказал Маркар и поднял потупленные до этого глаза на собеседника. — Параклаз — это результат наших действий. Мы создали его: я, ты, Селена, Фульгур, Гиперион, Агорей, Урания, Лабрис и Кетер. Хотя, и в моей памяти информация об этом так же не без изъянов. Момент катастрофы чуть не убил нас всех, и мой разум так же пострадал. Но отпечатки тех события сохранились не в пример прочим Верховным. Это мы, Квирина, виновники Параклаза. До него мы были служителями девяти главных храмов древнего мира, влияние которых превышала только власть наших правителей — Всеотца Целума, и его супруги, Изначальной Матери. Мы служили проводниками их воли, иерофантами единого культа, адептами неделимой всеобъемлющей разумной энергии, рождённой далеко за пределами нашей реальности, в эмпиреях высших миров Плеромы. Но мы были людьми, рождёнными нашим миром, и нам не были чужды его несовершенства. Нам захотелось большего, чем просто власть над судьбами других. Мы страстно желали поклонения, хотели сами стать богами. И в один несчастный день, собрав всю доступную нам силу, мы пришли в цитадель Всеотца. Она стояла в землях, принадлежащих нынче Дому Кроноса. Ложью и хитростью мы убили его, воспользовавшись чем-то, что принадлежало Матери нашего мира. Я могу только догадываться, что это было на самом деле, но судя по всему, оно содержало в себе частичку Единого, стоящего над всем сущим. Тогда и произошёл Параклаз. Был колоссальной силы взрыв, превративший огромную цветущую долину в котлован, ставший Дагарокским заливом. Как я теперь понимаю, своими руками мы разорвали пуповину, соединявшую Миглах с единством Плеромы. Своего рода нить Морты

целой планеты. Она питала мировую душу энергией, средствами которой эта душа создавалась и жила. Мы смогли получить искомую власть, но разрушили извечный закон бытия. В результате Миглах утратил связь с Единым, а гармония Силы разделилась на составляющие, которые теперь называются Стихиями. Мы не стали богами. Мы стали паразитами, с избытком напившимися чужого могущества.

Маркар опустил на гальку перед камнем. Никогда ещё нетленный владыка смерти не казался себе таким беспомощным. Но груз хранимой тайны, за тысячи лет въевшийся в сознание, медленно покидал его, даря долгожданное облегчение. Он просто сидел, уставившись на один из блестящих, отполированных морскими волнами гладких камешков и молчал. Молчал и Квирин. Его доблестный бесстрашный ум старался не связываться со столь сложными эмпиреями. Здесь, на земле, он знал врага, знал, что делать с врагом и делал это лучше всех. Его не занимал философский поиск Истины, подобно мудрому Кетеру или всезнающему Гипериону. А сейчас перед ним раскрылось то, с чем он просто не знал как поступить. Молчание прервал Отец Ареса, успевший снять свою защиту, понимая её нелепость в этой ситуации:

— Значит, когда и ты, и Гиперион говорили про «нечто новое в Миглахе», вы имели в виду именно эту Силу? Она снова пришла в наш мир? Я давно подозревал, что на острове Дагарок сокрыто что-то странное. Многие Отцы, конечно, чувствуют энергии стихий лучше меня, но эманации ярости, невидимые для ваших глаз, я не мог пропустить. Она закипела там недавно, когда Диана в прошлый раз набрала полную форму. Я даже отправил туда своего воина, Сенара, с помощником на разведку, но они так и не вернулись. Хочешь сказать, что пришла Изначальная Мать? Если так, то она будет мстить за своего мужа.

— Нет, брат мой, — ответил погодя Маркар, — боюсь, всё ещё хуже. Я думаю, что Целум не погиб тогда. По крайней мере, не окончательно. Да, его тело обратилось в огне прахом, часть которого каждый из нас взял себе. Но тысячи лет служения смерти мне говорят о том, что существа его уровня не уходят в Океан Теней так просто. Думаю, он всё время был где-то рядом, набирался сил и сам вернулся. А его месть может отправить в этот Океан нас всех.

— Так что ты предлагаешь? Бороться? Воевать? Мы, арейцы, никогда не избегаем битвы, если она приходит.

— Да. Не избегаете. Но я не уверен, что мы сможем сделать то, что нам не удалось в прошлом, несмотря на всё наше умение и опыт прошедших эпох. К тому же, наш мир усыхает. Его энергия уже почти иссякла, а опыт не заменит силы. Не в этот раз. Я хочу изучить его цели, узнать природу истинного бессмертного и, возможно, попробовать найти с Целумом общий язык. Может даже пойти ему навстречу и предложить свои силы в помощь. Всё будет зависеть от того, что ему нужно и найдутся ли у нас точки взаимопонимания. А если выясним, что это невозможно — тогда уж твои методы.

— О, нет, Маркар, боюсь ты не прав. Я многое знаю о мести. Мечь — часть моей природы. И поверь, пойти с нами на примирение после рассказанного тобой — это последнее, что Всеотец замыслит. Даже если будет говорить иначе. Ты только представь десять тысяч лет заточения в бессилии и злобе на своих убийц. Нет. Я скорее помирюсь с огненным Гиперионом и выступлю единым фронтом против новой опасности, чем пойду на заклятие, как жертвенный баран. Мы многому научились за эти годы и теперь за нашими спинами миллионы подданных наших Домов. Неужели ты веришь, что старый обессиленный враг сможет одолеть нас теперь, если не смог тогда, когда нас было только девятеро?

Маркар понял, что его слова не вразумят бесстрашного, но безрассудного воина. Он знал, что уже сейчас его воинственный брат строит в голове планы битвы и разрабатывает стратегии нападения. Отец Гадеса поднялся и несколько раз задумчиво кивнул головой, передавая мыслеформу, что понимает своего брата, но не принимает его сторону. Направляясь к отвесному участку скалы, который снова превратился в колыхающееся чёрное зеркало, напоследок сказал:

— Тогда мы победили хитростью и подлостью. Теперь он не допустит такого легкомыслия. Сожалею, что ты не прислушался к моим доводам, друг мой. И, надеюсь, нам не придётся встретиться врагами.

С этими словами он шагнул в лишённую света прорезь портала, оставив Квирина с его мыслями о грядущих сражениях. Зеркальное пятно исчезло. Глава арейцев двинулся вдоль берега в противоположную сторону и через полтора десятка шагов остановился, смотря в пустоту. Пустота сгустилась. На её месте над землёй проявилось бесформенное пятно с рваными краями всех цветов радуги. Подул тёплый ветер и из центра деловито вышел низкорослый, по плечо могучему воину, худой мужчина с недлинными, уложенными в боковой пробор тёмными волосами. На лице размашистыми мазками чернели аккуратные в форме якоря усы и бородка. Распахнутый животрепещущий пурпурный плащ открывал богатое убранство. Тёмно-серый, расшитый серебряными узорами длинный камзол с каменными пуговицами из драгоценного порфирного рубина. Ещё более тёмные, почти чёрные лоснящиеся облегающие гольфы с двумя рядами камней, аналогичных пуговицам, по бокам, заправленные в высокие остроносые кожаные сапоги на мощном квадратном каблуке. Картину дополнял огромный, размером с женскую ладонь золотой орден, усыпанный бриллиантами и сапфирами на широкой цепи из золотых пластин с камнями поменьше.

— Я всё слышал, могучий Квирин, — произнёс он глубоким лёгким тенором. — Ты был прав. Гиперион не от безделья с нами связывался. Если всё так, как утверждает Маркар, нам предстоит тяжёлая битва. Я читал его ауру — только меня в этом деле он не смог бы обмануть. И он точно верит в то, что говорил. При таком раскладе я на твоей стороне и мои ресурсы в твоём распоряжении.

— Договорились, хитроумный Агорей. Это правильный выбор. Сегодня мы обратимся к Гипериону. Его разум светел, и он простит мне резкость предыдущей беседы, — подытожил глава Дома Ареса и протянул сильную мускулистую руку, окованную стальным наручиём.

Рукопожатие Верховного Отца Дома Гермеса было неожиданно крепким для его щуплого внешнего вида, что не упустил мысленно одобрить Квирин. Агорей шагнул обратно в радужное пятно перехода, связавшее ночную прохладу морского берега с его покоями в столичном городе Керикионе.

Цветущие сады Омфала никогда не знали осеннего увядания или зимней стужи. Город был небольшим, но представлял собой один цельный храмовый комплекс на берегу Центрального внутреннего моря. В небольших поселениях вокруг жил персонал, обеспечивающий деятельность традиционного центра управления Миглахом. Частые периодические созывы Верховного Совета Домов давно ушли в прошлое из-за широкого применения практики общения мыслеформами и облегчения способов перемещения правителей по миру. Так что о буйной жизни и когда-то заполненных людьми улицах давно позабыли. По причине удобства расположения Омфала, в роскошных палатах его гостиниц ещё собирались архосы разных Домов для решения международных вопросов, но с величием встреч Совета они, конечно, не конкурировали. Столица мира продолжала руководить международными финансами и носила ещё одну древнюю функцию. Самую важную функцию для Верховных Отцов в мире, созданном при Параклазе...

В сердце комплекса городской архитектуры стоит величественный круглый дворец Верховного Совета Домов Миглаха. Его периметр обрамляет грандиозная двойная галерея колонн, каждая из которых имеет больше двух метров в диаметре опоры, поднимается на высоту двадцати метров и держит на себе огромное кольцо основания купола. Все столбы высечены из монолитного камня — серого с розовыми вкраплениями гранита, и их полированная поверхность сверкает переливами в лучах благодатного Аполлона. Всё это помпезное величие венчает колоссальный полукруглый купол шестидесяти метров в диаметре, облицованный гладким белым мрамором. С расстояния, особенно днём, он кажется титаническим кристалльным шаром белого пламени. Вход во дворец венчает глубокий портик с треугольным фронтоном, поддерживаемый в три ряда шестнадцатью колоннами поменьше с диаметром в полтора метра и высотой в пятнадцать.

Здесь, во дворце Верховного Совета Домов, благодаря законам Конвенции Миглаха, прекращаются все распри и вражда. Центр мира, блистательный Омфал, накрывает энергетическая полусфера, созданная магией всех Домов. Она регулирует отдельный благоприятный микроклимат в своих границах. Она же создаёт и силовое равновесие внутри себя. Если одни народы в землях других Домов, связанных с враждебными Стихиями, ощущают на себе их гнетущее влияние, то здесь, в общем городе, все чувствуют себя комфортно. Совет потратил на создание этого места гигантские усилия. Основная тому причина состоит в достижении особых условий для совершения главного ритуала — таинства перерождения. В его секреты до конца посвящены только Верховные отцы и частично — горстка их доверенных лиц, периодически сменяющих друг друга по мере старения.

В наосе Дворца, непосредственно под куполом, располагается просторное круглое помещение, по внутреннему периметру обставленное полуколоннами в виде огромных скульптур. Как и большинство статуй снаружи, они выполнены из искрящегося огненного опала. Эти фигуры изображают Покровителей — то ли богов, то ли хозяев Стихий, то ли духов старого мира до катастрофы. Именами некоторых из них Первые Отцы назвали свои Дома. Никто толком не знал их природу, но память о них хранится и в народном эпосе, и в редких физических источниках: элементах зодчества, археологических находках, и прочих артефактах древности. Эти горельефы поддерживают изнутри свод исполинского купола

ротонды, высотой достигающего семидесяти метров. В наосе, непосредственно под отверстием-окулусом в куполе, из которого в помещение обильно вливается свет Аполлона, стоят кольцом девять одинаковых дугообразных каменных столов из чёрного вулканического стекла. Центральное пространство занимает ещё один диковинный круглый стол, словно вылитый из полупрозрачного белого нефрита. Его поверхность до мельчайших деталей объёмно изображает карту титанического материка Миглаха. Голубоватые края гладкие и покатые, показывают водные просторы с кое-где возвышавшимися клочками серых островов. Дальше поднимается суша с зелёными равнинами и болотными впадинами, коричневыми возвышенностями и серо-белыми скалами, синими внутренними морями и причудливо изгибающимися бирюзовыми лентами рек. Весь материк, имеющий почти правильную округлую форму с обильно изорванными краями, на девять равных частей разделяют тонкие яркие линии по цветам соответствующих Домов. Чёрного — Кроноса, белого — Дианы, фиолетового — Цифры, пурпурного — Гермеса, красного — Ареса, золотого — Аполлона, зелёного — Венеры, синего — Зевеса и смутного, не имеющего чистого очертания — Гадеса. Это был зал конгресса, в котором заседали при решении наиболее важных вопросов Верховные Отцы Домов или их наиболее приближённые представители.

Но святая святых дворца Верховного Совета находится дальше, за противоположной стеной напротив центрального входа. В опистодомос храма, при всём желании, войти не мог никто, кроме Верховных правителей Миглаха. Там, у крайней стены небольшого квадратного помещения стороной в двенадцать шагов, стоит бесформенный вытянутый камень немного ниже человеческого роста. Его поверхность переливается всеми цветами радуги и источает мягкий, но интенсивный свет, которого хватает, чтобы обеспечить достаточную видимость во всей комнате. Это — священный камень Агадир, ещё одно наследие древнего мира, пережившее катастрофу Параклаза. Он обеспечивает Верховным Отцам возможность перерождаться, перемещать своё сознание в новые тела и проносить сквозь тысячелетия опыт и знания своего разума. Перед светящейся каменной глыбой располагается большая круглая купель трёх метров в диаметре. Её борта, выложенные из идеально подогнанных друг к другу прозрачных кварцевых кирпичиков, на полметра возвышаются над полом, а есть ли у неё дно неизвестно никому в этом мире. По искрящемуся кварцевому жёлобу из-под священного артефакта в купель медленно течёт и заполняет её вязкая мутноватая жидкость, издающая лёгкий аромат предгрозовой свежести. Кровь Агадира, как зовут её между собой правители Миглаха.

В опистодомосе стояли четверо. Селена, многомудрая Верховная Мать Дома Дианы. Прекрасная Урания, неувядающая Мать Дома Венеры. Древний, осунувшийся под тяжестью шести сотен лет, абсолютно седой и покрытый сетью глубоких морщин Отец Дома Кроноса Лабрис. И молодой, лет тридцати пяти — сорока на вид, сильный и величавый мужчина. Последний был абсолютно голым, демонстрируя красоту мускулистого тренированного тела без единого намёка на полноту или хилость. Его взгляд был отрешённым, движения медленными и плавными, словно сознание находилось в глубоком непробудном сне.

Селена подошла к Лабрису и сняла с него чёрный живой плащ, сплетённый из эманаций стихии Земли и нитей концентрированного потока энергии Дома Кроноса. Плащ возмутился. Покрылся острыми вытянутыми шипами. Заколыхался, несмотря на полное отсутствие ветра, но глава крониан нежно провёл рукой по его тыльной поверхности:

— Успокойся, мой верный друг, скоро мы снова будем вместе.

Старик остался голым и направился к купели тихими семенящими шагами. В это же

время Урания взяла под руку оцепеневшего молодого человека и повела его навстречу новой чужой жизни. Старик и тело его будущего носителя скрылись под поверхностью жидкой глади. Та отреагировала. Взволновалась. Покрылась пузырями и неспешно закрутилась в водовороте. Селена и Урания, так же в плащах на голое тело, стали по двум краям купели, образуя с Агадиром равносторонний треугольник. Матери расставили руки, словно пытаясь обнять невидимый шар над водоворотом и вошли в транс. Мир изменился. Два светящихся тела стояли над бездонным колодцем дикой пульсирующей энергии, в пучинах которой метался искрящийся дух Лабриса. Там же безвольно болталось серое, бесцветное и беспомощное тело его преемника. А сверху над всем полыхал неистовым пламенем Агадир. Он будто вырос и обрёл человекоподобный образ великана без головы. Подобия его рук вытянулись, соприкоснулись с кончиками пальцев Селены и Урании. Свободные руки женщин, так же удлинились и потянулись друг к другу, образовав радужное кольцо над бортиком колодца. По этой окружности в направлении, противоположном водовороту в купели, двинулась Сила. Яркий замысловато сплетённый Эфир, исходящий от Агадира и две водные Стихии Верховных Матерей, родственные к энергии Земли Лабриса. Вихрь, круживший в колодце, потянул тела молодого мужчины и Отца Дома Кроноса куда-то вглубь, за пределы реального мира и даже мира, творимого ритуалом. Где-то на дне мироздания поток сомкнул их в единой точке, взорвался мириадами искр и вышвырнул всех троих участников из транс.

Свет потускнел. Селена и Урания лежали в разных концах опистодомоса, вдоль стен, предусмотрительно обставленных большими мягкими подушками. В купели же, лицом вверх, раскинув руки в форме звезды, плавало молодое сильное тело нового Верховного Отца Дома Кроноса. Второе тело исчезло, забрав с собой какую-то частицу его жизни и памяти. Матери быстро пришли в себя — это была далеко не первая свершённая ими процедура перерождения. Аккуратно вынули обновлённого Лабриса из купели. Обмыли его тело водой от вязкой липкой крови Агадира и накрыли живым плащом правителя. Плащ оживился. Признал своего хозяина, обернул его, стараясь как можно большей площадью соприкосновения показать свою преданность. По его иссиня-чёрной поверхности побежали мелкие голубоватые змейки молний, постепенно покрывшие всё полотно, и резко устремились вглубь, к телу кронианина. Прозвучал резкий звонкий хлопок. В воздухе запахло озоном, словно на остром заснеженном пике Кратимора, самой высокой горы Миглаха. Лабрис открыл глаза — молодой, полный сил и энергии, но умудрённый десятилетиями разумом верховный правитель.

Уже больше сотни раз в опистодомосе дворца Верховного Совета происходило таинство, при котором властители Домов, дружественных к Стихии перерождающегося, помогают ему обрести новую жизнь. Но в этот раз кое-что изменилось. Через несколько минут, когда молодой Лабрис встал и удостоверился, что ритуал прошёл без ошибок, воздух внутри сжался, завибрировал. Камень затрясся. Его свет, разгонявший до этого темноту закрытого пространства, плавно перетёк в жидкость купели и оставил стоять холодный кусок прозрачного неровного кристалла. Присутствующие насторожились и в молчаливом недоумении смотрели в колодец, который вёл себя совершенно не по плану привычного ритуала. Кровь Агадира, впитав свечение, снова вскипела и стала медленно подниматься над поверхностью, не переливаясь через сверкающие борта. Вязкая жидкость приняла форму огромного сильного мужчины высотой в два человеческих роста. В ней легко можно было разглядеть широкие плечи, сильные руки, покладистую густую бороду и неплотно

собранные назад выющиеся волосы. Укромный зал опистодомоса загудел зычным басом:

— Слушайте меня, дети Миглаха!

Селена не успела понять, что происходит, и её крик в попытке остановить соратников утонул в гуле и грохоте творимой волшбы.

Лабрис отпрыгнул в сторону, прижавшись спиной к стене, чтобы встретить незваного гостя лицом к лицу. Обострённые молодые чувства отреагировали даже быстрее, чем Верховный Отец сообразил, что делать. Машинально сработала память и подвластное кронианской магии время в пространстве храма замедлилось. Но нехотя, вяло и куда слабее, чем он мог бы ожидать. Пока новое тело боролось с непривычным ещё откатом, Лабрис наскоро воплотил знакомое убийственное заклинание «каменного шпиля». Около рук правителя послушно сгустилась коричнево-чёрная энергия Земли. Шарами, состоящими из мелких частиц Стихии, закрутилась она вокруг ладоней, вытягиваясь острыми конусами вершин в сторону потенциального врага.

«Как? Как он пробрался сюда, в самое сердце Миглаха, закрытое нашими самыми мощными защитами и ловушками?», — недоумевал Отец Кроноса, пока магия набирала силу.

Удар. Две крутящиеся с неуловимой скоростью вокруг своей оси пики ринулись в сторону фигуры из вязкой жидкости. По мышцам кронианина пробежала режущая боль, но следом за вторым заклинанием на судорожной границе сознания он сотворил третье (благо, что вновь обрётённая молодость позволяла такую ретивость). «Каменный дождь». В пространстве вокруг фигуры над колодцем сконцентрировались и двинулись вперёд осколки раскалённых докрасна острых каменных лезвий, готовых вонзиться во всё, на что указал их создатель. Он же тем временем опустился на колени, плотая воздух открытым ртом, а время продолжило свой привычный ход.

Урания, видя молниеносную реакцию Лабриса и понимая серьёзность происходящего, присоединилась к атаке. Но её возможности не были рассчитаны на нападение так же хорошо, как арсенал Дома Кроноса. Первым делом она активировала сотканый ранее и ждавший своего времени «щит воды». В нём затухнет любое известное боевое заклинание и увязнет всякое физическое оружие. Полусфера зонта прозрачной плёнкой закрыла собой хозяйку пока та готовила «ледяной изъян». Хитрое и в высшей степени ювелирное заклинание. Оно собирает в бесконечно малую точку максимально возможное количество водной стихии и выкачивает из неё всю теплоту, обращает в абсолютный лёд. Стремясь в противника, эта частица проникает сквозь всякую защиту, просачивается даже через структуру металла, в самую плоть, где замирает и освобождает мощный отрицательный потенциал, превращая любую жизнь в замороженную глыбу. Когда Лабрис уже сидел на полу, хозяйка венетов с другой стороны от фигуры над купелью выпустила своё оружие.

Всё это заняло не более двух-трёх секунд. Искушённые тысячами лет практики заклятий, главы Домов творили их на уровне рефлексов. Но таинственный гость, которого не остановили все хитрости защиты самого сокровенного места в Миглахе, только отрывисто хохотнул. Он поднял наполненные кровью Агадира руки ладонями в стороны к нападавшим, и все попытки его поразить рассыпались лёгким серым пеплом, который таял, не успевая долететь до холодного гранитного пола.

Селена пришла в себя от коллизии времени Лабриса в унисон с полётом «ледяного изъяна». Сначала она опешила, но быстро узнала глубокий бархатный бас нежданного гостя. Не теряя времени на объяснения, Верховная Мать Дианы свела ладони в самом низу живота,

медленно провела ими вдоль оси своего тела, мимо лица, и начала равномерно нагужно разводиться над головой. В образовавшемся между ладонями проёме заискрились сотни тончайших, но ярких, словно полуденное светило, белых изломанный змеек. По мере того, как она двигала руками, очерчивая ими полукруги от головы обратно к низу живота, за её ладонями тянулись и множились ослепительные дуги молний, пока перед дианитой не повисло сияющее кольцо чистой энергии. Она снова подняла сцепленные руки на уровень груди и резко крестообразно раскинула их. Магия погасла. Селена сотворила «кольцо отрицания» — мощное заклинание Дома Дианы, которого безумно боялись все прочие жители Миглаха. Пожалуй, кроме арейцев, не слишком-то полагающихся на магию. В исполнении Верховной Матери оно было восхитительно. Тихо застонав, она обессиленно рухнула на одно колено и аккуратно присела на пол, осматриваясь по сторонам. Магии просто не стало. «Кольцо» выжгло всю Силу в пределах видимости своей хозяйки. Наверное, как-то так чувствовал себя бывший поставщик информации Gs-9 после авантюрной победы над воином Ареса Сенаром. В пространстве комнаты любая магия, любые стихии растаяли без следа, и даже Эфир колыхался безвольной суспензией. Только не сила Целума.

— Спасибо, Селена, — прозвучал столь же спокойный и размеренный голос, от которого дребезжали стены дворца Верховного Совета Домов, — но это было не обязательно.

— Вы закончили? — с усмешкой обратился он к застывшим в удивлении по обе стороны от купели Урании и Лабрису. — Ваши силы велики, мои бывшие авгуры, но их не хватит, чтобы прогнать меня.

«Прогнать...» — пронеслось в голове Лабриса. — «Даже не убить, не победить, а просто ПРОГНАТЬ... Что же ты такое? И Селена помогает ему?!» — он перевёл глаза на госпожу дианитов, которая уже пыталась встать на ноги. Та, в свою очередь, поймав взгляд кронианца, просто умоляюще покачала головой.

— Я здесь, чтобы говорить с вами. Селена уже знает кто я, но вы двое — ещё нет. Ваша память, словно грязный, мутный иссыхающий колодец, который вот-вот засыплет песками забвения. Подойдите ко мне, и я вычищу это застоявшееся, поросшее тиной и мхом болото.

Лабрис и Урания не спешили выполнять требование гостя — они вообще никогда не слышали столь резкого приказного тона по отношению к себе. Но их согласия и не спрашивали. Целум поманил едва различимыми движениями ладоней их к себе, и уверенная сила подняла двух правителей Домов, словно тряпичные куклы, притянув к бортам купели. Ворвавшийся в их сознания холодный нестерпимый ужас вызвало даже не то, что стоящее перед ними существо сохранило магию после «кольца отрицания». Хотя и это уже казалось невозможным. Нет. Панический страх вызвало другое. Они не смогли понять источник этой необоримой Силы. Ни Урания, искущённая в чувственном восприятии, ни многомудрый Лабрис, от чьего пронизательного взгляда не ускользала ни одна мельчайшая деталь. Не было для них в границах Миглаха ничего неизвестного, но сейчас они встретили то, что не имело к их знаниям никакого отношения.

На коленях перед ожившим сгустком искрящейся жидкости стояли двое, которые ещё несколько минут назад считали себя хозяевами мира. Образ Целума положил руки на головы стоящих перед ним магов. Обоих затрясло в конвульсиях, спазмы мышц сковали и вывернули конечности, эхо от хруста суставов и обречённого хрипа прокатилось по монолитным стенам опистодомоса и увязло в глухой тишине. Селена никак не ожидала увидеть своих братьев в таком состоянии и прижалась спиной к дверному проёму, в ужасе наблюдая за

происходящим. Три недели назад в чертогах её разума Держатель мира обошёл с ней явно куда бережливее. Она хотела было броситься на помощь соратникам, но Целум резко поднял голову, пресекая всякое желание двигаться. Он возвращал память двоим своим нерадивым детям. Когда процесс был окончен, и хитроумный Лабрис, и несравненная Урания сидели на полу, упершись спинами в борта, по разные стороны купели. Слёзы текли даже по щекам угрюмого и никогда не знавшего сожалений и душевных переживаний кронианца. Глава же венетов заходила истерическим рыданием, словно малолетняя девчонка, на которую она, в принципе, и была похожа в своём нестареющем облики. Целум не спешил избавлять их от боли по примеру Матери дианитов. И только одна Селена во всём мире прекрасно понимала, какие невыносимые страдания сейчас раздирают души её друзей. Прошло не менее пяти минут, пока Лабрис не успокоился. Перебирая по полу руками и ногами, он обогнул круг хрустальной кладки, стараясь не смотреть на возвышающуюся молчаливую фигуру великана. Придвинулся к рыдающей Урании и, присев на корточки, упёр свой лоб в её голову. Они говорили. Магия ушла, но чувственное восприятие двух иерофантов, разделивших когда-то куски божественного величия, вернулись. Они говорили без слов, но и Целум, и даже Селена понимали их. Тысячелетия изменили природу дерзких заговорщиков и осознание этого наполнило их разум, подобно недавнему прозрению Селены. Многие века наградили богатством мудрости и рациональностью мысли. Они понимали свою вину перед миром, перед его Держателем, перед всей Плеромой. Они знали, что нужно делать. Закончив беззвучную беседу, Лабрис и Урания одновременно подняли глаза и спросили в один голос:

— Что ты потребуешь от нас, Повелитель, приказывай. Мы в твоей власти.

Дни в иллюзорном храме Держателя мира пролетали бесконечной чередой, прививая молодому ученику навыки искусства боя и премудрости единой магии. Мастерство наслаивалось на целеустремлённость и давало хорошие результаты. В условиях, созданных учителем, тело его подопечного стало грозным оружием, а разум с лёгкостью подчинял себе свои равные стихийные силы. Тени прошлого давно покинули его память, уступив место новым знаниям и умениям.

Целум открыл дверь тренировочного зала и вошёл, пребывая в приподнятом волнительном настроении. Под усами и бородой обычно строгого ментора даже угадывалась улыбка. День разменял вторую половину и Дигон уже привычно избивал деревянные фигуры потенциальных врагов мудрёными техничными ударами.

— Пять минут отдыха, — произнёс хозяин храма, — и предметный спарринг.

— Да, учитель, — ответил разгорячённый Дигон и с радостью сел, опершись спиной на лестничную стенку с турниками. Несколько глотков прохладной чистой воды показались ему лучшим в мире лакомством.

Целум тем временем подошёл к широкой стойке, уставленной рядами всевозможного оружия. Попеременно беря в руки и возвращая обратно тяжёлые булавы и широкие гладиусы, он остановился на двух тонких, немного изогнутых саблях с крючковатым навершием без чётко выраженной гарды. С лёгкостью, словно движения были так же естественны, как дыхание, он ритмично выполнил саблями в воздухе две двойные восьмёрки, прокрутил их по сторонам в вертикали и одобрительно кивнул. Дигон поднялся, размял руки в суставах, сделал несколько прыжков на месте и подошёл к учителю. Слегка поклонившись, принял от него одну из сабель. Вместо щитов оба взяли широкие и длинные стальные наручи, закрывающие всё предплечье, включая ладонь и локоть на левой руке.

В центр зала вышли два мастера. Поклон. Завораживающий танец смерти начался. Сходиться первым никто не спешил и Целум взял на себя эту роль. Лёгкий прямой выпад, призванный раззадорить противника, был свободно парирован в сторону, а ответная попытка финта лишь вспорола воздух в том месте, где только что был нападающий. Он двигался молниеносно, чего никак нельзя было ожидать от древнего великана. Но и молодой воин не уступал. Пользуясь разницей в росте, он рванул прямо на противника и в последний момент ушёл в бок, под его правую руку с оружием. Сокращать расстояние рядом со сталью меча — весьма рискованный манёвр, но он удался. Оказавшись по другую сторону от режущей плоскости удара, Дигон направил своё оружие в открытый бок, вкладывая в удар всю инерцию своего нырка. Но в этот же момент Целум перехватил саблю в одной руке обратным хватом и встретил удар тупым обухом. Металл зазвенел пронзительным лязгом. Дигон отскочил назад, восстанавливая прежнюю дистанцию. Тут же, пока Держатель не вернул оружие в прямое положение, присев, почти коснувшись копчиком пятки, он прыгнул вперёд и вверх на полтора метра. Великан не ожидал увидеть соперника выше своих плечей, а тот уже занёс прямой рубящий удар над головой. Мощь удара многократно усиливалась весом Дигона. Его сабля вошла в своевременно выставленное блоком наручье, погрузившись в кованный металл на половину кромки. В ответ Целум просто оттолкнул его левой рукой, и он кувырком отлетел на пять метров к стене. Силой этого воина никак не одолеть. Оправившись от падения, Дигон не спешил нападать снова. А хозяин башни, понимая

преимущество своих габаритов, атаковал наискось, снизу-вверх, синистром. Прижатому к стене противнику оставалось только пятиться вдоль неё направо. Клинок заискрил о каменную кладку и нападающий с очередной неожиданной лёгкостью выполнил пируэт через правую руку в направлении отступающего. Но расстояние его шагов сокращало дистанцию слишком быстро и Дигон снова применил сработавший ранее манёвр — бросился навстречу снизу. Пока массивное тело Целума крутилось вокруг своей оси, он оттолкнулся от стены левой ногой, завалился на спину, и в полёте почти параллельно полу на уровне колена великана выбросил руку с саблей. Удар разрубил бедренные мышцы на правой ноге соперника. Рёв, похожий на рык десятка разъярённых львов, казалось, затрусил землю. Здесь, в мире, созданном разумом Держателя, раны в поединках исчезали по окончании дуэли, но в процессе боя всё было реально. И кровь. И боль.

Пролетев так ещё немного, Дигон приземлился на спину, проехал на ней метра полтора, сделал кувырок через плечо и поднялся в боевую стойку, выставив саблю вперёд. Целум был невероятно зол, но доволен своим учеником. Стал в стойку, выставив раненную ногу вперёд и перенёс вес на неповреждённую левую. Бывший поставщик информации понял, что именно сейчас, пока противник не собрался, нужно атаковать. Широкими прыжками по зигзагу, перемещаясь то вправо, то влево, он стремительно приближался к Целуму. Влево, вправо, влево, вправо. И когда до расстояния, с которого можно было нанести удар, оставался один шаг, он не сделал его ритмичным прошлому зигзагообразному перемещению, а резко прыгнул ещё раз вправо и вперёд. Обходя великана по левую руку, не давая возможности опереться на раненную ногу и повернуться, он ударил ридоппио под колено здоровой ноги. И крик боли снова загредел в ушах. Однако, Целум успел схватить острое полотно клинка открытой левой рукой. Даже через рукоять Дигон почувствовал, как сталь царапает кости ладони. Он хотел рывком забрать саблю и нанести решающий удар, но было поздно. Хватка великана могла дробить камни. Он вырвал оружие так резко, что локоть Дигона вывернуло наружу, а сабля Держателя мира в этот момент чётко вошла в правое плечо под ключицу, обжигая неистовой болью. Вторая окровавленная рука бросила отнятое оружие и резко нанесла прямой удар в подбородок, буквально стряхнув жертву с клинка.

Сознание вернулось не скоро. Когда Дигон открыл глаза и увидел перед собой холодное пиво в запотевшей глиняной кружке, ран уже не было. О проигранном спарринге напоминали только раздражающий зуд в плече и онемевшие скулы.

— Прекрасный бой, мой юный ученик, — подытожил Целум, подавая руку Дигону. — Мало кто во всём Миглахе смог бы повторить его. Ты готов. Я вполне удовлетворён твоим обучением. В нашем маленьком мирке прошло уже полтора года. Ты заметил?

В однообразии сменяющих друг друга дней обучения бывший поставщик информации давно утратил ход времени, и этот факт немало удивил его.

— Твоему мастерству уже могут позавидовать как бывалые древние маги, так и неукротимые воины арейцы. Ты можешь считаться первым магом Единства за последние десять тысяч лет. Пришёл час нам покинуть это убежище и заняться тем, к чему мы так долго готовились.

Дигон исправно трудился и только сейчас понял, что никогда толком не расспрашивал учителя о дальнейших планах. Он знал, что на физическом уровне нынешняя форма Целума не позволяла ему действовать открыто за пределами храма. В долгих вечерних беседах тот многое поведал ученику. Рассказал то, как девять иерофантов при помощи силы иных измерений, заключённой в Чёрном Камне Кибелы, напали и испепелили его тело. Как не

смогли закончить начатое, не понимая природу Держателей, практически бессмертных в пределах созданных ими миров. О том, как его дух был заключён тысячелетия в тюремной сфере, образовавшейся в междумирье при Параклазе. И о том, как его, Дигона, жертвенная смерть вырвала Целума из этого заточения. Он знал так же, что для окончательного возрождения Держателя необходимо собрать здесь, в древней цитадели, все части праха, унесённого восставшими иерофантами. Но какие конкретно шаги запланировал учитель для Дигона оставалось тайной.

— И что мы будем делать теперь? Вдвоём против всех девяти Домов?

Целум улыбнулся:

— Не девяти. Во всём остальном мире прошёл всего месяц, но за это время я успел обзавестись союзниками. Дома Кроноса, Дианы и Венеры, дружественные по роду стихий, выступят на нашей стороне. Дом Гадеса остаётся тайной, а его нетленный Отец — загадка. Я и предположить не мог, что разделение природных сил приведёт к рождению столь поразительного явления, как воплощённая эманация Смерти. Так что он — неизвестное в моём уравнении. Игра Домов Цифры и Зевеса — так же не до конца понятна. Хитросплетения диковинного разума Кетера сильно отделились от изначального порядка вещей. Поэтому я не берусь точно предугадывать стремления цифира. А его давний друг Фульгур с обострённым рациональным мышлением скорее будет следовать за проверенным старым знакомым, чем примет нечто новое и неведомое. Но не думаю, что эти два Отца пойдут на открытую конфронтацию. Остаются стихийные соратники в Домах Гермеса, Аполлона и Ареса. Вот с ними нам точно придётся столкнуться в противостоянии. Так что картина не так ужасна, как ты мог подумать.

Целум немного помолчал и добавил:

— Возможно, как ты уже понял, есть вероятность существования ещё одного Великого Дома в Миглахе — оплота Хаоса. Но об этом никто ничего не слышал со времён Параклаза. Если они и существуют, если вообще там что-то есть, то они далеко, за непроходимым Мировым океаном. Они никогда не появлялись в поле зрения и даже я не вижу, что происходит там, с другой стороны мира. Ведь сейчас я могу смотреть только средствами магии Домов. Возможно, там ничего не было и нет. Возможно было, но эти силы канули в Океан Теней со времён Параклаза... Не знаю. И мы не будем брать их в расчёт.

— А откуда догадки про ещё один Дом, кстати? — задал Дигон давно интересовавший его вопрос. — Иерофантов ведь было девять.

На этот раз Целум молчал дольше. Лицо его изменилось, утратило привычный свет. То ли он вспоминал что-то очень неприятное для себя, то ли подбирал слова. Но ответил:

— Моё убийство, как и возвращение, требовало ритуальную жертву. И храмовники привели с собой молодую девочку. Её нерастраченной жизненной силой напоили Чёрный Камень Кибелы и пробудили в нём разрушительную мощь. Тогда, в момент разделения энергий, стало ясно, что Камень не просто выпил жертву. Он опустошил её, и место абсолютной пустоты заняло то, что не входило в планы иерофантов. Такого поворота не ожидал и я. Возник противовес созидательным стихийным силам. Антиматерия энергетического мира. Всеобъемлющий Хаос, стремящийся к уничтожению бытия и полному разложению реальности. Метафизический вес этого субъекта, занявшего место в теле невинного существа, был настолько велик, что он протащил девочку сквозь междумирье, даже мимо пространства моего будущего заточения. Я предполагаю, что на материальном плане это выразилось смещением родившейся разрушительной сущности на

противоположную сторону планеты. А, возможно, произошло и нечто иное. Я тоже не всеведущ. Но когда Параклаз схлопнулся, она осталась там. В древнем мире кроме меня, почти никто не знал о существовании суши где-то, кроме Миглаха и прилегающих островов. Среди простых людей о том ходили лишь домыслы и легенды. А после катастрофы любые попытки новоявленных хозяев Миглаха проникнуть на ту сторону гасли на полпути. Мы не знаем, как сложилась её судьба. Не знаем даже остались ли там живые люди и вообще — попала ли туда Мать Хаоса, так что нет смысла и гадать об этом.

Пожалуй, впервые за время знакомства с Целумом Дигон так и не получил исчерпывающего прямого ответа на свой вопрос, но прерывать монолог учителя не стал. Держатель продолжил:

— Сейчас наша задача собрать пиксиды и вернуть меня в мир окончательно. Лабрис, Селена и Урания сами отдадут тебе их. Капсулы Кетера, Агорея, Квирина и Фульгура я ощущаю в пределах их столиц. Пиксида Гипериона — в одном из пирамидальных храмов на севере его земель, в главном комплексе Пса. А что происходит под непроглядной пеленой туч Маркара я, увы, не знаю. С ним тебе придётся разбираться самостоятельно. И помни: наша сила в их неведении. Союзникам известно только о твоём существовании и о том, что ты — мой представитель, а те, кто может стать противником — не знают и этого. Не стоит раскрывать себя раньше, чем на то будет необходимость. Пойдём, мой ученик. Сначала ты посетишь правителя земель Кроноса. Он даст тебе знание Земли. Затем отправишься на юго-восток, в край предсказателей и пророков, в столицу Дома Дианы, серебряный город Мену. Их Верховная Мать ждёт тебя. А ещё спутник, которому ты будешь рад. Там ты познакомишься с Водой. А дальше посмотрим...

И на этих словах постоянно грозный великан от души заулыбался и раздался тихий невыразительный смех.

— Очень жаль, что я не смогу в зримом образе присутствовать рядом, но помни — я ни на мгновение не покину тебя. Я буду вести вас дорогами Миглаха, в меру своих скромных сил помогая. Исполни наш уговор — собери прах моего тела, и я буду ждать тебя здесь, в этой удобной, но всё-таки тюрьме.

За пару недель до того, как дух Держателя мира отправил ученика покорять Миглах ради своих целей, где-то восточнее, в подземелье Флегетона, не спал Маркар. Он никогда не спал, терзаемый вечным бременем. Сон вообще сторонился угрюмых гади, словно в отместку за право управлять смертью. Хозяин Гадеса лежал в лёгком трансе и напряжённо, с опаской изучал странные волнения, которые за последний месяц всё чаще стали тревожить изнанку мира. Раздался стук.

— Тёмной ночи, повелитель! — сказала вошедшая в небольшую подземную келью Клиодна, ведя за собой Захарию, на этот раз молчаливую и смущённую. — Прошу прощения, нам пришлось задержаться, но мы прибыли, как только смогли. В районе дагарокских руин происходит что-то неладное. Мы не смогли стать на тропы успения, пока не покинули остров. Да и там всё было странным. Обычно пустой и монотонный мир теней в тех пределах изменился. В сером мареве появилось какое-то болото. Пространство стало вязким, наполнилось парящими обрывками разлагающейся травы, не весть откуда они там взялись. Такого раньше не было. Только когда мы пересекли границу, уже на территории нашего Дома всё стало таким, как и прежде.

— Успение меняется? Это плохой знак, — Маркар сел на край широкой каменной кровати, укрытой плотным пружинистым войлоком. — Да, и я чувствую изменения в мире. Его сейчас чувствуют все члены Верховного Совета и некоторые уже начали действовать. Рассказывай, что произошло на острове.

— Когда я пришла на место, Захария была почти мертва. Она лежала в десятках метров от остатков храма и уже не дышала. В попытках напоить её тело посмертием, я наткнулась на нечто, чему не могу найти объяснения. На самом дне, на границе междумирья, я упёрлась в непроницаемую сферу. Её матово-прозрачные стены состоят из неизвестной мне энергии. Чуждой и обжигающей. Я и сама с трудом вернулась обратно, но уходя увидела, как будто, чей-то циклопический глаз. Белый. Словно отражение моего собственного.

— О, нет, Клио. Кажется, я знаю с кем ты столкнулась. Но я неоднократно ходит туда и сам проверял все слои реальности. Там ничего не было, кроме шрама зияющей пустоты на теле мира. Что-то изменилось. Продолжай. Я должен знать, что ты нашла там.

— Ничего. В том-то и проблема, что мы ничего не нашли. Мы пару дней ходили по острову, обшарили всё вокруг. Пробрались внутрь пещеры, где Захария следила за тем, как цифирь переписывал какие-то надписи со стен. Той ночью её и вышвырнуло наружу из самого успения, чуть не убив. Ничего. Ни цифира, ставшего пустым, ни даже его следов. Только странное чёрное оплавленное пятно в центре. Явно новое, без единой пылинки, словно туда ударила молния или какое-то мощное заклинание арейцев.

— Хм, — Маркар поднял руку, останавливая докладчицу. — Вышвырнуло какой-то силой, говоришь? Из успения? А что она сама скажет?

Захария сделала шаг вперёд. Стараясь меньше смотреть прямо в глаза Верховному Отцу, и сбивчиво заговорила:

— Да, повелитель, простите, я ничего не смогла сделать. Я следила, как мне и приказано. Совсем осторожно. Наблюдала. Но как этот цифирь только уснул, вспыхнул свет. Отовсюду. Сам воздух загорелся. Это не было стихией Огня, вообще никакой стихией не было. Я бы почувствовала, что на меня напало, если бы это было что-то знакомое. Оно такое

острое, жгучее, как огонь, и плавное, как вода или воздух, но также и крепкое, как камень. Эта сила проникала в меня, как раскалённый прут в варёный помидор. Это не Эфир даже...

Неожиданно брошенная фраза Маркара остановила её рассказ:

— Это называется «Единство».

Правитель схватился за голову и упёр локти в колени, после чего никто уже не смел произнести ни слова. Даже Клиодна, проводившая с хозяином гади времени больше других, никогда не видела его таким. Прошла минута. Потом ещё одна. Маркар поднялся.

— Собери группу из пяти лучших двуликих. Идём на Дагарок.

Через час Отец Дома Гадеса в сопровождении Клиодны и пяти теней входили в разрыв ткани мира, чтобы убедиться в правоте своей пугающей догадки. Расстояние с пол тысячи лиг в реальном мире, тропами успения они пошли всего за пол дня. Но на пересечении границы с Домом Кроноса, путники действительно встретили мощное сопротивление и на оставшиеся четыре с половиной сотни лиг до острова им пришлось потратить не меньше пяти дней. С Маркаром во главе перемещение было проще, но даже его присутствие не могло побороть загадочную вязкость пространства. К руинам дворца Старого Мира все семеро подходили на закате и нелюбимые гади лучи Аполлона не должны были тревожить их мысли. Глава Дома уже хотел делать шаг сквозь разорванный проём в реальный мир, как в его голове раздался оглушительный бас:

— Остановись, Маркар! Я буду говорить с тобой здесь, мой бывший авгур. Ты должен знать, что для меня нет границ. Сейчас ты на моей земле, хотя и в своей вотчине.

Из глубины непроницаемого, не знающего света, мрака успения к группе гади приближалась крупная, выше любого из них фигура. Человек источал сияние, расходившийся от него мягкими волнами, без труда разгонявшими вязкую вечную тьму. Первым под эти волны попал Маркар, и они обожгли его. По коже нетленного, прикрытой только живым плащом и полосками портупей, пробежала дрожь. Он резко отпрыгнул в сторону. Но пять сопровождающих воинов во главе с Клиодной, не слыша слов Целума, без раздумий бросились в атаку. Их не учили думать. Их учили убивать. И защищать хозяина. А он явно был в опасности. Архос клана Двуликих выхватила тонкий изогнутый меч правой рукой и прямой раздвоенный кинжал левой. Помня рассказ Захарии, она решила не полагаться на магию. Не сложно было догадаться, что перед ней и есть то существо, которое чуть не убило любимую гончую. Пока остальные воины только готовились к нападению, а Маркар даже не успел поднять головы, в два прыжка она подлетела к Целуму. Он оказался намного выше, чем ожидалось, и Клиодна ударила с размаху по диагонали, целясь в грудь противнику. Целум лишь усмехнулся и просто схватил меч воительницы левой рукой. Это не была тренировка с Дигоном, так что Держатель мира несколько изменил правила. Меч не нанёс ему даже царапины. Огромной ладонью правой руки он просто обернул удивлённое лицо нападавшей и внутри сжимающихся пальцев вспыхнул яркий белый свет, на мгновение ослепивший тех, кто не успел спрятать глаза. Тело Клиодны, как брошенная простыня, спустилось на колыхающееся подобие травы, устилавшей поверхность тропы успения. На месте, где только что находилась красивая, не свойственная гади голова, была пустота.

Секундой раньше, когда смертоносная архос делала первый прыжок, один из воинов двуликих стал на колени перед своим соратником. Второй без слов понял его замысел. Неспешно вынул из ножен старый короткий клинок, чьё двустороннее лезвие плотно покрывали следы запекшейся жертвенной крови, и занёс его вверх. Прошептал слова прощания и с размаху двумя руками вонзил лезвие по самую рукоять в голову собрата.

Двуликие добровольной жертвой жизни пробуждали поистине великую, исключительно редкую inferнальную магию. Рукоять кинжала задрожала. Вибрации наполнили руки и плечи воина, ставшего палачом, но узловатые пальцы крепко сжимали танцующий эфес. Кровь полилась медленно, ритмично пульсируя и наползая на лоб тяжёлыми волнами, но ниже не опускалась. Плотная маслянистая, почти чёрная жижа потянулась вверх, впитываясь в руки убийцы. Стоявший на коленях громко выдохнул, упал и словно провалился в призрачное покрывало тропы успения. Второй двуликий расцепил ладони и упавший кинжал наполнил замершее пространство неожиданно гулким коротким звоном. Обеими руками он схватил лёгкую кожаную рубаху, прикрывавшую тело, и разорвав её на груди. Палач сам становился жертвой. И оружием. Слепая, бесчувственная и беспощадная энергия Смерти в малых дозах служит пищей для гады. Но сейчас, собравшись необъятной мерой в одном месте, она разрывала носителя. Глаза вспыхнули бездонной чернотой, бледная кожа вмиг обуглилась, а тело стало прахом. На его месте повисло облако мельчайших кристаллов, сотканных из экстракта тлена и разложения. Два воина двуликих своими жизнями породили заклинание, спасения от которого, пожалуй, не нашли бы и Верховные Отцы других Домов. «Рой смерти».

Когда обезглавленное тело Клиодны уже упало, а Маркар прокричал приказ оставшимся воинам прекратить, «рой» уже заработал. Остановить его было не под силу и самому хозяину Гадеса. Тёмная магия ринулась в сторону яркого света Целума. А тот стоял, с удивлением и восхищением раскрыв глаза. В бытность его правления, конечно, энергия смерти существовала, но развития такой магии не было. Она являлась табу. Держатель сам устанавливал эти запреты, но, если есть сила — она найдёт выход. Изредка находились смельчаки, которые говорили с памятью усопших, растворённой в Океане Теней. Некоторые даже пытались отодвинуть час собственной смерти, настраивая её эманации на нужный лад. Но в таком грандиозном и ужасном величии она предстала перед Держателем мира впервые. А «рой» надвигался. Великан выставил руки вперёд, сжал пальцы в кулак и резко расправил их. Перед «роем» возник сплетённый из света щит, закрывающий хозяина ярким продолговатым пятном во весь рост. К периферии его края становились менее насыщенными, огибали тело Целума и за спиной сходились уже бледным, едва различимым полотном. Он не знал способов борьбы с такой магией и логично противопоставил ей антагониста — изменённую, со смещённым в одну сторону центром, и усиленную «сферу жизни». Если поместить в неё безнадежно больного или раненого — силы вернутся к нему, а раны затянутся. Смерть схлестнулась с жизнью. Крупицы «роя» вспыхивали тысячами, впиваясь в «сферу», гасли, но точили энергетический щит. Изничтожающее облако сократилось наполовину, когда первые его кристаллы начали проникать через покоробленную затухающую поверхность. Влетая внутрь, они впивались в ладони Целума, оставляя маленькие червоточины разложения. Сначала несколько. Потом больше и больше. И вот уже руки покрывает сетка похожих на старые, изъеденные молью перчатки. Умирает всё. Даже Боги не до конца бессмертны. Держатель мира впервые столкнулся в бою с этой Стихией и предательские нотки страха зазвучали в глубине его древнего разума. Он собрал всю мощь, доступную в нынешнем состоянии, прижал израненные руки крест-накрест к груди и резко выбросил их с каким-то диким рыком вперёд, навстречу остаткам «роя». По успению прокатился глубокий вибрирующий гул. Волна яркого переливистого сияния испепелила кристаллы, траву на десяток метров вперёд, тело воительницы Клиодны и неудачно оставшихся стоять на месте по приказу Маркара троих последних двуликих. Только

мелкие лоскуты пепла остались в воздухе после удара Целума. И неизвестно что было бы с самим Верховным Отцом Дома Гадеса, не отойди он в сторону в самом начале, когда светящаяся фигура только приближалась к отряду детей Гадеса.

Бой длился не больше нескольких секунд. У разрыва в ткани мира, перед выходом из успения, на голом выжженном поле остались стоять двое: оцепеневший, не знающий что делать Маркар, и заметно потускневший дух Целума. Последний быстро пришёл в себя и с явной усталостью в голосе произнёс:

— Ты меня искал? Я нарочно решил встретить тебя именно здесь, в привычном для тебя окружении. Чтобы ты ненароком не возомнил, что твоих сил хватит меня остановить. Но я не намерен был убивать. Твои люди зря напали.

— Здравствуй... Всеотец, — буквально выдавил из себя гость. — Я знаю, что ты хочешь мести. Что ты вправе нас уничтожить. И раньше я понял бы тебя. Но теперь нет. За десять тысячелетий я помню и знаю всю боль каждого живого существа в этом мире. Умирая, они щедро делятся со мной своими страхами, и страданиями. Я чувствую скрежет отчаяния каждой травинки, каждого дерева, птицы и твари на планете при их уходе в Океан Теней. Я смотрю глазами умирающих младенцев на кровавые слёзы скорби их матерей. Теперь худшее, что ты можешь со мной сделать — это оставить всё как есть.

— Я здесь не для этого. И да. Я отомщу тебе лично. Я оставлю всё как есть. Пока что Ты ведь был самым прилежным, самым здравомыслящим, самым надёжным и добрым из моих служителей. Захотел силы Бога? Получил? Я мог ожидать предательства от других, но ты?

— Я плачу за свой выбор. Хочешь знать, сожалею ли я? Да. Сожалею. Но река времени течёт только в одну сторону. И теперь я тот, кем стал. Убей меня. Если сможешь.

— Нет, Маркар. Я не желаю смерти ни тебе, ни кому другому, если она не потребуется. Для меня важно восстановление изначального порядка. Я перегорел в желании отомстить. Но я знаю, что Миглах ещё можно спасти и вернуть в единое тело Плеромы. Поможешь ты мне или нет — это будет твой выбор. Не ошибись с ним на этот раз.

С последними словами Целум исчез. А Маркар, получив ответов больше, чем искал направился назад, в свои владения, так и не покинув тропы успения.

Тихая, холодная, словно горный ручей, чистая северная ночь опустилась на Дагарокский залив. Прощание с учителем оказалось для Дигона неожиданным и сумбурным. Он так привык жить в изобилии и размеренном покое призрачной башни Держателя мира, что даже не задумывался о том, что придётся её покинуть. Последняя проверка боевых умений ещё зудела в правом плече. Напутственные слова Целума только прозвучали, а он уже стоял в центре грязных развалин древнего храма, в которые удивительная судьба привела его месяц назад по меркам нормального хода времени. Под ногами лежал старый потрёпанный мешок с вещами и аккуратно завернутый в покрывало меч немногим более метра длиной. Видимо, прощальный подарок учителя. Дигон отложил в сторону замысловатую португую и вытащил оружие из тонких деревянных ножен, обтянутых плотной бычьей кожей чёрного окраса. С восторгом покрутил пару восьмёрок вокруг себя. Меч был прекрасен. Странная обоюдоострая сталь, покрытая синева-фиолетовыми переливами, звенела, даже рассекая воздух. Удобная упругая рукоять, вплотную вмещает две руки и оканчивается металлическим противовесом в форме небольшой мужской головы с двумя лицами по обе стороны. Гарда расходится в стороны маленькими, размером с большой палец, закрученными усиками крестовины, наклонёнными в сторону лезвия. У самого основания клинка, на незаточенном участке без спусков шириной с ладонь, с обеих сторон красуется гравированный чёрный символ. Его форма напоминает трезубец с зеркальным отражением по горизонтали, нижнее среднее острие которого входит в круг. Дигон мысленно поблагодарил хозяина башни за дар и надел португую так, что меч крепко сидел на спине, выставляя рукоять над правым плечом. Постояв немного возле круга оплавленного камня, который принял когда-то его смерть, молодой маг направился в путь.

К утру он прибыл в деревню Мокрая, где о нём, казалось, все давно забыли. Но это было не так. Уже в проёме старых ворот, скрипящих от порывов ветра, его встретил пожилой человек. Статный, с тёмно-серой кожей, в дорогом тёплом бархатном плаще. Из-под капюшона на него смотрели глаза совершенно ясным, не по возрасту живым взглядом.

— Приветствую тебя, Дигон, — раздался навстречу до хрипоты иссушенный голос, — хозяин этих земель ждёт тебя.

Первый раз кто-то, кроме Целума, назвал бывшего поставщика информации этим именем. Волнительное непривычное чувство, близкое к гордости, ненадолго отодвинуло на второй план озноб не по погоде одетого тела. Последний месяц осени в северных владениях Дома Кроноса ничем не отличался от зимы. Люди ходили по мёрзлой, слегка припорошенной снегом земле в тяжёлых тёплых сапогах из грубой воловьей кожи. Именно такие стояли возле стойки ворот, а на столбе висела длинная, почти до колен, хламида, подбитая плотной овечьей шерстью. Изрядно замёрзший, бывший цифир с радостью принял от старика предложенные одежды, и они без промедлений направились в гавань острова. Вспоминая слова учителя про обрётённых союзников, он не переставал удивляться новым лицам, о существовании которых успел позабыть за долгие полтора года тренировок. Местные рыбаки буквально с раболепным почтением относились к его провожатому. Как только с пристани стали заметными две приближающиеся фигуры, на одной из лодок-бирем засуетились гребцы, а кормчий скомандовал готовить парус. На этом небольшом судне важные пассажиры пересекли залив и сошли на землю в порту Анциломета, где их ждал

приём в залах дворца молодого Лабриса. Перерождённый Отец Дома был заметно крепче и массивнее своих подчинённых, а его кожа казалась пепельной, чуть менее серой на фоне окружающих. Он встретил Дигона, как дорогого гостя. За сытным завтраком хозяин рассказал о договоре с Целумом и заверил, что сам явится к развалинам храма Держателя в условленный час, если того потребуют будущие обстоятельства. После приёма пищи он вручил ученику заранее подготовленную ценную пиксиду с прахом его учителя. Небольшую, размером с ладонь, металлическую капсулу сплошь покрывали ровные геометрические узоры и пятна древней коррозии. Весила она не больше крупного яблока. И как ни пытался Дигон, ему не удалось найти признаков того, что её можно открыть.

При дворе его представили, как друга Верховного Отца, оказавшего тому неоценимую услугу. Так становилось понятным пристрастие, с которым вокруг него крутились очень уважаемые в Доме люди. Да и сам Лабрис слишком уж много внимания уделял своему гостю. После башни замедленного времени молодой маг Единства отдыхал четыре дня. Знакомился с упущенными за время своих тренировок событиями и ждал, пока лучшие мастера Кроноса восстановят его кольчужку из драгоценного угренума. Глава крониан снабдил поверенного Целума одеждой, деньгами и провизией, но с доспехом, который однажды уже спас ему жизнь, Дигон расставаться не хотел. Да и не было смысла — наследство деда было редким и ценным. Не многие могли похвастаться такой крепкой и лёгкой бронёй, которая, ко всем своим достоинствам, ещё и могла впитывать магию.

Когда организм приспособился к новому течению времени, Лабрис привёл своего гостя в сад камней — открытую круглую площадку шагов тридцати в диаметре. Пространство огораживал высокий сетчатый забор в человеческий рост, плотно увитый тёмно-зелёным плетением ежевики. По всей окружности вдоль забора стоял сплошной низкий каменный парапет, служивший скамьёй. В широком пустом пространстве, на плотной песчаной подушке располагались узоры из гладких гранитных валунов совершенно различных размеров: от маленьких, с кулак, до огромных, в два обхвата руками. В саду его ждали двое. Первый — архос фракции Боя, моложавый, лет сорока — пятидесяти кронианин Сатор. Высокий и жилистый, с гибким крепким телом, от ступней до запястий закрытым странной подвижной бронёй. Она, словно чешуя змеи, состояла из тысяч плотно прилегающих тонких чёрных лепестков неизвестного Дигону материала. И второй — пожилой статный мужчина, встретивший его в воротах деревни Мокрая. Как оказалось, архос фракции Книги. Первый руководил вопросами военного искусства и был необычайно сведущ как в бою, так и в заклинаниях. А второй, давно отошедший от былых подвигов старый маг, служил учёным-теоретиком и всесторонне изучал потоки Силы Дома Кроноса.

Три сильнейших адепта Дома Кроноса, во главе с самим Верховным Отцом, начали учить Дигона тонкостям своего искусства. Его успехи были поразительны. То, как Целум подготовил своего подопечного, давало ему преимущества перед любым из жителей Миглаха. За последующий месяц он освоил многое из того, на что сами ученики-крониане тратили в школе Анциломета несколько лет. Стоило ему понять теорию, увидеть исполнение любого заклинания на практике и ощутить его структуру — он повторял его без проблем. Его внутренняя природа, наполненная равновесием стихий, отзывалась легко, принимала любые новые знания и проецировала в мир почти любую магию. Не требовались недели тренировок, не нужны были месяцы проб и ошибок. Стихия, властвовавшая в Доме Кроноса, наполняла природу новоиспечённого мага без принуждения. Она сама стремилась в него, проявляя чудеса страсти, не свойственные обычно спокойной Земле. Она, будто бы

чувствовала, что именно здесь её место, её дом и прибежище, которого её лишили тысячи лет назад. Дигон научился в совершенстве работать с Землёй и даже чувствовать потоки времени, что было за гранью возможностей большинства обычных крониан. Конечно, он не мог сравниться в мастерстве ни с Верховным Отцом, ни даже с архосом Боя, но сдать выпускной экзамен в школе Дома Кроноса мог хоть сейчас.

Вместе с новыми умениями уроки многоопытных учителей принесли и страдания. Не те болезненные ощущения отката, что сопровождают всех при сотворении магии — почти полное отсутствие у адепта Единства отдачи вызывало зависть даже у Лабриса. Нет. Возникла внутренняя боль, принесённая извне. С наполнением стихийного лона силой пришло и то, что можно было бы назвать её чувствами. Дигон начал ярко ощущать утрату жизненной энергии, терзающую покровы тверди Миглаха. В минуты покоя и концентрации на потоке стихии Земли он буквально своими костями чувствовал, как стареют древние скалы, как гранитные основания трещат по швам, а камни год за годом рассыпаются в прах, как почва, съедаемая ветрами и ливнями, теряет плодородие и свежесть. Как само время с каждым новым днём становится слабее в безрезультатных порывах прикоснуться к общему началу единого мира Плеромы. Как жизнь опускается всё ниже из небесных сфер, обволакивает материю и засыпает. Как каждое существо мгновение за мгновением безвозвратными каплями теряет энергию, словно влагу, впитываемую иссушенным телом Миглаха. К этому учитель его не готовил. Такие страдания могли свести с ума. Только теперь Дигон стал до конца понимать, что обратного пути нет. Даже в судьбоносную ночь своей жертвы на осколках Чёрного Камня Кибелы в глубине души он ещё верил, что в любой момент сможет отказаться от предложенного пути и пойти своей дорогой. Теперь же он знал, что страждущий увядающий мир не отпустит его, пока цель не будет достигнута. Изменить это мог только возврат к единому гармоничному сплетению Стихий, нашедшему в молодом маге долгожданную отдушину. Только обратное слияние разрозненных начал могло спасти от скорби гибнущего мира.

Время было не на стороне Целума и его ученика. Немногим позже месяца, проведённого за познанием силы Кроноса, как-то утром, Дигон услышал в голове голос учителя:

— Пора, мой юный друг. Путь впереди долог, а наши враги не стоят на месте. Пока что о тебе никому из них ничего не известно. А значит ты можешь идти спокойно. Но не медли понапрасну. Иди.

Лабрис дал всё необходимое для его путешествия. Один из богатейших Домов Миглаха не пожалел средств, но главный сюрприз ждал поверенного в делах Держателя перед самым отбытием. В его комнату вошёл правитель, ведя за собой загадочного сопровождающего со скрытым под маской лицом. Тот нёс созданную специально для дорогого гостя «броню-ящерицу» — неповторимый доспех, аналогичный тому, что носил архос фракции Боя Сатор. Никто, кроме группы мастеров, непосредственно подчинённых самому Верховному Отцу, не знал секрет её изготовления. Она была лёгкой, словно хлопок, но вряд ли найдётся обычное оружие, которое могло бы пробить её.

Уже к закату Дигон и Лабрис распрощались до встречи, которая непременно последует в череде грядущих беспокойных времён. Они расстались добрыми друзьями и поток Эфира между воротами Талари Анциломета и Менны перенёс ученика Целума в столицу Дома Дианы.

В конце первого месяца зимы, когда жители северных Домов Миглаха уже во всю топили камины, Дом Аполлона утопал в пышной зелени. Эти края заливались буйным цветением благоухающих трав и наполнялись игривыми стаями перелётных птиц, сбежавших от коварного холода. Прошло два месяца с последнего собрания Совета, на котором дальновидный Гиперион объявил о военной мобилизации сил своего Дома. И теперь архосы, разъехавшиеся тогда с поручениями, возвращались на повторную встречу.

Две изящно очаровательные сестры, жёны Верховного Отца, старшая Лита, архос альянса Конструктов, и младшая Астра, архос Источника, никогда надолго не отлучались от мужа. Большинство своих вопросов они решали, не покидая границ Гелиоса. Многие руководители других альянсов так же были уже на месте. Проехал белокаменными улицами столицы, в окружении трёх десятков отборных воинов, могучий Ратор, архос Брани. Ослепительно сияя сталью доспехов под золотым плащом, он напрочь поражал сердца молодых аполониток. Архос альянса Резерва, грузный необъятный Солидар, уже пару дней, как вернулся с инспекции хранилищ запасов по городам земель Аполлона. Теперь он всё время проводил в казначействе, регулируя финансирование своих проектов. Не хватало только Аркадия, таинственного архоса Филеров, обеспечивавшего немалую осведомлённость Гипериона в делах прочих Домов. Тёмных и скрытых делах. Совет был назначен на вечер, и глава Дома знал, что Аркадий будет там, где должен, точно в положенный срок.

Весь день снова гудела кухня и мельтешила прислуга, обеспечивая привычно пышное, по-семейному уютное пиршество правителей. Но на этот раз Гиперион ждал и других гостей, чьё присутствие никогда не дарило честь Совету Дома. Шар дневного светила скрылся за горизонтом, и гости разномастным торжественным составом заполнили тронный зал дворца. Когда перед П-образным общим столом все уже рассаживались по местам, за мгновение до появления Отца со своими жёнами, входную дверь открыл и Аркадий. Не желавший снимать лёгкой, плотно сидящей, серой брони из кожи буйвола грубого дубления, он немного нелепо смотрелся в надетом поверх неё золотом парадном плаще. В прочем, последний он снял, как только официальное приветствие закончилось. Он вообще был на особом счету в Совете Дома. Его недолюбливали, поскольку ремесло филеров едва ли можно назвать полностью соответствующим духу Дома. И его страшно боялись, по причине того же ремесла. Но вес его слова не уступал даже лучезарному Ратору. Как и всегда, Аркадий сел с краю, лицом ко входам в зал. Внимательный взгляд не преминул заметить, что во главе стола сегодня находились шесть пустых стульев вместо обычных трёх.

В тронный зал вошёл Гиперион. Под руки с ним уверенно и гордо шагали жёны. Сегодня они не стали располагаться в привычном порядке, а обе сели справа от главы Дома, оставив по его левую руку три свободных места.

— Я рад видеть всех вас, братья и сёстры! — торжественно начал Отец, переходя к сути вопроса. — Сегодня мы подытожим готовность нашего Дома к надвигающимся непростым временам и, возможно, придём к непростым решениям. Во время нашей прошлой встречи я говорил вам о новой силе в пределах нашего мира. О силе, которая во времена седой древности, уже становилась преградой существованию наших незапамятно далёких предков. И, к сожалению, я не ошибся. События последнего месяца доказали, что именно та

сущность, чужеродный привкус которой я ощутил, и стала причиной великой катастрофы Параклаза. С каждым днём я чувствую всё отчётливее, что именно она навсегда изменила Миглах. Об этом говорю вам я. Об этом уже знают и другие Верховные Отцы. И теперь у нас остаётся не так много времени. Похоже, эта Сила может опять ворваться в наш мир. Народам придётся сплотиться. И с теми, кто был близок, и, возможно, с теми, кто по своей природе враждовал. Прошу всех, кто был занят подготовкой, отчитаться.

Ратор, в чьём натёртом до блеска нагруднике отражались сотнями огни свечей и факелов, освещавших зал, отрапортовал:

— Отец Гиперион, твой народ мобилизован. Полностью сформировано, укомплектовано вооружением и вспомогательными службами четырнадцать полных легионов по пять тысяч бойцов в каждом. Так же, в обученном и подготовленном резерве, готовом к призыву в течении одной-двух недель — ещё десять легионов солдат. Общее количество мирного населения, прошедшего военную подготовку и способного к участию в боевых действиях — до шести миллионов гражданских. Полная численность населения Дома — пятьдесят два миллиона аполонитов. На территории земель организовано семь равноудалённых мобилизационных лагерей для сбора и распределения ресурсов и живой силы. К каждому из них приписано по два активных легиона, готовых выполнять Ваши приказы и выдвигаться к местам постоянного дислоцирования. Более полная и точная информация подготовлена в моём докладе.

Ратор прошагал упругим вышколенным маршем к Верховному Отцу и передал увесистую кожаную папку на золотых застёжках. Громким ударом кулака о металлический панцирь кирасы отдал честь и, развернувшись на одной ноге, направился на своё место.

— А вот мне отпущенного времени не хватило на окончательное выполнение всех начатых дел. — Заговорил, поправляя неудобно сидящий праздничный костюм Солидар. — Но сбор стратегических запасов идёт максимальными темпами. Большинство обеспечивающих предприятий мы перевели в усиленный режим работы. Заключение новых договоров по экспорту приостановлены. Альянс Роста ускоряет созревание культур, и первый сбор урожая проведём уже к середине следующего месяца. Планируем собрать двойную, а на посевных — и тройную норму. Импорт тоже наладили: гонцы с договорами от Дома Венеры уже вернулись — тамошние аграрии согласились поторопить и увеличить на половину поставки. Уже готовят караваны. Тут осталось дело за главным, и альянс Казны уже готовит офиюны. Всё договорено. А недавно неожиданно пришли послы из Ареса. Сами предложили помощь с металлом и оружием. Я даже сначала подвох какой-то заподозрил. Давно ли бы дружить стали?

Гиперион одобрительно покачал головой и обратился ко всем:

— Да, друзья, мы повторно встречались с Квирином и решили наши мелкие разногласия со стихийными соратниками. Сегодня у нас ещё будет время поговорить об этом.

— А в остальном, — мягко продолжил глава альянса Резерва, — планируем выйти на полуторагодовую норму запасов в течении двух, максимум трёх месяцев. Свой отчёт я вам лучше принесу позже, чтобы столы двигать не пришлось.

Последнее замечания вызвало дружный смех собравшихся. Который, правда, тут же умолк, когда с места встал Аркадий.

— Я не буду здесь много говорить, Отец. Не стоит портить вечер. Но почтенным представителям дома следует знать, что не только мы готовимся к неприятностям. Мне доложили, что Кетер встречался с Фульгуром и сейчас зевиты строят какой-то огромный

агрегат. Сначала я подумал, что некое оружие, но разведчики говорят о его техногенной природе. Хотя, кто их разберёт с этой их наукой. Так же хозяин Цифры договорился с Домом Гермеса...

— Что? — повысив голос переспросил Гиперион, — Это точная информация?

— У меня всегда проверенная информация, Отец. — Несколько озадаченно уточнил Аркадий. — Они совместно роют шахты и вывозят много ресурсов. Основную массу — через границу к цифирам. Часть — в Дом Зевеса по Центральному морю, на берегу которого ведутся работы над этим аппаратом.

— Интересно. Расскажешь подробно позже. Что дальше?

— К Маркару вплотную подобраться так и не удалось. Но знаю, что он часто исчезал в эти два месяца, и подолгу отсутствует. Последний раз собрал группу своих двуликих ассасинов и ушёл. Вернулся через десять дней и сидит взаперти, ни с кем не общается. Воины с ним не возвращались. В Доме Кроноса переполох. Как всем, наверно, уже известно, в Океан Теней ушёл старый правитель. Весь Дом перешёл в режим повышенной готовности, пока новый Отец получал посвящение в Омфале из рук энергетически родственных ему Матерей Селены и Урании. Дом Ареса не отстаёт от нас в подготовке к войне. Даже опережает. У них основного войска с резервом — пятьдесят легионов. Плюс всё население, гражданскую часть которого не отличить от военной — сто двадцать миллионов. Так что я очень рад словам нашего Верховного Отца о том, что мы на одной стороне. Мобилизовался даже Дом Гермеса. Воинов, если их можно так назвать, у них немногим больше нашего. Но их качество, сами понимаете, весьма относительное. Ещё кое-что из Дома Дианы. Ходят слухи, а реальные факты в цитадели ночного светила нельзя отличить от слухов, что они собирали большой круг ковенов. И теперь Верховная Мать уверена, что подступают последние дни Миглаха. Дианиты говорят про реализацию всем нам известного пророчества о приходе некоего Разрушителя. А как мы знаем, её предсказания никогда не обманывали ожиданий. Лично я уверен, что источник их страхов и возвращение Силы Параклаза, о которой Вы говорите, Отец, — суть одно явление.

— Я тоже в этом уверен, Аркадий. И не я один. Благодарю за службу. Детально поговорим после собрания. — Гиперион кивнул головой в ответ на поклон архоса альянса Филеров и продолжил. — Мы хорошо поработали и сделали максимум за столь короткое время. Наши силы велики. К тому же, вам всем известно об усилении наших артефактов и магических источников благодаря весьма своевременным новшествам, которые внедрили мои прекрасные жёны. Так что мы готовы к вызовам судьбы. Но не мы одни. Я уже направил сигнал нашим сегодняшним гостям и жду их с минуты на минуту. Они захотели лично поприветствовать вас всех. Хотя я, признаться, удивлён такому их желанию. Каждый Дом Миглаха всегда преследовал свои...

Гиперион не успел закончить фразу, когда собрание архосов засуетилось. В пространстве интенсивно концентрировалась магия. Знакомые флюиды стихии Огня скопились у левой стены зала, недалеко от парадной входной двери. Но Огонь был не один. Между начавшими уже проявляться золотисто-алыми змейками пламени равномерно парили белесые сгустки воздуха. То и дело они пропускали по своим телам тонкие светящиеся паутинки молний. Танец Огня и Воздуха медленно крутился в вертикальной плоскости, постепенно сужаясь, уплотняясь и формируя почти правильный круг портала. Одновременно, словно повторяя строевой шаг, с правой ноги из раскачивающейся красно-белой ткани перехода вышли гости. Гигантский краснолицый атлет Квирина и смотрящийся

на его фоне почти карликом Агорей. В тот же момент без лишних эффектов через парадную дверь справа от портала вошёл обновлённый Лабрис. Последнему было не по себе. Даже его живой плащ насторожился от недружелюбного окружения. Бархатистая длинная мантия напряглась, пропуская по чёрной лоснящейся поверхности изломы окаменения. Стихии Домов Кроноса и Аполлона — антагонисты, и лёгкое недомогание, похожее на простуду, выводило Отца крониан из себя. Молодое тело ещё не полностью освоилось и сопротивляться неприязни было сложно. К тому же, энергия Огня здесь соседствовала с Воздухом, сопровождавшим главу Дома Гермеса, а эта стихия выступает ещё более враждебно к Земле... Разумеется, никому из Верховных Отцов и в голову не пришло бы вредить друг другу. Они, всё же, были братьями. Тысячелетия родства связывали их между собой сильнее, чем со своими народами. Но с природой не поспоришь: на территориях Домов, чья стихийная суть враждовала, даже Отцам приходилось страдать. Сама душа Дома, порождённая Параклазом, противилась стороннему вмешательству. Потому, все вместе Верховные Отцы могли себя чувствовать комфортно только под куполом Омфала. Святой город принадлежал Совету и единственный сохранял нейтралитет равновесия.

Три правителя Домов Миглаха встали в ряд и в один голос произнесли:

— Приветствуем вас, жители светоносного Аполлона!

Собравшиеся в ответ с удивлёнными лицами встали со своих мест и почтительно поклонились высоким гостям. Одним из первых встал даже гигант Солидар. Проявив несвойственную прыткость, он отодвинул, поднимаясь, лавку с менее расторопными собратьями. Никто из них никогда не видел вблизи никого из Верховных Отцов, кроме собственного. Не говоря уже о нескольких сразу. Все трое прошли во главу стола к трём пустующим креслам. Поприветствовали вышедшего им на встречу Гипериона, положив поочерёдно свои правые руки на плечи друг другу. С последним, Лабрисом, Отец аполонитов задержался чуть дольше:

— Поздравляю тебя с успешным принятием отцовства. Ты силён и молод. Пусть твой век правления будет долгим, продуктивным и безоблачным, несмотря на смутные времена.

— Благодарю, лучезарный Гиперион, — ответил он, пока Агорей и Квирин усаживались на приготовленные для них места. — Мы говорили с тобой о происходящем уже дважды. И я вижу, что ты не терял времени. Ты собрал мощное войско и готовишь свой Дом к серьёзной войне. Но я принял твоё приглашение, только чтобы попытаться убедить тебя в ненужности кровопролития. Послушай меня, прошу. Твой Дом далеко не столь многочисленный и каждый из твоих прекрасных подданных — великий мастер своего дела. Без них Миглах потеряет куда больше, чем приобретёт. Зачем нарушать сложившийся порядок?

— Ты, брат мой, верно, утратил интуицию при перерождении?! — раздражённо сказал Гиперион, забыв даже о том, что они сейчас не одни, и за ними наблюдает совет архосов Дома в полном составе. — Ты будто не понимаешь, какую опасность несут перемены и появление новой силы?

Но Лабрис понимал. Понимал намного больше, чем Гиперион мог догадываться. Сразу после обретения нового тела и присяги Целуму, он так же распорядился втайне готовить Дом Кроноса к войне. Процесс мобилизации он спрятал под покровом общей суеты со сменой правителя. Маги-крониане в бешеном темпе готовили артефакты и заклинания. Защищали от постороннего взора происходящее в Доме, сгущали пространство, сковывали твёрдостью Земли все прочие энергетические потоки в пределах своих владений. Воины точили оружие и доставали из сундуков давно не помнящие битв доспехи. Он знал куда

больше Гипериона и даже мастера тайных дел Аркадия. Ведь в то же время, пока он стоял в тронном зале Дома Аполлона, в его собственном замке уже гостил поверенный Целума, молодой маг Единства, Дигон.

— Нет, брат, я ничего не утратил. С высоты нашей памяти мы оба прекрасно понимаем, что в Миглахе назрели перемены. Что он слабеет и уже не будет прежним ни при каких обстоятельствах. В наших силах только решить: произойдут ли перемены мирно или будут обогрены кровью наших людей. Я замедлил время, и мы можем говорить открыто.

Только сейчас Гиперион обратил внимание на то, что всё окружающее, кроме них двоих находится в тумане, а народ в зале не двигается и стихли все звуки. На самом деле снаружи казалось, будто на долю секунды два Верховных Отца замерли, положив руки друг другу на плечи и над ними сгустилась мутная пелена.

— Ты ведь тоже уже понял, — продолжил Лабрис, — что перемены, которые ты чувствуешь, напрямую связаны с Параклазом. С явлением, породившим нас, Первых Отцов. Но ты не знаешь главного. Все долгие тысячи лет мы терзались необъяснимой тоской, словно жили в одиночестве. Словно нас заперли внутри пустой комнаты. Так и было. Наш мир — это наша тюрьма. Он стал ею после катастрофы. И сейчас есть шанс вернуть миру и всем нам свободу.

— Вот уж не ожидал от тебя это слышать. Ты же сам — хозяин времени. Ты перерождался реже, чем мы все, и твой разум меньше других ослаб. Неужели ты думаешь, что если мы обратим вспять действие Параклаза, то останемся теми, кто мы есть? Ты разве не считаешь, что мы уйдём в Океан Теней вместе с этой «свободой»? Ты разве не помнишь пророчество Селены? Ты думаешь, что слова «Сотрёт, разрушит, уничтожит» — это шутки? С ума сошёл?

— Не горячись, — остановил его Лабрис, — огонь в твоих жилах не знает покоя, но разум говорит мне, что я прав.

— А мой разум мне подсказывает, что ты не в себе. Может быть действие крови Агадира ещё не до конца прошло? Я не стану рисковать своим бессмертием ради твоих философских рассуждений. Войны не будет, если ты её не начнёшь. А уж с какой-то внешней Силой мы справимся и без тебя. Подумай, на чьей ты будешь стороне, брат. Диана трижды сменит свою форму, как я созову Верховный Совет. И надеюсь, что к моменту нашей встречи в Омфале, ты поменяешь свою позицию.

— Не поменяю, — покачал головой погрузневший Отец Дома Кроноса. — Ты не видишь всей картины и принимаешь решения, как всегда, слишком импульсивно. А я не стану пытаться разубеждать тебя — ты всё равно упрям и никогда не признаёшь своих ошибок. До встречи на Совете.

Лабрис положил ещё раз руку на плечо Гипериону. Голова уже гудела от поддержания сложного заклинания в чужом Доме. Не дождавшись ответного жеста, он развернулся к двери, так и не сев на предложенное место. Вслед за ним к выходу двинулось и мутное облако тумана, скрывавшее кронианина пеленой времени. Он пошёл в соседнее помещение, где зияло предусмотрительно не закрытое коричнево-чёрное окно стихийного перехода Земли. Для всех собравшихся он просто исчез, оставив стоять в одиночестве растерянного и красного от злости Гипериона.

В тот же момент Агорей и Квирин, почувствовав сотворённое Лабрисом заклинание, вскочили с мест. Но было уже поздно. Покрывало времени вырвало того, кто под ним находился, из потока своего естественного течения. Какой бы скорой ни была реакция

окружающих, он всё равно был на шаг впереди них.

— Что произошло? — возмутился Квирин. — Где Лабрис? И почему я чувствую высшую магию?

— Этот безумец отклонил союз с нами? — вставил Агорей. — Я правильно понимаю?

— Да. Так и есть, — ответил, беря себя в руки, Отец аполонитов. — Он не хочет воевать за Миглах. Но если он станет на защиту этой новой силы — ему придётся воевать с нами. Надеюсь, не дойдёт до этого. Решим всё на Совете. Где-то через пару месяцев. Когда наш союз будет готов выступить единым фронтом.

— Ты хочешь созвать Верховный Совет? — спросил гермет, подойдя ближе. — Это мудрое решение. Давненько мы не собирались, а повод как нельзя подходящий.

Гиперион заговорил громче, обращаясь ко всем, и в зале наступила полная тишина:

— Внимание! Все дружественные контакты, которые только начали формироваться с Домом Кроноса, прекратить до дальнейшего развития событий. Лабрис не пошёл на союз с нами, но и войны не объявлял. Ждём. Аркадий, пойдём на минуту с нами. Мы скоро присоединимся к пиру.

Отец Дома Аполлона взял под руки своих братьев и пошёл ко внутреннему входу, расположенному напротив парадного, через который только что покинул зал Лабрис. Архос альянса Филеров стоял спиной к стене уже с тех пор, как Верховные Отцы Ареса, Гермеса и Кроноса появились в тронном зале. Он спрятал какие-то наскоро расчехлённые талисманы и направился за своим хозяином, бормоча себе под нос: «Я же сразу говорил — нельзя доверять Кроносу. Теперь непонятно много ли он слышал и что разузнал».

Даже спокойная, по обыкновению, Селена была поражена тому, как легко дался переход молодому магу. Не то что потери сознания, даже лёгкого головокружения или дезориентации не было и следа. Дигон вышел из врат в комнату портала, словно переступил порог дома. Мир принимал мага Единства, как неотъемлемую часть себя и процессы, вызывавшие в других расплату от противодействия, давались ему легко, естественно и без последствий.

— Дом ночного светила рад видеть тебя, молодой мастер! — услышал он высокопарное приветствие, пропетое мистическим голосом Селены. — Пройдём со мной. Целум дал распоряжения на твой счёт.

В небольшом рабочем кабинете, стен которого не было видно за полками книг, тянувшихся от потолка до пола, перед массивным письменным столом сидели трое. Верховная мать заняла своё кресло в выемке стола, а Дигон с Эндимионом расположились на широком полукруглом диване напротив. В Доме Дианы любили уют, несмотря на внешнюю отстранённую холодность. Приглушённый свет десятков свечей в смеси с терпким ароматом чёрного вина в бокалах собравшихся, создавали приятную обстановку.

— Наш Дом поддерживает тебя, рождённый повторно, — говорил советник Верховной Матери негромким высоким голосом, — но дианиты весьма консервативны. А потому про Целума и новую силу в Миглахе, кроме Селены, знаю я и ещё несколько доверенных лиц. Не стоит пока распространяться о твоей миссии.

— Да, понимаю, — ответил Дигон. — Я и сам думаю, что чем меньше народа знает обо мне, тем проще будет пройти дальше незамеченным.

Эндимион продолжил:

— Твой путь будет долгим. Дальше врата Талари тебе не помощники — мы не сможем объяснить другим Домам кто ты. А искусство стихийных переходов пока никому, кроме Верховных, неподвластно.

— Да, — подтвердила Селена, — энергия порталов поглощает простых смертных. Никто не выходит с другой стороны. Даже мы стали пользоваться ими не сразу, а через пять — шесть тысяч лет после Параклаза, когда силы Миглаха уже поутихли и перестали быть такими яростными, как в начале.

Похоже, Эндимион был в курсе многих тайн Верховных и у главы дианитов от него не было особых секретов. Сделав глоток кисло-сладкого напитка, за госпожой продолжил советник:

— Мы могли бы переместить тебя только в Бербею, к нашей союзнице Урании, но тебе нужны все без исключения пиксиды Целума. А значит пришлось бы возвращаться обратно, через Дома Аполлона, Ареса и Гермеса. И твоей родной Цифры...

С последними словами Эндимион с настороженностью посмотрел в глаза Дигону. Тот покачал головой и ответил на немой вопрос архоса:

— Нет, мудрый, меня не смущает то, что придётся идти через Ацилут. В руках Держателя мира я перестал быть цифиром, и моя природа утратила связь со своим бывшим Домом. Он больше не имеет надо мной власти.

Советник одобрительно кивнул в ответ и сказал:

— А потом снова идти тем же путём. Это слишком большой крюк. Проходить через

Омфал так же не следует. Он очень хорошо охраняется Верховным Советом и тебя заметят. А у нас нет права на ошибку.

Селена добавила:

— Когда ты покинешь нас, мы дадим тебе лучших коней и сопровождение до границ Цифры. Но это будет не скоро. Тебе нужно освоить магию водной Стихии, как ты уже обрёл Землю. Такова воля Целума. К тому же, звёзды говорят, что воздушный и огненные Дома объединяются всем Югом против наших планов. Так что идти дальше без сил-антагонистов их магии — самоубийство. До поры до времени они не должны знать о тебе.

Вставая с дивана и направляясь к двери, Эндимион закончил:

— Тебе приготовлена комната. Там есть всё необходимое. Наша ученица проводит тебя, а завтра мы начнём работу.

Он открыл дверь и пригласил кого-то из темноты. В комнату вошла Лаянна. Вошла и увидела сидящим на диване того, чей образ чуть ли не каждую ночь приходил к ней в беспокойных романтических снах. Бледное лицо дианиты в миг стало розовым, губы — пунцовыми, а плечи непроизвольно расправились, подчёркивая и без того высокую пышную грудь. Усилий, которые она потратила на следующие слова, хватило бы на строительство небольшого дома:

— Пойдём... те...

Дигон был поражён не меньше юной прорицательницы. Память о ней, об их первой встрече на волне обретения палитры новых ощущений, никогда не покидала его. И всякий раз перед сном, изнеможённый тренировками и учением, он вожаделенно вспоминал свою прекрасную собеседницу. Но полтора года тренировок в башне Целума наслоились на врождённое хладнокровие бывшего цифира и позволили быстро совладать с собой.

— Здравствуй, таинственная... Лаянна, так ведь? Очень рад, что мы снова встретились.

От того, что гость из прошлого помнил её имя, на душе стало тепло, но тревога не покидала её. Ей сообщили, что в замок прибудет кто-то очень важный и предупредили, что все её догадки могут быть ошибочными. Но она никак не ожидала встретить ЕГО. Разрушителя. Совершенно без слов, даже не поднимая глаз, Лаянна проводила Дигона в его покои, располагавшиеся на том же этаже, что и рабочий кабинет Верховной Матери. Указав на дверь, юная дианита со всех ног убежала, моля всех Богов, чтобы гость не окликнул её. Дигон и сам не решился. Этой ночью оба они почти не спали, размышляя о превратностях судьбы и рисуя в воображении то, как могут развиваться события. Ученик Целума забыл даже о возложенной на него великой миссии. Все его мысли были заняты исключительно невероятной фигурой молодой дианиты, идущей впереди, показывая путь к месту ночлега.

Весь следующий день не выспавшийся, но окрылённый вчерашней встречей, маг Единства отдыхал. Гулял по замку, восхищаясь утончённой работой мастеров, создававших словно висящие в воздухе переплетения арочных сводов и остроконечных шпилей. Большинство зданий в Доме Дианы создавались из небольших аккуратно обтёсанных каменных блоков и покрывались светлой облицовкой. Крыши и шпили часто представляли собой тонкие сетки, заполненные прозрачным стеклом. Днём они закрывались изнутри, а по ночам эти гигантские окна наполняли дома дианитов холодным светом их покровительницы.

К концу дня Эндимион забрал Дигона. Они повернули налево от дворца, через возвышенность, с которой открывался вид на полигоны дворов школы Менны. То там, то тут суетились группы совсем маленьких и уже зрелых учеников, постигая ремесло Дианы. Два

мага вошли через внешнюю дверь под кристальный купол бассейна релаксации. Там их уже ждала Селена, указавшая Дигону раздеваться. Она положила его на одну из высоких ступеней так, что всё тело и затылок находились под водой, выставляя на поверхность только часть лица. Удостоверившись в готовности испытуемого, Верховная Мать начала волшбу.

Дигон заново знакомился со Стихией. Маленькие голубые огоньки, равномерно рассредоточенные по воде огромного бассейна, повинувшись воле своей хозяйки, стали стягиваться к пропорциональному, в меру мускулистому телу. Сначала, приблизившись вплотную и коснувшись, как будто в испуге отстранялись от неизвестной природы молодого мага. Селена настойчиво возвращала их обратно. В конце концов кожи Дигона не было видно сквозь стаю юрких водяных светлячков. Постепенно он ощутил неопределимую лёгкость и плавность всего, что происходило вокруг. Мерно колыхаемое прохладное пространство растворило в себе личность, стёрло все мысли и рассуждения, подарило абсолютное отрешение. Дигон прочувствовал каждую молекулу влаги, присутствующую во всех элементах природы. Он был и каплями редкого дождя, падающими на раскалённые камни арейской пустыни, и лёгким паром, в который превращались эти капли, и горным ручьём в скалах Дома Кроноса, и полноводной рекой, омывающей живописные берега пляжей Венеры, и бескрайним Мировым Океаном вокруг титанического материка Миглаха, и сонмом грязно-серых облаков, старательно скрывающих столицу Дома Гадеса, от ненавистных для его народа Лучей Аполлона. Он был Водой. И Вода в нём с неистовством впиалась в обретенную ранее Землю, словно страстная любовница, не видевшая своего возлюбленного много лет. Много тысяч лет. Вода и Земля закружились в таинстве соития, которого их лишили на заре нового мира восставшие иерофанты. Они, наконец-то, были вместе благодаря возможности, подаренной новым естеством молодого мага. Были неразделёнными. Были Едиными.

Дигон пришёл в себя только утром. Напротив него сидела, не отводя восхищённых глаз красавица Лаянна. Перед ней на столике дожидался своего часа поднос со всевозможными фруктами.

— Доброе утро! Разрушитель. — Сказала она с лёгким безобидным сарказмом, когда Дигон с трудом поднялся над водой. — Прости меня за неловкость, с которой я тебя встретила. Я никак не ожидала увидеть тебя. Но Верховная Мать мне всё рассказала. Давай снова знакомиться. Итак, я Лаянна. Ученица-прорицательница. И, похоже, теперь твоя прислуга.

— А я Дигон, — произнёс он. И добавил, широко улыбнувшись, — Разрушитель.

Лаянна звонко рассмеялась:

— Не сердчай. Просто ты, как и все в Миглахе, наверняка слышал старое пророчество нашего Дома. И оно, похоже о тебе. Но ты же знаешь эти ветхие пророчества: может не так истолковали, а может не так восприняли. А может и ещё чего. Как бы там ни было, ты здесь, а меня назначили тебе в помощницы.

На этот раз дочь Дианы была более разговорчива и теперь напоминала ту игривую девочку, с которой ученик Целума встретился среди благоухающих садов Венеры. Она держалась уверенно и непринуждённо, до самого вечера сопровождая его в прогулке пустынными улицами погружённой в сон Менны.

Дни текли друг за другом. Дигону пришлось сменить ритм своей жизни, чтобы приспособиться к бодрствующим по ночам дианитам. Его постоянными спутниками на весь

следующий месяц непрерывных тренировок стали двое из Совета Дома. Архос ковена Матрон, многомудрая престарелая Каридан — она посвящала его в бесконечные таинства своего опыта. И огромный широкоплечий воин Галит, архос ковена Щитов. О нём можно подумать, что именно так в молодости должен был бы выглядеть великан Целум. Военные формирования Дома Дианы не похожи на стройные казарменные ряды армий других Домов. Они хоть и были искусными стрелками и подвижными неуловимыми спарингистами, но дианиты — мирный народ. Куда больше они полагались на магию, и использовали военное дело исключительно в целях защиты. В добродушии с холодными и замкнутыми адептами Дианы могли соперничать только открытые любвеобильные венеты. Галит был исключением. Гигантский, в два с половиной метра ростом и необъятный широтой плеч, он по праву считался первым силачом Миглаха, а уникальный для его народа воинствующий дух не уступал в пылкости и самым неукротимым из воинов Ареса.

Уроки работы с водной стихией давала Дигону Сама Верховная мать. Старалась даже привить навыки высшей магии, доступной лишь группе Верховных Отцов. В последнем, правда, молодой маг Единства так и не преуспел. Но Вода подчинялась ему. Подчинялась так, будто он был истинным уроженцем Дома Дианы. И гораздо больше: Вода слушалась даже не приказов, а сама, добровольно, с охотой выполняла все его прихоти. Как будто видела в нём родственную душу и понимала боль, которую вынужден терпеть её новый хозяин. А боль была всепоглощающей. Все объекты мира в той или иной мере содержат в себе часть воды. И вода растворяет в себе многообразную палитру горестей и сожалений всех существ мира, терзаемого непрерывной агонией увядания.

Ночи занятий тянулись для Дигона мучительно долго. Он ложился спать уже после рассвета и вставал далеко за полдень. Только ставшие привычными вечерние прогулки с Лаянной дарили ему долгожданную отдушину. Дигон не был многословным. Всю жизнь его учили не говорить, а рассуждать и действовать. Нынче же, когда вместе с двумя угасающими Стихиями на него обрушилась лавина страданий мира, радость жизни посещала его всё реже. Их встречи наполнились взаимной привязанностью, даже влечением. Ему нравилось слушать живую, не замолкающую ни на минуту дианиту. А ей было лестно, что почётный гость Дома, призвание которого изменить судьбы всего Миглаха, так явно благоволил ей. Если бы она только знала, что высшими силами и для неё в этой истории отведена не последняя роль...

Время шло. На небосводе серп ночного светила уже вернулся в положение, при котором Дигон появился в Доме Дианы. Месяц, отведённый по плану Целума на знакомство с магией Воды, подошёл к концу. И в последний из дней, когда мрачный зимний полдень склонил молодого мага в сон, в его комнату без стука вошла Лаянна. Спал он крепко. Свет Аполлона почти не проникал через тяжёлые тёмно-фиолетовые шторы, позволившие лишь нескольким лучам прорваться в местах недостаточно плотного контакта. Юная прорицательница долго стояла в ногах широкой кровати и заморожено рассматривала спящего на мягком матрасе Дигона. С упоением изучала каждую пядь молодого и сильного тела, покрытого пропорциональным мышечным рельефом и несколькими глубокими шрамами. Она страстно, бескомпромиссно хотела его. Испытывала жажду, подобно путнику, заблудившемуся в пустыне без воды и надежды на спасение. Маг единства заполнил собой весь её разум. От вещих снов до каждого мимолётного помысла, не оставляя место ничему, кроме вожделения. Дианита скинула длинный плащ и луч света, протиснувшийся между шторами, очертил стройное, но крепкое, не в пример прочим дианиткам, фактурное тело.

Пробежал по внутренней стороне стройной мускулистой ножки, мимо лобка, едва выдающего признаки взросления, по плоскому впалому животу с обозначенной геометрией пресса, взобрался на роскошную округлую грудь. Лаянна тихо, чтобы не спугнуть момент, поставила правую ногу на кровать, поднялась и перешагнула левой через спящего мага. Дигон зашевелился. Просыпаясь, он увидел аккуратно опускающуюся сверху на его ноги совершенно голую любовь всей его жизни. Первую и единственную. Ту, кого он так трепетно и пылко желал с самой первой встречи во сне, на краю амфитеатра сладострастного Дома Венеры. Юная дианита нежной ладонью коснулась его шершавой щеки, положив большой палец на губы и давая понять ненужность никаких слов. Она наклонилась. Прижалась. Жаркая кожа упругой груди вдавила и почти обожгла живот. Налитые пульсирующей кровью губы ласково коснулись основания шеи Дигона...

Вечером на прогулку они выходили уже из одной комнаты. Она — счастливой женщиной, а он — впервые за долгое время свободным от боли Миглаха. Неистовая, безграничная сила любви с лихвой перекрывала любые страдания.

— Я хочу, чтобы ты помнил меня. Я не могу расстаться с тобой. И не могу быть с тобой — твой путь важнее нас обоих. Отныне ты — часть меня, а я всегда буду твоей, — лепетала Лаянна, провожая мага Единства к месту встречи, назначенному Селеной, и пряча сверкающие от счастья глаза под кокетливо опущенными ресницами.

— Да, любовь моя, — отвечал Дигон, — я знаю, что должен уехать. Что должен выполнить задание учителя и вернуть поток жизни в этот мир. Но теперь это мир, в котором живёшь ТЫ, и я не могу проиграть. Не могу допустить ошибки. Я вернусь к тебе, когда всё закончится.

— Если закончится... — с грустью проговорила дианита, прижимаясь к правой руке своего спутника. — Теперь я пуще прежнего боюсь этого проклятого пророчества. Что будет с тобой, мой милый? Подарит ли нам судьба шанс увидеться ещё? Куда тебя приведут твои поиски? Мне страшно. Я вижу много снов. И ты во всех без исключения. И это нехорошие сны. Там кровь. И боль. И слёзы. Там много смерти и ненависти. Мне очень страшно.

— Не бойся, любимая, — успокаивал её Дигон, уже заметив ожидающих его Селену с Эндимионом. — Мы победим. Даже если пришлось бы идти против всех сил Миглаха. А сейчас на нашей стороне очень многие. Всё будет хорошо.

Они подошли к Верховной Матери и та, оценивающе посмотрев на Лаянну. Изменения в ней не могла бы скрыть никакая магия. Селена улыбнулась и произнесла, не обращаясь ни к кому конкретно:

«Да уж, Целум и не будучи пророком, всё говорит прорицательно. На то он и Держатель. Ну что ж, такова судьба.»

И продолжила уже в сторону Дигона:

— Ты готов, молодой мастер. Ты работаешь с водой на уровне большинства моих магов. К сожалению, дар пророчества тебе закрыт. Но у тебя будет источник предвидения. Лаянна, оставь нас. Твоё задание здесь закончено. Иди к себе и готовься в путь. Скоро вы оба покинете Дом Дианы.

Секунда заторможенности. Резкий разворот. Быстрее, чем сейчас, влюблённая девица могла переместиться только порталом. Без слов, без вопросов, услышав приказ Верховной, она почти побежала в сторону своего дома, пытаясь при этом сохранить чинную высокомерность дианитской походки.

— Не обижай её, Дигон. Мне не по себе отпускать свою славную дочь. Уж слишком

молода ещё и неопытна. Но Целум предупредил, что ваши жизни связаны. И я точно вижу, что он прав. Я просматривала нити реальности. Ваши сплетены неразрывно, но их путь весьма незавиден. И её, и тебя ждёт много неприятностей. Готовься в путь и возьми это в дар от меня.

Она протянула висящий на тонкой угреновой нити блистательный диамантовый кристалл, прочно закованный в филигранную металлическую оправу.

— Ты лишился своего кристалла памяти, но я даю тебе нечто большее. Кристалл Дианы. Это не камень, а разумное живое существо, часть души нашего Дома. Он улавливает и непрерывно просчитывает вероятности. Он будет предупреждать своего носителя о значимых событиях, которые должны произойти с ним. Где-то за полчаса — час. Так же, он читает и людей на твоём пути, их помыслы, намерения, тайные желания. Красный — чистое зло, безоговорочная опасность, синий — исключительное добро и благо. Весть прочий спектр между ними — соответственно покажет степень помеси этих крайностей. Но помни: благо не всегда выглядит добрым, а зло не всегда с клыками и когтями. Кристалл покажет тебе истину, даже если снаружи будет казаться иначе.

— Прими и от меня подарок, Единый, — сказал Эндимион и вложил в руку Дигона небольшой стеклянный шар, внутри которого словно кипели, переливаясь, тёмно-синие облака. — Это сфера Воды. Когда других источников энергии не останется, а доступа к элементарным первоосновам не будет — разбей её. Необъятный поток нашей Стихии заполнит любые, даже самые опустошённые закрома. Пойдём, я передам тебе пиксиду Целума и провожу в конюшню. Познакомишься с нашими скакунами — им нужно привыкнуть к тебе.

Через несколько часов двое со спрятанными под капюшонами лицами, в сопровождении четверых высоких воинов в белых латах, покинули замок Селены. Они направились на Восток, к пролегающей в двух сотнях лиг, границе Дома Цифры. Путники скакали галопом, с остановками только на сон и замену лошадей в придорожных гостиницах, да на еду и отдых в самый разгар дня. Ко владениям Кетера они прибыли через две недели. Здесь почётный караул оставил их, и путь к столице цифиров, Ацилуту, продолжили два всадника, укрывшиеся неприметными дорожными плащами: крепкий мужчина в чёрной броне-ящерице, со странным мечом за спиной, и прекрасная юная девушка, в которой дианиту выдавали только острые верхушки ушей. Под её светло-серым замшевым костюмом на шее голубым цветом сверкал кристалл Дианы.

На улицах богатых кварталов Керикиона, несмотря на статус центра торговли и деловых отношений, обычно было немногочленно. Большие сделки решались в высоких палатах дворцов, а периферия шумно жила своими проблемами, которые мало чем отличаются от других таких же мещанских районов. Поэтому участки, застроенные благородной знатью герметов, оставались тихим уютным местом, больше похожим на загородный дачный посёлок, наполненный роскошными виллами, гостиницами и центрами развлечений. Купцы много работали, но любили ярко отдыхать. Только множественная охрана и усиленные меры безопасности выдавали в чистых ухоженных переулках среднего города столицу Дома Гермеса.

Когда над роковым для Миглаха островом Дагарок только начинали сгущаться тучи судьбоносных событий, в Керикионе в дверной проём гостиницы «Трикефал», известной среди небедных путников, вошёл постоялец. Его внешний вид говорил о долгом изнурительном путешествии, а из-под широких полей шляпы смотрели красноватые от долгого недосыпания глаза. Строго одетый в добротные запылённые походные штаны из плотной коричневой кожи и в такую же длинную стёганую куртку, он ничем не выдавал свою принадлежность к какому-либо из Домов. Но его походка, умение держать спину и гордый, слегка высокомерный взгляд говорили о том, что это далеко не рядовой обыватель, а кто-то весьма влиятельный в иерархии власть имущих. Когда человек снял один из самых дорогих номеров, в его статусе не осталось сомнения.

После отдыха он некоторое время просто гулял улицами столицы герметов, рассматривал полки магазинов, наполненные диковинками, которые торговцы везли со всех Домов континента. Посещал школу Керикиона, прославленный полигон воздушных магов. Наслаждался выступлениями известных философов, стекавшихся в город со всех краёв Миглаха соревноваться в красноречии споров с непревзойдёнными ораторами Дома Гермеса. Утром четвёртого дня в его апартаменты вошёл невысокий, но коренастый посетитель, богато одетый в короткую пурпурную накидку с золотым отороком. У входа в номер остались стоять трое охранников в парадных мундирах с гербами гильдии Камня.

— Здравствуй, Елизар, — поприветствовал он властным голосом хозяина. — Меня зовут Дафнис Ктариан. Надеюсь, ты не потратил много времени, ожидая меня.

— Доброе утро, уважаемый! Всё в порядке. Пару недель назад Кетер отправил меня сюда и я приехал чуть раньше. Успел насладиться красотами вашей столицы.

После совместного завтрака и недолгого планирования дальнейших действий, в сопровождении охранников они покинули гостиницу и направились двумя экипажами на север земель Гермеса. Там, на границе с Домом Цифры, их ждала группа магов-цифиров. В рамках тайного договора Дафниса с Кетером они были подготовлены для помощи в добычи редкого минерала. Ктариан к тому времени уже распорядился раскрыть рудники и без лишнего шума собрать по всему Дому и ближним островам вольнонаёмных рабочих.

Уже через полторы недели работы по добыче камня были широко развёрнуты, а в лаборатории клана Кристаллов Дома Цифры направились первые потоки мнеморина. По мере того, как Дафнис опустошал запасы своих складов, обширные и частые поставки сменились регулярными в малых объёмах от уже налаженной добычи.

Прошло три месяца. За это время в Миглахе многое изменилось, включая судьбоносный

Совет в Гелиосе, определивший вектор политики Дома Гермеса. Но договор с Кетером, конечно же, остался нерушимым. Работы укладывались в отведённое главой цифров время, и выработка намеченных двух сотен тонн минерала подходила к концу. Дафнис уже предвкушал получение окончательной оплаты в виде вожделенного жёлтого офиона, когда в покоях его резиденции в Шагнагаре, в землях самоуправления гильдии Камня, появился неожиданный гость.

Молодой Ктариан заканчивал обед со своей племянницей, красавицей Микеной. К этому времени она уже была полностью в курсе выгодной сделки своего начальника и принимала в ней активное участие. В один момент воздух в обеденной комнате начал менять состояние. В отличие от Микены, увлечённой явным заигрыванием со своим дальним родственником, он ощутил изменения сразу. Догадываясь об их причине, резко оборвал племянницу на полуслове и приказал покинуть помещение. Та с удивлением и даже некоторой обидой замолчала, но послушно удалилась.

Воздух тем временем продолжал меняться. Становился гуще. Появилось лёгкое дребезжание. Ближе к противоположной от стола стене, между камином и двумя мягкими креслами напротив него, появилась лёгкая дымка. По успевшему сформироваться уплотнённому грязно-серому облаку побежали пурпурные нити молний. Тот, кто открывал портал, был явно зол. В гости без предупреждения шёл тот единственный, кто мог так перемещаться по своей воле — Верховный Отец Агорей. Через мгновение из облачного центра к его краям распустился зеркальный овал с колыхающимися краями. В комнату вошёл человек в тёмно-сером костюме с серебряной вышивкой и в живом пурпурном плаще поверх него.

— Дафнис Ктариан, — обратился он к архосу гильдии Камня без приветствия и подчеркнуто официальным тоном, — ты, конечно, знаешь о моих свободных взглядах на самоуправление и процесс деловых отношений. Но твой тайный договор с Домом Цифры вряд ли можно назвать ординарным. Он никак не относится к сфере твоих полномочий. Не в текущей ситуации. Ты что, думал я не замечу расконсервацию шахт и ускоренную добычу такого объёма руды? Ты думал, что договор такого масштаба, проведённый втайне от Совета Дома, тебе сойдёт с рук? Почему я узнаю об этом от ищеек Дома Аполлона? Я даже не говорю о части дохода, которую ты, конечно же, не собирался отчислять от сделки, о которой умолчал. Я говорю о том, что наш мир на пороге войны, и ты это знаешь. А наши дальнейшие отношения с цифрами не определены. Никаких пактов с ними даже не рассматривалось. Они вообще отстранились от ситуации и ведут какую-то свою личную игру. Сейчас, как никогда, мне не нужны те, на кого я не могу положиться внутри Дома.

Последняя фраза не означала ничего, кроме надвигающейся отставки архоса Камня. Неужели он пойдёт на это? Тем более сейчас, во времена смуты, смещать руководителя, на котором завязаны все рычаги управления гильдией? Но Ктариан не собирался сдаваться просто так.

— Отец Агорей... — казалось, гордый Дафнис оправдывается. Он протяжно, словно растерянно, проговаривал слова, делал большие паузы между фразами. — Да, я провёл тайную сделку, но разве это такое непоправимое дело? Мы все иногда так поступаем. К тому же, когда Договор заключался, ни о каком нынешнем противостоянии Домов и речи не шло. Это была пусть и незаурядная, но рабочая ситуация. А теперь мы просто не можем прекратить поставки, ведь Вы сами сказали, что между нами нет войны. А при других условиях, договор обратной силы не имеет. Это наш закон.

Архос гильдии Камня не зря тянул время. Неестественно быстрый взлёт карьеры, стремительный рост положения в иерархии Дома имел свои недостатки. Недостатки мудрости. Да, он был исключительно сильным магом. На порядок превосходил своих сверстников, и даже был значительно сильнее руководителей прочих гильдий. Но власть, заслуженная не потом и кровью, а обеспеченная щедрым природным даром, вскружила ему голову. Голову, не обременённую знаниями, приходящими лишь с опытом. Уже давно, ещё будучи молодым учеником, Дафнис больше всего на свете мечтал стать Верховным Отцом. Он знал, конечно, о преемственности передачи власти и о выборе кандидата руками самого Верховного Отца. Но воспитанный духом свободы, царившим в землях Гермеса, свято верил в легенды о том, что Дом может возглавить сильнейший представитель своего поколения. Ах, если бы он знал, что перед ним стоит эманация самого Первого Отца, древнего основателя Дома. Что никогда и не при каких обстоятельствах никому не стать полноправным Верховным Отцом и не снискать расположения других Верховных. Для них чужак останется чужаком навсегда. Но он не знал. Намеренно растягивая время, готовил атаку. Ведь Агорей пришёл убрать его, лишить поста, богатства, влияния, славы, лишить всего, без чего он не представлял себе жизни. А значит терять уже нечего. Так почему бы не сейчас воплотить желание, давно поселившееся в авантюрных крамольных мыслях молодого архоса?

Мнительный Дафнис всегда был предусмотрителен. В местах частого пребывания у него обязательно хранилось заряженное и готовое к бою оружие. Для защиты, случись что непредвиденное. Кто же знал, что предстоит нападение. Рассуждая дальше о невозможности прекращения поставок и чести торговца, он постепенно подходил к правому креслу возле камина.

— Пожалуйста, Отец, присаживайтесь, — как можно спокойнее сказал он, оказавшись непосредственно перед креслом. Всё более гневного взгляда Агорея он, как будто, не замечал.

Якобы, игнорируя этикет, Дафнис сам сел первым, несмотря на стоявшего Отца, незаметно запустил руку между подлокотником и подушкой, и нащупал скрытый там малый посох. Посохом это можно было назвать с трудом — небольшая сучковатая, но отполированная деревянная палочка всего в полторы ладони длиной и чуть больше двух пальцев в диаметре. Но магический посох, как известно, хорош не тем, насколько он посох, а тем, насколько магический. С этим же артефактом на славу потрудились в братстве Объекта Дома Ареса.

Как только темпераментный Агорей уже готов был взорваться от неуважительной наглости того, кого он пришёл наказывать, Дафнис спрыгнул с кресла. Встав на правое колено, он выхватил из тайника посох и атаковал, держа его, словно нож, приготовленный для удара снизу. И посох проявил себя. В нём сидел искусный, до краёв наполненный силой стихии «огненный шпиль». Заклинание, аналогичное «каменному», которое с полтора месяца назад в стенах дворца Верховного Совета хитроумный отец Дома Кроноса пытался использовать против Целума. Энергия Огня, конечно, дружелюбна властителям Воздуха герметам. Не боевое заклинание на то и боевое, чтобы своей сутью нести разрушение. Посох превратился в пылающую линию внутри раскалённого, бешено крутящегося огненного шара. Сфера превратилась в длинную вытянутую воронку, направленную остриём в противника. Она моментально удлинилась почти до полутора метров, и молодой Дафнис выбросил, что было сил, руку вперёд. С пальцев осыпался мелкий чёрный пепел сторевшего посоха, а «огненный

шпиль» ринулся в свою жертву.

Агорей, несмотря на всю свою тысячелетнюю мудрость и природную прозорливость, никак не ожидал такого поворота событий. На это и рассчитывал его честлюбивый противник. Верховные Отцы вообще так давно не были объектами нападений, что многие из них уже и позабыли про саму такую возможность. Их окружало столь раболепное почтение и дикий животный страх подопечных, что сама мысль о покушении на Верховного казалась абсурдом. Но не таким был вскормленный свободой и демократией архос Ктариан. Атака была молниеносной. Ни физическая реакция Агорей не смогла её опередить, ни даже мысли, начавшие уже строить заклинание «стена». Только плащ. Только незримый неусыпный разум, умело вплетённый между пурпурными нитями самой энергетической сущности Дома Гермеса. Сознание, цель жизни которого — защита хозяина, отреагировало первым. Со скоростью полёта стрелы полы плаща сомкнулись и поверхность полотна покрылась многогранной сетью, похожей на пчелиные соты. Живая ткань встретила испепеляющий поток стихии, который превращает в пар даже металлическую броню. Половина плаща вспыхнула ярким пурпурно-красным сиянием и по ткани проскочили прогалины обожжённых участков. Сотовая структура защитного покрывала тут же направила к ним язычки перламутровых нитей и быстро восстановила повреждённые прорехи. Момент был потерян. Лишь незаметно малая толика «шпиля» успела просочиться в щель, перед тем как створки плаща наглухо сомкнулись. Но и этого хватило для жгучей обугленной раны, появившейся под правыми рёбрами Агорей.

Дафнис уже понимал, что проиграл. Боль отката в локте атакующей руки отступила перед осознанием конца. Сейчас он погибнет и последний отчаянный рывок был, скорее данью своей былой чести и гордости, чем попыткой переломить ситуацию. Ещё когда правой рукой он доставал из тайника посох, левая уже держала аметистовую рукоять маленького кованного кинжала. Теперь, сжав его обеими руками, уже бывший архос гильдии Камня ударил. Отталкиваясь ногой, на колене которой стоял, он выпрыгнул снизу вверх, выставив впереди себя звенящую сталь. Кинжал проткнул насквозь вынутую из-под плаща правую руку Агорей, пройдя аккурат между первой и второй пястными костями ладони. И Верховный Отец герметов взревел. Его яростный оглушительный крик, сравнимый с грохотом водопада, не был пустым звуком. Это было заклинание, доступное лишь ему и таким, как он. «Голос». В «голосе» заключалась древняя мощь той части энергии, которую выпили восставшие иерофанты, разделяя достояние поверженного Бога. Особенно мощным был «голос Гермеса», поскольку он усиливался выдыхаемой стихией Воздуха, всецело подвластной этому Дому.

На что рассчитывал Дафнис Ктариан? Положение в обществе, власть и гордость были для него явно важнее жизни. Первым разлетелся кинжал, по обуху которого уже стекали тонкие ручейки пурпурной крови Агорей. Он просто рассыпался в пыль, словно кусок бумаги в жаркой сталелитейной печи. Мгновенно вспыхнула и погасла пустота на месте недостроенного заклинания «стена». Пока ещё были силы, молодой Ктариан постарался защититься: активировал амулет, с которым никогда не расставался. Маленький бронзовый кулон хранил заклинание «кожа». Оно превращало тонкий, всего в пару миллиметров, слой воздуха вокруг всего тела носителя в непроницаемую стихийную квинтэссенцию. Благодаря нему Дафнис ещё держался, рефлекторно закрывая двумя руками голову. Но кресло сзади него уже развалилось под прессом потока чистой силы. Обеденный стол, резные стулья, столовые серванты с мудрёными завитушками на дверцах — всё начало вспучиваться,

трещать и разлетаться щепками с неистовым скрежетом и взрывами материи. «Кожа» не выдержала и трёх секунд. Защита, обычно непреодолимая ни оружием, ни магией, сползла с Дафниса, как кожура с помидора, брошенного в костёр. От «голоса» защиты нет. Он знал это, когда решался атаковать. Из последних сил выпрямил трясущиеся под гнѐтом ноги, открыто и чисто посмотрел в глаза противнику. Просто встал перед Отцом, раскинув руки, и принял удар. Его буквально вывернуло. Весь воздух в его теле принялся неудержимо расширяться, повинувшись приказу Агорея. А каждое сухожилие, каждый сустав, каждая кость и волокна мышц, каждая капля крови содержат воздух. Бесформенная груда ошмѐтков мяса и осколков костей свалилась в омерзительную кучу. «Голос Гермеса» затих, но его отголоски будут ещё долго звенеть эхом в сознании у всех, кто находился поблизости.

Агорей взялся здоровой рукой за раненный бок. Края раны, оставленной «огненным шпилем» были обуглены и кровь мгновенно свернулась. Куда малоприятнее выглядела вторая рука со сквозным отверстием, из которого вытекала драгоценная пурпурная кровь Отца. Сняв с шеи модный серебристый платок, украшавший и без того вычурный внешний вид, он перетянул им раненную руку. Затем повернулся назад и громко, но спокойно произнёс:

— Перестань прятаться, Микена, подойди ко мне.

Миниатюрная молодая девушка с симпатичным лицом отрететированной ровной походкой, изредка сбиваемой подкашивающимися от страха коленями, вышла из-за двери. Её волосы были растрѐпаны, как будто она только что проснулась. Белки огромных тѐмных глаз выделялись краснотой, а лёгкий чѐрный макияж был пятнами размазан вокруг глазниц. Она стала перед Агореем и молча приготовилась повторить участь своего родственника. Он взял её опущенный подбородок здоровой левой рукой и поднял так, чтобы её бегающие глаза оказались напротив его. А потом произнёс своим обычным мелодичным лёгким тенором, от которого замирали в обожании сердца слушателей:

— То, что ты подсматривала за дверью — это последнее, что ты сделала без моего ведома. Это понятно?

Микена ритмично закивала головой и попыталась изобразить подобие улыбки. Вышло не очень убедительно, но забавно. Распухшие пересохшие губы едва слышно прошептали:

— Да, милорд.

Милое раскрасневшееся личико в потѐках туши вызвало в Агорее симпатию и на волне адреналина он подумал, что будет, пожалуй, неплохо устроить интимную встречу, когда времена станут более спокойными.

— Всѐ. Перестань трястись. Ты в курсе всего, чем занимался Дафнис. И благодаря тебе, я тоже стану в курсе. Договор не имеет обратной силы, он был прав. И все договоры мы выполним. Кажется, у тебя экзамен через пару месяцев? Ты только что сдала его. Распорядись всѐ прибрать здесь и подготовь для меня отчёты по всем делам Ктариана, моя новая поверенная в делах гильдии Камня. Пока что, вы поживѐте без архоса. Под моим протекторатом.

Он прекрасно понимал, что после увиденного, Микена станет самой преданной, даже фанатичной его сторонницей. И когда-нибудь — самым лояльным архосом. С демократией придѐтся повременить.

Границ между Домами, если под ними понимать защищённые охраняемые кордоны, не было. Они просто не были нужны. Территории земель, принадлежащих каждому Дому, были настолько огромны, что запросто могли бы вместить ещё по несколько таких же. Да и пересекать границу без особой нужды, учитывая болезненное сопротивление энергии чуждого Дома, мало кому придёт в голову. Поэтому свою равную долю земель в рамках Конвенции Миглаха Верховные Отцы просто обозначили заклинанием «граница». Оно устанавливало вдоль всей территории линию своего цвета с невысоко поднимающейся над поверхностью дымкой лёгкого свечения. Так каждый Дом со своей стороны, словно на карте, очертил свои границы двумя магическими линиями длиной до тысяча четырёхсот лиг. Со всех концов света сходились они в центр мира и пересекались уже изображённые на диковинном столе из полупрозрачного белого нефрита во дворце Верховного Совета в Омфале. Водные просторы объявлены общими и не принадлежали никому в отдельности.

Группа из четырёх всадников в белых латных доспехах вежливо поклонилась тем, кого они сопровождали, и два ничем не примечательных издали путника пересекли магические линии. Сначала белую, затем примыкающую к ней фиолетовую. Их дорога лежала теперь в южном направлении, к воротам школы Ацилута, под которыми три десятка лет назад впервые проходил Дигон. Тогда ещё безымянный маленький цифир, с опаской поглядывавший на сияющее Дерево в арке прохода. Все знали о неминуемом возмездии этого стража, и наивный мальчик до дрожи боялся того, что его детские проказы могут вызвать гнев всевидящего Древа. Где-то там, под огромной примыкающей к замку эспаландой, в подземных коммуникациях хранилась третья из девяти необходимых Целуму пиксид. И Дигон пока не имел ни малейшего понятия, где именно.

Путь их был не близким. Столица Цифры находилась далеко. В центре Дома, минимум в трёхстах пятидесяти лигах от того места, где странники пересекли границу. И до него ещё был долгий месяц знакомых бывшему поставщику информации дорог. Второй раз после того, как двенадцать недель назад Дигон простился со своим учителем, в голове возник его отдалённый слабый голос. Едва различимо он сообщил о том, что теперь, когда силы ученика возросли, он может иногда говорить с ним, не привлекая внимания местных магов сильными заклинаниями. Это был долгожданный момент, жизненно необходимый Дигону. За полтора года ученичества он привязался к Целуму, и чувствовал в нём помощь родного существа. Если бы не Лаянна, во всём поддерживающая своего возлюбленного, тот точно сошёл бы с ума. Но дианита прекрасно понимала, что от неё требуется, и была тем светом, который разгонял мрачные страдания мира, возложенные на неопытного мага Единства.

Они ехали вдвоём, останавливаясь на ночлег то в мелких тавернах на перекрёстках дорог, а то и в чистом поле, разобрав лёгкий шатёр и коротая вечера под треск согревающего костра. Климат заметно менялся. Становилось теплее, но восточная зима, пусть и бесснежная, ласковая днём, по ночам заставляла ютиться и крепче прижиматься объятиями друг к другу. Страстная самоотверженная любовь двух молодых героев спасала их даже от редкой измороси по утрам. Им обоим казалось, что это путешествие — самое прекрасное, что могла подарить им капризная судьба. Теперь уже Лаянне пришлось менять биологические ритмы своего организма, подстраивая их под режим, в котором жило большинство остального мира. Но она стойко восприняла это неудобство и ко второй неделе

вошла в обозначенный ритм.

Глаза путников стали радостно встречать обширные вечнозелёные древостои кедров, сосен и елей, вздымающих вершушки в светлое благодарное небо. Они входили во владения Тифредского леса. Герои привыкли к небогатому, по большей части однообразному ландшафту на востоке Дома Дианы, пересечённому редкими лесостепями. И теперь, в густых восточных чащах захватывало дух от величия пышной зелени. Дороги под сводами природных растительных храмов наполняли свежестью. Пряный хвойный запах пробуждал желание жить, отодвигая вглубь даже тяжкие мысли, неотступно преследовавшие Дигона. Бывало, что проезжих путей не было и остановиться на отдых было негде. Тогда Лаянна проявляла талант умелой лучницы, с одного выстрела она укладывала добычу наповал. Звери не слышали её тихих, почти не касающихся земли шагов. Так что на ужин часто был то кролик, то дикий фазан, а то и свежая молодая оленина. Хвойные леса сменялись лиственными, частично опавшими, пожухлыми, напоминавшими картины ветхого запустения. Уже очень скоро, весной, они покроются яркой и сочной листвой, а в шелестящих ветвях будут тысячами распевать на все лады птицы, вернувшиеся с юга. Но сейчас зимние пейзажи покрывали просторы отдыхающей природы.

Три с половиной недели прошли для влюблённых, как один день, и чем ближе они подъезжали к столице, тем реже возникала необходимость ночевать на природе. Таверны и гостиницы, несравненно лучшего качества, встречались всё чаще. Когда до Ацилута оставалось четыре дня небыстрого хода, в одном из постоянных дворов путники присоединились к каравану купцов. В обмен на мизерную плату они предложили охрану, рабочие руки и хорошую компанию. Группа торговцев из Дома Гермеса, видя явную выгоду, конечно, согласилась. Так молодой маг Единства и его прекрасная спутница-дианита, не обратив на себя внимания, в разношёрстной компании герметов и ещё трёх охранников арейцев вошли в столицу Дома Цифры.

Дигон хорошо знал этот город. Он вырос здесь. В своё время беспокойная юность связала его с некоторыми не самыми законопослушными гражданами. А таких в любом городе и при любых правителях предостаточно. Распрощавшись с караваном купцов и пообещав ещё когда-нибудь встретиться, бывший цифир повёл Лаянну в одну из гостиниц нижнего города. Обстановка отнюдь не блистала излишествами дворцов или помпезным пафосом школы, но горячая вода, сытный обед и мягкая постель после долгого перехода казались мечтой. Именно отсюда он собирался начать свои поиски.

Отдохнув денёк и как следует напарившись в местной бане, Дигон отправился в неофициальный игорный дом, занимавший подвал одного из неприметных серых зданий. Руководил им, и ещё несколькими такими же, старей, но очень уважаемый в низах цифир по имени Фурсифер. Своё прозвище он получил в честь маленького неуловимого хищника — хамелеона, весьма искусно меняющего свою окраску. А дело в том, что раньше, до перехода в ряды воров и мошенников, он был достаточно сильным магом из военного клана Пики по имени Str-5. Но душа его искала свободы и жёсткие рамки иерархической системы Дома не смогли удержать отчаянного рубаку. Немало удивившись сообщению, что в игровом зале его ждёт некто «видимо, очень важный в кронианской броне-ящерице», Фурсифер вышел к своему гостю. Недолго постояв, перебирая в памяти лица старых знакомых, он, наконец, обратился:

— Поклялся бы, что ты — тот надоедливый юнец. Если бы не габариты. И не прекрасная девушка рядом. Неужели это ты, Gs-20? Или какой ты там теперь номер в

иерархии? Напиток роста, что ли, нашёл?

— А ты всё так же стар? — ответил в такт вору Дигон. — Никак, жить-то проще не становится?

— О, Всеотец! — воскликнул радостно Фурсифер и двумя руками не по-старчески крепко схватил плечи посетителя. — Сколько лет прошло? Пятнадцать? Двадцать? И что с тобой, чертяка, случилось? Сидишь тут в таких шмотках, на которые пол нижнего города купить можно. Что-то ты не похож на служебного клерка, которым тебя из школы вытолкали. А здоровенный-то какой стал, что те арейцы.

— Меня теперь зовут Дигон. И я не служу Цифре. Я сам по себе теперь.

— Ох-хо-хо! Вот так новости. Да ты и тогда, конечно, цифиром был только что по рождению. Вечно нос совал, куда приличному цифиру в западло было бы. А теперь, стало быть, и ты тоже «хамелеоном» заделался. Ну добро пожаловать! Только чую я, что... Стоп. Дигон, говоришь? Ого! Так это с тобой хозяева Кроноса носились, как с писаной торбой?

— Ну, пожил я немного во дворце. Так приключилось. А ты откуда знаешь? — немало удивился Дигон. Такая известность его не устраивала.

— Да ты не дрейфь, — успокоительно положил руку на предплечье мага Фурсифер. — Ишь, глаза-то как забегали. У нас, у черни, свои уши с глазами везде есть. У нас ведь одна конфедерация, мы Домами не меряемся. А когда половину Совета Дома каждый день видят с одним и тем же, да ещё и не местным — мы такое не упускаем. Авось пригодится. Так ведь и пригодилось. Ведь вот он ты, в доспехах высшего вояки. Таких на свете сколько? Четыре? Пять комплектов?

— У меня сугубо личные дела с Лабрисом. Тебя они не интересуют. Я по другому вопросу тут.

— Ещё бы, «не интересуют». Мальчишка и с самим Лабрисом! Это уже интересно. Да и не мальчишка уже. Вижу. Куда уж тут не заметить. Не гневайся на старика, — закончил хозяин игорного дома и один из негласных «Отцов» местных воров, мошенников, воротил, вышибал, фальшивомонетчиков и прочих маргиналов, избравших для себя путь не слишком законного обогащения.

Преступный мир — естественная часть общества при любых правителях и в любых Домах, потому его участники легко находили общий язык между собой. Часто сами себя они даже именовали «Конфедерацией», подчёркивая наличие общих целей и различных независимых путей их достижения. У Конфедерации не было ни единого центра, ни свода чётко обозначенных правил, ни даже определённых лидеров. Были и банды, и группировки, и организации, наподобие той, что принадлежала Фурсиферу, были и одиночки. Но каждый просто знал, что он член определённой группы, обособленной от прочего общества пропастью закона. Если твой жизненный путь идёт против положений официальных правил, если твой стиль существования и твоя деятельность не совсем законна, — то ты уже часть Конфедерации. Независимо от того, считаешь ты так сам или нет. Ты начинаешь подчиняться иным устоям, правилам и понятиям или само преступное общество накажет тебя за их нарушение. А здесь суровость возмездия не идёт ни в какое сравнение с традиционной пенитенциарной системой власти. Потому и внутренние нормы соблюдаются неукоснительно.

— Так по какому делу ты ко мне? Раз говоришь, что на Дома не работаешь, то может и договоримся.

— На Дома не работаю, — утвердил истинную правду Дигон. — А дело совсем простое

вот только навыки нужны в нём специфические. А денег я заплачу. В пределах разумного, конечно. Дорогая одежда ещё не делает тебя богачом, знаешь ли.

— Хе-х, ну это другое дело. Излагай, — удовлетворённо сказал Фурсифер, откинулся на спинку старого потёртого дивана и подал знак рукой прислуге принести чего-нибудь выпить.

— Видишь ли, в древних катакомбах, что под площадью школы, с незапамятных времён хранится одна вещица. Ценности в ней — пустяк. Хорошего обеда не стоит. Но для одного моего друга, которому я обязан всем, она дорога. Очень дорога. Собирает он такие предметы. И вот я подрядился достать её. Но ты же знаешь, что входы в эти подземелья на картах не обозначены. Да и гигантские они. Даже попади я туда, всё равно до конца жизни ничего не нашёл бы. Вот и нужен мне кто-нибудь наделённый даром находить вещи.

Хозяин заведения задумался. Хлебнул принесённого пива, посмотрел пронзительно на гостя и ответил:

— Есть среди нас такие. Есть паренёк один, Ямлихом кличут его. Мать у него кронианка, а вот батя... Батя колдун был серьёзный, не весть за что изгнанный герметами, и прибившийся к малому Дому Автолика. Наёмник то бишь. Уж не знаю, как он там со скуки не помер, пока эту серолицую трахал... — Он осёкся и как-то виновато зыркнул на тихо сидящую Лаянну, занятую чтением и бокалом принесённого вина. Она же только приподняла бровь, саркастически хмыкнув. Улыбнувшись, Фурсивер продолжил:

— В общем, сынок уродился с изюминкой. У него на клады всякие чуйка такая, что ни одной собаке не снилась. Он ауры предметов под землёй, что в ясный день видит, дай только пощупать что искать. Сведу я тебя с ним. Вот только ты это, броню-то свою расчудесную прикрой, пока не познакомитесь. А то ты ж не забыл, что с такими полукровками особо не церемонятся в Домах-то. Дай парню время попривыкнуть, а то сбежит, не разобравшись — хрен найдёшь его. А таких, как он, нет больше.

— Сведи. Дай рекомендацию. Сколько хочешь за содействие? — поинтересовался Дигон.

— Эх, друг мой дорогой, — наиграно изображая обиду, возмутился Фурсифер, — как в большие люди выбился, так совсем уже за барыг нас держишь. Про деньги — то ты с молодым Ямлихом разбирайся. Ему, думаю, десятой части белого офiona с головой хватит. А то и пятнадцатой. Как сторгуется. А меня, старика, финансы уже не так радуют, как в молодости. Да и своих хватает. Вы мне оба услугу должны будете. Дружескую. Сочтёмся по мелочам. Бывай, дорогой, приходи завтра — там видно будет.

Пожилой вор осушил одним глотком остатки пива в кружке. Встал, пожал руку старому знакомому, отвесил безукоризненный протокольный поклон, отточенный годами муштры этикета на посту служивого Дома Цифры, произнёс: «Миледи». И удалился.

— А он мне определённо нравится, — произнесла Лаянна тихонько, шёпотом, когда Фурсифер был уже в девяти шагах от столика. В тот же момент он развернулся и с улыбкой, глядя в глаза дианите, повторил поклон, но уже лёгкий, поверхностный, почти снисходительный.

Договор с Ямлихом состоялся. Авторитет хозяина игровых заведений был велик. Так что за серебро в эквиваленте десятой части белого офiona молодой ищейка согласился на затейливую авантюру. Через день странного вида человек ждал своих нанимателей за городской стеной Ацилута. Лет сорока, роста небольшого, даже маленького, отдалённо похожий на дикаря южных морей, взъерошенный и весь какой-то неказистый. Он долго

водил их через немолодой и запущенный лес, вплотную примыкающий к западной части города. Тропа постоянно терялась из вида, но провожатый каким-то образом ориентировался в этой глуши без света. Когда ищейка остановился, огни на башнях городской стены ещё были видны, но до них по прямой было не менее полутора тысяч шагов. В совершенно непролазном буреломе из-под земли торчала кирпичная кладка тоннеля. Вход был завален старыми ветками, пожухлой прошлогодней листвой и прочим мусором. Однако, продираться через торчащие во все стороны сучья и грязь не пришлось. Ямлих деловито подошёл к левому краю кладки, засунул руку куда-то вглубь нагромождения веток и аккуратно поднял его. Ровно лежащий пласт мусора оказался искусно сооружённой маскировкой прохода.

— Ну что, господа, добро пожаловать в подземный мир нашей славной столицы. Прошу за мной, — проговорил молодой полукровка, как заправский экскурсовод и повёл вглубь норы, уже подсвечивая путь маленьким стеклянным фонариком с обычной земляной смолой. — Это старая часть тоннелей. Когда-то она задумывалась, как лаз для побега из замка. Потом никаких войн не было и этот рукав использовали как канализационный сток, а позже совсем забросили и забыли. А мы вот нашли. И нам он пару раз жизнь таки спасал, когда нужно было бежать и прятаться.

Затхлый плесневелый тяжёлый воздух и слой мха, скрывший под собой кирпичную кладку узкого коридора, говорили о том, что здесь очень давно никто не бывал. Ямлих долго продолжал вести своих спутников под землёй обратно по направлению к Ацилуту и чуть правее.

— Изнутри, а тем более из школы, к подземному городу не пробраться. Там всё давно изучено и закрыто. А вот этот рукав примыкает к вентиляционной трубе, что под школу ведёт и воздух гонит в те тоннели. Там и пройдем.

По расчётам они уже почти подходили к городу, когда с правой стороны в стене встретили ржавую и напрочь прогнившую решётку. Её можно было легко выдернуть из кладки, расслоившейся от постоянной влаги. Но Ямлих достал маленький ломик и тихо снял хрупкую преграду, как заправский ювелир вынимает камень из оправы. Пропустил вперёд Дигона, потом Лаянну и нырнул вслед за ними, аккуратно прислонив решётку обратно. Труба была ещё уже и ниже. В полный рост по ней мог спокойно пройти только щуплый полукровка. Но уже через сорок метров их страдания закончились. Сняв ещё одну решётку, но гораздо новее, они оказались в достаточно просторном округлом зале, диаметром пола шагов в двадцать. Из разных сторон в помещение входили и выходили несколько арок сухих и чистых коридоров. Кирпичная кладка здесь так же была чистая и ухоженная, а вдоль пола, у самого основания стен, тонкая полоска воздуха наполнялась лёгким фиолетовым свечением. Ямлих облегчённо вздохнул, сел на пол, съел кусок чего-то, сильно пахнущего копчёностями, и сказал:

— Ух. Первый этап прошли. Мы в коммуникациях под площадью школы. Давай сюда затравку. Я на неё настроюсь и начну поиски.

Лаянна достала из заплечного мешка металлическую, почерневшую от времени пиксиду и передала Ямлиху. Он сидел молча минуту, после чего вдруг всё тело начало трястись, глаза закатились, руки отдёргнулись от капсулы, как от горячего угля. Ищейка вскочил на ноги и отпрыгнул от места медитации.

— Ни хрена себе! — закричал он, забывая о всякой осторожности. — Да что это за срань такая, поглотил её океанские черти?!

— Что случилось? — подбежала к ошарашенному Ямлиху испуганная Лаянна.

— Что в ней? Меня как толпа буйволов под собой протащила. Я такого никогда не встречал. Я думал, что все возможные ауры уже повидал, но это... Она как будто и не из нашего мира. Я даже голос какой-то слышал. Низкий такой, заунывный, словно владыка Теней со мной заговорил: «найди», говорит «получи», говорит. Эка вы меня обмануть решили. Сказали: так себе безделушка, фигня какая-то, а она-то и не фигня вовсе. Я под такое, други мои, не подписывался. Ты мне, Дигон, такого не обещал.

— Послушай, Ямлих, — успокаивая провожатого, подошёл к нему маг, — ты назад не поворачивай. Я ведь на самом деле не знал, что ты так отреагируешь. Я со многими беседовал, кто это пиксиду изучал — они ничего такого не замечали. Ты просто один такой, уникум, вот и случилась оказия.

— Ты, сударь, мне зубы не заговаривай, — прервал Ямлих. — Я хоть и не вашего статуса, но не дурак какой. Что это? Говори или сам искать свою невидаль будешь. Я на опасность такую не шёл сюда.

Дигон, услышал в словах вора, что от дела он не отказывается, и решил не давить:

— Всё в порядке. В ней просто старинный прах одного мага. Кого-то из древних правителей. Прости, нужно было сразу сказать, но обманывать тебя и в мыслях у меня не было. Давай вот как поступим: мы дело закончим, а я тебе в пол белого офiona серебра отмерю. Это хорошие деньги. Да и лёгкие. Мёртвые — они ведь не кусаются. По крайней мере те, что уже прахом стали.

— Пол офiona? — мгновенно раздобрел ищейка. — Это ты дело говоришь. Это я тебе и прах Всеотца отыщу за такие деньги.

Была ли это интуиция вора или он просто использовал очередную свою метафору, но Дигон чуть не подавился от того, как метко полукровка попал в точку своей шуткой.

— Забери её подальше, — сказал тот, указывая пальцем на пиксиду. — Я до смерти этот след не забуду.

Ямлих снова опустился на холодные плиты подземелья. Несколько минут раскачивался из стороны в сторону, пока не открыл глаза. Затем встал и поманил рукой присевших в стороне спутников следовать за собой. Лабиринт действительно был огромен. Замысловатые повороты, пересекающиеся коридоры и галереи вели трёх искателей по своим извилистым путям часа три. Наконец, в одном из широких тупиков, больше похожих на просторную комнату, Ямлих остановился.

— Здесь ваша «безделушка». Пряма за стеной.

Пришло время Дигону применить уроки, полученные в Доме Кроноса. Опершись двумя руками в стену, он призвал Землю, тихо покоившуюся в глубинах его природы. Земля откликнулась. По стене пробежала быстрая дрожь. Окаменевший, древний, как сам новый мир, скрепляющий раствор между базальтовыми блоками кладки ожил. Он медленно, нехотя превращался в песок, вытекая из плотных щелей. Очень скоро камни лежали друг на друге и их оставалось лишь немного подтолкнуть. Стена рассыпалась бесформенной грудой ровно обточенных валунов. Сразу же Дигон почувствовал глухой удар знакомой магии цифиров и рухнул поверх камней, придавленный тяжестью охранной ловушки. В тот же миг пространство наполнилось острым пронзительным звоном.

— Быстро! — закричал Ямлих. — Мы сорвали чью-то сигналку. Хватай за чем пришли и бежим.

В ушах дребезжало болью. Лаянна собралась первой и, перепрыгнув, словно кошка,

четырёхметровую кучу, оказалась внутри тесной комнатухи. В ней невозможно было расставить руки, не касаясь стен. Кристалл Дианы уже давно пылал у неё на груди ярким красным цветом. На высоком гладком каменном цилиндре в центре помещения стояла пиксида. Схватив её и спрятав в сумку, дианита рванулась назад. Дигон с трудом поднимался и трусил головой из стороны в сторону, разгоняя темноту перед глазами. Любого обычного вора такая западня убила бы на месте, но Целум хорошо подготовил своего ученика, да и угреновая кольчуга под кронианской бронёй сделала своё дело. Лаянна подцепила его под руку, намереваясь подтолкнуть к выходу, но было поздно. Стена коридора, противоположная выходу из тупика, покрылась рябью и кирпичи слились единым полотном. Открывался переход Земли. В подземелье из портала вошёл крепкий седовласый цифир. Его живой фиолетовый плащ был плотно запахнут и напряжённо сосредоточен для боя. На зов сигнала явился Кетер. Трое искателей оказались отрезанными от пути отступления.

Прыткости полукровки позавидовали бы лучшие спарингисты Дома Дианы. Пока Верховный Отец оценивал ситуацию прошло не больше двух секунд. По его виду было понятно, что он не совсем понимает, что происходит. Один из тысяч артефактов, хранившихся в тайниках этих бесконечных лабиринтов, поднял такую тревогу, об установке которой глава цифиров и не помнил. Но его срочно звало в катакомбы. Не успев приготовиться, лишь накинув плащ, он как мог быстро бросился на зов. Пока глава Дома рассмотрел в полумраке троих врагов, Ямлих уже оказался перед ним, по ходу достав из кармана какой-то порошок. Полную его пригоршню вор со всего размаху швырнул в лицо опешившему Кетеру. Отец просто не ожидал нападения, да ещё и таким непредвиденным способом. Всё лицо полыхало огнём, но сквозь дикую резь в глазах он увидел цель для удара. Простого апперкота мощной правой рукой, слегка усиленного магией, вполне хватило. Тщедушное тело полукровки подбросило вверх до двухметрового свода потолка, и он камнем рухнул к ногам Верховного. Больше Ямлих не вставал. Кетер, так и не открыв до конца пылающие раскалённой болью глаза, метнул наскоро слепленный «огненный сгусток» в то место, где только что стояли оставшиеся противники. Лаянна вовремя заметила смертельный шар и оттолкнула уже пришедшего в себя Дигона к стене. После этого прыгнула в противоположную сторону и, перекатившись через себя, встала на одно колено. Обгоревшая замша лёгкой куртки оголила участок обугленной окровавленной кожи. Она выхватила два метательных ножа и не надеясь на результат метнула их Кетера. Они ожидаемо отскочили от плаща, своевременно прикрывшего голову хозяина. Ответом в сторону, с которой летели ножи, направился ещё один огненный шар, но Лаянна предусмотрительно убралась с того места и подбежала к Дигону. Отец Цифры всё ещё плохо различал объекты. Глаза сыпали градом слёз, а кожа вокруг них опухала и зудела. Но разум победил боль, и он уже мог видеть положение врагов. Правая рука вылетела вперёд, призывая «ледяное копьё». Морозный холод сорвался с пальцев, но Вода, на удивление, нехотя повиновалась воле. Широкое плоское тело заклинания, обычно молниеносное, сейчас летело в противников не быстрее стрелы неопытного лучника. Эта медлительность дала время магу Единства выхватить подаренный Целумом меч и разрубить точно вдоль центра «копьё», с облегчением хлынувшее на пол потоком воды. Кетер никогда не видел, чтобы заклинание, тем более его, останавливали обычным оружием. Злость наполняла его, а глаза уже видели всё отчётливо. Перед ним стоял возмужавший, налитый силой и гневом Gs-9. Не просто стоял, а готовил ответный удар.

Дигон понимал, что в открытом противостоянии с Верховным Отцом, да ещё и в такой

защите, ему не выстоять. Оставалась хитрость. Собрав воедино Воду и Землю, он мысленно потянулся к базальтовой плите возле портала, на которой стоял Кетер. Напоил её сплетением двух стихий, и та превратилась в огромный комок болотистой жижи, затягивая ноги цифира вглубь себя. Плащ разлетелся в стороны, образуя покатуую выпуклую воронку. Он упёрся широким плоским основанием в твёрдую землю вокруг зыбучей топи и удержал своего подзащитного навесу. Пока Кетер, опираясь на полы затвердевшего плаща, как на костыли, выдирали увязшие по колено ноги из грязи, Дигон искал в темноте выход. Таща за руку бледнеющую от боли в плече возлюбленную, он кинулся к выходу из закоулка лабиринта. Куда бежать без проводника он не знал, а тот лежал без сознания после сокрушительного удара. На секунду замешкался. Не успел. Кетер уже стоял в трёх шагах от него, снова преграждая путь. Налитые кровью глаза вспыхнули. Он начал «голос Цифры». В его исполнении это заклинание не обладало столь разрушительной силой, как в устах Отцов других Домов. Но даже без глубинной связи со стихийными силами, оно способно было уничтожать всё живое. На молодого мага обрушилась лавина чистой силы, давящая своим превосходством, словно таран, вышибающий двери. «Меч», — услышал он в голове отчаянный крик Целума. Вертикально, как на параде, долом клинка в сторону нарастающего потока «голоса», Дигон выставил вперёд дар своего учителя. Зачарованный металл заискрился и вспыхнул белесым свечением, рассекая течение силы, как нос корабля. Лаянна вжалась в спину спутника, ожидая неминуемой гибели, но толкала его вперёд, помогая пядь за пядью приближаться к Кетеру. А тот поражённо смотрел на совершенную невозможность происходящего. Добравшись почти вплотную Дигон не придумал ничего, кроме как резко убрать спасительное оружие от лица в сторону. Пользуясь инерцией «голоса», толкающей меч назад, он развернулся вокруг себя и ударил что есть мочи противника. Раздался гулкий звук, похожий на раскат грома в огромной пустой цистерне. Отдача болью прошла в руки через клинок, встреченный плащом, поднявшимся на защиту. Кетера отбросило на пять метров дальше по коридору. Он упёрся одним коленом в землю и затряс головой, отгоняя оглушение. Поднял глаза и растерянно посмотрел на кусок живой ткани размером метр на половину, срезанный невиданным оружием. Умиряющее полотно в агонии трепетало на земле. Под носом и ушами Верховного Отца появились капли фиолетовой тягучей крови. Откат смешался с неистовой мощью удара, который наверняка прервал бы долгую череду его перерождений, если бы не живой плащ.

Выхода не было. Сил Дигона едва хватало держать двумя руками меч, волоча его по земле. Кетер так же с трудом переводил дыхание после «голоса», так и не достигшего своей цели. Но уже пытался встать на ноги. «Беги!», — прорычал в сознании крик Целума. Маг Единства понял и без слов учителя, что против Кетера не выстоять. Посмотрел на полукровку, который уже пытался перевернуться, на перепуганную Лаянну, слёзы которой ручьём стекали на пропитанный кровью воротник куртки, оглянулся по сторонам и выпалил:

— Родная, верь мне. В портал.

Глаза Лаянны округлились. Она замотала головой:

— Но нас же разорвёт.

— Верь! — повторил он и спотыкаясь поковылял в сторону дрожащего покрывала перехода.

Кетер на подкашивающихся ногах бросился к ним. Осипшим басом закричал:

— Стой, Gs-9, сумасшедший! Послушай меня! Стой!

Но было поздно. Дигон и Лаянна, подхватив с двух сторон под руки стонущее тело

Ямлиха, утонули в блестящей чёрной пелене. Переход вздрогнул и растаял за спинами отчаянных беглецов.

Пологий песчаный берег в западной части Центрального моря, огромного внутреннего водоёма почти в центре материка, за последние четыре месяца сильно изменился. Почти четверть морской территории лежала в пределах Дома Зевеса, простираясь так же на Дома Гадеса, Кроноса, Венеры и Аполлона, слегка заходя на земли Дианы и Ареса. Это давало прекрасный повод развитию корабельного судоходства и по береговой линии были обильно разбросаны порты и рыбацкие деревушки. Но оживление в этой части суши началось недавно. Недалеко от моря, ближе к границе с Домом Венеры, по договору Верховных Отцов Фульгура и Кетера развернулось грандиозное строительство. Из глубины страны было доставлено оборудование, собраны временные постройки ангаров и жилых домов, проведён участок железной дороги непосредственно от великого тракта Дома. По ней доставляли изготовленные на других предприятиях элементы для укрупнённой сборки. Рабочие, инженеры, плотники, учёные, маги, обслуживающий персонал — народ всё прибывал по мере объёмов производства. Зевиты создавали гигантский кристаллизатор.

К этому времени был собран каркас шестиметрового бака давления, смонтирована система подачи обогащённого мнеморина, система магнитного удержания заправки и будущего кристалла внутри бака. К месту сборки уже доставлены части комплекса нагнетания температуры, со дня на день ожидалась поставка элементов системы управления. Оставалось самое сложное — окончательная сборка, наладка и синхронизация работы всех систем. Тестовые пробы и пуск.

Мастера нервничали. Семь месяцев, которые Отец Дома Цифры определил для окончания работ, были слишком оптимистическим порогом. Сроки срывались. Не помогли даже присланные Кетером разработчики — проект был уникальный и не имел аналогов в прошлом. Чем ближе работа шла к сборке, тем чаще на объекте появлялся и сам Фульгур. Последние пару недель он так и вовсе переехал сюда жить. Старого учёного интересовал каждый шаг амбициозной затеи. Бывало, Верховный правитель сам брал в руки инструменты и с ребяческим энтузиазмом крутил болты, стыковал трубы, монтировал датчики. Работа делала его счастливым и позволяла забыть на время о причинах строительства объекта. Будучи почти всегда в хорошем расположении духа, он всеми силами подбадривал команду из ста пятидесяти создателей, день и ночь трудившихся, не покладая рук.

Сегодня был особенный день. Время планового посещения объекта Кетером. На холме, в полутора сотнях шагов от места строительства, был расставлен лёгкий голубой шатёр. Он закрывал своих гостей от ранних весенних лучей Аполлона, активно принявшегося нагревать землю после мягкой зимы. Однако порывистый морской ветер был ещё зябкий и два правителя Домов сидели, закутавшись в свои живые плащи, за неизменными кружками пива. Часть правой полы плаща Кетера заметно отличалась от прочей ткани и была гораздо бледнее остального его полотна.

— Ты не представляешь, какие силы мы бросили на это строительство, — сокрушался Фульгур. — Даже твоё щедрое авансирование едва ли покроет все расходы.

— Не волнуйся ты так, друг, — отвечал Кетер. — Если что, средства будут. Дело обретает совсем сложный оборот. Ты видишь, что происходит в мире. Всё это взаимосвязано. Гиперион объявил о созыве Верховного совета. Они в пакте с Квирином точат мечи, собирают легионы. Агорей со своей слабой армией тоже примкнул к ним и

готовит запасы. С последним у меня чуть сделка не сорвалась по мнеморину. Хвала Всеотцу, что герметы слово Договора чтят ненамного меньше жизни. Лабрис тоже активизировался и в связке со своими стихийными соратницами что-то темнит.

— Да, наслышан я про весь этот бардак, — кивнул собеседник. — Всё как ты и говорил: чуть замаячили какие-то неурядицы, так мы опять как на ножах. Правильно, что ты свои открытия и нашу работу не афишировал.

— Но это ещё не всё, — продолжил цифир. — Недавно в самом сердце моего Дома, прямо под замком, объявился исчезнувший почти полгода назад поставщик информации. Но это и не он был уже. Изменившийся. Сильный. В змеиной броне Кроноса. Я пытался дотянуться до него, но куда там — от привязки к Дому не осталось и следа. Ты можешь себе такое представить? А то, как он магию использовал — это вообще отдельный разговор. В школах Миглаха такому не учат. В ней были нотки Силы, которая мне не знакома. Да ещё меч у него был совершенно невозможный. Мой плащ после знакомства с ним пришлось частично восстанавливать.

Кетер приподнял правую полу мантии и многозначительно кивнул головой на блеклый участок:

— Ты знаешь разве оружие, способное на такое? Ты только задумайся я, Верховный Отец, не смог его до конца одолеть. Сбежал в мой же портал. И раньше бы я сказал, что туда ему и дорога. Считай, прямиком в Океан Теней прыгнул, но теперь и не знаю, что думать.

Фульгур слушал рассказ Кетера, поглаживая левой рукой бороду, и всё больше удивлялся:

— Ну, допустим, с магическими умениями ему могли помочь. Артефакты, например. Да и привязку к Дому могли разрушить. Селена, например. Ты же сам говоришь, что он в этой «ящерице» явился. А Лабрис с Домом Дианы всегда близки были. Но вот чтобы клинок какой-то наши плащи мог хотя бы оцарапать — это у меня в голове не укладывается. Они из чистой энергии Домов, завязаны на стихиях. Им ни физическое оружие, ни заклинания просто не могут навредить. По крайней мере я такого способа не знаю. Даже близнецы, которых я Квирину создал, и те разрубить не смогут с одного удара, пока силу не выпьют, а на это времени нужно ой как много.

— Вот и я теперь всё думаю над этим. А самое странное — цель его появления. Он какой-то из артефактов украл. Да из таких древних, что я, сколько ни старался, не смог вспомнить что там находилось. Думаю, это всё Лабрис затеял. Несмотря на то, что мы никогда особо не враждовали. Не знаю, какие он там цели преследует, но на Верховном Совете обязательно это выясню.

Фульгур поднял над столом опустевшую кружку, и коренастая юная служанка-зевитка с огромной грудью и широкой треугольной спиной, которой позавидовали бы арейские борцы, живо наполнила её пивом. Сдунув плотную пенную шапку, Отец задумчиво произнёс:

— Да. Навалилось всё, словно снежный ком. И конца не видно. Совет будет жарким. Как в старые добрые времена?

— Такие уж «добрые»? — отшутился Кетер. — Не ко времени всё это. У нас тут работа, от которой судьба всего Миглаха зависит, мировые потоки на исходе, а они военные игры затеяли. Совсем ведь высушат энергию. Так что нужно ускоряться. Я понимаю, что объект сложный, но нам отставать нельзя.

— Прости, брат, но мы только на полпути. Меньше, чем за восемь месяцев, такой аппарат не создать. Ещё четыре минимум осталось...

Кетер улыбнулся:

— Вечно вы так со сроками. Но я понимаю. Поэтому давно уже распорядился: сюда два десятка моих исследователей плывут. Будут через пару недель. Помогут. Ускорят. Более того. Если уж так всё сложно, у меня к тебе ещё одно предложение имеется. Как ты смотришь на то, чтобы готовый агрегат не перемещать ко мне, а всю процедуру кристаллизации и последующего запуска провести прямо здесь. Энергию своего Дома я смогу через море сюда направить — сопротивление водных просторов столь мало, что мы почти ничего не потеряем. А то ведь сколько времени на перебазировку уйдёт, на повторную настройку в новом месте? Ещё месяц. А то и два. Сейчас, пока заканчивается монтаж, пока наладка — успеем доставить сюда галеоном подготовленный мнеморин, нужных людей и всю необходимую аппаратуру. Да и камни для пускового комплекса у тебя лучше будут. Например, гранит из месторождений в Танских горах — слышал в нём высокое содержание кварца? Для наших целей вполне сгодиться. Плюс, конечно же, дополнительная оплата расходов. Думаю, ещё тройка жёлтых офионов твоей казне не помешают? Как ты на это смотришь?

— А что, — бодро ответил Фульгур, — это хорошая идея. Это мне нравится. А ты разве теперь свои секреты не боишься показывать?

— Тебе, друг, ничего не жалко. Всё равно без меня и силы моего Дома кристаллы памяти ты создать не сможешь. Надеюсь, не сможешь... — ответил удовлетворённый Кетер и хлопнул рукой по столу. А когда её убрал, возле кружки Верховного Отца Дома Зевеса лежали три маленькие металлические змейки с яркими жёлтыми глазами.

Темнота. Грязное сумрачное коричнево-чёрное месиво заполнило собой всё пространство. Нет ни пола, ни потолка, ни низа, ни верха. Только вязкая, сопротивляющаяся любым движениям пустота. От бурых, утопающих во мраке проржавелых разводов исходит замедленное, едва заметное слабое свечение.

В подвешенном состоянии корчится в судорогах силуэт низкорослого мужчины в облегающих штанах и кофте. Его рывки кажутся плавными и заторможенными. Совсем рядом от него, выгнувшись через спину неестественной дугой и ритмично подёргиваясь, висит силуэт женщины в недлинной походной куртке. Со стороны обоих доносятся сдавленные звуки, мерно затухающие в окружающей трясине. Не то плач, не то отчаянный крик. Пространство хаотичным потоком давит на непрошенных гостей и разрывает их одновременно.

Дигон открыл глаза. В отличии от своих спутников, он всё ясно видит и не ощущает особого дискомфорта. Только безграничная плотная энергия стихии Земли проникает в каждую клетку его организма, пронизывает всё естество, бережно обволакивая мага Единства. Она чувствует в нём родство и без приказа наполняет своего собрата силой, изгоняя утраты прошедшего боя. Усталость и боль исчезли. Дигон собрался, вложил спасительный меч в ножны, и рванул к своим друзьям. Стихия легко и послушно позволила ему переместиться. Звуки тихих голосов Лаянны и Ямлиха стали отчётливыми. Потусторонняя среда медленно и целеустремлённо убивала их. Терзала в стремлении избавиться, исторгнуть чужеродные тела из своей плоти. Дотянувшись руками до обоих, Дигон обнял их и с уверенностью, не терпящей возражений, скомандовал: «Оставь их! Они — это я!» Сила отступила. Безвольные тела повисли с двух сторон на руках, хрипло постанывая.

«Что делать?» — пронеслось в голове. И что было мочи он закричал в пустоту:

— Учитель! Целум! Помоги!

— Сын мой?! — загремел в ответ из пустоты отчётливый удивлённый бас Держателя мира. — Что ты делаешь в междумирьи? Как ты здесь оказался?

— Я прыгнул в портал Кетера. У меня не было выхода. — Ответил он, продолжая крепко прижимать к себе тела спутников. Тьма не переставала рефлекторно бросаться на них, но всякий раз ослабевала, натыкалась на невидимый барьер вокруг троицы.

— Ты в переходе, — произнёс через время Целум. — Сконцентрируйся. Войди в транс, как ты это делал раньше, и призови Землю внутри себя. Направь её в знакомое тебе место. Представь его, визуализируй во всех подробностях и прочувствуй себя там. Поток стихии двинется в это место, а ты плыви вместе с ним, как в речном течении.

Не расслабляя рук, Дигон погрузился в себя. Окружающая тьма сменилась тьмой абсолютной. Мысли, страхи, переживания и внутренние диалоги стихли. Ему нужно было идти в следующий Дом, и он вспомнил Шагнагар, резиденцию Дафниса Ктариана, архоса гильдии Камня, которого посещал когда-то с поручением. Вспомнил тихую берёзовую рощу в двух лигах от ворот его дома, в которой ночевал перед приездом. Вспомнил журчание ледяной воды в ручье, бравшем начало в примыкающих к роще горах, весёлое беззаботное щебетание птиц. Мягкий ветер, колыхавший высокие сочные травы, и уносивший редкие сорванные с деревьев листья. Вспомнил косулю, ничуть не испугавшуюся расположившегося

на ночлег гостя, и любопытно принюхивавшуюся к незнакомым запахам еды. Вспомнил крепкий долгий сон, которым наградило его это место. И вот, он словно был находится там, чувствует всё происходящее...

Мутный коричнево-чёрный мир вокруг оживился. Хаотическое движение нечётких разводов структурировалось, направилось куда-то в сторону и подхватило с собой мага, намертво вцепившегося в два бессознательных тела. Не выпуская картинки из сознания, он поплыл с потоком, стараясь нащупать самую быструю его часть. Движение стихии текло в сторону маленькой точки света. Она становилась всё больше, отчётливее, и вот уже походила на высокое овальное окно, сквозь которое во мрак пробивалось яркое южное утро. Поток буквально вышиб это окно и под тёплые лучи Аполлона, сминая сочную траву, из портала вывалились три тела. Лёжа на спине перед закрывающимся проходом, Дигон облегчённо наполнил грудь свежим весенним воздухом и отключился в изнеможении.

Первой очнулась Лаянна. Она сняла изуродованную «огненным сгустком» Кетера куртку, свернула её и бережно подложила под голову возлюбленному. Подошла к Ямлиху и перевернула его на спину из совершенно неестественной позы, которую он так и не сменил после перехода. Порылась в его карманах и предсказуемо нашла огниво и пучок сухой травы, завёрнутые в кусок бумаги. Собрав немного дров под близлежащими деревьями, она развела костёр. С трудом вытянула из земли чуждого Дома немного воды и принялась разогревать её, магически поддерживая над огнём водный шар размером с два больших кулака. Нужно было промыть раны. Был уже полдень. Кристалл Дианы на груди тихо светился спокойным фиолетовым цветом.

Дигон проспал ещё часа три и пришёл в себя, когда весеннее тепло уже отступало. С трудом поднялся и на ватных ногах пошёл в сторону костра. Крепко прижал к себе подбежавшую Лаянну, поцеловал её и долго не хотел отпускать.

— Я поверила, — шептала она, — и не зря. Милый, ты протащил нас через переход, а такое не под силу даже Верховным Отцам. Твоя сила растёт.

— Просто Земля теперь часть меня, стихия сама помогла мне. И в процессе я невольно понял, как работают порталы. Верховные по своей природе так же, как и я, содержат в себе Стихию, но в расслоённом состоянии. Поэтому энергия перехода не разрушает их. Только ослабляет ненадолго. Иначе, Кетер уничтожил бы нас. А Ямлих молодец. Если бы не его порошок, нам пришлось бы куда хуже. Вот уж он «обрадуется», когда очнётся за сотни лиг от дома. Думаю, его нужно постараться убедить пойти с нами — помощник с такими способностями нам нужен, как воздух.

— Согласна, родной. Давай придумаем что-нибудь поесть, а то после этого приключения меня словно осушили.

Ямлих очнулся уже ближе к вечеру. Сил у него хватало только встать на четвереньки. Безумно болела челюсть, но запах свежего мяса, жарящегося на деревянном вертеле, манил к себе, как колодец в пустыне. Похоже, это была молодая непуганая косуля.

— Дохлые океанские черти! — шепелявя и с трудом выговаривая слова, он подполз к огню. — Ты со мной до конца жизни не рассчитаешься. Что б ты провалился со своим «несложным дельцем».

И немного помолчав, добавил:

— Спасибо, что спас меня. Хотел денег подзаработать, а стал жизнью обязан... Где это мы?

— Только не волнуйся, — сказал Дигон, обнял его за плечи и помог усесться на

бревно. — Будут тебе деньги. У меня цепочка офионов с собой. Да и золотишко с серебром немного имеется. Считай, свой первый белый ты уже заработал. А что это за колдовской порошок такой ты применил, который Верховного Отца из равновесия вывел?

— Колдовской? Ах-ха-ха, — попробовал было засмеяться ищейка, но тут же схватился за рёбра. — Таких, как он, никакое колдовство не возьмёт. Он сам, считай, колдовство и есть. Я ему красного перца саданул. Ни одна мудрёная защита не поможет, если попасть. Но ты ж мне так и не ответил. Мы где вообще?

Дигон подсел поближе:

— Понимаешь ли, друг, мы в северной части Дома Гермеса, во владениях гильдии Камня. Лигах в пятистах от Ацилута.

Реакция Ямлиха была неожиданной:

— Срань господня! «Плёвое дельце», говоришь? Хотя, с другой стороны, сейчас чем мы дальше от столицы Цифры, тем лучше. Там, небось, нас вся стража ищет. А как мы вообще выбрались. И как тиран нас не убил?

— Нам повезло, — ответила уже Лаянна, видя замешательство Дигона. — Мы его же порталом ушли. И нас через переход Дигон протащил.

Ямлих слегка подёрнулся, немного отсел в сторону и с опаской посмотрел на мага:

— Это как «через переход»? Да кто ты вообще такой? Переходами только Верховные ходят. А ты ещё и нас вытащил.

— Просто у меня природа такая, что Земля меня не трогает. Если без подробностей — то можешь считать меня таким же полукровкой с особыми способностями.

— Да ладно тебе заливать. Я твою ауру сразу посмотрел, ещё на первой встрече. В тебе вообще ни от одного Дома ничего нет, не то что от разных двух. Ты же как тот хрусталь — и прозрачный, и сияешь. Но дело твоё. Полукровка, так полукровка. Что мне делать-то теперь? У герметов нашего брата из Конфедерации не особенно-то любят. Могут и пришибить ни за что. Да и банды местные больше мошенники, а это не моё. Я честный вор.

— У меня к тебе предложение, Ямлих, — начал серьёзно и деловито Дигон.

Протянул ему сжатую в кулак руку. Вор подставил ладонь и в вечерней полутьме на ней ярко заблестели два белых глаза змейки офиона.

— Он твой при любом твоём решении. Ты его заслужил. Но я предлагаю тебе продолжить работу. Как ты уже понял, мы собираем для одного очень влиятельного... человека аналогичные пиксиды. Они в каждом большом Доме по одной находятся. Помоги нам и получишь ещё по белому офиону за каждые две находки у нас в руках.

Ямлих, подумав минуту, ответил:

— А что, мне терять нечего. Назад, в Ацилут мне дороги нет. А тут и компания интересная, и с такими деньгами я новую жизнь начать смогу. Мож в искатели подамся — давно мечтал завязать с этим скотством. А это повод. Один беленький сверху, когда всё закончится, и я к твоим услугам в любых передрягах. А их у тебя, похоже, не мало будет.

Делать было нечего. Способности полукровки были по зарез нужны им. Торговаться Дигон особо не умел, хотя и все козыри были у него на руках. На том и договорились.

Ночь была по-весеннему тёплая и спокойная. Давно так крепко не спали путники, как после первой по-настоящему боевой победы. Рано утром встал вопрос о том, как искать следующую пиксиду. Вчерашних приключений всем хватило с избытком и на этот раз решили пойти путём торговли и дипломатии. Дигон помнил, что с главой местной гильдии у него сложились тёплые, если не товарищеские отношения. Учитывая очень высокий и

самостоятельный статус архосов в Доме Гермеса, можно было рассчитывать на помощь Дафниса в переговорах с самим Верховным Отцом. И если весть о произошедшем в подземельях Ацилута ещё не дошла до него (а Кетер вряд ли станет делиться подобным провалом), то вариант решить всё мирным законным путём был вполне реален.

За час до зенита Аполлона трое путников налегке входили в ворота Шахнагара. Нижний город, как и везде, походил на большой оживлённый рынок. Быстро пройдя по лавкам в поисках необходимых вещей, оставленных при бегстве из Ацилута, они поселились в не самую дорогу, но аккуратную местную гостиницу. На этом их наскоро придуманный план ждало разочарование. Оказалось, что пару месяцев назад власть в городе сменилась при каких-то тёмных обстоятельствах. И теперь имя Дафниса не стоило упоминать, если не хочется привлечь внимание гвардейцев. А вся гильдия находится под прямым протекторатом самого Агорея. Планы пришлось менять. Тогда Ямлих, решивший, по-видимому, всерьёз отрабатывать плату, предложил идею. На вид, благодаря генам отца, он был вылитый гермет, если причесать и отмыть. Выдать его могла только аура, в которой любому одарённому магу не составит труда определить кронианскую половину. А маги Дома Гермеса людей читали искусно. Три дня под надзором ищейки Дигон осваивал новое для него ремесло — работу с аурами. И временный учитель не щадил ученика, явно припоминая все тягости, которые привнесло в его жизнь их знакомство. На четвёртый день «чистокровный» гермет был готов. Маг Единства заблокировал, как мог, любые проявления, даже тени кронианской земляной природы, и обнаружить подлог можно было только при очень тщательном исследовании.

Ямлих представлялся всем свободным торговцем-герметом. А таких, независимых от гильдий, в демократическом государстве Гермеса было предостаточно. И их уважали. Он прилично сорил деньгами и рассказывал о стремлении встретиться с руководством. В конце концов, трое путников: новоявленный «купец» и двое его «охранников», отправились на виллу, когда-то принадлежавшую Дафнису Ктариану. Дождавшись приёма поверенного в делах гильдии, они встретились с симпатичной молодой герметкой. Не по возрасту деловой и рассудительной. Ямлих рассказал в общих чертах, что он имеет важное дело в столице и напросился прицепом к ближайшему каравану, отбывавшему следующим утром.

Четыре грузовых верблюда с тюками, набитыми для вида товаром, и три всадника на ездовых лошадях присоединились к каравану в Керикион. И главное, что теперь они имели рекомендацию молодой ставленницы Микены. Впереди было три с половиной сотни лиг пути. Караван шёл не быстро, но за счёт того, что процессия почти не останавливалась на ночлег, дорога сокращалась стремительно. Сами купцы спали, в основном, в передвижных повозках, экономя драгоценное время. Через три недели они уже были на месте. Всё это время Дигон неустанно тренировался в новом для него знании. Сначала медленно, неуклюже, но чем дальше, тем более искусно он открывал порталы Земли. Не сказать, конечно, что он достиг в этом выдающихся результатов. Это было предсказуемо без реального учителя. Но невероятные способности к познанию, полученные им при повторном рождении, и периодические дистанционные советы Целума сделали своё дело. Не спонтанно, не без времени на подготовку и концентрацию, но к концу пути Дигон уже умел создавать стабильные переходы.

Керикион был прекрасен. Даже его нижняя часть носила печать чистоты и порядка. Что уж говорить о богатых кварталах, сплошь уставленных колоннами, статуями, маленькими парками и чудесными вилами знатных горожан с совершенно разной, но одинаково гармоничной архитектурой. В замке Агорея путников приняли далеко не сразу. Даже

несмотря на рекомендацию Микены и заверения в срочности дела, пришлось оставить прошение и прийти через два дня на аудиенцию. И то, это было очень скоро, чему немало способствовала вычурная богатая одежда Ямлиха и бесценный доспех-ящерица его охранника. Особенно последний не мог ни обратить на себя внимание управляющего делами в замке.

Гермет гермету брат и поделщик. Как ни странно, встреча состоялась в очень дружелюбной обстановке. На приём к Агорею пришли двое: Ямлих и Дигон. Лаянна осталась в отеле «Трикефал», поселиться в котором считали положением статуса все богатые и высокородные гости столицы. Ей постоянно было не по себе в Доме стихии-антагониста и с каждым днём её недомогание усиливалось. Не сильно, не критично, но природа дианиты сопротивлялась властвующему здесь Воздуху.

Полукровка с мастерски сокрытой второй кронианской половиной вошёл в приёмную, а Дигон, преисполненный волнения, остался за дверью.

— Привет, Ямлих, — сдержанно начал разговор глава Дома. — Признаться, я не помню, чтобы слышал о твоём имени. Но мои советники доложили, что ты весьма состоятелен. А это — первый признак успешного гермета, не так ли.

Настроение у Агорея было хорошим. Его союз с Домами Аполлона и Ареса виделся ему весьма выгодным, военная мобилизация хоть и затянулась в начале, но теперь была проведена, и её результатом стал самый мощный и богатый пакт во всём Миглахе. Он знал, что такой коалиции сложно будет что-то противопоставить со стороны других Домов. Кроме Гадеса, пожалуй. Даже если они все объединятся. А это, как понимал Агорей, невозможно. Потому приподнятое состояние духа располагало к новым знакомствам.

— Я из рода Капасиев, что на крайнем юге, в автономии гильдии Корабельщиков, но в виду трудностей, давно занялся свободной торговлей, — заявил Ямлих согласно подготовленной легенде. И часть её была правдой. Линда Капасия, бедная, но благородная дама, действительно приходилась какой-то троюродной сестрой его беглому отцу. Об этом ему рассказывала мать, когда ещё не покинула этот мир. Она думала, что её несчастный сын-полукровка может когда-нибудь обратиться за помощью к дальним родственникам. Но конечно же, ни о какой помощи не могло быть и речи.

— Капасии? — переспросил Агроей. — Как же, знаю семью Капасиев. Жаль, что ваше состояние разорилось. Но ты, как я вижу, преуспел.

— Да, есть немного, — Ответил, прекрасно вживаясь в роль Ямлих. — То тут, то там понемногу. Торгую всё больше по северным городам. В Доме Цифры люди богатые. Торговал поначалу пряностью и кожей. А у цифиров взял привычку с камнями самоцветными работать. Они места не много занимают, а барыш хороший. Древности всякие у них в почёте, артефакты магические. С последними, правда, пока не очень получается, но всё впереди, Отец, спасибо за беспокойство.

Агорей улыбался. Ему нравились деловитые соплеменники и он их даже уважал. Он налил сначала себе, потом Ямлиху гранатового сока и продолжил:

— Это хорошо, что дела у тебя идут в гору. Глядишь, и славное имя Капасиев поднимешь из пепла. Смотрю, и охранника ты себе нашёл неординарного. Такого на деньги простого купца не купишь. Такого вообще за деньги, пожалуй, не купишь. Очень уж костюмчик у него уникальный.

— А он и не за деньги со мной. Это друг мой лучший. Он рыцарь из цифиров. Тренировал воинов кронианцев когда-то давно. Я жизнь его спас от неминуемой гибели и

принял удар на себя. Так он поклялся защищать меня, пока долг не отдаст. Станный этот народ — рыцари. Но я не жалею. Боец он сильный. Молчаливый правда и угрюмый, но это даже к лучшему.

Ямлих говорил правду. Конечно, частичную правду. Но он не лгал. И непревзойдённый чтец людской природы, Верховный Отец Дома Гермеса, знал, что он не врёт. А потому расслабился и спросил:

— Люблю я поговорить с вашим братом, с купцами. Вы и рассказчики интересные, и рассказать вам есть чего. Но время нас торопит. Нынче дни такие настали, что долго не посидишь. А ты ведь, как я думаю, и не просто посидеть ко мне пришёл. Говори, что привело тебя. Помогу, пожалуй.

— Это точно, Отец. Я бы Вас разговорами тревожить не осмелился. В Доме Цифры я с одним очень влиятельным магом познакомился. Из руководства Дома. Так вот, у него, по словам того, кто меня с ним свёл, прямо-таки навязчивая болезнь по поводу разного рода древностей. Любит он их, страсть как. И коллекционирует. Есть у него мечта давняя — заполучить себе одну диковинку, которая у Вас, Отец, хранится. Он уверен, что она из Старого Мира ещё, а за такие находки он и убить готов. Так-то она безделушка пустяковая, но для него лично ценность имеет огромную. Вот меня и уполномочили сторговаться с Вами об этой вещице.

Ямлих снова не врал. И хоть во всей этой истории было всё как-то странно, лжи в ней не было.

— Хм, — задумался Агорей, — у меня ценностей всяких много хранится. И даже из Старого Мира имеются. Они действительно обычно бесполезные. Если что в них и было, так за десять тысяч лет давно испарилось. Но цена у них обычно маленькой не бывает. Как раз благодаря таким ценителям мусора. Что за предмет-то?

Наступил момент, после которого поворота назад уже не будет и Ямлих произнёс, доставая помятую бумажку из вышитого золотом камзола:

— Это небольшая, размером с кулак, запаянная металлическая капсула с узорами. Вот, наподобие такой.

Полукровка развернул перед Агореем лист с чётким изображением одной из пиксид, которые уже были в сумке у Лаянны. Верховный Отец напрягся. Он точно узнал эту вещь. Задумался, смотря в сторону окна, словно что-то вспоминая. Потом резко повернулся и впился в глаза Ямлиху:

— Ты меня всё больше удивляешь, молодой Капасий. Есть у меня действительно то, что нарисовано тобой. Но откуда этот рисунок? В мои хранилища так просто не пройдёшь? Отвечай!

Агорей сейчас сканировал ауру своего гостя. Это мало кому доступное искусство. И пусть врождённый талант в этом был больше у его собеседника, но Верховный был из тех, предел чьих сил мало известен простым смертным. Холодный пот покрыл всю спину полукровки, но вида он не подал и ауру удержал в покое:

— Так ведь наниматель мой и нарисовал. У него уже есть одна такая. Как минимум. Он историю изучал и говорил, что эти предметы как-то с ритуалами погребения связаны.

Ямлих не врал снова, и глава герметов чётко видел это. Он отвёл глаза.

— Интересная история. Похоже, коллекционер твой об этих коробочках побольше моего знает. Есть у меня она. Лежит без дела. Но за бесценок не отдам. Сколько предлагает твой наниматель?

Больше, чем сам ищейка, волновался только стоящий за дверью Дигон. В добавок к тому, что он был на вражеской территории и в любой момент его могли раскрыть, так он ещё и не знал о чём говорит Агорей с его посланцем. Но разговор был долгий, а значит подлог не раскрыт. Рубаху под шикарным камзолом вора можно было выкручивать, но внешне он казался всё более расслабленным:

— Полтора синего офiona могу предложить и избавить Вас от ненужного древнего мусора.

— Ха-х, — проскочил весёлый смешок в устах Агорея, — для меня, конечно, цена не впечатляющая. Даже маловата, но твоя подача с «мусором» мне нравится. Может ты и уедешь отсюда с этой капсулой, если честно ответишь на один вопрос. Посмотрим на твою историю: а сколько ты получишь в результате?

— Когда сделка будет закончена, мне заплатят четыре белых офiona. И сказать честно, — Ямлих заговорчески понизил голос, — попытаюсь ещё один сверху получить. Ну, за расторопность.

«И снова он не врёт», — подумал Верховный. Что-то мутное казалось ему и во всей этой истории с покупкой какой-то безделицы за приличные деньги, и в этом Ямлихе. Это даже была не магия, а полученная за тысячи лет в торговле чуйка. Но Агорей очень любил таких деловитых, простых и предприимчивых сограждан.

— Ну что ж, только ради славного имени семейства Капасиев. Договорились.

Шесть офионов: один синий и пять белых, перешли из одних рук в другие.

Верховный Отец нажал кнопку на столе между двумя креслами переговорщиков, и мимо Дигона в дверь пробежал маленький мальчик слуга. Затем выбежал и вернулся через минуту с мощным, шириной плеч не меньше зевита, низкорослым престарелым хранителем замка. Вышел и он. И тоже вернулся. Минут через пятнадцать, неся в руках свёрток холщовой ткани. Дигон уже аплодировал в мыслях полукровке, но по-прежнему стоял с каменным лицом телохранителя. Наконец, дверь открылась и в коридор вышел Ямлих со свёртком в руке, а сзади стоял весёлый Верховный Отец Дома Гермеса и, посмеиваясь, обратился к магу Единства:

— Не спускай с него глаз, рыцарь. Славный малый. Далеко пойдёт.

На что Дигон выполнил уважительный поклон по всей форме этикета и чеканным шагом пошёл за полукровкой. Уже через три четверти часа в роскошном номере «Трикефала» не было ни прелестной дианиты слегка усталого вида, ни богатого купца Ямлиха из рода Капасиев, ни его странного молчаливого охранника.

Второй месяц весны уже подходил к концу и вечноцветущие сады Омфала слились с окружающим миром, исполненным красками жизни. Старинные, вымощенные гранитной брусчаткой улицы, обычно тихие и безлюдные, сейчас оживились. Светлые каменные строения, вырывающиеся из чёрного полотна дорог колоннадами и кладками серого мрамора, вычистили и украсили гирляндами цветов и реющими на ветру полотнами флагов. В столице мира готовился Верховный Совет глав всех Домов. Первый за последние четыре сотни лет. Всё это время Миглах жил в относительном спокойствии, каждый народ занимался своими делами и Дворец уже позабыл бескомпромиссные баталии и споры Верховных Отцов, гремевшие под его сводами в давние тревожные времена. Сегодняшнее событие не было формальным парадом и не носило оттенков торжественной радости. Континент стоял на пороге войны непонятно с кем или всех против всех.

Каждый из правителей земель Домов, заручившись поддержкой минимум ещё двоих, может объявить о созыве Верховного Совета, но причиной этого события должно быть нечто, касающееся всех без исключения. Сейчас у Гипериона было и первое, и второе. На его стороне выступали Дома Ареса и Гермеса, чей военный союз к этому времени набрал полную мощь и был готов к любым развитиям событий. А глобальный повод в уже раскрывшейся и действующей новой Силе мог не увидеть только слепой. И Верховный Отец Дома Аполлона объявил о Совете. Традиционные чёрные стрижи Омфала полетели во все столицы Миглаха. Каждый из Верховных Отцов и так уже знал требования Гипериона, но красивая древняя традиция оставалась неизменной.

В урочный час, в последний день второго месяца весны, двери Дворца Верховного Совета наглухо закрылись и единственным источником света Аполлона остался окулус в центре купольного свода. В проёмах стен, разграниченных парами скульптур в виде гигантских статуй доисторических Покровителей, один за другим стали проявляться овальные окна стихийных переходов Верховных Отцов. Яркие оранжево-красные огненные порталы Гипериона и Квирина первыми озарили полумрак пространства зала. Два воина, в годах и молодой, ступили на холодный гранитный пол, блистая парадными доспехами под живыми плащами. Оба, исполненные решительности, сурово осмотрели пустоту храмового наоса и по-братски поприветствовали друг друга. После них открылся перламутрово-белый, пересечённый зигзагами молний, портал Воздуха. Из него вышел, сияя переливами драгоценных камней на одежде, Агорей. В хорошем настроении, уверенный в неоспоримой выгоде своих договорённостей и положительном для его Дома исходе Совета. Почти одновременно с ним, но немного отставая, открылся аналогичный Воздушный переход Кетера. Не такой ровный и филигранный, как предыдущий, но исправно выполняющий свои функции. Глава цифиров несколько помедлил у входа, собираясь с мыслями, и стремительно прошагал под пирамидальный конус света, накрывший кафедры каменных столов. За ним на противоположных краях зала зажглись сине-голубые точки. Плавно разрастаясь по окружности, переходы Воды доставили во Дворец мистически лёгкую Селену и соблазнительно прекрасную Уранию. Словно соревнуясь в грациозности, они прошли по залу и сели на свои места за кольцом столов. Коричнево-чёрный портал Земли, почти незаметный в тени гигантских колонн-статуй, привёл в наос храма молодого Лабриса. Он ступал степенно и размерено, обводя тяжёлым взглядом собравшихся. В одном из проёмов

заскрежетал воздух, обозначаясь кругом плотного облака. Налился влагой и пылью, превратившись в разноцветную смесь, наполнился огненными переливами и стал прозрачным колыхающимся зеркалом Эфира. Правитель Дома Зевеса, не имея возможности столь же легко, как другие, пользоваться стихийными переходами, пришёл через портал, созданный одному ему известной машиной. В отличие от врат Талари, это тайное изобретение не требовало ответного приёмника. Флегетон в живом плаще поверх обычной рабочей одежды, пробежал глазами по залу, улыбнулся Кетеру и так же занял своё место. Последним появился Маркар, чьё прибытие сделало ещё серьезнее лица всех прочих. Потусторонний могильный холод портала успения прокатился волной по залу, врезаясь в округлые стены, и, казалось, повергая в страх даже статуи древних Покровителей. Гранитные плиты пола непосредственно перед столом правителя Гадеса разжижились искрящейся чёрной массой. От неё бежал даже свет из окулуса в куполе. Нарочито медленно, словно издеваясь над окружающими, из пятна поднялось бледное безжизненное тело нетленного гади в кожаных ремнях и в живом смутном плаще, сотканном из inferнальных миазмов Смерти и разложения. Многие бы хотели, чтобы его не было на Совете. Чтобы не существовало вовсе. Но Маркар с повелительным взором превосходства истинно бессмертного сел на свой стул. Над его головой сгустилась туча, поглощающая омерзительный для своего хозяина жизнерадостный весенний свет.

Гиперион на правах организатора собрания встал:

— Да начнётся Совет! — эхо мощного голоса аполонита многократно отразилось в круге наоса. — Приветствую вас всех, братья и сёстры, в этот беспокойный для Миглаха час!

В знак приветствия слов Гипериона, сидевшие в круге подняли каменные молотки на деревянных рукоятках, которые лежали перед ними, и одновременно ударили ими по столешницам, порождая резкий очерченный звук. Отец продолжил заготовленную речь:

— Сожалею, что мы встречаемся полным составом столь редко и лишь по таким казусным случаям. Некоторых из вас я даже не видел в новом облики до сегодняшнего дня. Но речь, которую я скажу, не терпит сантиментов, и мы оставим их до более благоприятных времён. Мы все уже знаем, что за последние полгода наш мир не просто изменился. По моему глубокому убеждению, мы становимся свидетелями событий, последствия которых не оставят в стороне ни одного из нас или наших людей. Они могут изменить весь мир и всю нашу жизнь. Предугадать их последствия не под силу ни расчётливому разуму Лабриса или Кетера, ни всепроникающему взгляду Селены. Мы все уже в полной мере ощутили изменения потоков сил. Мы видим действие чего-то, не имевшего аналогов при наших жизнях, чувствуем, как Стихии взбудоражены, и как непредсказуемо меняется их реакция на нашу волю. Думаю, уже не только я понял, что природа этого явления напрямую связана с Параклазом. По началу, шесть месяцев назад, это были всего лишь отголоски, лёгкие тени на поверхности энергетического тела Миглаха, отдалённо напоминавшие привкус великой катастрофы прошлого. Тогда это мог различить только я. Но за это время происходящее стало похоже на снежную лавину в укрытых морозными шапками скалах. Среди волн и смещений междумирья, которые мы наблюдаем, я даже начал слышать отдалённый неразборчивый голос. Низкий и глубокий, насыщенный Силой, властный и величественный, но такой же грозный и пугающий. Всего пару месяцев назад до меня доносились лишь обрывочные неясные звуки, а сегодня я уже могу различить слова. Это значит, что явление, которое нас здесь сегодня собрало, разумное. Имеет личность. Следовательно, имеет собственные цели. Оно — субъективно. А теперь давайте вспомним не столь давнее

пророчество, рождённое нашей прозорливой сестрой Селеной:

*«Я вижу мира сотрясенье, поднявшее из древних вод
Того, кто власти порожденье, кто неба разрушает свод.
Сосуд пустой идёт слепой; без воли сам, чужою волей.
Рождённый северной судьбой, нутро наполнит общей болью.
Сотрёт, разрушит, уничтожит. Переполох, смятенье, страх.
Его сомнение не гложет, Его задача — мира крах.
Собрав утраченные силы, взорвёт небесную обитель.
И строй, который правит ныне, сотрёт навеки Разрушитель»*

Гиперион замолчал, поочерёдно посмотрел в глаза каждому из Верховных и продолжил, снизив тон:

— Не сложно понять, что она поведала именно о том, что происходит сейчас. Пророчество сбывается в эти дни. У меня нет сомнений: мир на пороге прихода Разрушителя, о котором мы все легкомысленно забыли. Слова Селены никогда не звучали в пустоту.

Он ударил молотком по столу, обозначая конец своей речи. Воцарилась тишина. Когда звуки удара, отражённые от стен Дворца, стихли встал Кетер:

— Приветствую всех вас. Выступление нашего брата впечатляет. Я задумался о многом, слушая его, и мне тоже стало не по себе. Допускаю возможность, что ты прав, Гиперион, и предрёченный Разрушитель действительно рвётся в наш мир.

На этих словах сидящие рядом Лабрис и Селена переглянулись. Потом посмотрели на опустившую голову и смотрящую исподлобья Уранию, и продолжили слушать цифира:

— Но моим исследованиям суждено было своевременно прийти к открытию. Всеблагое провидение позволило мне сделать вывод, и некоторые из нас могут подтвердить их правильность, — он многозначительно повернулся к Маркару, — что наш общий дом неизлечимо болен. Мы все уже не первую тысячу лет видим медленное угасание энергетических потоков, пронизывающих Миглах, мы ощущаем на себе старение окружающего мира и сокращение своих собственных сил. Возможно, именно наша нарастающая слабость и дала повод прийти к нам тому, кого мы называем Разрушителем. Мы всегда были самой сутью Миглаха, олицетворяя астральные категории, которые его наполняют. И наше одряхление может служить причиной, по которой мир теряет стойкость перед такими угрозами. Но я точно знаю теперь, что причина глубже, чем может казаться. Вспомните древние легенды о Покровителях, о богах и демонах, о прочих сущностях, с которыми Старый Мир, якобы, жил бок о бок. Я уверен, что это не просто легенды. И единственный из нас, кто не подвержен утратам памяти от перерождений, подтвердил мою уверенность. Мы не одни в бескрайнем просторе вселенной, как считалось раньше. Наша планета и наша реальность — лишь бесконечно малая часть в потоке других планет и реальностей, в Плероме. И тот же Разрушитель вполне может быть внешней силой, с которой долгое время мы просто не сталкивались. Изучение всех факторов, которые нас окружают, привело меня к выводу, что наш мир закрыт от остального универсума непроницаемой сферой. Она не позволяет Миглаху контактировать со всеобщим началом. Я назову её «Сфера безмолвия». Мы слепы, глухи и немы внутри неё. Мы замкнуты в ней, как в тюрьме. Огромной, но всё же тюрьме. Отрезаны от единого всеобъемлющего организма

Плеромы. Но организм питает свои члены. Значит и наша планета, как все прочие, питается от единого центра миров. Мы умираем без этой подпитки. Моё предложение — объединить силы и разрушить Сферу. Только так мы сможем восстановить энергетический баланс. А Разрушитель? Думаю, в его приходе просто не будет необходимости, когда Миглах снова займёт своё место в сонме всех прочих миров.

Удар молотка Кетера прервал тишину.

— Ты забыл упомянуть ещё кое-что, о чём мы говорили, — зазвучал леденящий душу голос Маркара. — Самую «малость». Причину появления твоей «Сферы безмолвия». Мы долго жили каждый сам по себе. Слишком долго. И разучились говорить друг другу всю правду. Настал момент с этим покончить. Мы и только мы — источник того, что происходит. Кто из вас помнит Параклаз и что происходило в его преддверии?

Верховный Отец Дома Гадеса предполагал, что вопрос его риторический и не ожидал ответа. Но медленно, нерешительно руку поднял Лабрис, за тем Селена и Урания.

— Что?! — с неуверенностью и удивлением переспросил Маркар. — Каким образом?

Ещё больше удивился Кетер. Он думал, что кроме Отца Гадеса, больше других знает о прошлом. Его информационная монополия явно рушилась.

— Я знаю о чём ты говоришь, нетленный, — поднялась Селена. — Хотя Сфера для меня куда большая загадка, чем для тебя, Кетер. Но и я, и Лабрис, и Урания — мы все уже имели честь встретиться с носителем голоса, о котором ты говоришь, Гиперион. Всеотец, не так ли? — Она вопросительно посмотрела на Маркара.

— Да... — ответил он. — А всё зашло куда дальше, чем я мог надеяться. Да, Селена. Всеотец. Проводник воли Единого при создании нашего мира. И его Держатель, которого мы с вами, дорогие братья, убили. Точнее, пытались убить десять тысяч лет назад. Он вернулся. И я должен был догадаться, что его дух не без твоего ведома, Лабрис, хозяйничает в землях твоего Дома.

— Как?! — почти закричал Квириин. — Вы все знали о смертельной опасности и не сказали нам? Не собрали Совет?

— Успокойся, милый брат, — возразила Урания, — мы сейчас говорим об этом. И с чего ты решил, что это такая угроза? Единственная реальная смертельная опасность — это то, что мы умираем. Да, перерождаемся, но тухнем, словно свечи, оплаваемые собственным огнём. Разве ты не видишь выход в том, что мы можем вернуть нити, связующие наш Миглах с Плеромой. Это же нить Морты для целого мира. Кетер прав. Наше спасение в разрушении Сферы и возвращении естественного порядка. И если Всеотец вернётся, то именно в его силах всё исправить. Ведь так, брат? — Урания взглянула на цифира.

— Я не совсем это имел в виду, — ответил Кетер. — Я говорил только о наших собственных силах. Мы и сами способны всё сделать. И у нас будет инструмент для этого. Наши с Фульгуром разработки могут решить проблему «Сферы безмолвия». Мы давн работаем в этом направлении.

Напряжение нарастало. Отцы уже поочерёдно недоверчиво зыркали друг на друга.

— То есть, ты хочешь сказать, — поднялся Агорей, — что вы давно знаете о происходящем, даже работаете над чем-то, и тоже молчали? Чем ваши действия лучше этих? — И он указал пальцами обеих рук на Уранию, сидящую слева, и Лабриса с Селеной по правую руку?

— Ничем, — вполне спокойно ответил Кетер. — Как и ваши с Гиперионом и Квирином. Вы войска свои, коих скопили уже под сотню легионов, куда направить собираетесь? На

наши земли? Или скажите, что это просто для обороны? Нам нет нужды воевать. Мы с таким трудом наладили систему мирной совместной жизни на континенте, но стоило чему-то пошатнуть этот порядок — так снова в ход идут оружие и бойня? Не слишком много времени прошло, как в наших народах стёрлась историческая память о том, как предки убивали друг друга. Мы наладили общий быт, торговлю, работу, и вот вы снова хотите повергнуть мир в хаос войны?

— Ты ослеп, сидя за книгами, Кетер? — негодуя возмутился Квириин. — Мы будем защищать Миглах и всё то, что ты назвал. А если кто-то захочет выступить на стороне захватчика, пусть им будет хоть сам Всеотец, то это будет его личный выбор.

— Защищать? — переспросил Кетер. — Тебе война — подарок. Нельзя защищать мир, убивая его детей. И тем более, его создателя. Мы предлагаем вылечить Миглах и без войны, и без Разрушителя, с приходом которого, похоже, смирились Урания, Лабрис и Селена.

Спокойно и медленно встала Верховная Мать Дома Дианы:

— Братья, перестаньте кричать, ваши голоса заглушают разум. Моё пророчество не является аксиомой и может трактоваться иначе. Вспомните его ещё раз. Возможно, новая сила уничтожит именно «Переполох, смятение и страх». Возможно, под «крахом мира» я увидела именно разрушение причин нашего неминуемого увядания. И твоей, Кетер, Сферы, в частности. К тому же, уже поздно ломать копья. Разрушитель — это не Всеотец, а его инструмент. Посланник, который давно уже ходит по нашей земле. Он знаком тебе. Твой бывший подопечный.

— Gs-9? Поставщик информации? — вскричал Кетер. — Я так и знал. Вы в сговоре. Неделя он появился в моём доме и выкрал что-то из тайника. Я должен был догадаться — на нём была броня-ящерица Дома Кроноса. Такие не продаются по оружейным лавкам. Какую игру вы ведёте?

«Броня-ящерица? — подумал Агорей, но ничего не стал говорить остальным. — Вот твари! Обвели меня, как мальчишку. Только вчера выманили у меня шкатулку! Ну, Капасии, конец вашему змеиному роду...»

— Брат мой, — поднялся Лабрис, — поверь, мы ничего не замысливаем ни против кого. Мы все в одной лодке. Лодке, которая тонет среди огромного океана. И никто не спасётся, если её не привести в порядок. Да, мы знаем о том, кого зовут Разрушителем, но он не враг нам. С его помощью мы вернём естественный порядок вещей, в котором все мы — часть Плеромы, а не только Миглаха.

— Не будь так уверен, северянин! — с вызовом произнёс Гиперион. — Если это Всеотец, то ты не знаешь ни его целей, ни желаний, а берёшься утверждать о его намерениях. Только Маркар может адекватно судить об этом, но он со своим извечным нейтралитетом тебе не поможет. Не так ли, «брат»? — он сделал намеренный акцент на последнем слове, посмотрев на главу Дома Гадеса. — Тебе ведь всё равно, смерть существует независимо от наших мирских дел?

— Дух Всеотца вернул мне память, — возразил Лабрис. — Я тоже знаю теперь что произошло при Параклазе. И наша попытка убийства Целума — вот то, о чём нам нужно думать и последствия чего исправлять.

— Вернул память? — Гиперион засмеялся. — А ты не подумал, что он «вернул» тебе то, что хотел, чтобы ты воспринимал, как свою память? Мы правители этого мира. И наша задача уничтожать любую угрозу ему. Даже если это угроза изнутри!

— Ты хочешь объявить войну? — прямо спросил Лабрис. — Твои войска будут

неприятно удивлены, попытайся они ступить на мою землю.

Молча сидевший на своём месте Фульгур посмотрел на Кетера и направил ему мыслеформу:

«Да, друг мой, ты точно был прав. Когда мы собираемся вместе — жди беды. Лучше бы мы так и сидели по своим Домам.»

Воздух в наосе храма, раскалённый противостоянием собравшихся, буквально замер. Все вдруг резко замолчали. Не по своей воле. Каждый ощутил резкую боль в горле, сухость во рту и невозможность произнести ни звука. Движения стали плавными и тяжёлыми, будто пространство наполнилось вязкой плотной жидкостью. Одновременно, под сводами храма загремел, словно огромный боевой барабан, низкий голос:

— Нет, Фульгур, не зря вы здесь собрались. Ваша неспособность договориться и нежелание слышать друг друга вполне закономерны. Вы не просто пытались меня убить. Вы не просто опустили мой мир в омут угасания. Вы расчленили некогда единую и неделимую жизненную Силу. По своему недалёкому разумению оторвали от неё каждый себе по кусочку. И эти части теперь конфликтуют между собой. С ними раздор приходит и в ваши отношения. Вы думаете, что мир сохнет только потому, что вы убили меня? Вы сами и каждый из миллиардов людей, живших в Миглахе за последние десять тысяч лет, своими магическими действиями разрушали его. Откуда, как вы думаете, берётся ваша сила в замкнутом мире? Каждое заклинание, каждый ритуал, каждый обряд или даже простая мыслеформа, скованная магическим влиянием — всё это по капле опустошает реку мировой жизни. Даже ты, Маркар, чьи запасы непрестанно пополняются разложением, позволяя тебе оставаться истинно бессмертным. Даже твоя магия пьёт из этого потока, обеспечивая возможность направлять энергию Смерти согласно твоей воле. Но теперь на месте некогда полноводной реки лишь малый ручеёк, который вот-вот высохнет полностью. И он исчезнет, если не получит притока из бесконечного источника Единого, от которого, как верно предположил Кетер, Миглах сейчас отрезан. И я восстановлю натуральный порядок вещей. Хотите вы этого или нет.

Пока в ушах гремел глубокий бас Целума, Гиперион и Квирион уже освободились от пут вязкого пространства. Вокруг них теперь тонкой пеленой искрились огненные футляры, в точности повторяя контуры тела на расстоянии в пару сантиметров от него. Кокон сжигали при движении всякое противодействие.

— Ты не остановишь нас! — прокричал Гиперион. — Кем бы ты ни был на самом деле, теперь мы здесь хозяева. И нам решать, как устраивать жизнь в своём мире.

— Покажись, если не боишься, — вторя своему брату, крикнул в пустоту Квирион, — и мы выясним в честном бою кто из нас достоин владеть этим миром!

Голос ответил тише, не без иронии:

— Я не сомневаюсь в твоём стремлении всё решать силой, молодой воин. Но я не стану сражаться с тобой. По крайней мере, не здесь и не сейчас. Моя материальная форма ещё не восстановлена. А махать мечом по воздуху тебе вряд ли доставит удовольствие. Но с каждым днём я всё ближе к своей цели. И уже теперь мне хватило сил замедлить время в пределах вашего Дворца Советов и дать возможность моему ученику выполнить свою миссию. Спасибо, что спорили так долго и самоотверженно.

Квирион и Гиперион переглянулись. Без слов подошли к Агорею, который двигался очень медленно, но уже поднялся с кресла, и встали по оба бока от него. Взялись за руки так, что заключили гермета внутри кольца их соединения. Пелена обоих огненных правителей,

сжигающая сопротивление, слилась воедино, разрослась и превратилась в объёмный шар с троицей внутри.

— Это тот, кто я думаю? — спросил Агорей.

— Не сейчас с этим разбираться, — ответил Гиперион. — Видишь, он тянул время. Быстро уходим по Домам. Надеюсь, в наше отсутствие не произошло ничего непоправимого.

Красно-оранжевая сфера потемнела, покрылась молниями, трансформируясь в огненно-воздушный портал. Завибрировала и резко схлопнулась, унеся из дворца Верховного Совета своих создателей.

Встал Маркар. Не так резко, как предыдущие Отцы. Сопротивляясь, но без лишних усилий. Посмотрел куда-то вверх и спокойно сказал:

— Ты эффектно заявил о себе, Целум. Думаю, делать тут больше нечего. Эти трое, — и он указал в сторону, где только что скрылись Квирин, Агорей и Гиперион, — начнут войну. Не зря же они легионы столько времени выстраивали. Трое твоих последователей не выстоят против них. Эти двое, — он кивнул головой на заинтересованно-удивлённого Фульгура и оцепеневшего Кетера, — они своим решением могут выровнять расклад сил в твоей войне. А это именно твоя война. Ты мог бы и не появляться здесь. Возможно, мы к чему-то и пришли бы. Но я знаю и одного и второго такими, какими ты их не знаешь. Они не будут рисковать просто так. А мне пора заниматься успением и Океаном Теней. Меня твои игры не впечатляют.

Он снова сел на кресло, уже сменившее цвет с серовато-бежевого на чёрный. Постепенно слился с ним, утонул в разжиженном камне и исчез, оставив напоследок волну могильной сырости. А внутри хладнокровного и отстранённого Маркара всё естество пылало. Играло давно забытыми красками:

«Наконец-то, что-то интересное. Наконец-то, живой».

Тяжесть воздуха спала. Оставшиеся правители могли спокойно двигаться и говорить.

— Может ты и есть Всеотец. Может и нет. Я не знаю, — Произнёс в пустоту Кетер. — Но я не враг тебе. И с твоих слов, у нас есть общая цель. Позволь мне закончить то, что я начал, не мешай. А я не буду мешать тебе. И разреши задать вопрос. Мой бывший ученик — что он украл у меня?

— То, что все вы когда-то украли у меня, — ответил голос, — иди. Я не буду мешать тебе.

Кетер направился к стене. Тут же встал и Верховный Отец зевитов. Деловито потрусил головой, приходя в себя, и произнёс:

— Пожалуй, я тоже вас покину. Мне нужно много работать над тем, что вы пытаетесь решить силой. Не люблю я войну. Отвлекает от того, что действительно важно.

Воздушный портал Кетера, а за ним и эфирный переход Фульгура унесли правителей по своим землям.

— Ну что, — откинувшись на спинку спросил Лабрис, — мы остались при своих? Даже хуже. Маркар прав — теперь южане точно начнут войну. Опять война...

— Не совсем так, — ответил голос Целума, но уже очень тихий, уходящий вдаль. — Мы выиграли время для Дигона. У него было шесть дней на то, чтобы получить пиксиды, спрятанные у Квирина и Гипериона. Когда я верну свою форму, у нас будут силы ответить вашим не в меру горячим братьям.

Напряжение вокруг спало окончательно и в пустоте храма совсем еле слышно отозвалось:

— Встречай гостей, Урания...

Голос стих. Наступило облегчение, за которым накатила пугающая волна осознания неизбежной крови. Лабрис, Селена и Урания сидели молча ещё около часа. Каждый, вспоминая многочисленные битвы прошлого. Прокручивая в голове сотни сценариев возможного развития событий, они периодически направляли друг другу мыслеформы. Смятение сменилось отчаянием. Но делать было уже нечего. Верховные Отцы сами впустили в свой мир другого «разрушителя». Настоящего. Имя ему — война.

Убегая из города вдоль наружной части стен Керикиона, бывший поставщик информации радовался тому, что раньше вызывало у него сожаление. Он вспоминал сотни мест по всему Миглаху, куда алгоритм Дома Цифры носил его в бытность однообразной малозначительной службы. В клане Информации было принято посылать своих работников по сменам в разные точки мира, в разные Дома, чтобы исключить их привязанность со временем к одному месту и сохранить беспристрастность информации. Теперь это играло на руку беглецам, обманувшим самого Агорея. Конечно, у них не было явного повода беспокоиться о скором обнаружении подлога, но в данном случае лучше было унести ноги быстрее.

Формируя по пути мыслеформу образа места прибытия, он вспоминал огромный стан на берегу внутреннего Кораллового моря. Город, обнесённый высокой каменной стеной с бойницами и зубцами наверху, окружённый поселениями, больше похожими на военные лагеря. Он вспоминал столицу Дома Ареса, Градив, куда доставлял когда-то партию кристаллов памяти, попутно ведя записи о положении дел в тех краях. Пустынный каменный кряж всего в полутора лигах от города вполне подходил для перемещения. Тогда, на пути к арейцам, Дигону очень понравилось это место: тихо, спокойно, безлюдно.

Через полчаса после того, как они скоропостижно покинули столицу Дома Гермеса, молодой маг Единства остановил Ямлиха и Лаянну в тени небольшой эвкалиптовой рощи. Забравшись немного вглубь, чтобы случайный путник не помешал им, Дигон поудобнее сел спиной к одному из деревьев и принялся творить. Разум потянулся к стихии Земли внутри новой природы мага. Земля отозвалась охотно, без усилий, хотя в ней и чувствовалось напряжение от присутствия антагонистической стихии Воздуха, которая доминирует в землях Гермеса. Дигон окунулся в воспоминания, срачивая их с вызванной энергией. Бежево-бурая почва на пологой возвышенности в окрестностях Градива всплыла перед глазами. Каменистая поверхность на глиняной подложке местами пересекается островками пожухлой вялой травы и невысоких, скудных листвой кустарников. Яркий Аполлон в синеве чистого безоблачного неба. Зной. И растения, и земля требуют влагу, направляя свои желания в сторону близкого моря. Дигон чувствует эту жажду. Тянется к ней, наделяя свою внутреннюю стихию этими переживаниями. Куда ни глянь — сплошная пустынная степь, Колыхание раскалённого воздуха над ней искажают линию горизонта. По поверхности кряжа гуляет ветер, вихреобразнонося за собой пыль и мёртвые сухие стебли травы. Энергия Земли принимает ласкающее касание этого ветра и устремляется сквозь междумирье к месту, указанному магом. Находит его и Дигон неспешно, с трудом удерживая рамки перехода, создаёт портал. Его первый портал на столь далёкое расстояние, которым должны будут пройти путники. Готово. Он встаёт. Берёт за руку Лаянну, целует её, обнимает, притягивает к себе Ямлиха и три силуэта одним шагом ныряют в коричнево-чёрную пропасть.

Почти в шестистах лигах от эвкалиптовой рощи, на каменистом кряже, с которого открывается чарующий вид на Коралловое море и угнездившийся на его берегу город, возникло такое же пятно. Неровное, постоянно теряющее свою материю через рваные трепещущие края, совершенно не похожее на безукоризненные порталы Верховных Отцов, но действующее. Все трое одновременно, как и вошши, выпали из прохода, рухнули на

колени и закашлялись, подавляя порывы рвоты и головной боли. Для Дигона переход выдался тяжелее и болезненнее прошлого — сказалось отсутствие опыта его создателя. Но руки и ноги касались глиняной каменистой тверди. Получилось.

Однако, радость их была недолгой. Безлюдный покой, который приглянулся молодому магу во время прошлого посещения этих краёв, уступил место необъятному армейскому стану. Подножье холма, весь его склон и равнина до столичных стен были усеяны военными палатками, кострами, складами, лошадиными стойлами и мобильными оружейными кузнями. Дом Ареса готовился к войне. В этот момент в голове мага Единства уже привычно пробежало смятение и принесло с собой далёкий знакомый голос учителя:

— Ты достиг Градива, — даже не спросил, а утвердил он, — прекрасно. Верховных Отцов нет на местах. Они все в Омфале. Торопись. На пять-шесть дней я смогу задержать их. Постарайся за это время добраться до Дома Венеры. В землях Урании ты будешь пока в безопасности.

Голос исчез. Боковым зрением Дигон увидел двоих часовых, неспешно прогуливавшихся в пяти десятках шагов от них, и едва успел прижать к земле поднимавшуюся дианиту. Ямлиху ничего говорить не потребовалось — он давно лежал, и глядя на спутников, знаками показывал: «молчите». Через пару минут часовые направились в другую сторону, что-то громко обсуждая и смеясь, словно лошади. Пришлось очень аккуратно, пригнувшись к земле, бежать в сторону от Градива и так некстати оказавшегося на пути лагеря. Спустившись с обратной стороны холма, и отойдя на шестую часть лиги, путники успокоились.

— Что делать будем, работодатели? — с усмешкой спросил Ямлих. — В город незамеченными нам не пройти. Кругом вояки, а это вам не городская стража.

Дигон подумал и, начав раздеваться, сказал:

— Ну что, актёр ты первоклассный. Пора и роль сменить. Торговцем побывал, теперь станешь бойцом. Война всегда нуждается в живом ресурсе, а труд наёмников никогда не изживёт себя. Дом Гермеса выступает на стороне Ареса, так что к тебе особых вопросов не будет. А мы — опять твои поделщики. Держи.

Он порылся в вещах и достал два небольших, длинной в локоть кинжала на поясной портуpee.

— Умеешь с ними обращаться?

Полукировка усмехнулся, вынул кинжалы и синхронно прокрутил их в разные стороны, ловко вывернул рукоятками наружу, раскрыл ладони и лезвия закрутились на них в горизонтальной плоскости.

— Хороший баланс, прекрасная сталь. Справлюсь, — уверенно сообщил он.

Дигон лишь приподнял брови от удивления. Потом снял подрубашечную кольчужку и дал её Лаянне:

— А ты поправь лук и надень вот это для солидности.

Тонкое плетение белой угреновой проволоки гладко легло по стройной сильной фигуре дианиты и теперь нарочито поблёскивало из-под рубахи и мантии, которую подарила Селена. Сам Дигон снял броню-ящерицу, чтобы не привлекать внимание этой диковинкой, и накинул плащ на голое тело, от чего стал казаться ещё больше и мощнее. И если бы не светлая кожа, то вполне сошёл бы за крепкого мускулистого бойца-арейца. Троица во главе с Ямлихом, по обе стороны бёдер которого торчали кожаные рукояти кинжалов, направилась к лагерю широким главным трактом Дома Ареса.

— Стоять! — прозвучала команда дежурного на часовом посту. — Кто такие? Куда

идёте?

Ещё трое солдат, сидевших поодаль, встали и направились к своему товарищу.

— Мы вольные наёмники, — уверенно и даже с некоторым вызовом представился Ямлих. — Меня зовут Ямлих, это мои друзья — Дигон и Лаянна. Слышал, наши дома собирают большие силы против Севера. Авось, и умения ещё троих пригодятся.

Свободных наёмников не очень любили в больших Домах Миглаха, обоснованно полагая, что их честь слишком легко продаётся. Но арейцы относились к ним с терпимостью. Конечно, статус их был ниже, чем воинов, сражающихся за свой народ, но их так же причисляли к детям войны. Пусть и не совсем удачным.

— Наёмники? Толку с троих не много. Но, не мне решать, — сказал очень молодой, лет двадцати пяти, крепкий страж. Демонстративно закурил трубку от созданного магией между пальцами огня и крикнул уже в сторону кому-то из приближающихся солдат:

— Эй, Филин, тут у нас трое псов войны хотят послушать, как звенит золото. Отведи их к префекту — пусть там разбираются.

Тот, к кому обратился стражник, действительно был похож на филина: нос крючком, пучеглазый, с широким лицом, ещё более красным, чем у остальных арейцев, слегка одутловатый, но с явной мышечной массой, скрывающейся под следами обильного питания. Он прихватил с собой ещё одного караульного — крепкую арейку с огненно-рыжими волосами в старой, со следами от стрел, кожаной броне в виде жилета. Вдвоём они повели путников через лагерь: один впереди, вторая сзади. Солдаты в стане с интересом и опаской смотрели в след гостям. Мужчины — с недоверием на высокого мускулистого воина то ли расы цифиров, то ли своего, но слишком бледного, и с одобрительным качанием головой на сочную фигуру лучницы. Женщины-солдаты, которых в лагере едва ли было меньше мужчин, наоборот: с интересом на первого и с презрительным недоверием на вторую. Но никто, конечно, не проронил ни слова, тихо провожая идущих взглядами. Здесь, на фоне запредельной концентрации адреналина и тестостерона, всё, что могло оскорбить, неминуемо вело к драке или дуэли, а такие вольности легат строго запретил на время военной мобилизации.

Префект лагеря оказался уже глубоким стариком, чьи исполосованные многими шрамами голова и руки говорили об очень серьёзном боевом опыте. Его слова выполнялись беспрекословно и со скоростью пикирующего на добычу орла. Зайдя в просторный шатёр, служивший штабом управления лагерем, и сложив оружие возле двух охранников у входа, гости подошли к махнувшему рукой хозяину.

— Меня зовут Мирта. Я здешний управитель. А вы, значит, работу ищите? Кто такие?

— Так точно, — слегка более вальяжно, чем по армейскому уставу, но так же по форме произнёс полукровка. — Ищем. Моё имя Ямлих. Кинжалы, лёгкий меч, праща. Это Дигон Меч, копье, молот, да что угодно. Он у нас универсал. Даже боевая магия. Немного. А это Лаянна вышибает глаз чайке в полёте.

— Ну, допустим, чаек ослеплять у нас задачи нет, — говорил Мирта, настороженно разглядывая Лаянну. — Дианита? С каких пор дианитки в наёмниках ходят? Я таких отродясь не видел. Самцов — видел. Они бойцы опасные. А самки, как я думал, только в шары глазеть умеют.

— А она как повелась вот с этим громилой, — и он не без удовольствия ткнул пальцем в Дигона, — так и ходит теперь по миру с нами. Домой её уже не ждут. Прогнали, мол «достоинство потеряла», «падшая». Но стреляет она, поверьте, лучше всех, кого я знаю.

— Проверим. Непременно проверим. А ты, значит, за главного у них?

— Я мозг, — подняв подбородок вверх, ответил полукровка. — Мой Дом наградил меня способностью рассуждать. Хотя и лезвиями поработать могу.

— И чем занимается ваша шайка? — с сомнением продолжил расспрос старый Мирта. Слишком уж нежными казались все трое для военных наёмников.

— Да мы всё больше караваны защищаем в земле моего Дома. Бывает, с купцами к Цифре ходим. Один раз даже в Гелиос ходили с сыном купца Страбона, — Ямлих вспомнил имя знаменитого торговца магическими артефактами, известного по всему Миглаху. — Что-то очень ценное парень вёз главе Дома Аполлона. А бывает, и в междоусобицах мелких по границам подряжаемся. Последний раз вычищали пещеры в горах Крантавина, что на самом востоке Дома Гермеса — там базу себе пираты из неридов обустроили и то на корабли нападали, то местных стригли понемногу. Когда архосу местной гильдии это насточертело, он наёмников собрал. Кроме нас ещё три десятка. Так мы с ними за неделю расправились. Хорошо поработали тогда. Но деньги, они ведь имеют свойство закачиваться. И пираты тоже. Так мы снова за защиту купцов начали браться. Пару месяцев назад нанялись к Варфоломею из Венарета, старому скряге. Шли с ним в Дом Аполлона, в город Аратория. А он хоть и скряга, но безопасность любит. Нанял нас и ещё четверых. Да как начал ныть на полпути, мол зачем я вас всех нанял, кругом все к войне готовятся, солдаты всё патрулируют. Ни одного бандита даже если захочешь не найдёшь. В общем, мы с друзьями посоветались и решили, что тут дело выгоднее. Вернули Варфоломею часть аванса, оставили себе плату за половину пути, и сюда вот, к вам рванули. Наши услуги вам, наверняка, понадобятся, а народ мы неприхотливый, выносливый, к дорожному быту привыкший.

— Понятно. — Сказал, тяжело вздохнув, Мирта. — В ряды воинов вас, конечно, не поставишь. Военному делу вы не обучены, только строй зазря ломать. Но и таким дело найдётся. В разведке вам самое место. И даже дианита сгодится... Слушай, а ну ка пойдём на стрельбище. Да уши спрячь, не нервируй солдат — они-то твоего брата сейчас уже, поди, за врага держат.

Путники взяли своё оружие, вещи, и под удивлённое ворчание отдохавших солдат прошагали вслед за старым префектом. Минут через десять они подошли к длинной открытой полосе ста шагов в длину и двадцати в ширину с идеально выровненной, избавленной от растительности поверхностью. На противоположной стороне стрельбища, прислонённые к туго стянутым снопам сена, стояли манекены из мешковины, набитые сухой травой.

— А ну, потешь меня меткостью, красавица, — сказал, прищуриваясь и криво улыбаясь Мирта.

Лаянна приготовилась. Достала короткий ретрофлексный лук. Осмотрелась по сторонам. Вставила хвостовик древка в тетиву... Вдруг резко подняла оружие горизонтально вверх и выпустила стрелу. Мирта аж отскочил:

— Чего творишь, дура!

И тут же прокричал в сторону окружающих солдат, постепенно подходящих посмотреть на новеньких:

— Щиты к небу!

Солдаты резко, без единого вопроса, схватили щиты, деревянные кадки, кто-то поднял над головой снятый доспех. Все затихли. Глухой мягкий удар об окованный железом щит солдата всего в четырёх метрах от Мирты и троих путников, пробудил всеобщее: «Ух!».

Префект повернулся к лучнице:

— Ты совсем из ума выжила, баба, какой тебе...

Но не успел он договорить, как из рядов толпы вышел солдат. Глаза Мирты расширились, словно и не было старческого прищура. Солдат качал головой из стороны в сторону, улыбался и держал в руках стрелу. На стреле, пробитая через всё тело, висела сбитая чайка, обагрив кровью каменистую почву.

— Твою ж мать, — только и смог выговорить изумлённый префект, после чего положил руку на плечо Лаянне, улыбнулся и добавил, — ты нанята. Эти двое с тобой?

Разложив свои палатки поближе к городу, Дигон, Лаянна и Ямлих легли ещё до заката. Даже шум военного лагеря не помешал им уснуть, под грузом усталости трудного дня. Ночью им предстояло сложное дело.

Ямлих проснулся первым в полночь, и с трудом, но тихо, чтобы не разбудить окружающих, растолкал влюблённых. Они собрали все необходимые вещи, оставив палатки и часть пожитков, чтобы не обременять себя лишним. По внешнему периметру расположения войска, на расстоянии двадцати шагов друг от друга, горели дозорные костры, но часть лагеря, почти вплотную примыкавшая к городским стенам, не охранялась. По самой стене, на высоте в девять человеческих ростов, изредка прохаживалась стража, освещая путь факелами. Аккуратно обходя шатры и палатки, не попадая в свет затухающих костров, три путника пробрались к преграде, отделявшей их от городских улиц. Они отошли чуть в сторону, где расстояние до ближайших спящих солдат было максимальным. Фортификационная кладка оказалась грубой и позволяла, при определённом умении, без труда карабкаться вверх. Один за другим герои медленно взобрались на стену, немного задержавшись у самого верха, дожидаясь, пока стражник с факелом уйдёт из поля зрения. Перемахнув через ограждение, они тем же способом спустились на землю.

Столица, несмотря на военную подготовку вокруг, казалась обычным городом, мало чем отличающимся от других. Улочки небогатых кварталов почти не освещались. Лишь иногда тусклый свет из окон прорезал непроглядную ночь. Во дворах практически никого не было, если не считать стражу, исправно сигнализировавшую о своём приближении огнём масляных ламп, да редких задержавшихся горожан, которые возвращались по домам в изрядно приподнятом настроении. Зажиточные районы города освещались куда лучше, но строения располагались довольно тесно друг к другу, образуя извилистую сеть уличного лабиринта. Остаться незамеченными стражей не составило труда и за час до рассвета три тени без происшествий подобрались к замку Верховного отца. Его окружал глубокий ров, который, по-видимому, заполнялся водой при необходимости. Сейчас лишь на его дне кое-где стояли лужи заплесневелой мутной жижи.

Ямлих нашёл самое большое пятно грязи и поднялся внутрь широкой трубы прямо над ней. Дигон и Лаянна последовали за ним. Пройдя на четвереньках пять метров по трубе, они упёрлись в решётку, наглухо зафиксированную в каменной кладке. Полукровка достал тонкую цепную пилу с двумя рукоятками на концах и попробовал пилить металл. Писклявый скрежет, поднявшийся при этом, мог бы запросто разбудить солдат в лагере, которые уже были почти в лиге от них. Дигон остановил своего товарища, перебрался на его место и вспомнил, как он уничтожил стену в подземелье Кетера. На этот раз без шума, аккуратно, стихия Земли разрушила основы крепления решётки, и та была с лёгкостью извлечена из каменной кладки. Все трое благополучно попали внутрь замка, оказавшись в одном из его подвальных помещений. Небольшом, но сухом и запертом. Лаянна зажгла маленький

магический огонёк, яркости которого едва хватало на то, чтобы не передвигаться наощупь. Ещё немного тревожного оранжевого света добавил кристалл Дианы, который хозяйка поспешно убрала за пазуху. Сверху виднелись широкие гибкие трубы, подвешенные на цепях к потолку. В стенах — вмонтированные краны. Видимо, это было одно из помещений подачи воды в ров.

Ямлих погрузился в транс. Уже привычная аура пиксиды быстро нарисовала в его сознании своё местонахождение. Оно было где-то высоко и немного правее от комнаты, в которой находились искатели. Недолго повозившись с замком, полукровка выпустил всех в подвальный коридор, уже кое где освещённый лампадами.

Пройдя по коридору вправо, через ещё одну дверь, ловко вскрытую Ямлихом, они попали на винтовую лестницу, а по ней — в широкий зал холла замка. Где-то вдалеке, за углом, ведущим к центральному входу, бубнили несколько охранников, судя по звукам, коротавшие время игрой в кости. Освещение было уже лучше. Пробравшись вдоль стены, нагибаясь под гобеленами, полотнами картин и панелями с различным диковинным оружием, все трое вышли на боковой проход, уходящий вверх рядом широких ступеней. В отсутствии хозяина, в замке было тихо и безлюдно. Наконец, через ещё один пролёт лестницы, за огромной дубовой арочной дверью в конце коридора Ямлих ощутил чёткое присутствие ауры пиксиды. Перед дверью сидели четверо охранников, и так же, как их коллеги внизу, играли в кости. Вор-полукровка зашарил глазами вокруг. Ни окна, ни дверей по соседству, только второй коридор напротив, перпендикулярный первому, уходил в неосвещённую пустоту.

«Туда», — показал спутникам Ямлих и все трое юркнули вглубь прохода. Вдоль стен друг напротив друга располагались двери. Пройдя две из них, чтобы шум не донёсся до стражи, он так же без труда вскрыл замок. Герои оказались внутри жилой комнаты, всю мебель которой закрывали белые куски пыльной ткани. На противоположной стене в окне уже проявлялись первые лучи рассвета, а из-под рубахи Лаянны уже пылало мощное красное свечение кристалла Дианы. Раскрыв окно, Дигон оценил ситуацию и шёпотом обратился к Ямлиху:

— Похоже, снова твой выход. На стене того помещения есть окно, а вдоль всего замка идёт небольшой парапет. Но окно не такое, как это. Совсем маленькое, больше на бойницу похоже. Ни я, ни даже Лаянна в него не пролезем. А ты сможешь.

— Что-то я не понял. Ты, конечно, мне жизнь спас, и даже деньги крутые платишь, но кажется мне, что в нашем сотрудничестве я вкалываю больше вас обоих.

Ответа не последовало, только две пары глаз из темноты в упор смотрели на полукровку. И он прошептал:

— Ай, шут с вами, держи кинжалы и вещи. Только чур теперь они мои.

— Так для тебя и покупались. Давай, домушник, действуй, — и Дигон похлопал его по плечу.

До окна в охраняемой комнате по карнизу было около пятидесяти метров. Радовало, что вторая половина пути, от места сочленения двух коридоров, шла вдоль стены, частично наклонённой вглубь. Первая, мимо жилых комнат, была прямая и Ямлих выругал себя за то, что не вскрыл первую дверь. Приставными шажками он добрался до маленького окна и с огромным трудом, расцарапав плечо и грудь, протиснулся внутрь. Утренние лучи Аполлона уже во всю грели каменное тело замка. Только Дигон и Лаянна обнялись, улучив момент спокойствия в бешеной кутерьме последних дней, как снизу, с лестницы послышался шум.

Явно быстрым бегом приближались воины. Шум усиливался и уже можно было расслышать отдельные слова:

— Скорее, наверх, в склад.

— Ты его видел?

— Да. Точно видел. Маленькая чёрная тень с карниза пролезла в вентиляционное окно.

Делать было нечего. Сначала выбежала Лаянна и приготовилась из темноты пустить стрелу в первого, кто поднимется по ступеням. Дигон прихватил вещи и выскочил вслед за ней. Положил их возле стены и достал меч. В это время, расслышав шум, охранники у двери уже бросили игру и с оружием наготове двинулись к перекрёстку коридоров.

Две стрелы моментально уложили первых воинов, показавшихся на лестнице, и их тела с грохотом покатались вниз.

— Там ещё один. Засада! Лучник! — кричали снизу. — Щиты!

Пока поднимавшиеся группировались, передавали щиты вперёд и готовились напасть «черепашей», Дигон выскочил из-за угла и бросился к четверым изумлённым охранникам. Трое первых давали четвёртому время сформировать заклинание. В сторону мага Единства, звеня от напряжения, одновременно полетели три коротких копья. Уклоняясь в сторону, Дигон на лету отбил мечом среднее. Правое пролетело мимо. Но последнее достигло цели. Ударило в левое плечо, но отскочило от кронианской брони, даже не повредив её, и только оставило Дигону крупный синяк. Пробежав по диагонали коридор, он прыгнул правой ногой на стену, оттолкнулся вверх и в сторону нападавших. Уже с высоты двух метров, из-под потолка, обрушился на них. Одного со всем весом ударил коленом между шеей и левой ключицей. Удар отозвался хрустом костей и сдавленным криком боли. Второму нанёс размашистый фенденте, который начался под потолком и закончился уже около пола. Кривой меч, который второй воин выставил для защиты, двумя половинками зазвенел о камень напольной плиты. Сам неудачливый воин рухнул, разрубленный от плеча до таза. В тот же момент, вылетевшая из темноты стрела добила первого с переломанной ключицей. Увидев такие пируэты, третий арец схватил прислонённый к стене щит, взял копье у четвёртого и занял оборону. Последний тем временем выпустил «огненный пилум» — заклинание, с которого и начались все приключения Дигона. Он среагировал, рефлекторно закрывшись «щитом воды». Летящая огненная молния, зашипев клубами пара, отклонилась, врезалась в стену и рассыпалась.

На верхнюю ступень сзади уже поднималась черепаха. Четырьмя прыжками ученик Целума подлетел к ней. Пока сокращалось расстояние, он поднимал внутри себя энергию Земли, сдавливал её, создавая напряжённое давление. Когда был уже вблизи лестницы, прыгнул вперёд ногами на щиты солдат, высвободив туда же порцию сжатой Земли. Это не было каким-то отработанным заклинанием — чистый экспромт, который давался магу Единства ничуть не хуже. Звук колокольного звона заложил уши. Черепаха из девяти огромных мускулистых арейцев полетела вниз со скоростью брошенного камня, сметая на своём пути ещё шестерых воинов, поднимавшихся следом. Перекрученный комок людской плоти и металла пролетел с десятков метров, пока с грохотом не ударился в противоположную стену и не рассыпался, как карточный домик. Кто-то так и остался лежать, кто-то уже пытался встать, но далеко внизу уже слышался топот и крики новых врагов. И их было намного больше.

Пока Дигон приходил в себя, поднимаясь с пола, четвёртый охранник у двери, наоборот, стал на колени и что-то шептал над небрежно рассыпанным пеплом. Серо-чёрные лоскуты

обугленной материи наливались красным огнём, выпивая энергию Стихии и вбирая в себя весь жар пространства. Волшба творилась настолько сильная, что на стенах замка, в центре раскалённой пустыни Дома Ареса мгновенно выпал иней. Гора пепла раскалялась, наращивала объём и рвалась в сторону врага. Охранник был явно не из простых заурядных чародеев. Он создавал мощное заклинание чистой стихийной магии — «феникс». Колдующий поднял руки, выставив их полукругом перед собой параллельно земле, а между ними крутился в хаотическом разное шар испепеляющего жара. Дигон, что было сил, рванул к нему. Сокращая расстояние, выставил вперёд меч с двуликой рукоятью, одновременно поднимая из сознания вереницу сплетения Воды и Земли. Он слышал о «фениксе» и знал, что от его всепроникающей огненной пыли не спасают ни щиты, ни доспехи, ни даже стены. Не помогут и те магические приёмы, которым он успел обучиться в Домах Кроноса и Дианы. Опять оставалась только импровизация с чистыми Стихиями.

Лаянна подошла к лестнице. За её плечами уже висели вещи спутников. Осмотрев происходящее, она пустила три стрелы в самых активных из арейцев, которые уже успели встать и собирались подниматься по ступеням. Остальные в ожидании замерли. А снизу всё нарастал шум закованных в латы бойцов. И это были уже не часовые гвардейцы, прибывшие с первой волной.

По правую Руку от мага-арейца стоял в глухой обороне третий охранник и пара стрел, выпущенных Лаянной просто отлетели от щита. Она выстрелила в четвёртого, но стрела превратилась в прах ещё на подлёте к огненной сфере. Между Дигоном и шаром «феникса» оставалось пять — шесть шагов, когда четвёртый охранник пустил его в ход. Плотный, состоящий из налившихся капель чистого Огня поток понёсся в мага Единства. Его меч уже оплетали явно различимые взаимно пересекающиеся чёрные и синие змеи. Два потока встретились, вспыхнули белой волной и натянулись до звона струны. Дигон удерживал меч двумя руками, а его стихийная ловушка всё впитывала и впитывала огненный пепел «феникса». Сначала пламя попыталось бороться с привычными антагонистами. Но в следующий миг ощутило нечто иное, чуждое борьбе. Долгожданное место в соитии Единства стихийных сил.

Увидев, что противник занят, к Дигону начал двигаться третий охранник, выставив короткое копьё вперёд. Ученик Целума попытался, было, оторвать от меча левую руку, но как только ослаблял её, равновесие двух заклинаний терялось и поток Огня уходил в сторону. Внезапно раздался булькающий отчаянный стон. Ямлих, открывший изнутри дверь, насадил щитоносца со спины на длинное сувенирное копьё, снятое со стены. Потом вырвал его и проделал то же самое с последним охранником, поглощённым удержанием «феникса». Он рухнул, а порождённую им огненную мощь до капли поглотила сотворённая Дигоном защита.

— Вот вас двоих прям ни на минуту нельзя оставить, — съехидничал полукровка, скрестив ноги и опираясь на копьё, вдоль древка которого стекали потоки густой крови.

Латники уже поднимались по последнему пролёту, расталкивая контуженных гвардейцев.

Быстро! За дверь! — скомандовал Дигон, и все трое, забежав в помещение склада, опустили мощный внутренний засов.

— Нашёл? — Задыхаясь, и сдерживая трясущиеся обожжённые руки, спросил Дигон.

Ямлих победоносно поднял над головой пиксиду Дома Ареса, и добавил:

— Тут много ещё чего крутого. Я вот себе броню удобную приобрёл. Если арейцы

делали, то для них она детская. А на меня — в самый раз. И кой чего ещё тут прихватил.

— Всё. Хватит. Уходим, — оборвал поток слов Ямлиха Дигон после того, как на дверь посыпались мощные удары.

Маг Единства сел в кресло напротив окна. Под нарастающий шум за дверью сконцентрироваться было сложно, но теперь он знал, как работают порталы. Войдя в лёгкий транс, и потянувшись за энергией Земли, он вдруг резко, с криком страха и непонимания выдернул своё сознание обратно. В самой глубине его природы ритмичным танцем восполнения десятитысячелетней жажды, сплетались Земля, Вода... и Огонь. В попытке коснуться его, он щетинился, не подпускал к себе, словно загнанный в угол дикий зверёк, бросался в атаку и снова ютился меж двумя сущностями своих сдержанных равномерных сестёр. А те, уже в ролях полноправных хозяек, успокаивали и тешили любимого брата.

Через десять минут, когда солдаты доставили небольшой таран и выломали дверь склада, за ней, конечно, уже никого не было.

Храмовый комплекс Пса находился в северной части земель Дома Аполлона. Влекомый природным тщеславием и жаждой Силы, Гиперион многие сотни лет отстраивал этот циклопический каменный артефакт. По всем его землям, и даже за их пределами, возводилось множество других подобных пирамидальных строений, но все они уступали Псу в масштабах. В Доме Аполлона эти каменные устройства служили пассивными накопителями энергии и своей мощью умножали возможности его немногочисленного народа.

Малая пирамида «Плоти» предназначалась для обычных ритуальных праздников. В ней проводили служения члены альянса Культа, жившие отшельниками и никогда не появлявшиеся в городах. А вот два других каменных исполина были гордостью магического искусства Гипериона. Третья и самая высокая пирамида «Активности», находилась с противоположного края от первой. Она отбирала, очищала и концентрировала свободную незадействованную энергию Дома. В ней не велись службы. Но четыре раза в год по праздникам, связанным с положением Аполлона на небосводе, члены альянса Культа поднимались в неё и приводили внутренние помещения в порядок. Средняя же пирамида «Силы», аккумулировала в себе постоянно поступающий поток из третьей. В неё мог входить только сам Верховный Отец, когда была потребность в собранных запасах энергии. Нельзя сказать, что они были неисчерпаемыми, но Дом Аполлона всегда имел наготове куда больше силы, чем другие Дома Миглаха. Конечно, кроме мрачного Гадеса, чьи резервы непрестанно пополнялись согласно его природе.

К сожалению, Дигон никогда не был в храмовом комплексе, и направить туда переход не мог при всём желании. Но он в своё время посещал порт, расположенный в устье реки Охра, впадавшей в Центральное море. От этого места до Пса было около ста пятидесяти лиг. Ближе подобраться к своей цели он не мог.

Под грохот постоянно сыплющихся ударов по двери склада в столице Дома Ареса, где трое путников оказались запертыми, Дигон вспоминал прогулки за портовым городом Кирка. Когда-то он коротал там дни простоя корабля на верфи. Уже привычно составив образ и аккуратно, чтобы не потревожить новую Стихию, неожиданно наполнившую его душу, маг сформировал тоннель перехода. За городской стеной Кирка, в яблочных садах, что ютились на неблагоприятной местной почве, натужно открылся портал. Из него вышел Дигон, таща за собой двоих спутников.

В осенние и зимние месяцы, богатые дождями, Охра становилась полноводной, выходила из берегов и дарила местным крестьянам богатые урожаи. Но сейчас, к концу весны, засушливой и жаркой в этой части света, земля уже покрывалась трещинами, иссыхала и порождала частые пыльные бури. Переменчивый местный климат немало докучал жителям. Река становилась почти в три раза уже, но всё равно продолжала быть достаточно глубокой и просторной для лёгкого внутреннего судоходства. Дигон направился в пригородную таверну и без труда купил небольшую прогулочную парусную лодку. Все местные были поголовно заняты мобилизацией, объявленной Гиперионом, и катание под парусом отошло на второй план, а немного золота не помешает никому. Погрузив скудный запас вещей и закупленную в таверне провизию, друзья отправились вверх по течению в направлении пирамид Пса.

Ветер дул плотный, а течение воды было медленным и не оказывало осязаемого сопротивления ходу судна. По обоим берегам то тут, то там виднелись патрули военных и дозоры. Но река была безопасным путём и небольшой кораблик, похожий на сотни таких же по всему широкому рукаву, ни у кого не вызывал подозрений. Свободного времени было с избытком и Дигон принялся осваивать новую Стихию, поселившуюся в нём в результате боя в замке Квирина. Здесь, в землях Дома, тождественного стихии Огня, тот отзывался легко и радостно. Однако Дигон не торопился с действиями, логично опасаясь наделать ошибок без учителей, контролировавших его при работе с Землёй и Водой. На помощь пришёл Целум, немало удивившийся рассказу о том, как его ученик принял Огонь без посторонних советов. Держатель мира был жёстким учителем. Если бы всё это происходило в его иллюзорной башне, Дигону бы пришлось не сладко от шишек и ожогов, сопровождающих обретение опыта. Но сейчас всё шло спокойно. Огонь привык к своему новому другу и хозяину. Подчинялся с азартом и страстью, с жаром и творчеством, наполняя этими качествами самого носителя. Созидательное сухое тепло стихии согревало душу, остуженную холодными началами Воды и Земли. Разум молодого мага Единства, наконец-то, наполнился надеждой и верой в положительный исход их авантюрного предприятия. Но проявили себя и страдания с болью, сопутствующие каждой поглощённой Дигоном энергии. Когда светлые эмоции засыпали, он тяжело переживал отчаяние затухающего пламени. Паническую дрожь огня, с каждым мгновением теряющего жар и не знающего пути его восполнения. Боль огня была острой, ярко очерченной, экспрессивной. Приходила жгучими короткими приступами, в отличие от плавных приливов, свойственных двум другим Стихиам в душе мага. Но он справлялся. А когда было совсем невозможно, прижимал к груди безмолвно сочувствующую Лаянну, и терзания сами собой понемногу растворялись. Но и для дианиты это всё не проходило даром. На фоне враждебной энергетике Дома Аполлона утешать любимого становилось всё сложнее, а тяжесть в груди всё чаще давала о себе знать.

Так прошло четыре полных дня и к полудню пятого на горизонте показались силуэты величественных пирамид. Охраны здесь было куда больше, чем по окрестным пустошам. На нередких причалах, расположенных ближе к строениям Пса, виднелись блестящие на свету доспехи. Пройдя ещё немного вдоль берега, скрываясь от посторонних глаз за высоким тростником, обильно растущим по обе стороны реки, путники пришвартовали лодку и двинулись пешком вглубь материка. До пирамид оставалось не более трёх лиг. Недалеко от воды растительность была ещё пышной, помнящей недавние разливы, и благодаря ей ближе к вечеру они незамеченными пробрались к храмовому комплексу.

Ямлих принялся за поиски. На этот раз он долго сидел в трансе, периодически вздрагивая, тщательно перебирая потоки энергий, которыми это место буквально бурлило, как огромный выводок змей в брачный период. В конце концов он вычленил нужную ему ауру и чётко определил местонахождение пиксиды. Средняя пирамида «Силы» ждала непрощенных гостей.

Белые мраморные плиты, покрывающие необъятным полотном гигантские боковые грани, отсвечивали алый закат и казались гладкой натянутой кожей на теле исполинов. Снаружи вход в «Силу» был один. Он располагался немного выше основания, и к нему вёл ряд широких ступеней, проложенных поверх огромного нижнего ряда блоков. Но возле ворот, на выровненной площадке, освещённой десятками полукруглых чаш с огнём, несли службу шесть закованных в латы стражей. Пожалуй, трое путников во главе с магом Единства имели все шансы перебить их, но тревога, которую поднял бы этот бой, была ни к

чему. Дигон осмотрелся. От ребра пирамиды, которое перпендикулярно примыкает к центральной части со входом, протянулось невероятно длинное, около пятисот шагов, узкое и невысокое прямоугольное строение. Оно было похоже на крытый тоннель, и упиралось в колоссальную фигуру лежащего на камне льва — символа Дома Аполлона в животном мире. Незаметно пройдя вдоль этого каменного коридора к изваянию, как и ожидалось, странники обнаружили проём, ведущий внутрь тоннеля. Его закрывал гигантский почти квадратный плоский камень со стороной не менее трёх метров и толщиной в метр. Нижняя его часть плотно покоилась под песком. Охранять столь массивную преграду никому не пришлось в голову.

Дигон подошёл к плите и прислонился к ней, словно пытаясь обнять. Заговорил с камнем. Земля внутри него, взбудораженная недавним воссоединением, легко прошла через руки мага в тело плотной скальной породы. Та завибрировала, глухо заскрежетала и через несколько секунд рассыпалась песком, образовавшим насыпь, до половины закрывшую вход в длинный коридор. Но он был настолько просторным, что даже высокому Дигону достаточно было наклонить голову и он мог спокойно идти во весь рост.

Трое прошли тоннелем гораздо больше шагов, чем Дигон насчитал снаружи. Свет внутрь не проникал, но все без труда понимали, что находятся уже под циклопической массой нагромождения каменных блоков пирамиды — столь отчётливо давила она на своих гостей. Энергия Аполлона нарастала лавиной. Дигон чувствовал пылающий жар внутри — Огонь терял равновесие от напряжения родственного поля. Лаянна с каждым шагом прищуривала глаза, подавляя головную боль и желание вывернуться наизнанку. Слезы то и дело смачивали веки, она растирала их пыльным рукавом и вскоре милое личико юной дианиты стало похожим на физиономию какой-то нищей беспризорницы. Даже не особо чувствительный к переменам силового окружения Ямлих сейчас шёл, словно пьяный, от переполнявших незнакомых эмоций. Пройдя так больше шестисот метров, они остановились. Перед героями выросла совершенно неожиданная после длинного пути каменная стена. Дигон попробовал выполнить свой фокус и разложить плотную каменную структуру. Бесплезно. Поток энергии в руках противостояла невидимая преграда. На стене висела сложная защита, щедро питаемая силой пирамиды. Ямлих тем временем потянул за рукав Лаянну с её маленькой масляной лампой, и они стали тщательно осматривать прилегающие стены. Шли нестерпимо долгие минуты. Наконец, прекрасная спутница Дигона даже слегка подпрыгнула и вскрикнула от радости, но тут же закрыла себе рот руками, стараясь не издавать ни звука. Плинтус между полом и стеной в одном месте еле-еле поблёскивал натёртостью под слоем пыли. При более ярком свете, например, от факела, этот блеск невозможно было бы заметить. Но когда глаза обострились в полумраке, острый взор дианиты определил отличие безошибочно. Она аккуратно нажала носком обуви на этот участок плинтуса. Под полом что-то щёлкнуло и дверь, монотонно загудев, съехала в сторону. Компания проникла в самый центр пирамиды и оказалась в небольшой пещере, расходящейся пустотами в разные стороны.

Откуда-то сбоку и сверху пробивался неяркий разнонаправленный свет, будто оставленный несколькими движущимися источниками. Внутри пещеры, пересекаясь одни с другими, в разноразной, располагались десятки ступенчатых пролётов. Какие-то боком шли по торцам стен бесформенного огромного помещения, какие-то упирались в тело скалы. Но большинство словно висели в воздухе, опираясь лишь на неизвестно как зафиксированные площадки. Они поворачивали во все стороны и продолжали двигаться то вверх, то вниз.

Ямлих уже чувствовал ауру пиксиды, даже сквозь звенящий накал энергии пирамиды. Он побежал к ближайшей лестнице, чтобы искать путь через этот подвешенный лабиринт на дно пирамиды, откуда его звала цель. Встал на ступеньку и чуть не рухнул с неё, изгибаясь до хруста в спине, изворачиваясь от просвистевшей над грудью стрелой. Из торчащей в стене трубки медленно, словно дым, выходило облако пыли. «Гостей тут явно не приветствуют», — подумал про себя полукровка.

— Куда идти? — шёпотом спросил Дигон.

— Она внизу, прямо под нами, метров пятнадцать или двадцать, — так же тихо ответил Ямлих. — Но по лестницам мы не пройдем. Они напичканы подарками.

Дигон снял с плеча тонкую, но прочную корабельную верёвку, какими крепят паруса на маленьких судах, перекинул через верхнюю ступеньку лестницы, чуть не забравшую жизнь расторопного вора, и бросил её вниз. Вскоре послышался глухой звук падения на пол. Было не глубоко.

— Так тебе будет безопаснее, — указал рукой на верёвку Дигон.

— А может давай тебе будет безопаснее, а я, так уж и быть, потерплю? — не упустил шанса съязвить вор, но уже спускался на край, обрывающийся во тьму.

— Держи, — Лаянна подала ему тусклый огонёк лампы.

Ямлих, закрутив верёвку вокруг правой руки, нырнул в пустоту и дребезжащий огонёк лампы начал медленно тонуть во мраке.

В абсолютной тишине прошло не менее получаса. Сначала влюблённые просто наслаждались нечастыми минутами покоя, прижавшись друг к другу возле входа в пещеру. Потом начали волноваться. Кристалл на шее Лаянны запылал красным.

— Нужно быть настороже. Приближается что-то очень неладное, — мягким голосом предупредила она.

Когда прошло три четверти часа, они оба уже сидели на краю, с которого спустился их товарищ, и с угасающей надеждой смотрели вниз. Верёвка зашевелилась. Всё активнее раскачиваясь на крепком тройном узле. Глубоко во мраке показался огонёк. Вскоре стало видно и того, кто его нёс. Грязная и исцарапанная ладонь Ямлиха зацепилась за край. Даже в слабом свете танцующих где-то выше огоньков был виден ворох паутины и пыли, сплошным слоем покрывавший лёгкую броню, украденную на складе замка в Градиве.

— Ты чего так долго? — вытаскивая за руку лёгкое тело на площадку, спросил Дигон.

— Там полно ловушек и тьма кромешная. Чуть не потерялся, — без тени привычного сарказма сказал полукровка. — Давайте выбиратья отсюда меня это место угнетает.

— С радостью, — немного громче обычного согласилась Лаянна.

В это время наверху и сбоку огоньки стали ярче. Послышался шум. Громкие голоса. Похоже, незваных гостей обнаружили. Дигон попробовал сконцентрироваться и открыть переход. Куда угодно, лишь бы подальше от этого места. Никак. Давление безмерных запасов энергии, собранные в одном месте глушили всякие попытки воспользоваться иной магией. А местная слушалась только Гипериона. Совсем близко, в двух с половиной десятках шагов двинулась плита, медленно впуская в темноту пещеры свет факелов, казавшийся сейчас ослепительным. Полоска расширялась, открывая проход. В проёме показались сверкающие парадные доспехи и живой, искрящийся золотом плащ. Верховный Отец Дома Аполлона, успевший сбежать из ловушки Целума, но даже не сменивший одежду, примчался на зов пирамиды.

Дигон схватил за руку Лаянну, сидевшую на полу, и рванул так, что её предплечье

захрустело.

— Спасаемся! — закричал он, избавившись от уже ненужного шёпота, и три фигуры быстро двинулись к проходу, через который здесь появились.

Вслед полетел и рассыпался каплями, оплавляющими камень, раскалённый «сгусток огня». Вдогонку ему, но уже наперерез беглецам посыпались стрелы, две из которых отлетели, согнувшись дугой от кронианских доспехов прикрывавшего своих друзей Дигона. Следующая увязла и безвольно скатилась с плаща Лаянны, подаренного Селеной. Один за другим они нырнули в проход. Ямлих прошёл первым и, пропустив остальных, нажал на механический ключ плинтуса.

— Это задержит их. Скорее!

Пробежав рывком две сотни шагов, они услышали оглушительный в замкнутом пространстве взрыв. Видимо, Гиперион не стал церемониться с дверью и просто вынес её. Ямлих достал из-за пазухи кожаный бурдюк, в каком обычно носят воду путники, на бегу выдернул из него какую-то верёвку и бросил за спину. Через пятнадцать секунд сзади раздался ещё один взрыв, гораздо более тихий, и по коридору прокатилась волна яркого белого света. Со стороны преследователей донеслись звуки переполоха, отборная ругань и крики, какие может вызвать только боль. На трёхстах шагах погоня возобновилась. Через минуту Дигон уже карабкался через гору песка, оставленную запорным камнем.

Ему повезло. Удар тяжёлого боевого топора пришёлся как раз на тело клинка, пристёгнутого к спине, и сила удара распределилась по всей его плоскости. Иначе от неминуемого перелома позвоночника его не спасла бы и славная броня-ящерица. Он припал к земле и резко перекатился боком. Над входом в прямоугольный тоннель стояли трое воинов. Ещё трое бежали со стороны фигуры отдыхающего льва. Пирамида уже не душила его способности и Дигон, лёжа на спине, ноющей от удара, швырнул в ближайшего нападавшего «каменный дождь». Острые осколки кремниевых лезвий превратили выронившего топор силача в изъеденный кусок плоти, а заодно и разорвали мышцы правой руки стоявшему рядом мечнику. Тот не растерялся и, перехватив оружие левой рукой занёс удар над лежащим магом. Меч так и выпал из руки, воткнувшись остриём в песок, а мёртвое тело с двумя стрелами, торчащими из бока, упало рядом с Дигоном. Лаянна выпрыгнула из прохода вправо. А Ямлих уже удерживал клинок меча третьего охранника в сантиметре от своей головы крест-накрест сведёнными кинжалами. Пока Дигон вставал и вынимал подарок Целума, направляясь на помощь другу, очередная стрела пробила нападшему глазницу и вышла из затылка, снеся в сторону открытый шлем и осколки костей черепа.

Трое приближались со стороны льва, а из коридора отчётливо слышался бег Гипериона и нескольких воинов. От третьей пирамиды «Активности» на звуки боя уже скакали семь всадников.

— За мной! — закричал маг Единства и бросился навстречу кавалерии.

Кто-то из троих со стороны статуи выпустил «огненную стрелу» и тут же присел, схватившись за голову. Даже Огонь, подвластный Дому Аполлона, не рад был вредить Дигону и откат заклинания ненадолго вывел из строя ещё одного. «Стрела» пробила плащ Лаянны, но прошла по касательной, соскользнув с угреновой кольчужки, лишь немного опалив бок дианиты. Попади она прямо, такой защиты могло бы и не хватить.

Трое беглецов, задыхающихся от песчаной пыли, уже были на полпути между конницей и входом в тоннель, когда из него вылетел разъярённый Гиперион. Осмотрелся, поднял руки вверх и в сторону троицы. В двух десятках метров над ними в чёрном ночном небе

сгустилось красное пылающее облако и пролилось «дождём пламени» вниз.

— Ко мне! — скомандовал Дигон.

Ямлих и Лаянна прижались к чёрной чешуйчатой броне, а маг поднял руки навстречу огненным каплям. Что было сил зачерпнул водной Стихии, не очень охотно работавшей в среде враждебного Дома, и вложил её в щит. Он получился славным. Касаясь прозрачной натянутой поверхности, капли гасли, как лёгкие искры. Другие, не попавшие в периметр щита, падали вокруг него, буквально испаряя песок и проникая глубоко в его недра. Там продолжали ещё шипеть, выгаливая фонтаны пара из оставленных после себя спаянных трубок застывшего кварца. Окружность диаметром в семь — восемь шагов накрыло дымовой завесой.

Конница приблизилась на пятьдесят метров. Пока Гиперион не видел беглецов за клубами висящей в воздухе смеси дыма и пыли, они вышли с другой стороны.

— Пора, — сказал Дигон Лаянне, — снимай всадников.

Один, второй. Почти полный яркий круг Дианы на небе давал своей дочери возможность отчётливо видеть цели. Два воина остались на земле с прерванными их жизни стрелами, а их кони продолжали скакать вслед за остальными.

Дигон встал на колени, упёр руки в песчаную поверхность и вызвал в сознание Землю, стараясь создать колебания почвы. Нет. Слишком много сил уже потрачено и слишком большой объём материи. Не осилить. Вены на висках вздулись и бешено затарахтели.

«Соединяй Землю с Огнём», — прозвучал менторский бас учителя.

Дигон углубился в себя. Обжигаясь, но не прекращая наращивать давление Земли, он вплёл дикую необузданную энергию, словно желающую расплатиться с Домом Аполлона за долгие годы принуждения. Огонь влил море силы в заклинание, и почва задрожала. Послышался грохот падения каменных блоков кладки прямоугольного прохода, оставшегося далеко в стороне. Затряслись даже гиганты-пирамиды, местами роняя на песок тонкие плиты белой мраморной облицовки. Кони взбесились. Один за другим всадники попадали, ломая кости от удара на скорости бешеного галопа. Последнего, оставшегося в седле, сбила стрела лучницы. Дигон успокоил порождённые им потоки и аккуратно размягчил песок под копытами несущихся на них лошадей. Те встали, удивлённо мотая гривами, переводя взгляд то друг на друга, то вниз, где их ноги по путовые суставы вязли в жидком, как прибрежная глина, песке.

Дигон схватился за голову. На этот раз даже его настигла отдача. Затылок и вся правая половина черепа гудели, как после мощного удара чем-то тяжёлым, но времени на отдых не было. Трое героев, не сговариваясь, подбежали к лошадям, взяли каждый себе по скакуну, вывели их из топи. Помчались почти наперерез преследователям, огибая их стороной, к реке. Справа, через почти рассеявшийся дым, бежал Гиперион и десяток молодых беловолосых воинов. Поражённый сотворённым в его собственном Доме землетрясением, Верховный Отец не терял времени на разбор произошедшего. Он оседлал свободного коня и кинулся в погоню за Разрушителем, который скакал уже в трети лиги от него. Четверо из воинов последовали за ним.

Погоня недолго шла по усыпанной песком равнине. Вскоре копыта коней нащупали твёрдую высохшую почву и, сбивая ночную сырость с травы, помчались быстрее. Гиперион отставал на пол лиги. Растительность здесь была более активна, появились деревья, заставляя коней виртуозно маневрировать между раскидистыми финиковыми пальмами и тонкими стволами фиговых смоковниц. Уже на подступах к зарослям тростника, в которых

стояла спрятанная путниками лодка, с левой стороны появились два всадника в золотистых плащах. Они мчались вдоль берега, разбуженные землетрясением и отдалёнными звуками боя. Беглецы остановились, когда копыта лошадей стали вязнуть в разжиженной глине.

— Ищите лодку! — крикнул Дигон, а сам вышел навстречу двум солдатам, скакавшим уже в сорока шагах. Применять магию сразу после случившегося он не решился.

Впереди головы первого коня, справа, на полный размах рук выступало остриё длинного копья. Дигон снял подаренный Селеной плащ и крепко сжал в руках противоположные концы. Когда металлический наконечник копья уже блестел в двух метрах от его груди, он раскинул руки, и резко прыгнул в правый бок, увлекая за собой расправленное полотно. С инерцией и массой летящего всадника копьё влетело в самый центр сети из дианитовой ткани. Она не выдержала, затрещала и заточенный край сверкающего металла на ладонь показался с другой стороны. Дигон, падающий на спину, потащил за собой покрывало с плотно засевающим в нём древком. Он приземлился в полутора метрах с боку от дороги. Оружие вырвало из рук всадника и протащило под ногами коня, на полной скорости рухнувшего и пропахавшего грудиной рыхлую землю. Воин-аполонит вылетел из седла и кубарем пролетел с десятков шагов, издавая звуки хруста костей и металлического звона доспехов.

Дигон упал, перекатился и встал на ноги, успев расчехлить меч.

— Лодка у нас! Скорее! Беги! — послышался сзади дребезжащий крик Лаянны.

Но бежать было некуда. Второй всадник развернул коня и, выставив слева от себя широкий двуручный меч, поскакал на врага. Тот отпрыгнул влево и резким ударным батманом встретил летящее лезвие, с искрами выкрошив значительный его кусок. Полученный от удара толчок Дигон использовал для разворота вокруг своей оси, одновременно приседая, и нанося удар в плюсну, под икроножную мышцу задних ног пролетевшего мимо коня. Скакун заржал, присел на задние лапы, скинув ездока, который с грохотом повалился на спину прямо перед противником. Подарок Целума добивающим вертикальным ударом проломил блестящий панцирь, вышел со спины и прервал жизнь отважного защитника Дома Аполлона.

Вытирая меч о подобранный мимоходом плащ, Дигон бросился в тростник на зов своих спутников. В направлении пирамид всё громче слышался стук копыт Гипериона и уже сверкал золотом в лучах Дианы его силуэт. Чуть дальше скакали ещё четыре воина. Когда лодка короткими рывками весельной тяги выскакивала из прибрежных зарослей, глава аполонитов уже спешил с коня, проваливавшегося в трясину. Подоспели и остальные.

Здесь ширина Охры в это время года становилась небольшой, но до противоположного берега было около четверти лиги. Над водой ветер был значительно сильнее, чем на берегу, и беглецы расправили парус, со всех сил помогая ходу вёслами. На трети пути к лодке полетели два огненных шара. После того, как Гиперион увидел возможности мага Единства, он бросил их, скорее, из отчаяния и ярости, чем в попытке навредить. Заметив их приближение, Дигон опустил руки в реку. Обратился к Стихии. На пути «сгустков» поднялись два столба воды, напоминающие ладони с человеческий рост каждая. Они без труда поглотили разрушительное пламя, унося шипящую паром добычу с собой в глубину. Дигон выдернул руки, потирая ладони, от которых тянулись полоски белесого дыма. Лишь выйдя на другой берег, странники дружно упали в траву и немного успокоились. Переведя дыхание, Дигон смог, наконец, погрузиться в транс, сформировать переход и окончательно сбежать из враждебных земель Дома Аполлона.

А на с другой стороны от воды Гиперион в подзорную трубу поражённо наблюдал за происходящим. На его глазах некто, не будучи Верховным Отцом, открывает портал и уверенно входит в него, придерживая обычных смертных — дианиту и полукровку-гермета.

Ночь полного круга Дианы в последнем месяце весны наполнилась томными ароматами полевых трав. Долгожданное тепло пришло в северные земли. Стойкий, недвижимый притихшими ветрами воздух накапливал пряную сладость цветочного нектара. Свет огромного белого диска в чёрном небе заливал поля, отражаясь океаном мелких огней в каплях выпавшей росы. В такие ночи Селена предпочла бы забыть, что она — Верховная Мать Дома и окунуться в романтическое волшебство звёздных россыпей. Забыть, что уже десять тысячелетий воплощает в себе строгую холодную силу Дианы и бегать босиком по этой искрящейся росе, а наутро проснуться с рассветом в душистом полево́м стоге. Но забыть не удавалось. Мир умирал, возвращались из бездны древние боги, а воинственные южные соседи готовились вырезать огненным мечом на теле Миглаха оду своему бесконечному тщеславию. Босые пробежки под ночным небом подождут. Через час откроются порталы и в её замок без огласки придут союзники на разговор, который непременно скажется на судьбах миллионов жизней. А пока ещё немного можно было посидеть спокойно на террасе. В подвесном кресле и в тоске, под огромным ликом Дианы.

В обозначенное время, незадолго до полуночи, в полумраке зала на первом этаже замка Селены, открылись два стихийных прохода: Земли и Воды. После Верховного Совета Домов, который неделю назад так громко закончил своим появлением Целум, им было о чём поговорить.

— Здравствуй, дорогая, — поприветствовала Урания, выйдя первой, и обняла Селену.

— Доброй ночи, дамы, — прозвучал со стороны второго портала голос.

— И тебе привет, Лабрис, — отозвалась Урания. — В этом теле ты мне больше нравишься.

— Приветствую вас, — более сдержано произнесла Селена. — Пройдёмте в бассейн. Пришло время детально рассмотреть, что готовят нам наши братья.

Двое гостей пошли за хозяйкой внутренними каменными аллеями замка.

— Да что они готовят, — негромко говорил глава крониян, — войну конечно. Мои разведчики говорят, что в южных Домах уже не первый месяц переполох. Собирают людей, коуют оружие, копят магию.

— Да, — подтвердила Мать венетов, — и ресурсы. Ресурсы заготавливают сверх меры. Даже у меня увеличили закупки пару месяцев назад, когда я ещё не знала всей картины. Теперь-то, после Совета, конечно, все поставки остановлены, но они немало из меня, наивной дурочки, выжать успели. Однако, ко мне они не пойдут — делать у меня им нечего. А вот вам, дорогие мои, похоже, достанется. Особенно тебе, Лабрис. Ведь все уже поняли, что Целум в твоих землях. Да и тебе, Селена, перепадёт братской «любви» — ты на пути к Кроносу.

— Давайте не забегать вперёд, — прервала глава дианитов. — Думаю, сначала нужно изучить ситуацию, посоветоваться с Целумом, а уж потом паниковать. Хотя, и я, как только впервые с ним встретила, начала готовиться к неожиданностям. Конечно, у меня нет такой организованной армии, как у Гипериона, и тем более как у Квирина, но свободным маршем по моим землям они не пройдут. Обширные просторы Кариатидского леса, занимающие южные части наших с Лабрисом земель, весьма хороши для рассеянных партизанских отрядов моих лучников. И поверь, этот путь им не покажется лёгким. А великими трактами

идти тоже опасно — они открытые и простреливаются из-за крон деревьев ещё лучше.

Трое глав Домов вошли под хрустальный купол бассейна. Он живописно искрился сейчас миллионами сверкающих отражений лика Дианы, передавая её холодный свет бирюзовой гальке на стенах и тихой водной глади внизу. Правители подошли к углублению с несколькими выемками в форме сидений. Селена указала раздеться и осталась в одной длинной просторной рубаше, сквозь которую просвечивалось стройная точёная фигура. Лабрис и Урания последовали её примеру. Верховная Мать венетов не упустила возможности снять одежду полностью и похвастаться безукоризненным подтянутым телом с объёмными упругими формами. А так же, не преминула в очередной раз по достоинству оценить молодое сильное тело Лабриса:

— А ты однозначно имеешь вкус в выборе, братик. Я бы тебя пару дней с кровати не выпускала.

Лабрис рассмеялся и беззлобно подначил её:

— Ты, старая перечница, на пороге войны, а всё свою похоть умерить не можешь. Меня магией не проведёшь. Вот переродишься — тогда и приходи. Тебе недолго осталось.

— Ой-ой-ой, подумаешь, война страсти не помеха, — ответила она и демонстративно надула пухлые губы.

— Хватит! — пронеслось под куполом эхо ледяного голоса Селены. — У нас нет времени на ваши игры. Ладно Урания — у неё природа такая. Но ты, Лабрис, мог бы и не подкармливать её демонов. Приступим.

Трое сели друг напротив друга в небольшом закутке бассейна, взяли за руки и собрали круг. Работать с другими Верховными Отцами было легко и непринуждённо. Сила слушалась их, всё ещё признавая полновластными хозяевами, и в точности выполняла все указания. Селена быстро построила объёмную модель южной части Миглаха и наполнила её нитями событий, произошедших за два последних месяца. Пропустила по полученной паутине три волны, определяя живых существ, выделила в каждой информационные образы герметов, арейцев и аполонитов. Когда модель, отображающая реальность, была закончена, сознания троих Верховных оставили свои тела в руках заботливой стихии Дома Дианы и окунулись в потоки прошлого.

Яркая пурпурная точка, показавшая на иллюзорной карте образ Верховного Отца герметов, находилась сейчас в Керикионе. Полоски её астрального следа отпечатались в десятках разных мест по всем землям его Дома. Агорей за прошедшие пять дней многократно перемещался по владениям своих гильдий, лично раздавал поручения и контролировал ход их выполнения. Свободное самоуправление явно уступило место прямой диктатуре, так привычной большинству народов Миглаха. После известной судьбы одного из его архосов, это было не сложно. Сотни крошечных ручейков из огней того же цвета, но многократно уступающие Агорею в интенсивности, пересекали границы с Домом Ареса. Некоторые из них проходили по рельефным теням горной Кандаонской гряды на севере арейских земель. Некоторые пересекали Коралловое море, восточный берег которого вплотную упирался в границу Гермеса. Некоторые задерживались на территории владений Квирина и вскоре возвращалась обратно. Но большинство проходили сквозь узкую часть Дома Ареса, что ближе к Омфалу, и направлялись к берегу Центрального моря в землях Аполлона. Караваны и корабли Агорея осуществляли снабжение армий соратников. Десятки ручьёв таких же пурпурных огоньков двигались по северо-западной границе своего Дома, к обоим берегам небольшого высыхающего Мёртвого моря, расположенного на востоке от

Омфала. Своей верхней частью оно заходило на территорию Дома Цифры. Похоже, что здесь воины-герметы формировали стартовую площадку для атаки.

Тому явным подтверждением служили другие потоки. Ровные стройные ряды красных точек, собранных в прямоугольные фигуры, из северных областей Дома Ареса шли навстречу караванам Агорея. Некоторые из них уже начали пересекать границу этих Домов по направлению к Мёртвому морю. По всем владениям Квирина, от южного берега Миглаха и до северного края Кораллового моря, аналогичные прямоугольники отдельными группами стягивались к великому тракту и шли на север. Сотни тысяч солдат в легионах арейцев с полным вооружением получили приказ выдвигаться на войну. Часть прямоугольников мобильными отрядами переправлялись на северо-запад, где дополняли не столь многочисленные, но более яркие войска Дома Аполлона. След Квирина ярко-алой полосой проходил по нескольким ключевым точкам его земель и обрывался в столице. Сам же Верховный Отец находился сейчас в пределах Гелиоса, рядом с Отцом аполонитов.

Во владениях Гипериона картина была схожей: насыщенные золотом точки медленно собирались и концентрировались вокруг семи очагов, рассредоточенных по территории Дома. Уже от них на север тянулись стройные квадратные группы. На южном берегу Центрального моря собирались внушительные силы, слегка разбавленные подоспевшими красными прямоугольниками.

Картина была ясна. Союзники готовили нападение в трёх направлениях. Левый фронт будет двигаться через Центральное море, воспользовавшись мощными флотами Гипериона и Агорея. Средний — через обширные земли между Центральным и Мёртвым морями, через узкий край Дома Цифры, обходя стороной Омфал. И правый фронт пройдёт восточнее Мёртвого моря, пересекая владения Кетера на более широком участке.

Но наблюдателей заинтересовало ещё кое-что. Налитая золотистым туманом местность в ста пятидесяти лигах от устья реки Охра, где располагался концентратор силы Дома Аполлона, храмовый комплекс Пса. Там ещё явными были следы недавней магической схватки, в которой безошибочно прослеживались два ярких следа. Золотой с примесью огненного красного, принадлежавший явно Гипериону. И серебристо-радужный, сверкающий перламутром, знакомый след ученика Целума. Начало второго терялось в насыщенной энергии большой пирамиды «Силь», а конец обрывался за рекой в точке с чёткими контурами портала Земли.

— Он устоял против самого Гипериона! — направила мыслеформу своим друзьям Селена. — Я боялась, что бегство наших братьев из дворца Совета может помешать Дигону. Похоже, что ошибалась. Целум не зря возлагает на своего протеже большие надежды. Такая мощь сравнима только с нашей. И то — вопрос.

— И портал, — ответил Лабрис. — Ты посмотри! Он сотворил портал. И пересёк его не один. Такое и нам не под силу. Все, кого мы пытались провести с собой, непременно гибли в междумирьи. Это вселяет некоторую уверенность.

— Мы увидели достаточно, — проговорила необычно серьёзным голосом Урания. — Создавай слепок памяти, и пора обратиться к Целуму.

— Не нужно! — раскатами грома отозвался в сознании трёх глав Домов тяжёлый голос Держателя мира. — Я ни на секунду не оставлял вас. Просто не отвлекал, пока вы не увидите всё сами. Союз Огня и Воздуха готовит нападение. Нам предстоят тяжёлые битвы. Но даже с механизмами и конницей, чтобы форсированным маршем добраться на самый Север, им понадобится три-четыре месяца. А с вашим сопротивлением, возможно, и того больше. К

этому времени Дигон успеет собрать все пиксиды. Его сила растёт, и я доволен своим учеником. А когда я верну утраченное, никакие войска нам будут уже не страшны. Мы прекратим эту войну в одночасье и восстановим порядок в нашем мире. Но ваша задача тем временем сдерживать врага, пока не исполнится предначертанное.

Голос умолк. И гораздо тише снова возник только в разуме Верховной Матери Дома Венеры:

— Урания, молодой маг Единства и двое его помощников уже в твоих землях. Он измотан и душу его терзает безмерная боль Миглаха. Он на грани. И дочь Дианы едва держится. Помогая возлюбленному, ей приходится впитывать великие страдания. Эта хрупкая дева неожиданно достойно выполняет свою роль, но и она на пределе своих возможностей. Излечи их раны — только сила твоего Дома способна на это.

Голос стих окончательно. Целум покинул сознание круга. Зажжённые магами нити реальности потускнели и растаяли в пустоте. а трое их создателей пришли в себя под прозрачным куполом бассейна релаксации, искрящимся уже первыми лучами восходящего Аполлона.

Нет на изменчивых просторах Миглаха ничего прекрасней цветущих весенних Анфейских лесов, обширным покрывалом застилающих центральную и северо-восточную части земель Дома Венеры. Многие их участки обжиты и заселены небольшими городами и селениями, но венеты с большой бережностью и почтением относятся к дарам природы, по возможности, сохраняя в первозданном виде каждый клочок её диких угодий. Они предпочитают приспособлять свой образ жизни к естественной среде вместо варварских попыток подчинить себе естественность мира. Природа отвечает им щедрыми дарами своего великолепия.

Для формирования тоннеля перехода из суровых пустынных земель возле храмового комплекса Пса, Дигон вспомнил недалёкое счастливое прошлое. Перед глазами всплыли лучи дневного света, местами проходящие сквозь плотно переплетённые ветви раскидистых буков. Слух наполнился звуками мягкого касания ветра о широкие кроны зелёных гигантов, несмолкаемым шелестом их зрелой листвы, разноголосым пением сотен видов птиц, чей щебет вызывал чувства, схожие с глубокой медитацией. Возродил в памяти ощущение покоя и бренности всего, происходящего в жизни, на фоне величия природной гармонии. Вспомнил энергию Дома Венеры — трепетную силу любви, разлитую в воздухе и пропитывающую весь организм при каждом вздохе. Вспомнил то наслаждение, с которым он, ещё будучи поставщиком информации Gs-12, провёл в этих лесах несколько дней по пути в Дарцетос — небольшой городок, затерянный в лесах на берегу реки Эрикина. Его жители занимались преимущественно изготовлением необычайно крепких упругих луков из редчайшей древесины железной берёзы. С договором о поставке необычайного оружия и посещал эти края бывший цифир. Портал Земли открылся на окраине городка, в пределах живописной заболоченной заводи, возле которой он провёл ни один мечтательный вечер. На зелёную сочную траву Анфейского леса с одежды путников упала сухая песчаная пыль пустыни из Дома Аполлона.

— Как здесь волшебно! — Оглядевшись по сторонам, восхитилась Лаянна.

Только она ступила на мягкое покрывало из пырея, местами смешанного с душистым чабрецом — тут же груз враждебной энергии двух предыдущих Домов прекратил своё тягостное давление. Несмотря на измученную душу, разделяющую боль и страдания Дигона, ей стало легче дышать. Момент перехода казался сказочным освобождением от гнетущего плена огненного заключения.

— Да, здесь чарующие места, — подтвердил Дигон. — Я никогда не встречал мест прекраснее.

Даже неизменно саркастичный Ямлих вдруг достал из памяти какие-то рифмованные строки:

*«Под голубыми небесами неувядающим порывом
Ветра целуются с лесами и реки вторят им разливом.
Природа, любящая мать, ты — упоенье и отрада.
В тени деревьев крепко спать — вот наивысшая награда...»*

Немного постоял, наслаждаясь игрой света на заросшей камышом траве и добавил:

— Да уж, прям как здесь писалось.

— Да ты ещё и поэт, — улыбнулся Дигон.

— А ты думал, я только замки ломать умею и по подоконникам лазать за добычей? — вернулся к своему привычному стилю полукровка. — Кстати, о награде, ты мне офшон должен. И уже половину второго, а мой карман всё как-то тяжелей не становится.

— Держи, конечно, — согласился Дигон и снял одно из колец цепи. — Идёмте в Дарцетос. Надеюсь, меня там не забыли.

Ямлих, широко улыбаясь, покрутил в грязных руках сверкающую маленькую змейку, демонстративно посадил её на безымянный палец и пошёл в след за идущими под руку по лесной тропе Дигоном и Лаянной.

Городок начинался за небольшим перекидным деревянным мостом через широкий ручей, который где-то дальше весело впадал в Эрикину. До него друзья шли несколько минут, заворожённо оглядываясь по сторонам, наблюдая абстрактную игру теней, создаваемых лучами светила между непрерывно колышущихся ветвей деревьев. На подходе к мосту толпа ребятишек, завидев троих воинов в броне и при оружии, кинулась в сторону домов с визгом и криками. Местные быстро отреагировали, и когда троица, подняв руки, чтобы показать отсутствие злых намерений, входила в границы поселения, их уже встречали несколько молодых сильных венетов с луками. Хотя стрелы на тетиву никто не навешивал, Дигон знал, что покажи они хоть каплю агрессии, не пройдёт и мгновения, как меткие мастера превратят их в решето.

— Доброго времени вам, жители Дарцетоса! — прокричал он. — Мы пришли с миром. Я бывал вашим гостем четыре года назад. Вы знаете меня, как Gs-12, посланника Дома Цифры. Мне нужно поговорить со старостой.

Взгляды хозяев стали спокойнее, но луки никто не убрал — эти люди хоть и жили в отдалённом уединённом месте, однако новости о беспокойных временах до них доходили. Навстречу вышла старая, седая, но не утратившая следов былой красоты женщина:

— Цифир, привет тебе! Я б тебя и не признала, коли б не представился: возмужал, окреп, подрос. Вон глаза как сверкают.

Дигон не мог ни узнать Алину — хозяйку, приютившую его в своём просторном доме во время прошлого визита. Старая колдунья занималась лечением и собирала травы. В его память навсегда въелся приторно-душистый аромат сухих венетов, обильно развешанных по всему её жилищу.

— Алина, здоровья Вам и долгих лет! — подходя к знакомому лицу, порадовался он. — Ваши края ещё прекраснее прежнего.

Молодые люди вокруг опустили руки, когда уважаемая травница обняла за плечи одного из гостей. Но тут же её словно обдало холодной водой:

— Матерь лесов! Да что ж с тобой случилось-то? Зрение моё ещё не настолько слабо, чтобы ошибиться, но внутри ты совсем иной стал. Я долго живу на свете, но твоя суть теперь старше всего, что я знаю. Ты внутри, аки старик из Верховных. Как такое возможно?

— Долго рассказывать, матушка, — ответил маг, — да и не пристало на добрых людей свои проблемы взваливать. Отведи нас лучше к Юргенту — по пути и поговорим. Он ведь староста ещё?

— Он, он. Куда он денется. У нас тут перемены нечастые.

Старушка бодро хлопала его по плечу, выбивая песчаную пыль из мелкой чешуи брони-ящерицы, и все четверо двинулись вглубь домов. Городок — он только носил такое

звание. На деле это было уютное поселение из двух-, редко трёхэтажных резных теремов, каких стояло в его границах не больше полутора сотен. И из каждого двора на редких гостей любопытно сверкали десятки молодых и не очень глаз. Придя в дом местного головы, хорошо знакомого с бывшим цифиром, Дигон вкратце изложил цель своего появления, и рассказал, что путь его лежит в Бербею, где их ожидает сама Верховная Мать.

Важных гостей, чей статус несомненно, повысился, предложили поселить в доме старосты. Но Дигон вежливо попросился к старой хозяйке Алине, с которой все трое до поздней ночи сидели и болтали о природе, о силе растений, о целебных качествах воды, вообще о жизни и прочих приятных пустяках. Сон, наполненный благоуханием веников травницы, был таким лёгким и безмятежным, какого Дигон не мог припомнить с раннего детства.

Проснулись друзья только к следующему вечеру, когда их души, истощённые неистовым бегом последних дней, наконец, уgomонились. До темноты Лаянна поражала местных мастеров невиданным искусством стрельбы Она устроила конкурс лучников и в сухую разбив трёх десятков претендентов. В это время Ямлих, как заправский оратор, рассказывал голодным до новостей из внешнего мира горожанам байки из своей беспокойной жизни, упуская некоторые не совсем законные подробности. А Дигон просто отдыхал, наблюдая за возбуждающими изгибами тела своей возлюбленной, словно специально соблазнительно отставляющей назад попу при натягивании тетивы. А она поворачивалась и радостно улыбалась в ответ. Энергия Дома работала безукоризненно. Волнения и страхи отступали на второй план, освобождая место чувствам и желаниям.

На следующее утро, после ночи полной любви, под сенью пряно пахнущих веников, Дигон и Лаянна выглядели спокойными и умиротворёнными, чего не замечалось уже много недель. Ближе к обеду трое путников уже запрягли купленных коней и прощались чуть ли не со всем народом городка, пришедшим проводить дорогих гостей. Через толпу протиснулся Юргент, неся в руках длинный свиток, завёрнутый в старую конопляную ткань.

— Лаянна, дочка, а ну ка поди сюда, — произнёс заговорческим тоном староста. — Ты вчера нам всем такой урок преподала, что мы отплатить обязаны. Я долго держал у себя эту ценность. Мне её великий Кандей передал. Жаль нет старого мастера с нами, думаю, он согласился бы со мной.

Староста развернул свёрток, и все замолчали: у него на руках лежал невероятной красоты чёрный с серебряными вставками рекурсивный лук из железной берёзы. Тетива звенела туго натянутыми бычьими жилами.

— Имя ему Гекатебол. Прими его в дар! — торжественно произнёс Юргент. — В мире есть только один такой же лук-близнец. Его Кандей сделал на заказ Отцу Гипериону. Это оружие превосходства. Он наполнен магией и твоим стрелам теперь будет сопутствовать двойная удача. Он ждёт, когда первый и единственный владелец возьмёт его. Бери. Он твой. Ты одна на моём веку, кто достойна этого сокровища.

Лаянна обняла пальцами рукоять и волна лёгкой дрожи пробежала до самых пяток. Мягкое тепло прошло от прорезанной серебром древесины в ладонь. Дианита подняла оружие. Лук буквально запел в её нежных руках. Она положила древко стрелы на полочку над рукоятью, натянула тугую, но в то же время податливую тетиву. Лук изогнулся плавно и равномерно, как гибкая восточная танцовщица. Воительница развернулась к дереву в пятидесяти шагах от себя и выпустила стрелу. Та быстрее молнии пронеслась в цель и пробила по центру ствол диаметром в две человеческих руки, остановившись только после

упора оперения в древесину. Раздалось всеобщее «Ах!».

Лаянна восхищённо провела рукой по гладкому полированному плечу лука и подняла глаза на Юргента:

— Благодарю Вас. Он прекрасен. Это оружие будет служить праведным целям. Возьмите мой лук, как ответный подарок. Мне дала его Мать Селена. Конечно, он не так хорош, как эта прелесть, но мастера ковена Кузни вложили в него немало стараний. Спасибо ещё раз. Надеюсь, мы когда-нибудь ещё посетим ваши края, имея больше времени. До встречи!

Лаянна обняла старого Юргента и три всадника пустили рысью коней по узкой лесной дороге под сходящимися наверху кронами буков.

Путь в Бербею занимал около четырёх сотен лиг, и странники планировали преодолеть его в быстром темпе за три недели. Скрываться не было нужды, а потому они вышли на великий тракт, пересекавший Дом Венеры по всей протяжённости. По широкой каменной дороге держали хороший темп, останавливаясь в частых поселениях для смены коней и пополнения провианта. Везде их встречали с умеренной настороженностью, но новый лук дианиты словно служил пропуском к сердцам местных жителей. Как только кто-то замечал его, тут же раздавались одобрительные возгласы: «К нам приехала хозяйка Гекатебола!». Слава опережала героев и разносилась по землям венетов с необъяснимой быстротой. Зелёные плащи жителей тут же собирались вокруг пришельцев и у них не было дефицита ни в радушном внимании, ни в бескорыстной помощи.

Чем дальше шли путники, тем чаще до них доходили слухи о начале ужасных событий в землях северных и восточных Домов, об огромных армиях, начавших форсирование границ своих соседей, о первых кровавых стычках лесных хозяев дианитов с наступающим врагом, о сожжённых селениях и искалеченных судьбах их обитателей. Война не щадила никого, хотя здесь, в сочащихся любовью и умиротворением землях Венеры, люди чувствовали себя спокойно. Три всадника без помех двигались вглубь Дома, а кристалл Дианы на груди Лаянны светился мягким голубоватым оттенком.

Однако, нарастающий ком терзаний в душе Дигона не обмельчал. Первая эйфория от разительных перемен после Домов Аполлона и Ареса закончилась, а следом вернулись зудящие тени страданий мира, щедро наполнившие природу мага с приходом в неё стихийных начал. Он снова ощущал роптание каждой сущности, молящей пропитания у иссушенной реки жизни Миглаха. А теперь, когда беспощадные тени войны вернулись в мир, отвыкший от её ужасов, боль природы ощущалась ещё сильнее. Молчание и задумчивость всё чаще сменяли собой желание радоваться жизни, и только постоянное участливое присутствие прекрасной любимой женщины не давало Дигону скатиться в пропасть мрачного уныния. Лаянна не отходила ни на шаг от него. Как только выдавался момент среди непрерывного гона коней, обнимала, ласкала своего возлюбленного, утешала, тихо присев у его ног и положив голову на колени. Тяжесть сказала и ей. Аура единения и слияния, пронизавшая энергетические потоки Дома Венеры, не щадила её, передавая хрупкой душе переживания Дигона. К концу пути даже цинично-жизнерадостный Ямлих, похоже, заразился этой напастью. Он ехал угрюмый, похожий на маленького уставшего и озлобленного сыча верхом на лошади.

Лаянна начала узнавать места, памятные по её неожиданно прерванному обучению. Столица Дома была уже близко. Вот вдали поблёскивают белые ступени амфитеатра, спускающиеся по кругу к центральной кафедре. На них всё так же мирно сидят молодые

венеты, слушая выступающих, и думая, обычно, о чём-то своём. Широкие расписные ворота Бербеи появились на двадцатый день путешествия. Кони прошли усталым пассажиром по вымощенным брусчатым дорожкам города-леса, внося смятение в размеренный быт его жителей, и направились напрямик к деревянному дворцу Урании. Обольстительная хозяйка уже ждала желанных гостей, а стол в огромном холле на первом этаже был заставлен изысканными блюдами.

— С приездом, мои дорогие! — пропела она, выходя в зал к трём измученным долгой дорогой путникам. Их уставший и запалённый вид резко контрастировал с наполненной жизнью обстановкой. — Моё почтение, ученик Держателя. Проходи, присаживайся, подкрепишься, мы успеем ещё поговорить.

Верховная подошла к осунувшейся и загоревшей в пути дианите. Нежно погладила её по щеке и шепнула:

— Лаянна, прелесть моя, не ожидала увидеть тебя так скоро.

Потом всмотрелась повнимательнее и добавила, повернув голову к Дигону:

— А-а-а, так вот кто причина твоего цветения и столь скорого бегства от меня. Тогда понятно. Выбор очевиден. Шутница-судьба одарила тебя спорной долей. С твоими нынешними великими тяготами может соперничать только столь же великое счастье любить Разрушителя. Смотрю, вы побывали в гостях у дарцетанцев и ты покинула их края с бесценным приобретением. Будь достойна этого лука.

Она произнесла это нежно, без претензии, словно заботливая, участливая мать. И подошла к Ямлиху:

— А ты кто у нас? Хм, полукровка? Друг, пришедший ко времени?

— Наёмный работник, которому пришло время поговорить с работодателем об истинной цели этого похода. О «Разрушителях», о боях с Верховными Отцами и прочих прелестях, о которых он забыл упомянуть при найме, — с иронией ответил вор и сел возле Дигона, вопросительно смотря ему в глаза.

— Не беспокой его, любезный, — Урания подошла к нарочито расправившему плечи Ямлиху. Она потрепала его спутанные волосы нежной, будто фарфоровой, рукой. — Я сама тебе всё расскажу. Иди сюда.

Ямлих, словно замороженный поднялся и прошагал за Верховной Матерью Дома Венеры, которая усадила его на стул подальше от Дигона и Лаянны. А те принялись с упоением поедать лакомства. Кровь в венах полукровки кипела. Он никогда не встречал никого прекраснее хозяйки Дома и готов был выполнять любые её команды, попроси она хоть сейчас броситься в бой со всеми армиями Квирина. Капелька магии пробудила в нём неистовую страсть, на которую только способны герметы, и холодная расчётливая часть кронианца в его природе была тут совершенно бессильна. Пока ученик Целума с возлюбленной утоляли голод, Урания, соблазнительно покачивая ножкой, рассказывала поглощённому её персоной Ямлиху о происходящих событиях. О судьбе Миглаха, о возрождении Держателя и о важной миссии, частью которой стал одарённый вор. А тот просто смотрел на неё восхищённым взглядом, и даже желая, не мог подобрать ни одной едкой шутки, подходящей по случаю.

— Прекрасная госпожа, — произнёс он, когда Верховная Мать закончила, — я маленький человек и все эти высшие материи для меня бесполезны. Но если ты скажешь мне действовать — я ни на секунду не задумаюсь.

Урания расхохоталась, заливая холл весёлым переливом своего смеха:

— Уймись, шустрец, вы поживёте у меня какое-то время, восстановите силы, а там посмотрим.

Урания оставила полукровку, который проводил её походку томным взглядом, и подошла к насытившейся паре:

— Пойдём, я провожу. Вам приготовили одну из гостевых комнат. Отдохните, а завтра займёмся вами серьёзнее.

Две недели жизни в Бербее, в заботливых руках Урании, преобразили всю троицу. Энергия Дома Венеры наполняла радостностью и оптимизмом. Лаянна снова заливалась задорным смехом и прыгала, как маленькая девчонка, заигрывая и кокетливо любезничая с Дигоном. К нему самому вернулись и прежняя бодрость, и силы, и смех. Страдания мира словно померкли перед живительной сладострастной магией Венеры. Урания научила его непринуждённому владению своими чувствами. Он стал свободно отделять дурные ощущения от хороших и подчинять их своей воле, а не идти на поводу переживаний. Наладилось взаимодействие с новыми обрётёнными силами. Дигон стал лучше понимать свою природу и мастерски с ней работать. Научился изолировать душевные порывы, к которым неблагоприятны отдельные Стихии, и усиливать те, которым они покровительствуют. Сложные магические действия, которые раньше не давались или выходили криво, теперь выстраивались профессионально и легко.

Вечером пятнадцатого дня Урания пришла в комнату к молодому магу Единства и сказала:

— Пойдём, Дигон, кое-что произошло. Думаю, ты будешь удивлён. Ты должен один разобраться с этим.

Лаянна посмотрела им вслед с лёгкой тенью ревности. Они поднялись на третий этаж и зашли в просторное помещение, напоминавшее маленький охотничий домик. Четыре глубоких кожаных кресла стояли с одной стороны низкого квадратного столика, полуповёрнутые лицевой частью к незажжённому камину. На полу лежал мягкий ковёр с плотным ворсом и ноги, становясь на него, почти утопали по щиколотку. По стенам висели картины с пейзажами лесной глуши, рукотканые панно и разные экзотические виды холодного оружия. Внутри ученика Целума что-то дёрнулось, пропустив волну мурашек по коже. Что-то давно утраченное, с неприятным привкусом волнения, всплыло в памяти. Он обогнул кресло и его глаза встретились с пронзительным тяжёлым взглядом Кетера.

Первая мысль, родившаяся в голове молодого мага: «Предательство!».

Дигон сориентировался мгновенно. Двумя прыжками преодолел четыре метра и, оказался возле стены. Сорвал с неё две подмеченные ещё при входе короткие фалькаты, какими удобно биться в ограниченном пространстве. Тут же обратился к жару Огня и тот с радостью высвободил в блестящий металл клинков частицу своего пламени. По вогнутому долу пробежали искры и края лезвия заметно покраснели, раскаляясь под чарами мага Единства. Не задумываясь Дигон бросился на Верховного Отца Дома Цифры.

Кетер не ожидал такой прыти и ему пришлось немало постараться, чтобы успеть встать и, пока противник не приблизился на расстояние удара, выбросить вперёд «воздушную реку». Простое, но действенное заклинание, создающее мощный поток ветра, летящий в цель со скоростью в три раза быстрее скаковой лошади. Вещи, расставленные по комнате, разлетелись в разные стороны, подхватываемые ураганом. Воздух не был частью единства, собранного Дигоном, но остальные энергии восстали раньше, чем он сам подумал об этом. Между ним и «воздушной рекой» образовалась тонкая прослойка, разогрелась и заискрилась

силовым противостоянием.

— Стой! — закричат Кетер. — Я не враг тебе!

— Стойте! — повторила Урания. — Выслушай его!

Глава цифиров нерешительно опустил руки и воздушный пресс исчез.

— Подожди, — уже спокойно произнёс он, — дай сказать, а потом решай, что делать.

Незапланированный щит, окружавший Дигона, растаял, но сам он продолжил держать наготове два изогнутых клинка, уже почти полыхающих огнём.

Видя, что противник не идёт на сближение, Кетер продолжил:

— Наша последняя встреча окончилась боем, но и началась она неудачно. Позволь объясниться, мой бывший адепт.

— Говори, — последовал короткий ответ.

— Тогда в подземелье я пришёл на зов ограбления. Я даже не знал, что это ты. Иначе, наверное, начал бы с вопроса. Но потом твой подельник засыпал мне глаза перцем. Я даже не догадывался, что ты жив. Только под конец боя я узнал тебя. Но было уже поздно. Послушай, прошу тебя, многое изменилось с тех пор. Я никогда и не подумал бы воевать с Держателем мира и его последователями. Лишь недавно, когда сам Целум пришёл ко мне, я стал до конца понимать, что происходит. Я не враг тебе, поверь.

Дигон опустил фалькаты и они постепенно остывали, покрывая радужными переливами тонкий перекалённый металл кромок лезвий.

— Прошу, присядь, — сказала Урания, недовольно обводя взглядом беспорядок, рождённый заклинанием Кетера.

Верховная Мать прошла через комнату и грациозно села в единственное, оставшееся стоять крайнее кресло. Цифир поднял второе и так же сел, вытирая со лба испарину после творения магии. Дигон, немного повременив, повторил действия Кетера. Тот продолжил:

— За прошлый месяц в наших Домах всё перевернулось. Совместные армии Гипериона, Квирина и Агорей начали наступление. Половина из них перешла через мои земли и напала на Дом Дианы, вторая — пересекла Центральное море, высадилась на берегу Дома Кронос и уже пробивается вглубь. Но я не поддерживаю эту войну. У меня совершенно иные цели. Недели две назад ко мне во сне пришёл Целум и рассказал столько нового, ранее от меня сокрытого, что потребовалось время для понимания. Мы нашли общий язык. Я считал и считаю сейчас, что только гордость Гипериона стала причиной вражды. Сам Квирин не стал бы нападать, несмотря на свою воинственную природу. Нам ведь удавалось сдерживать его ярость, пока все соблюдали конвенционное равновесие. Тем более Агорей. Я думаю, что он вообще примкнул к огненным только чтобы его Дом не трогали. Но напрямую в этой бойне я участвовать не стану. Ты же знаешь, что наш Дом не любит противостояний. У нас есть общая более важная проблема — Миглах умирает. И я буду бороться с этим своими методами. Но и в стороне от вас стоять не стану. Держатель мира отпустил меня за несколько услуг. Во-первых, в знак доброй воли я договорился с Фульгуром. Он согласился принять тебя и поговорить. Если он поймёт, что твои намерения чисты, то отдаст свою пиксиду. Ты же за этим приходил и ко мне в подземелья? А, во-вторых, я помогу тебе, Gs... Дигон. Чтобы набрать полную силу тебе не хватает стихии Воздуха, и я наполню твою природу недостающим элементом в меру своих сил. Ты же не забыл ещё мои методы обучения?

Повисла тишина. Кетер и Урания смотрели на молодого мага Единства и ждали его решения. Появись глава цифиров немного раньше, до того, как Дом Венеры подарил Дигону

искусство совладать с чувствами, он бросился бы в бой, не раздумывая. Столь явно ещё горела в душе ярость после столкновения в подземелье, которое чуть не лишило жизни и его самого, и возлюбленную дианиту. Но сейчас разум преобладал:

— Я не стану держать зла на тебя, мой бывший Отец. Давай попробуем быть если не союзниками, то хотя бы сотрудниками. И помни, что мои люди — это такая же часть меня. Будь, пожалуйста, с ними так же обходителен.

— Да, Целум предупреждал, что ты не тот поставщик информации, которого я знал. И он был прав. По рукам. Встретимся завтра на рассвете, — ответил хозяин Дома Цифры и сдержанно кивнул головой, после чего поднялся и покинул развороченное помещение.

Наступившее утро стало для Дигона откровением. Он знал о мудрости Кетера, но то, как виртуозно тот обращался со своими не самыми выдающимися по меркам Верховных Отцов силами, вызывало почтение. Каждый пасс, каждое сформированное заклинание, даже импровизированное, выходило так, будто их создатель оттачивал мастерство исполнения бесконечными тренировками. Там, где Кетеру не хватало могущества, он с лихвой восполнял недостающую талантом и необычайной прецизионностью. Такой ювелирной точности в обращении с энергиями молодому магу явно не хватало. Совместно работать им было легко, ведь цифиры изначально получили дар, пусть и поверхностный, управлять всеми Стихиями. Разница была лишь в том, что в магии Дома Цифры первоэлементы оставались несогласованными, попарно враждебными друг другу. Об использовании их, как единой силы, не могло быть и речи. А Дигон мог. И под восхищённое одобрение правителя Цифры делал это.

Через пару дней Кетер получил достаточную согласованность своих с учеником действий, и принялся насыщать его природу Воздухом. Тонкая энергия с простотой и лёгкостью встала на предназначенное для неё место в новом сосуде души Дигона. Поток влажной и горячей энергии влился в компанию Земли, Воды и Огня. Их переплетение принялось кружиться в ритмично ускоряющемся танце полного союза всех начал. Плотные тяжёлые части Земли бубнящими комьями скакали вверх и вниз. Стустки Воды, разлетаясь весёлыми брызгами, орошали всё вокруг. Воздух, найдя долгожданное единение, метался струями хаотичных порывов. Огонь заканчивал этот бурный хоровод неистовым трепетом разгулявшихся языков. Стихии принялись постепенно обволакивать друг друга, плавно проникали, смешиваясь между собой. Чёрный, синий, красный и белый цвета перестали различаться в бешеном вихре. А в какое-то мгновение резко сжались в одну точку и внутри их носителя произошёл колоссальный взрыв, следы которого прокатились по междумирию и достигли самых отдалённых уголков Миглаха. Всё естество Дигона наполнилось хрустальным туманом, переливающимся немислимыми флуоресцентные цветами. Его плотная субстанция вибрировала и звенела давно забытым в пределах этого мира многоголосьем. В экстатической неге слияния всех Стихий мага Единства наполнил их первозданный прародитель — Эфир. На самой грани восприятия, теряя связи с реальностью, Дигон ощутил, как хрустальный туман начал осаждаться, разделяться, обретать знакомые формы, заново порождая слои первоэлементов: Землю, Воду, Воздух и Огонь. Сознание покинуло разум бывшего цифира, а отныне — цельного, безраздельного мага Единства.

Очнулся он только через сутки. До пробуждения слышал голос, шёпот которого разносился в пространстве глухим рифмованным слогом. Затем почувствовал нежные пальцы Лаянны, монотонно гладившие его заросшую щетиной щеку, тяжесть груди, прислонённой к другой части головы, потом её родной запах и в конце, уже открывая глаза,

увидел расплывчатый, постепенно собирающийся и различимый, прелестный образ. В комнате сидела так же Урания и методично раскачиваясь над горящей свечой, что-то тихо шептала.

— Наконец-то! — вскричала дианита, когда лежащее у неё на руках тело зашевелилось. — Я уже боялась худшего!

Лаянна жадно приникла к иссушенным потрескавшимся губам Дигона. Мать венетов оторвалась от свечи и подошла, протягивая чашу с тёплой жидкостью. От неё исходил сильный пряный аромат, напоминавший эссенции лекарей Цифры или атмосферу в доме старой травницы Алины.

— Тут все боялись. Внутри тебя произошёл настоящий апокалипсис. Я и не надеялась встретить кого-то, кто остался бы цел после такого взрыва Эфира. Даже Мы, древние главы Миглаха, и то можем выдерживать его влияние лишь снаружи, и недолго. Например, в процессе сотворения порталов, когда Эфир структурирует и удерживает вектор стихийных потоков. А так, чтоб внутри — нет уж, извольте. Оставлю вас. Устала я за эти дни. И ты, Лаянна, ляг поспи — второй день глаз не сомкнула. Всё в порядке будет с твоим сокровищем. Теперь он быстро поправится.

Тёплая тягучая жидкость из предложенной Уранией чаши обожгла язык, но быстро наполнила тело приятным успокаивающим блаженством. Сделав несколько глотков, Дигон уложил рядом дианиту, обнял её и так они проспали до следующего утра.

Ещё три недели маг Единства провёл, ежедневно погружаясь в учение Кетера. Воздух не чинил препятствий и беспрекословно слушался нового хозяина: направлял свои потоки по его воле, выставлял щиты, сгущался или полностью разряжался в пределах указанного пространства. К концу обучения Дигон мог уже парить на небольшой высоте без посторонней помощи, что было доступно и далеко не всем герметам, полноправным управителям этой Стихии. Благодаря умиротворяющей энергии Дома Венеры даже скорби мира, привнесённые Воздухом, ощущались не в пример проще, чем тяготы других первоэлементов. Так же, как и раньше, он почувствовал растущую тоску безбрежного атмосферного массива, укрывшего собой всю затухающую планету. Осознал боль каждой молекулы, запертой под сводом «сферы безмолвия», и томящейся в нереализованной жажде прильнуть к единому началу Плеромы. Его душу так же пропитала горечь дряхлеющей стихийной энергии, которая видит неминуемое приближение конца. Но силы Дома сглаживали острые углы этих страданий, растворяли в своём светлом покое и позволяли перенести их, по возможности, меньшим сопереживанием.

Время в уютном мире венетов летело неумолимо быстро. Герои так свыклись с благодным укладом их жизни, что день расставания примчался незаметной горькой вестью.

— Верховный Отец Дома Зевеса ждёт вас, — говорила Урания, ведя троих друзей к воротам Талари. — Это будет последняя безмятежная остановка на вашем пути. Вам нужно спешить. Армии Домов Аполлона, Ареса и Гермеса уже прошли треть пути до северных окраин Кроноса и острова Дагарок. Ты должен успеть, повторнорождённый. Бери моксиду. Мы сделали то, что приказал Целум. Теперь всё зависит только от тебя.

Она обняла Дигона и протянула холщовый мешочек с металлической капсулой. По очереди путники подходили к пульту управления воротами, клали руку на кахолонговую плиту прибора, готовясь к перемещению. Проход отвечал бело-голубым свечением. Первым в вибрирующее полотно портала вошёл Дигон, на всякий случай обнажив подаренный Целумом меч.

— Лаянна, милая, — обратилась Урания, — ты удивила меня. А это непросто. Не ожидала от дочери холодной Дианы такой пламенной энергии любви. Похоже, уроки моего Дома не прошли для тебя даром. А в твоём роду, случайно, не попадались венеты?

Дианита смутилась, не зная что ответить.

— Да не переживай ты так. Я шучу. Хотя, если бы это было и так, мне всё равно. Я хоть и отношусь к полукровкам отстранённо, но делаю это только для соблюдения правил конвенции. Они ничем не хуже нас. А некоторые — непредсказуемо лучше, и мы этого просто боимся. Посмотри вон на Ямлиха. Если бы не этот полукровка, вы бы одни с Дигоном до сих пор бродили лабиринтами подземелий Кетера в поисках его капсулы.

Вор покраснел и горделиво поднял подбородок. Урания продолжила:

— Прощай, девочка, если судьба будет благосклонна к нам, мы непременно встретимся. И тогда ты не уйдёшь от меня так просто.

Хозяйка Дома провела левой рукой по ягодицам Лаянны и слегка хлопнула по ним, хитро подмигнув дианите. Немного растерянная и улыбающаяся, та шагнула в проход. Что сказала Урания Ямлиху не знает никто, но на другой стороне он появился пунцово-красный, с мелкими капельками пота на лбу, а губы его пылали.

Первые две недели после начала войны Юга и Севера, как её успели окрестить жители Миглаха, были относительно спокойными. Стороны наращивали силы. Часть войск трёх Домов по восточному фронту пересекли Дом Цифры. В качестве сопротивления они встречали только постоянные дожди и ураганный ветер, явно приготовленные магами-цифрами в отместку за то, что проход по их землям не был согласован. Кетер, чтобы кровь его вассалов не проливалась, заблаговременно переселил всех, кого мог, с территории узкого участка своего Дома. Форсировав реку Геон, впадающую в Мёртвое море, легионы Квирина и Агорея дождались подкрепления, прошедшего мимо Омфала, и начали наступление на Дом Дианы. С одной стороны, земли ночного светила интересовали их так же мало, как и земля Цифры. Лишь препятствие на пути к владениям Лабриса. С другой, это была возможность отвлечь куда менее численные войска двух северных Домов, не дав им сконцентрироваться на западном фронте. Его открыли сотни кораблей, пройдя Центральным морем и переправив смешанные легионы аполонитов и арейцев.

Селена с Эндимионом стояли на крайней левой башне Агротерской крепости. Почти на стыке Домов Дианы и Цифры, она высокими крепкими стенами полукругом упирается в основание одной из двух скал, образующих ущелье с проходом в одноимённых горах. Могучий великан, архос ковена Щитов Галит, в серебристых доспехах, с копьём в руке и огромным мечом за плечами сидел на боевом барабане за спинами Селены и её советника. Даже сидя он не уступал в росте своим соплеменникам. Сверкающая пластинчатая броня Верховной Матери под плотным белым живым плащом виднелась с расстояния лиги яркой искрящейся точкой в лучах дневного светила. Эндимион предпочитал сковывающей стали гибкую упругую кожу и оттенял свою хозяйку плотной чёрной курткой с местами усиленной защитой. Плащи он так же не любил, как и другие знаки статусных отличий.

Напротив них, в конце хорошо просматриваемой равнины, почти в двух лигах с юга медленно надвигалось красное человеческое море, разбитое на правильные квадраты когорт и центурий.

Крепость имела толстые стены шириной в шесть метров, высотой до восьми человеческих ростов и протяжённостью в восемьсот шагов по дуге. Взять её приступом, учитывая больше полутора тысяч воинов внутри будет сложным даже для этой армады, во главе которой на огромном чёрном коне шёл сам непобедимый Квирин. Но иного короткого пути через земли Дома Дианы на север не было. Агротерские горы длинной неприступной грядой тянулись от ущелья на три сотни лиг северо-восточнее и ещё на две сотни в другую сторону, переходя холодными заснеженными вершинами во владения Дома Кроноса. Через ущелье, практически касаясь стен крепости пролегла дорога великого тракта и путь почти трёхсоттысячной армии преграждала только эта древняя, но мощная твердыня.

Квирин, пройдя девять десятых плоской равнины, остановил войска в семистах шагах от неприступных стен. Он ждал темноты, чтобы ослабить оборону и лишить возможности лучников дианитов легко прицеливаться. А тем временем подоспевшие инженерные войска уже собирали адские машины, ставили на колёса платформы катапульта и доставляли массивный, окованный железом ствол трёхсотлетнего дуба для стенобитного орудия. Пехота ставила палатки, разводила костры и готовила походную трапезу. Для многих она станет последней в пределах этого мира. Пообедав, отряды воинов располагались на короткий сон

перед грядущей ночной битвой.

Галит встал, осмотрел устрашающий вид на долину, наводнённую противником, и обратился к Верховной Матери:

— Собираются отдыхнуть. Я, пожалуй, тоже немного посплю. Нам пригодятся силы.

Возвышаясь на три головы над блестящими стальными шлемами прочих воинов, он спустился вниз по боковой лестнице стены.

— Как он может быть настолько спокойным перед лицом возможной смерти? — спросила Селена Эндимиона. — Всегда удивлялась отваге этого великана. Хотя, он прав. Пойдём немного отдохнём. У нас впереди самая сложная ночь из тех, что я помню.

Вечер наступил гораздо быстрее, чем хотелось бы запертым в крепости защитникам. Галит проснулся на закате. словно гигантское изваяние между менее рослых соратников обходил он сторожевые посты, периодически подбадривая свои подразделения:

— Вставайте, дети Дианы, сегодня ночь нашей славы! Крепость Агротера никогда не уступала врагу своих рубежей. В былые времена наши предки не раз стояли за свою землю, и мы в чертогах древних героев не посраим своей честью!

Воины боялись. Страх перед ордой противника, до горизонта заполнявшей равнину, был понятен. Но никто не паниковал. Все понимали, что жизни семей, детей и жён, матерей и отцов, братьев и сестёр зависят от их стойкости и отваги. Архос ковена Щитов подозвал распорядителя крепости. Не старый, но уже седой, коротко стриженный воин, быстро шагнул между поднимающимися на стену лучниками.

— Доложи обстановку, — громко выпалил гигант, перекрикивая окружающий шум.

— Все солдаты готовы. На правом фланге командует Пир с пятью сотнями. В центре стоит Маназ. Он уже поднял две сотни на стену и ещё четыреста его людей внизу готовы сменять дозоры. На левом фланге — Кипир и его пять сотен. Маги уже рассредоточились по всей стене и в башнях. Артиллерия на задних рубежах взведена и пристреляна. Как только арейцы с герметами начнут наступление — мы встретим их по достоинству.

— Хорошо, — принял отчёт великан. — Проверь ещё раз готовность «последнего ответа». Когда-то придёт и его черёд...

Тяжело вздохнув, но не сказав ни слова, бывалый распорядитель чеканно кивнул головой и пошёл в сторону спуска в подвалы крепости.

Дневной свет утонул с обратной стороны острых белых зубов Агротерских скал по направлению Омфала. До этой поры спокойное красно-пурпурное море плащей, заполонившее равнину, вскипело. Послышались отдалённые крики и лязг металла, утонувшие в загудевших со всех сторон глубоких переливах военных горнов. Испуганные небывалым рёвом то здесь, то там взвились в небо стаи хищных птиц, интуитивно предвкушавших обильное пиршество. Квирин поднял армии. Тонкие ручейки первых атакующих потянулись из широкой долины к каменным стенам пограничной твердыни. Расширяясь вглубь воинства и сходясь своими вершинами в направлении крепости, они создавали для наблюдателей сверху грандиозную фигуру, похожую на половину колеса со множеством вытянутых спиц.

Первые небольшие группы уже пересекали отметку в сто шагов до стены, а на четырёхстах — армия Квирина уже шла сплошным строем. Затрубил звонкий рог высоким звенящим тоном. Залп. Второй. Третий и последующие, уже шедшие вразнобой. Слабое ночное свечение неба, ещё не успевшего остыть после заката, скрылось за тысячами стрел. Плотный мрачный рой неумолимо надвигался на атакующих. В слоях междумирья зазвучали

гулкие ритмичные басовые голоса огненных магов Ареса. По их приказам на пути рассекающих небо посланников смерти начали равномерно вспыхивать объёмные облака пламени, сжигая стрелы сотнями и превращая в пыль буковые древка. Догоня заклинания первых, запели, сливаясь в чистый хоровой тенор, маги-герметы. Они призвали навстречу непрекращающемуся потоку стрел порывы шквального ветра.

Межреальность вздрогнула. В полифонии мужского многоголосья медленно нарастало мелодичное чарующее сопрано Верховной Матери Дома Дианы. Голоса сравнялись. Уже не пение, а крик Селены заглушал противников, рождая кровавую резь в ушах всякого, кто был сейчас в стихийной плоскости и творил заклинания. Направленная волна, гасящая магию, смысла старания тех, кто прикрывал нападающих. Обычные воины ничего не слышали. Только необъяснимая тревога пробежала по стройным рядам атакующих, так и не успев проникнуть в их разум. Туча стрел, не сдерживаемая защитными чарами, обрушилась на армию. Воины падали сотнями, пригвождённые к земле, кричали от боли, укрывались за щитами, но стрелы находили маленькие щели и лазейки, добираясь до своих целей. Поле боя получило первый глоток крови.

Из центра наступающего войска, подобно раскату грома, перекрикивая гул битвы, разразился возглас Квирина. Обгоняя звук, над блестящими шлемами в сторону, откуда звучало пение Селены, пронёсся гигантский, размером с дом, «сгусток огня». Верховный Отец Дома Ареса упёрся головой в шею коня, разгоняя мрак, застилавший глаза — из нападавших только ему хватило сил перебороть «песнь молчания».

Мать дианитов прервала заклинание, заглушающее действие магов противника. Срываясь на визг, она приказала окружавшим адептам подойти, указывая на приближающийся шар. Эндимион и ещё пятеро встали кольцом вокруг Матери и сцепили руки. Щедро вливая энергию в хозяйку, все шестеро рухнули на колени. Напряжение выросло настолько, что тело Селены поднялось на метр над землёй и из её груди навстречу жаждущему смерти Огню вырвался поток Воды. Огромное облако пара взорвалось в шести десятках шагов, поливая бегущих внизу воинов тёплой каплей. Невидимые силы отпустили тело Матери, но оно не упало, вовремя подхваченное полами живого плаща. Через туман взаимно погасших заклятий не было видно подробностей. Но по отблескам вспышек стало ясно, что огненные ловушки арейцев, хоть и не так интенсивно, снова принялись уничтожать стрелы.

Трупы соратников лишь разожгли ярость в сердцах тех, кто шёл в атаку. Самые ретивые уже поднимали на стены лестницы и забрасывали верёвки с зацепами. Лучники на стенах перестали стрелять. Достали клинки мудрёной формы, как две капли воды похожие на фалькаты, с которыми в скором будущем ученик Держателя мира бросится на Отца цифиров. С внутреннего двора вторые ряды стрелков продолжали неплотный огонь навесом через стену. Приняв во внимание первые залпы, они сменили боеприпасы на тяжёлые металлические стрелы, которые пролетали сквозь облака пламени, лишь слегка раскалившись, и с ещё большим уроном разили врага. Дальние атаки прекратились. В слабом лунном свете начали просматриваться массивные механизмы, выходящие на огневые позиции с центра долины к цитадели.

Фундамент стены уже был завален трупами. Попытки пробиться к воротам встречали яростный отпор. Сверху сыпались камни, летели стрелы, срывались рождённые магией ледяные копыя. На штурмующих лилась горящая земляная смола, проникая в доспехи, вызывая страшные ожоги и мучения, но первые отчаянные солдаты южных союзников уже

пробирались и перелезали через невысокий парапет на стену. Лестницы с повисшими на них людьми дианиты сталкивали длинными раздвоенными на концах шестами, но на их место приходили новые и новые. Галит метнулся с башни, увидев множество красных плащей в проходе. Парапет был ему немного выше колена. Размахнувшись массивным трёхметровым копьём толщиной с крепкую руку, он просто смёл со стены четверых. Прямым отточенным ударом пробил насквозь через панцирь пятого занёс его тело на копьё вправо и со всего размаху швырнул обратно в сторону долины. Убитый упал где-то в сорока шагах от подножья стены.

— Кипир! — взревел великан, заглушая гвалт битвы и положил копьё на открытую лестницу, ведущую к башне, на которой стояла Селена. Быстрыми точными выстрелами она снимала с лестниц поднимающихся по ним солдат.

К Галиту подбежал высокий воин, казавшийся на его фоне тростинкой, с фалькатой и кинжалом, по самую гарду залитыми кровью. С ним было ещё с десятков воинов.

— Охраняй! — скомандовал архос. Взял овальный щит размером с добрую дверь, достал огромный меч, который для других был бы двуручным, и направился на стену. — Мне нужно размяться.

Вслед Галиту протрубил рог, и повернувшиеся защитники на стене спешно отошли к её внутреннему краю. Гигант, держа щит левой рукой, просто побежал вдоль мерлонов, сметая, давя и ломая о камни щитом всех, кто попадался на пути. Покрыв два десятка своих шагов, он повернулся. На каменном полу лежали, корчась в агонии и хватаясь за переломанные конечности, пятнадцать противников. Там, где он начинал бег, на стену уже взбирались новые цели. Назад он шёл медленно, наотмашь рубя почти двухметровым цвайхендером, словно лёгкой саблей. Удар — труп. Удар — труп. Удар — сломанный меч врага и труп. Против неестественной мощи Галита не мог устоять ни один, даже опытный и сильный арец. На стену с центра зашла группа из шести герметов с компактными скорострельными арбалетами. Полетели тяжёлые заточенные болты, один из которых прошёл касанием по ноге великана, разорвав мягкие ткани.

— Щиты! — скомандовал он, прикрываясь своим и указывая мечом в сторону стрелков.

В минуту все шестеро лежали, сражённые с башни стрелами Селены и Эндимиона.

— Возвращайся! — крикнул архос ковена Аналитиков, призывно махая рукой.

Галит побежал на площадку башни, попутно хлопая по плечу Кипира и заменяя его на посту охранника Верховной Матери. Полночь уже накрывала боевую сумятицу в ущелье.

— Смотри, — указала Селена вдаль, и Галит различил выведенные на позиции катапульты, — будут разрушать тыл.

Квирин понимал, что стены, скреплённые магией, не пробить. Тяжёлые каменные глыбы размером с двух коней каждая, полетели не в крепость, а выше. Намного выше — в тело скалы над Агротерой, стремясь вызвать обвал. Бросок. Второй. Третий... Десять мощных метательных орудий пустили снаряды.

— Круг! — закричала Селена, и собравшиеся с силами маги опять взяли её в кольцо. — Галит, огонь баллист!

Великан поднял вверх сигнальную трубку, выдернул снизу шнур и вверх вырвался яркий синий шар, потухший где-то в небе. На крайней левой башне Верховная Мать в глубоком трансе призывала силы Стихии. На восьми таких же площадках по сигналу Галита наводчики двадцати четырёх дальнобойных копьёметательных машин подожгли наконечники снарядов, наполненных огненной смесью. Двадцать четыре трассирующих

полосы осветили небо и через минуту семь из десяти гигантских машин союзников вспыхнули. Пламя охватило их грузные деревянные тела моментально. Шесть снарядов прошли мимо и ярко взорвались дальше, почти на территории лагеря, вызывая кровавую панику.

Селена, впитав всю возможную силу, высушила с десятков своих подопечных. Все, кроме опытного Эндимиона упали замертво и больше не поднимались. К своему советнику Верховная мать отнеслась щадяще. Пространство загудело. Титанический купол «щита воды» укрыл скалу вместе с крепостью и мягко, с шипением и паром, принял восемь из десяти огромных каменных валунов. Те скатились вниз по прозрачной гладкой поверхности прямо на головы осаждающих стены армий. Однако, на горный участок над краем правого фланга крепости сил у Селены не хватило. Два снаряда, подкреплённые магией Квирина, с оглушительным грохотом врезались в монолитное тело скалы. Земля задрожала. Сначала послышалось шуршание, тонущее в звуках боя. Потом, по нарастающей, приближался гроыхающий звук лавины. Первые камни упали, зазвенев о доспехи и щиты дианитов. Защитники правого фланга под руководством отважного Пира бросились бежать, спасаясь от комьев земли и камня. Но было поздно. Поток тверди, словно река, хлынул со склона горы, заваливая стену и часть крепости, погребя под собой сотни солдат.

Над полем боя раздался дружный боевой клич армии Квирина и человеческое море хлынуло в сторону образовавшейся насыпи. Сквозь пыль блестели мечи выживших на правом фланге сынов и дочерей Дианы. С центра стены на помощь соратникам поспешил Маназ и две сотни его воинов. А внизу, уже внутри крепости, резервные силы защитников встречали первых, преодолевших завал врагов в пурпурных и алых плащах.

Воспользовавшись оттоком сил с центральной части стены, сорок силачей-арейцев уже подкатывали к воротам крепости таран. Гигантский укрытый железом ствол, был закреплён подвесом на пяти треногах, установленных на подвижную платформу.

На башню к Селене примчалась посланница Маназа. Глава Дома едва стояла на ногах, опираясь на такого же ослабленного Эндимиона. Взгляд её был мутный, а из носа стекала тонкая струйка серебристой драгоценной крови Верховной Матери.

— Госпожа, — задыхаясь и кашляя выпалила воительница, — к Вам слова полководца Маназа: мы сделали всё, что могли. Крепость продержится не больше двух часов до полного уничтожения. Вам пора.

Грязная, в кольчуге, пропитанной кровью, она поклонилась и бросилась обратно в сторону боя. К Селене повернулся и без эмоций заговорил Галит:

— Верховная, нам пришло время прощаться. На этом месте наши пути расходятся. Если за Океаном Теней есть иная жизнь, я непременно пересеку его и продолжу служить тебе. А здесь тебе больше делать нечего. Мы оставим под этими древними стенами десятки тысяч врагов. И теперь они знают, что малой кровью наш Дом не пройти. А «последний ответ» послужит им хорошим уроком. Бегите, пока пещеры ещё свободны. Наш Дом — это ты, Верховная, тебе и жить. А лучники Кариатидского леса ещё отомстят за нас.

— Галит, — ответила непривычно словоохотному архосу уже твёрдо стоящая на ногах Селена, — ты нужен мне в этой войне. Идём с нами.

— Нет, хозяйка, долгие годы моей службы дали мне право послушаться одного твоего приказа. Я выбираю этот. Мы выиграем для тебя ещё часа полтора. Прощай.

Великан развернулся, взял щит, поднял огромный цвайхендер и уверенным твёрдым шагом двинулся вниз по лестнице. Собравший силы Эндимион уже увлекал Селену в сторону

тайного входа в лабиринт пещер, проходящий сквозь скалу. На другом конце их ждал экипаж, запряжённый четвёркой сильных коней.

Рассвет поднимал первые лучи Аполлона над уходящими на восток вершинами Агротерских гор, когда древняя пограничная крепость пала. Ворота разлетелись в щепки после десятка сокрушительных ударов окованного металлом дубового тарана. Против трёх сотен мечников, оставшихся от полуторатысячного гарнизона, в проём валила неисчислимая армада противников.

— Стоять до конца! — ревел, подобно грому, уже весь израненный, но не чувствовавший боли в предсмертном азарте великан Галит.

Его гигантский меч крутился направо и налево, снося головы, отрывая конечности и повергая в ужас обычно бесстрашных воинов Дома Ареса. Когда защитников осталось несколько десятков, архос ковена Щитов бросился в сторону одной из башен над входом в крепость. Он бежал, уже без разбора снося всех вокруг, словно бурная река деревянные щепки. Протиснувшись в дверь, явно не рассчитанную на его габариты, он захлопнул её за собой и припёр стоявшей наготове балкой. Впрочем, напрасно — никто из нападавших и не подумал его преследовать. Спотыкаясь, хромя на левую ногу, оставляющую за собой отчётливый кровавый след, Галит спустился в подвал. В правой руке он нёс снятый со стены факел. Левая уже безвольно висела, сочась красными струйками из-под двух арбалетных болтов, намертво засевших в плече и необъятном бицепсе. Великан прошёл под землёй до места, над которым сейчас тысячи красных и пурпурных плащей ликовали, встречая тяжело доставшуюся победу.

Сознание мутилось в голове Галита. Он умирал. И лишь сейчас, на пороге Океана Теней, он вдруг понял, как беззаветно любил жизнь. Любил свой Дом и его чарующую Верховную Мать.

— Прощай, Селена! — закричал архос и бросил факел в сторону сотен бочек, которыми под завязку было забито просторное подвальное помещение.

Широкое плато ликовало. Лагерь завоевателей, раскинувшийся на половину равнины в средней её части, криками приветствовал отряды, взявшие пограничную твердыню. Триумфатор Квирин, окружённый легатами, сидел на коне в трёхстах шагах от разрушенных ворот Агротеры. Немного позади, опершись спиной на своего коня, стояла его супруга. Несравненная воительница Нерионис заботливо вытирала блестящий в рассветных лучах наконечник копья. Верховный Отец Дома Ареса повернулся к ней, поднял руку к небу, и широко улыбаясь прокричал:

— Слава победителям!

В ответ горное эхо вернуло пустоту. На долю секунды всё резко стихло: ни радостных воплей солдат, ни ржания коней, ни свиста утреннего ветра. А потом оглушительный рёв взрыва и следом за ним — срывающий почву со скальной породы подземный толчок. Четыре когорты, стоявшие между командованием и разрушенной линией обороны, почти на метр подбросило над землёй. Кони взбесились, встав на дыбы. Некоторые повалились наземь. Если бы не тысячелетний опыт Квирина, и он оказался бы на траве. Впереди, в двух-трёх сотнях шагов, под землю быстро уходила крепость, заполненная красными и пурпурными плащами. Взрывная волна качнула всю равнину. Столб огня, смешанного с пылью и кровью, взлетел, почти достигнув вершины скалы и медленно оседал в воронку, оставленную на месте Агротерской крепости.

«Последний ответ» настиг ликовавших в переделах древних стен победителей.

— Убери своё оружие, юноша, — устало и монотонно сказал Фульгур Дигону, выскочившему из пелены врат Талари. — Я не сторонник силовых методов. Не люблю убивать. А если бы захотел твоей смерти, ты бы сейчас уже смотрел на мутную гладь Океана Теней.

Ученик Целума в боевой готовности вопросительно посмотрел на сидевшего за пультом управления. Достаточно молодой мужчина с недлинными, слегка вьющимися каштановыми волосами и короткой заострённой бородой с улыбкой спокойно смотрел на гостя. Тот сместил плоскость меча в сторону говорящего.

— Сомневаешься? — проговорил хозяин. — Сомнение — это хорошо. Излишняя самоуверенность — плохо. Я, возможно, и не обладаю столь же сильной магией, как прочие Отцы, но у меня есть не менее полезный инструмент. Разум.

Глава зевитов кивнул головой в сторону справа от Дигона, указав глазами на прислонённый к стене манекен, одетый в тяжёлую панцирную броню. Тот посмотрел на куклу, потом перевёл глаза на Фульгура. Сидевший достал из-под живого, отдающего успокаивающей синевой плаща короткий, длиной с локоть предмет. Правой рукой он держал его у основания, где располагались какие-то механизмы, а левой подхватил за середину, с которой начиналась стальная труба с толстыми стенками и отверстием в два пальца. Раздался щелчок и следом — громкий пронзительный хлопок, от которого зазвенело в ушах. Дигон даже прищурился. Посмотрел снова на манекен и увидел, что тот лежит на полу, а прочная стальная кираса в самом центре разворочена. Казалось, что в неё вошёл заострённый таран и оставил дыру, в которую с лёгкостью вошли бы две руки.

Молодой маг опустил свой сомнительно эффективный в данной ситуации меч и округлившимися глазами смотрел на правителя зевитов.

В этот момент из врат вышла слегка смущённая Лаянна. Посмотрела на Фульгура, на своего возлюбленного, на изуродованный манекен, а руки автоматически потянулись к стрелам. Дигон остановил её:

— Спокойно, родная, всё в порядке. Мы просто говорим.

— Мы, юноша, не участвуем в этой войне, — продолжил так же спокойно Верховный Отец Дома Зевеса. — Но на нас никогда не нападают по двум причинам. Первая — мы нужны каждому из Домов, поскольку от наших машин зависят очень многие сферы их жизни. Все поголовно увлечены своими фокусами, и никто другой, кроме нас, их не может ни создавать, ни обслуживать. Вторая заключается в том, что науку можно применять не только во благо, но и значительно ускоряя процесс смерти. Например, такими вот игрушками. Они гораздо эффективнее луков, в десятки раз мощнее, бьют в два раза дальше и более метко, чем многие из искусных стрелков-дианитов. Да простит эту неприятную правду моя вторая гостя. Конкретно эта — для ближнего боя. Я называю их «морты» в честь нитей жизни, которые они весьма умело обрывают. И нигде больше в Миглахе вы не увидите ничего подобного. Это — наша гарантия спокойствия и весомый аргумент в политических дискуссиях.

Дигон вложил меч в ножны за спиной.

— Нет-нет, постой пожалуйста, не прячь, — подняв руку, попросил Фульгур. — Я наслышан о необычайных свойствах твоего оружия. Позволь взглянуть на него.

Снова достав меч, Дигон подошёл к хозяину Дома. На миг обернулся и кивнув появившемуся из врат Ямлиху. Тот сразу упал на колени с пунцовым лицом и глазами, сверкающими, как раскалённые угли костра. Похоже, он впервые путешествовал переходами местных изобретателей. Повернувшись к зевиту, молодой маг протянул ему клинок рукоятью вперёд. Фульгур встал, поместил мурту в замысловатую кобуру, прикреплённую к бедру, и правой рукой принял рукоять меча. Неизвестно, действительно ли он не любил битвы или только так говорил, но обращаться с оружием точно умел. Покрутив вокруг себя пару хитроумных финтов, искусно заведя лезвие за спину, провернув над головой, резко остановил в вытянутой руке параллельно полу. Потом поднёс лезвие к глазам и долго рассматривал сам металл, гравировки узоров, исполнение рукояти. Плащ, до этого висевший, не подавая вида, оживился, пробежал волнами и, казалось, взъерошился тонким ёжиком.

— Хм, чувствует, стервец, незнакомую силу, — проговорил про себя зевит и обратился уже к Дигону. — Да, весьма незаурядное творение. Не знаю из чего он сделан и даже не могу предположить кем и когда. А это, юноша, в нашем мире маловероятно. Думаю, он действительно из другого мира. Из того, о котором теперь так грезит Кетер. Откуда он у тебя?

— Это подарок учителя, — ответил Дигон, принимая назад меч и вкладывая его в ножны.

— А, того самого, уже наслышан. На Верховном Совете он знатно всех обескуражил. Представляю себе запал ярости, который получили Квинин с Гиперионом, вернувшись домой на неделю позже запланированного, — он рассмеялся тихим злорадным смешком и продолжил. — Как я понимаю, ты добился своих целей, раз всё ещё жив и даже добрался ко мне?

— Да, Верховный, — более почтительно после показательного выступления с муртой и мечом ответил Дигон. — Мы пробились и через заслон аполонитов, и сквозь арейские земли.

— И даже умудрились подраться с самим Гиперионом, — прервал хозяин. — И выжить при этом. Тоже наслышан. Небывалая удача, скажу я тебе. Идёмте за мной. Во внутреннем дворе куда приятнее вести беседу, чем в помещении врат.

Все четверо вышли из обитой металлом комнаты, миновав стоявших за дверью пятерых воинов, которых Фульгур отпустил, приказав прибраться в помещении. Охрана была необычной. Закована в странные доспехи. Гибкие, но упругие, похожие на броню-ящерицу самого Дигона, но без явно выраженных чешуек. Поверх костюмов находились какие-то механические каркасы, повторяющие движения конечностей, на которых были жёстко закреплены. Передаточные механизмы от каркасов сходились в железные короба на спине. Воины передвигались легко и непринуждённо, несмотря на явную тяжесть всего висевшего на них оборудования, а каждый шаг сопровождался монотонным жужжанием.

Спустившись на улицу первой, Лаянна поразила удивительной гармонии двух, казалось бы, несочетаемых вещей — природы и металла. Небольшой вытянутый дворик с тыльной стороны дома Верховного Отца сплошь был выложен резной чугуновой плиткой. Низкие кованые заборчики огораживали пятнадцать широких круглых участков открытой почвы. Они располагались тремя чёткими рядами, образуя идеально выверенный прямоугольник. В центре каждой такой прогалины рос сильный высокий клён, как две капли воды похожий на все остальные. Сочная тёмно-зелёная листва плотно укрывала раскидистую крону. Основания стволов каждого дерева тонуло в густом аккуратном

постриженном кизильнике, обильно усыпанном спелыми красными ягодами. От корней кустарника вплотную к ограде стелился синий ковёр лаванды. Кроме маленьких садовых островков по всей площади равномерно стояли монолитные лавочки и двухметровые вытянутые металлические скульптуры. Все разные, но выполненные в одинаковом абстрактно-техногенном стиле, напоминающем сплетение виноградной лозы и часового механизма. Внутри каждой замысловатой фигуры горело яркое красно-синее пламя, обильно освещающее всё пространство. Пока дианита с восхищением любовалась красотой рукотворной симфонии, закованной в металл, а Ямлих пытался высмотреть источник необычного огня, Фульгур отвёл Дигона в сторону.

— Мне уже рассказали и Урания, и Кетер, какие цели преследует этот Целум, — начал Отец Дома Зевеса во дворе, присаживаясь на узорчатую скамейку, отлитую из металла. — Но это то, что он им сказал. А меня вот больше интересует твоё мнение. Твое личное. Ты сам зачем всё это делаешь?

— Я обязан учителю всем, что имею, — ответил, не задумываясь бывший цифир. — В принципе, даже жизнью. Его цель нужна каждому из нас и всему Миглаху. Я дал слово и намерен его выполнить любой ценой.

— Нет, друг мой, это то, что тебя связывает с происходящим. А какова твоя собственная цель?

— Равновесие. Наверное, — сказал, немного смутившись, Дигон. — Мы все живём на одной планете, мы все — части единого мира. Пока я проходил обучение, мне открылись многие тайны и теперь я знаю, что нет ничего обособленного. В конечном итоге есть только одно большое «МЫ», в составе которого малое незначительное «Я» — лишь крошечная составная часть общего Единства. Моё предназначение — собрать снова все разрозненные детали некогда монолитной, но разорванной души мира. Продолжение существования Миглаха напрямую зависит от того, пройду ли я свой путь до конца.

Фульгур улыбнулся:

— Ты снова не понял моего вопроса. Хотя рассуждения твои красивы и правильны, а обозначенные идеалы — это несомненное благо, но я спросил не об этом. Что именно тебя побуждает действовать? Отбрось в сторону философию и веру, забудь о великих целях и ответь мне. Какие намерения у тебя лично?

Маг Единства молчал. Он никогда не ставил перед собой таких дилемм: ни будучи поставщиком информации Дома Цифры, ни сейчас, выступая доверенным лицом Держателя мира.

— Да, похоже не понял, — ответил наконец он. — Я не задумывался над этим и никогда не разделял общее и частное. Сделать это для меня, пожалуй, невозможно. В моей новой природе сплелись мировые первоэлементы, привнеся с собой как великие возможности, так и обширные знания о мироустройстве. А ещё о боли. О страданиях и невыразимой горести души Миглаха. Они так же стали моей неотъемлемой частью. Урания научила меня жить с ними, но никто не может научить их забыть. Это слишком тяжёлая ноша для одного человека. Это мучения. Я хочу, чтобы они прекратились. Я всем своим существом стремлюсь избавить мир от ужаса смерти, потому что таким образом я избавлю от боли себя самого. Свою любимую женщину и всё, что мне дорого.

— Достаточно, — остановил своего собеседника зевит. — Я услышал ответ на свой вопрос. И я с лёгким сердцем отдаю тебе пиксиду. Торопись молодой маг. Не теряй времени. Его у нас нет.

Фульгур отвёл троих гостей в свои конюшни и дал шесть прекрасных сильных лошадей, чтобы путники могли добраться до мрачных границ Дома Гадеса как можно быстрее. Дигон не бывал в этих краях, а тем более не посещал земли нетленного господина, и им предстояло преодолеть много сотен лиг обычным проверенным способом.

После половины пройденного пути по приказу Фульгура ко всадникам присоединился ещё один спутник. Ближе к владениям Маркара местность была незаселённой, да в последнее время всё чаще приходили новости о пропаже людей на границе земель, так что проводник, знающий эти места, пришёлся кстати. Им оказался молодой маг и учёный по имени Карней, с трудом избежавший смерти, в Доме Кроноса, когда там началось наступление Гипериона. Он работал на юге владений Лабриса, проводил плановый ремонт судостроительного оборудования. В дороге за посиделками у костра от него герои узнавали новости о событиях начала войны. О том, как больше двух месяцев назад почти тысяча больших и малых кораблей Домов Аполлона и Гермеса покинули порты на южных окраинах Центрального моря. Через десять дней они доставили на побережье в Доме Кроноса всего малого двести тысяч воинов. На утро одиннадцатого дня горизонт водной глади залива Палагия, на котором стоит одноимённый кронианский порт, закрывали длинные широкие гексеры и небольшие манёвренные либурны, на полном ходу стремящиеся к берегу. Эпических морских баталий не произошло. Было истребление. Флот Лабриса, конечно, пытался остановить их ещё на подходе, но колоссальная армада смела его, потеряв лишь с десяток своих судов.

Карней говорил много. Он рад был путешествию, отвлекающему от страха, который ему пришлось пережить. Говорил о первых неделях войны, когда высадившиеся на берегу Палагия сорок легионов оставили корабли и маршем двинулись в глубь континента. О том, как он попал в плен после падения портовой крепости и как его отпустили только спустя три недели, когда разобрались, что Дом Зевеса не принимает участие в войне. Как горели поселения и сотнями гибли первые жертвы в плохо организованных местных ополчениях. Как начинались сражения с регулярной армией Лабриса, которая давала весьма ощутимый отпор, но несла при этом серьёзные потери. Как быстро и яростно вошли стройные ряды южных союзников в земли Дома Кроноса, пока не увязли в гуще Кариатидских лесов и их стремительный прорыв не замедлился.

На обратном пути по морю в свой Дом до Карнея доходили новости, что не так легко стало нынче армиям, которые возглавил сам Гиперион. Что леса стали для них тяжёлым испытанием, а земля, повинувшись воле стихийного хозяина, требует куда больших усилий от захватчиков. Так же говорили, что армии Квирина с непрерывными боями пробились через Дом Дианы. Конечно, они разбили большую часть сил дианитов, но потеряли до трети своей численности и подоспели подкреплением к легионам, которые пришли с моря. Теперь огромное войско южных союзников из почти четырёхсот тысяч воинов объединило две группы и прорывается вверх во главе с Отцами Аполлона и Ареса. С правого фланга они отражают атаки оставшихся дианитов, а на переднем фронте теснят армию Лабриса. С потерями, но не сбавляя темпа, смертельная лавина из южных земель идёт великим трактом к столице Дома Кроноса.

На тридцатый день после выхода из Гангилата четыре путника уже стояли перед бледно светящейся синей линией, уходящей за горизонт по обе стороны от них. Всего в полушаге от неё смутной дымкой чёрно-белыми тонами проходила такая же, оповещающая о начале владений нетленного хозяина Гадеса.

— Друг мой, Ямлих, — заговорил Дигон, отвлечённо смотря в сторону непроницаемых для света облаков, — держи. Последний белый офион. Теперь ты можешь начать новую жизнь, как и мечтал. Дальше тебе нет смысла рисковать собой. Барды и без того вpletут твоё имя в вечную рифму памяти. Тебе стоит вернуться с Карнеем.

— Да сейчас же! — удивлённо поднял брови и посмотрел на него полукровка, но белоглазую змейку принял и спрятал во внутренний карман. — Когда я покидал Дом Венеры, Урания мне сказала идти за тобой на край света. И чё-то я тут края не вижу.

Дигон грустно улыбнулся:

— Поверь, друг, он именно здесь. Дальше великая тьма, а значит свет заканчивается.

— Ты мне тут софистику не разводи. Я софистикой вашей уже вот как насытился, — и Ямлих провёл торцом ладони по горлу. — Зажал ещё пол офиона за последнюю пиксиду — не вопрос. Это я пойму. А конец света, начало тьмы — для нас, ночного народа, не принципиально.

Дигон рассмеялся. Лаянна, смотря на привычную уже наглость полукровки, тоже хихикнула.

— Ну что ж, твоя воля. Пойдём дальше.

Три всадника и шесть коней, уже дважды заменённых по пути из Гонгилата, пересекли две полосы пограничья. А одинокий путник в синем плаще ещё немного подождал и отправился обратно домой. Кристалл Дианы, уютно расположившись в желобке вздымающейся груди хозяйки, начал осторожно мерцать жёлтым в предвкушении объятий истинной тьмы.

За восемь с половиной месяцев работ над заказом Кетера песчаное побережье Дома Зевеса обросло инфраструктурой. Появились сотни мобильных вагончиков и даже первые стационарные одноэтажные дома. Открылись баня, цирюльня, магазин и две небольшие таверны, в которых усталые рабочие снимали напряжение после тяжёлых трудовых будней. Сеть улочек, соединяющих важные узлы нового поселения, даже принялись кое-где выкладывать плоским слоистым камнем. Особо догадливые дельцы, поняв, что затевается долгострой, ещё в самом начале организовали компактный заводик по изготовлению пива, и теперь он уже во всю приносил доход. Последние пару недель его производство работало сверх мощности. Намечался большой общий праздник.

Радостные и суетливые зевиты спешно бегали, устраивая на ровной площадке широкие ряды столов на восемь сотен человек. Их разместили недалеко от законченного и испытанного гигантского кристаллизатора. Обособлено держались шесть десятков цифиров в фиолетовых плащах, в основном сильные маги. Но и они участвовали в общем приготовлении, взясь больше на кухне и в пивоварне, собирая обильные угощения.

Ближе к вечеру, в лучах жаркого летнего Аполлона, Кетер и Фульгур сидели на своём привычном месте, возвышаясь в полутора сотнях шагов от объекта. На холме уже была отстроена широкая смотровая площадка — крытый павильон на пяти дубовых колоннах с крышей, мастерски выложенной черепицей. В нескольких метрах от кресел правителей организовали барную стойку, за которой хозяйничала молодая весьма колоритная зевитка.

— Знаешь, друг мой, — довольным и бодрым голосом заговорил Кетер, — признаться, я порой даже сомневался в том, что мы сделаем это.

— Что ты, — смеясь и размахивая полупустой кружкой, отвечал Фульгур, — нам с тобой всё по плечу. Нет преград разуму, кроме тех, что он сам себе создаёт. Я только боялся на счёт сроков, и наши первичные расчёты действительно подкачали, но за двести шестьдесят дней создать с нуля такой агрегат — это тебе не шутки.

— Да, давненько я не чувствовал такого азарта, — размяв пальцы добавил цифир.

— Вот твой азарт — он меня и настораживает. Когда мы начинали, всё это казалось прекрасным приключением. А теперь мы стоим перед действующей системой, которая создаст реальный артефакт. Ты уверен в своих расчётах? Я, конечно, и сам неоднократно проверял твои исследования. Всё сходится. Но мы столкнёмся с явлениями, неподвластными нашему разуму. Ты не думаешь, что может стать хуже?

Кетер перестал улыбаться и ответил:

— Об этом — не думаю. Но уверен, что если мы ничего не предпримем — точно будет хуже. Мы обязаны снять «сферу безмолвия». Без этого нашему существованию придёт конец. Тем более теперь, когда южные громят Север, у нас нет иного выхода. Не знаю, сработают ли планы этого Целума и что вообще у него на уме, но если нет, то рано или поздно огненные разобьют и Селену, и Лабриса. Что потом? Ты задумывался?

— Потом накажут Уранию, наверное. Тем более, она уже очень слаба и «залюбить» всех не сможет. А вот дальше? Дальше будет передел мира, конечно же.

Кетер закрыл глаза и откинул голову назад, будто ловя кожей тёплые касания летнего ветра. Слова его стали тихими и монотонными:

— И в этом новом порядке уже не останется места тому спокойствию, к которому мы

привыкли. Миглах исчерпает свои силы в агонии войны. А значит нам остаётся только идти до конца...

Вечернее небо уже затянулось лёгким сумраком. Внизу, между холмом и кристаллизатором, стояли накрытыми семь рядов длинных стометровых дугообразных столов, направленных к объекту своей вогнутой частью. За ними, по выпуклым сторонам, уже расселись и потихоньку начинали пировать все участники уникального предприятия. Первые два ряда возле огромного стального бака занимали синие и фиолетовые плащи профессиональных магов, инженеров, учёных и проектантов. Пять последующих, заполненных, в основном, мастерами и разнорабочими, не утруждали себя конвенционными отличиями. С высоты раздался громкий, усиленный магией, голос Фульгура:

— Тишина!

Шум внизу моментально стих и все повернули головы на Верховного Отца.

— Сегодня совместными усилиями двух Домов мы закончили амбициозный проект, разработанный Отцом Кетером. Таких конструкций ещё никогда не создавал человеческий гений. В очередной раз мы доказали, что можем воплотить в жизнь даже то, что когда-то казалось невозможным. Мои поздравления, друзья!

Последнее слово утонуло в одобрительных аплодисментах, вспыхнувших в тишине. Слово взял глава цифиров:

— Присоединяюсь к брату Фульгуру. Наши старания увенчались успехом. Но это — лишь первый этап большого дела, которое нам ещё предстоит. За ближайшие два с половиной месяцев наш новый агрегат создаст величайший из кристаллов памяти, когда-либо видевший свет. За это время перед нами стоит ещё одна задача, не менее трудная — возведение для него достойного монумента, способного силой моего Дома насытить и поднять кристалл в необъятные просторы неба над Миглахом.

Снова овации заглушили ответное эхо. Фульгур подошёл к стоящей в пяти шагах от него вертикальной трубе и нажал ногой пусковой механизм. Раздавшийся хлопок выстрела сопровождал направленный в небо светящийся ярким огнём шар. В безоблачной вечерней выси десятки тысяч маленьких синих и фиолетовых огней разлетелись ровной правильной окружностью. Звук взорвавшегося в небе фейерверка перекрыл зычный крик Фульгура:

— Старт!

Восемьсот пар глаз оторвались от затухающих огоньков и обратились в немом ожидании к баку автоклавы, который по команде главы зевитов начал мерно гудеть. Оператор запустил процесс. Внутри огромного сосуда нагнеталось давление. Параллельно с ним по изогнутым трубам пошёл заблаговременно подготовленный расплав обогащённого мнеморина и катализатор реакции. Вся конструкция завибрировала, затряслась и сотни наблюдателей буквально перестали дышать. Бак заполнялся. Вибрации усиливались и слышались звуки скрипа металла, словно царапающие изнутри душу. Некоторые даже пригнули голову, а маги первых рядов приготовились на всякий случай создать стену щитов, если процесс выйдет из-под контроля.

Обошлось. Колебания агрегата затухали. Датчики показывали плановое заполнение реакционного пространства. Процесс вошёл в управляемую фазу. Ряды за столами облегчённо выдохнули и с криками «Да!» подняли наполненные холодным пенным пивом кружки. Пошли разговоры, воспоминания о курьёзах строительства, немудрёное хвастовство и душевные байки. Праздник продолжался почти до рассвета и даже Верховные Отцы, отложив в сторону привычное высокомерие, развлекались со своими вассалами.

На следующие два дня Фульгур объявил выходные. После них центр работ сместился на пару сотен метров дальше от моря. Там уже была выровнена и подготовлена обширная платформа твёрдой чёрной земли для второго объекта.

В течении следующих одиннадцати недель и Кетер, и Фульгур почти не будут покидать новой строительной площадки, помогая работникам силами изошрённого разума и мощной магии. С карьеров Танских гор на восточной границе с Домом Гадеса к месту возведения комплекса доставят семьдесят семь огромных каменных блоков, обработанных по чертежам Кетера. Их изготовление началось сразу же, как только Фульгур дал согласие на реализацию всего плана отца Цифры в пределах своих земель. Длина их колеблется от трёх до восьми метров, ширина — от метра до двух и толщина — до полутора метров. Камни поменьше добудут и приведут в нужную форму на месте. Число персонала из обоих Домов увеличится почти до трёх тысяч и строительный посёлок станет больше похож на маленький городок.

По периметру площадки будет вырыт широкий ров диаметром в сто десять шагов. Вынутая из него порода пойдёт на возведение огромного внутреннего вала на голову выше человеческого роста и диаметром в сто шагов, открытого узким проходом со стороны, выходящей к морю. Будущая задача этого ограждения состоит в сдерживании энергии стихии Земли, которую Кетер собирается накапливать внутри круга после запуска комплекса в работу.

В самом центре окружности установят небольшой по сравнению с другими монолитами алтарный камень. Он служит центром и осевым ориентиром всей конструкции. Далее, его обнесут частоколом небольших, заострённых в верхней части блоков. Если смотреть на конструкцию сверху, то алтарь будет находиться на дне вытянутой овальной сумки, открытой с противоположного конца, направленного в сторону разрыва земляного вала. После, на проектное место водрузят десять каменных исполинов высотой от семи до восьми метров. Их расположение так же повторит форму подковы, открытой в ту же сторону, что и овал малых камней внутри. Эти монолиты попарно соединят длинными, квадратными в поперечнике перекладинами, возложенными сверху. Далее, всю центральную часть комплекса по чёткой закрытой окружности обнесут паланкой ещё из восьмидесяти малых заострённых камней. Последним этапом будет создан общий круг тридцати пяти шагов в диаметре из тридцати продолговатых вертикальных блоков больше четырёх метров высотой и двух метров шириной каждый. Сверху на них уложат тридцать в половину менее массивных перемычек, так что их верхнее кольцо образует полный замкнутый круг.

Весь этот циклопический хоровод тридцати внешних каменных громад, согласно расчётам Кетера, послужит одной цели — концентрировать и накапливать колоссальные объёмы стихийной энергии, которую они в своё время волюют в огромный девятитонный кристалл памяти. Десять самых крупных блоков создадут силу, способную отправить заряженный мощью объект в сторону «сферы безмолвия», которая сковала Миглах своим губительным куполом.

Последним, в тридцати метрах от окружающего артефакт рва, будет установлен камень оператора. На одной линии с ним находится алтарь, середина дуг «подковы» транспортных камней, незамкнутый проход сдерживающего вала и центральная линия Дома Цифры, которая проходит по его великому тракту в сотнях лиг восточнее. Это место предстоит занять Кетеру и, рискуя жизнью, пропустить через себя концентрированный поток силы своего Дома для активации и управления работой всего комплекса.

За время строительства второго объекта, первый благополучно закончит свою работу.

Под радостные крики, бурные овации и неизменное праздничное пиво, зевиты и цифры воплотят величественный проект. Учёные и инженеры, эксплуатировавшие агрегат, извлекут наружу сверкающий и слепящий великолепием правильных граней, гексагональный трапецоэдр Великого Кристалла Памяти...

Всё это произойдёт уже в скором времени, а сейчас сотня рабочих уже копает глубокий ров вокруг площадки и план Верховного Отца Цифры стремительно двигается к своей завершающей фазе.

К середине первой недели третьего месяца лета, когда душистые травы уже отсыхали, рождая наполненные будущей жизнью семена, а тёплые сухие ветра разносили их по округе, армии под командованием Гипериона и Квирина приближались к половине пути сквозь земли Дома Кроноса. Союзники Юга непрерывно теряли людей. Малочисленные, но неуловимые в лесах, окружающих дорогу, дианиты мастерски освоили методы партизанской борьбы. Их стрелы без промаха забирали жизни захватчиков, атакуя с востока растянувшееся на несколько лиг по великому тракту войско. С севера локальные разрозненные атаки небольших отрядов кронианцев непрерывно атаковали армаду, словно пчёлы голодного медведя, забравшегося в улей. Из пятисот пятидесяти тысяч воинов трёх Домов, рубеж середины земель Кроноса едва преодолели триста. Спасение было близко: территория обширных Кариатидских лесов заканчивалась, открывая выход на открытую гладь степных просторов Севера. Там организованным и хорошо обученным военному делу легионам не угрожала хитрая тактика защитников и стремительный марш к Анциломету уже ничто не сможет остановить.

В это же время Кетер и Фульгур вторую неделю вели строительство огромных колец каменного артефакта. А тройка путников во главе с молодым магом Единства, держа по паре коней под уздцы, перешагнула порог земель Дома Гадеса.

Кони встрепнулись, заржали, забрызгали слюной и один за другим вставали на дыбы. Они чувствовали неприятности куда тоньше даже искусного кристалла на шее прекрасной Лаянны. Другим пришлось приложить немало усилий, чтобы успокоить животных. Казалось, будто они вышли из уютного натопленного дома под пелену угрюмого холодного морозящего дождя. Уже первый шаг на территорию нетленного управителя дал о себе знать. Волна холода встретила гостей. Но не обычного холода зимней стужи или влажного осеннего утра, а пугающего неестественного озноба с привкусом сырой земли, гниющей травы и разросшейся подвальной плесени. Дом Гадеса поприветствовал посетителей. Все трое остановились, едва переступив границу и посмотрели друг на друга, плотнее запахнув плащи.

— Ну что, не передумал? — спросил с недоброй усмешкой Дигон, глянув на Ямлиха.

Тот лишь поправил кинжалы, чтобы их рукояти дальше выходили за полы одежды:

— Ещё чего! Я тебе не кидала какой. Я честный вор. Дал слово — держи. А ты офионь готовь.

Лошади успокоились, хотя продолжали напряжённо смотреть по сторонам в поиске источника опасности. Холодная волна спала. Но уже позабытое чувство тяжести от сопротивления чуждой энергии Дома вернулось. Стихии внутри Дигона напряглись и насторожились. Ни одна из них не признавала Смерть подобной себе. А Смерть не принимала их. Лаянна резко загрустила. Задор и жизнерадостность последних двух месяцев смыло волной. Казалось, только неугомонный полукровка не изменился в лице под гнётом Дома Гадеса.

Путники сели на коней и направились на север в поисках великого тракта, который рано или поздно приведёт их в столицу Флегетон. Время в пределах владений Маркара ощущалось иначе. Тяжёлые тучи, прочно застилавшие небо, не пропускали прямые лучи Аполлона днём, а ночью сами источали тягучий мутно-серый свет. Поэтому казалось, что

вокруг постоянный поздний вечер. Опустошённая почва дышала сухой пылью. Обычные растения не выживали в отсутствии света, но твёрдую каменистую поверхность плесивым ковром покрывали пятна лишайника и бесцветной сонной травы с почти прозрачными тонкими стеблями. Порой встречались и низкие кустарники. Их заскорузлые ветви напоминали волнисто колышущиеся на ветру пальцы с вяло-безвольными хлипкими листьями. Птиц или зверей, кроме изредка проползающих ни то змей, ни то многоножек, всадники так и не заметили. Миазмы Смерти сполна напоили тленом земли Гадеса, век за веком превращая некогда полные жизни просторы в подобие берегов Океана Теней.

Отблески редко встречающихся огней поселений гади были видны издалека. Путники старались обходить их стороной, хотя иногда встречали одного-двух бледнолицых хозяев этих земель. Те удивлённо поднимали пустые белые глаза и провожали взглядом столь диковинно-редких гостей. «Живые», как называли прочих жителей Миглаха в этих краях, заходили сюда очень редко. Что и понятно — кто захочет по своей воле оказаться в тенетах безрадостного усения.

На шестой день пути вглубь страны мрака дорогу героям преградила река Ахеронт, впадающая на северо-западе в Плутново море, которое раскинулось между домами Гадеса и Зевеса. Берега её были почти столь же пустынные, как и всё вокруг. Даже наличие влаги не могло восполнить растениям недостаток животворящих лучей Аполлона. Текла она медленно и лениво, а вода в ней при скупом свете казалась чёрной земляной смолой. Дигон повернул коней налево, и они поскакали вдоль берега в поисках моста. Половина дня прошли впустую. Надежда найти переход начинала таять, когда вдруг из невысокого и редкого, почти белого подобия камыша раздался хриплый дребезжащий голос:

— Эй, живые, тормози!

Кони остановились.

— Куда скачете?

Дигон спешился и, передав поводья Ямлиху, подошёл к обрыву над рекой. Внизу дрейфовал большой массивный прямоугольный плот шагов пятнадцать по диагонали. На деревянной палубе стоял крепкий паромщик неопределённого, как и большинство гади, возраста.

— Мы путники с Юга, — громко сказал маг Единства. — Едем в столицу на встречу к Верховному Отцу.

То, что Маркар не знает об этой встрече, он решил не уточнять.

— К самому Маркару, значит? — переспросил беловолосый. — Важные гости, значит. Наверное, переправу ищите?

— Так точно. Ищем.

— А переправа здесь я. Ближайший мост в двух днях в обратную сторону.

Дигон с досадой посмотрел туда, откуда они прискакали, и спросил:

— А шестерых коней с нами плот выдержит?

— Чего ж не выдержать, выдержит, если брыкаться не станут. Чем платить будешь?

— У меня есть серебро Гермеса и Кроноса. Примешь?

Гади, казалось, улыбнулся:

— А чего ж не принять. Кронианские мне больше нравятся. По серебряному с человека и семь за коней.

— Немалые у тебя цены. Но я согласен.

— Конечно немалые, когда на тридцать лиг в окрест ни одного моста. Заходи на борт.

Да не бойтесь. Вечно вы, пришлые, нас боитесь, как самой Смерти. Я вон огня тоже боюсь так что мне теперь, каждого арейца стороной обходить?

Путники благополучно переправились на другой берег. Паромщик, которого звали Таном, указал им как добраться до тракта. Кони, вспотев от испуга после чёрного потока реки, радостно застучали копытами по твёрдой сухой земле. Мало-помалу они привыкли к обстановке. Тяжёлая атмосфера воспринималась, как неприятная особенность очередного этапа пути. Ещё семеро суток прошли в таком же однообразии, только огни поселений стали встречаться чаще. На восьмой день Дигон, Лаянна и Ямлих стояли на гладкой поверхности широкого каменного тракта. Припасы заканчивались и нужно было искать провиант. На горизонте виднелась большая группа светлых точек и нужда заставила путешественников направиться напрямик к ним.

К концу дня трое всадников въехали в тихий аккуратный городок. Дома были больше похожи на вытянутые вверх шпили башен в Доме Дианы. Они словно тянулись к скудному свету, скрытому грязно-серыми облаками. Удивляло то, что в городе, хоть и редко, но попадались не только гади. Спустившись с коня перед худым и высоким кронианцем с серым обветренным лицом, Дигон заговорил:

— Привет тебе, редкий прохожий. Подскажи неместным, где здесь подкрепиться и ночь провести, а то в полях спать уже кости ломают.

Серолицый сначала насторожился, но как только разглядел на маге броню-ящерицу, тут же, только что не кланяясь, затараторил:

— Большие гости, доброго вечера! Хотя, какой он тут добрый, в этих краях. Вы не из наших ли земель сюда прибыли? А заночевать — так вон туда, вдоль по улице и в конце направо. Там таверна будет.

— Твой Дом я очень давно покинул. Сейчас там война идёт, не слышал разве?

— Да, как же, как же! И слышал, и видел. Я-то от войны и сбежал сюда. Видишь, как получается: от войны, да в лапы Смерти. Тут много наших сейчас. Выбирать не приходится.

— Понимаю, — ответил Дигон, — спасибо за подсказку.

Через два часа молодой маг Единства и его возлюбленная уже лежали в просторной деревянной кадке с тёплой водой и отмокали после долгой тяжёлой дороги. А Ямлих спал. Он лишь наскоро перекусил и как был, в одежде, рухнул на кровать в своей комнате.

Завтрак был небогатым, но мясо и кое-какие овощи на столе присутствовали. Гади почти не ели пищу, обычную для других жителей Миглаха, и путникам повезло, что в эти земли стали прибывать беженцы из Дома Кроноса. Таверны стали запасаться нормальной едой. При этом, дети Гадеса оказались не такими уж и страшными, какими их рисовала молва других народов. Да, они были нелюдими и мало разговаривали, иногда казались грубыми и высокомерно отстранёнными. Да, внешний вид их немного отталкивал, но в остальном простые граждане мало чем отличались от тех же крониан или дианитов. В землях же других Домов они не появляются больше потому, что лучи Аполлона приносят им страдания, а вовсе не из ненависти к «живым». Но это касалось исключительно простого люда. Ничего такого нельзя было сказать о старших кастах, о воинах, о руководстве Дома, о Маркаре и его окружении. Их-то и сами рядовые горожане боялись не меньше смерти.

Закупив провизию, странники направились дальше по великому тракту. Ещё три недели они двигались к Флегетону и чем дальше углублялись, тем реже попадались беженцы и таверны с хорошей пищей. Тем сильнее давила на них обстановка. Ощутимее нарастал подкрадывающийся страх, а нравы и внутренняя природа местных становились всё более

суровыми. Души глубинных жителей Гадеса всё больше наполнялись inferнально-потусторонней энергией тленного Дома. Кристалл на груди Лаянны пылал оранжевым светом. Приходилось его прятать под плотной одеждой, чтобы не вызывать и без того достаточных подозрений в объятиях вечного мрака.

До столицы оставалось не больше одного дня, когда в сознании Дигона возник позабытый родной голос учителя:

«Сын мой! Мне трудно говорить через пелену Смерти. Слушай! Отойди полторы лиги на юг. Отыщи одинокий дом. Останься там на ночь. Будь осторожен. Прячься!»

Звук исчез. Ученик Целума остановил коней и развернул их резко влево. Соратники удивились, но молча последовали за ним. Проскакав меньше лиги, они увидели вдали двухэтажное здание с широкой покатой крышей, напоминающее, скорее, дешёвые постройки других Домов, чем остроконечные прибежища гади. Найдя глубокий неприметный овраг, какими вокруг пестрила потрескавшаяся земля, друзья оставили коней. Лаянна, потратив немало сил, наложила на них мощные усыпляющие чары, от которых они вряд ли сами проснутся ещё сутки.

Не поднимая шума, три тени прошли ещё пол лиги пешком и проникли в странное здание. Оно пустовало, но обстановка говорила о том, что совсем недавно здесь были люди. Количество стульев, кресел и лежанок указывало на немалое их количество. Прихватив себе по плотному покрывалу, и забравшись на чердак под балками крыши, друзья установили поочерёдное дежурство и легли спать. Не прошло и двух часов, как Ямлих аккуратно растолкал Дигона и Лаянну, закрывая им рты рукой и показывая наружу через круглое окно. Со стороны, противоположной Флегетону, к зданию двигалась процессия из полутора десятка беловолосых всадников, укрытых смутными плащами. Во главе шёл небольшой мускулистый мустанг, а распахнутая мантия его наездника раскрывала красивое женское тело, стянутое тугим кожаным корсетом. Наброшенный на голову капюшон скрывал лицо хозяйки, но под ним отчётливо виднелась пара тлеющих недобрим красным огнём глаз.

Компания вошла в дом и расположилась на первом этаже. Голоса их ясно разносились в абсолютной тишине окружающего мрака.

— Госпожа, а если они не придут? — спрашивал низкий хриплый голос.

— Придут. Я не оставила им выбора, — отвечал чистый женский голосок, свойственный, скорее, театральной певице, чем какой-то «госпоже». — Я показала им силу, которую мне дала кровь. Испепелила двух охранников. Придут, никуда не денутся.

— Ты, конечно, нас прости, — зазвучал другой, явно более молодой мужской голос, — но твоя затея пахнет волнами Океана Теней для всех нас. Одно дело потрошить «живых» по границе и совсем иное — нападать на главу Дома. Он же бессмертный.

Женщина ответила и её речь наполнилась звоном металла:

— Океан Теней я покажу тебе сама, если ты будешь сомневаться, Игорит. Я не для того выпила силу сотен жизней, обрекая себя на вечные муки, чтобы развлекаться грабежом и убийствами в придорожной пыли. Древние покровители Тьмы мне ответили, и я отплачу им достойной жертвой.

— Да я-то что, — оправдался молодой, — мне просто интересно, ради чего всё это. Я, как бы, к Маркару ничего хорошего не испытываю. Мне такая жизнь ничего, кроме боли не дала. Но нападать на него — это же самоубийство.

— Не забывай о награде, — перебил его первый хриплый голос. — Госпожа покажет нам путь к таким же силам. И мы не будем больше изгоями в этом мире. С такой мощью мы

будем править «живыми», а не прятаться, как крысы, под тучами Гадеса.

С улицы донёлся стук конских копыт и через несколько минут в дверь постучали. Вошедшие без приветствий, как это принято у гади, сразу перешли к делу. Речь говорящего звучала уверенно и немного высокомерно.

— Я привёл тебе проводника, кровавая госпожа. Завтра ночью, как мы и договорились, путь в покои Маркара будет свободен. Выполни и ты своё обещание.

— Пойдём со мной, — ответила девушка.

Две пары тяжёлых каблуков со стуком поднимались по лестнице. Дигон аккуратно придвинулся к чердачному люку, чтобы видеть происходящее. Впереди шла невероятно красивая гади с масляной лампой. Если бы не её иссиня-бледная кожа и бесцветно-седые распущенные волосы, её можно было бы спутать с прекрасной молодой венеткой. Длинные стройные ноги в высоких сапогах, доходивших до колен, отмеряли короткие шаги. Невероятно тонкая талия переходила в ритмично раскачивающиеся широкие гладкие бёдра, до середины прикрытые походными шортами. Высокая грудь вздымалась над корсетом двумя круглыми холмами, в мерцающей тени огня казавшимися ещё больше. На юном лице проступала дразнящая ехидная улыбка с чуточку приподнятой развитыми клыками верхней губой. И глаза, каких никто ещё никогда не встречал на просторах Миглаха, горели недобрым алым светом. За ней шёл высокий статный мужчина в лоснящейся смутной накидке поверх дорогой чёрной одежды.

— Садись, архос, — предложила девушка и указала ему на стул. Сама же села напротив, поставив лампу на крепкий деревянный стол.

— Ты дала слово поведать мне свою тайну. Я никогда не видел такой силы в действии. Ты на моих глазах буквально выпила двоих воинов. Как ты получила эти способности?

— Дала, значит сдержу. Слушай. Когда Маркар забрал мою Клиодну и вернулся назад без неё, я проследила тропамиuspения их путь. Он привёл меня к тому месту, где ранее, выполняя задание, мы встретили неведомую силу. Следов Клиодны не было. Но была зияющая дыра в междумирье, оставленная взрывом такой мощи, какую могло высвободить только жертвоприношение. О том же говорили и следы смерти, не ко времени оборвавшей могучую жизнь. После стольких десятилетий верной службы этот древний выродок принёс её в жертву. И с тех пор он практически не появляется. Сидит, наверное, пожинает плоды. Тогда я вспомнила, что Клиодна говорила о нижних слоях мира, к которым она опускалась в том месте, и о жутком исполинском глазе, что она там встретила. Я догадалась, что Маркар не зря потянул её туда. Он понял, что именно нашла Клиодна и одним ударом решил две проблемы: убрал свидетельницу и принёс жертву древнему спящему божеству. Я была в отчаянии, сгорала от гнева. И сделала то же самое. Я притащила к развалинам храма попавшегося под руку мальчишку из местной деревни и вот этими руками вырвала его дёргающееся сердце. Я орала что есть мочи: «На! Возьми! Дай мне силы отомстить!». И услышала голос. Тягучий, низкий, злой, звучащий внутри каждой моей частички голос, ответил. Он принял жизнь этого мальчика и указал мне путь к силе древних богов Тьмы. Тех, о которых мы даже не догадываемся, низвергнутых в бездну ещё до становления Старого мира, на заре жизни планеты. За несколько месяцев я ритуально принесла в жертву этим силам сотни невинных. Я металась тропамиuspения по всему Миглаху и пожирала их сердца, выпивала их кровь, упрочняя связи с истинной природой Зла. Сила моя стала расти. С каждой новой жертвой я становилась могущественней на часть их нерастраченного жизненного потенциала. И теперь я та, кем стала.

— Я знаю о подобных ритуалах, — уже не высокомерно и с нотками ужаса в голосе произнёс второй собеседник. — Их практикуют адепты кровожадного малого Дома Тифа на дальних северо-западных архипелагах. За это их последователи нещадно уничтожаются.

— Я обещала раскрыть тебе свою тайну. Я не обещала, что тебе она понравится. Ты пойдёшь за мной?

— Я не могу без причин начать убивать. Смерть — естественная часть мироздания, пока она приходит в назначенный час. А ты предлагаешь путь крови в нарушение этого равновесия.

Голос девушки стал холодным и тяжёлым, словно слова произносила старуха:

— Тогда каста Чтецов останется без архоса.

Дигон увидел, как красные глаза превратились в две яркие пылающие звезды и лицо их хозяйки покрылось сетью чёрной паутины вен. Она резко встала со стула и положила ладонь на лоб собеседника. Пальцы её рук вытянулись, стали узловатыми, чёрные ногти удлинились и скрючились, как у хищного орла. Кожа на руках и ногах потемнела и обрела зеленоватый оттенок, местами затягиваясь сухими блеклыми чешуйками. Сапоги треснули и стройные ноги вырвались из них, изгибаясь в дополнительном коленном суставе, вывернутом в обратную сторону. Лицо исказилось, покрылось старческими складками и вытянулось вверх, обнажая рот, полный острых загнутых клыков. Кинжал, который мужчина в плаще успел вынуть из ножен, безвольно упал на пол. Он сам рухнул на колени и уронил голову на грудь. Так он и стоял перед уродливым двухметровым чудовищем. А оно одной левой рукой отшвырнуло массивный стол, освобождая пространство. Монстр начал ходить вокруг жертвы, продолжая держать правую руку на его голове и что-то распевно шипеть на непонятном языке. Сделав три круга, мерзкая тварь, на месте которой только что была соблазнительная девица, остановилась перед архосом касты Чтецов. Схватив его за волосы, запрокинула голову назад. Огромная пасть раскрылась, отодвигая нижнюю челюсть почти до ключиц, и резко впилась в горло стоящему на коленях. Через минуту, когда вялое ослабленное тело держалось вертикально только усилиями самой твари, она отвела правую руку назад и молниеносно ударила жертву в центр грудной клетки, проломив затрещавшие кости. Уродливая химера вырвала сердце и жадно вгрызлась в него острыми зубами.

Лаянна которая подползла посмотреть, что происходит, закрыла руками рот и дёрнулась назад, разглядев ужасную картину. Её нога запнулась о доску, и та с лёгким шумом отодвинулась. Все трое замерли, медленно покрываясь холодным потом. Тварь дёрнула голову, повернувшись вправо, и сделала два шага в сторону от кровавого месива. Дигон крепко сжал в руке эфес меча.

— Госпожа, ты в порядке? — послышался с первого этажа хриплый голос её подельника. — Мне подняться?

— Нет! — Завопило чудовище дребезжащим гортанным звуком.

Ни у кого желания проверить не возникло. Отвратительное создание тьмы прошло обратно, подняло стул и село. Прошла минута и лицо обрело прежнюю милостивую форму. Крючья пальцев вновь стали нежной девичьей ладонью, а стройные точёные ножки снова могли возбудить желание у любого, кто их увидит. Но теперь точно кроме Дигона.

Скинув рваные сапоги и поправив одежду, госпожа спустилась вниз. Произошедшее выдавала лишь кровь, которой была покрыта шикарная девичья грудь, выпадавшая из разодранного корсета.

— Гости дорогие, — обратилась она к кому-то на первом этаже, — к сожалению, с

архосом Климентом у нас возникли некоторые разногласия. Я надеюсь, с вами у нас таких проблем не будет.

Похоже, те, к кому она обращалась, согласились.

— Вот и прекрасно, — прозвучал её ласковый нежный голосок. — Вы располагайтесь, отдыхайте. Завтра у нас тяжёлый день. А я пойду приму расслабляющую ванну.

Через пару часов, в доме наступила полная тишина, нарушаемая только шагами двух дежурных, иногда встававших размять ноги. Дигон ещё трясущейся рукой показал Ямлиху на окно и сказал шёпотом:

— Вытаскивай нас отсюда.

Вор с хирургической точностью и без единого лишнего скрипа вынул раму со стеклом, сидевшую на продольной оси. Все трое аккуратно выползли на пологий скат крыши и стали у её края. Дигон прыгнул первым и, вспоминая уроки Кетера, плавно опустился на воздушную подушку внизу. Махнул рукой своим друзьям и те, немного поколебавшись, сделали то же самое. Уплотнённый волей мага Единства воздух охотно принял гостей. В полной тишине, не произнеся ни слова, они направились к своим лошадям. Только там, когда от злополучного дома их отделяла половина лиги, Лаянна смогла спросить:

— Пресветлая Диана, да что же это было такое? Ни один ночной страх не сравнится с этим.

— Не знаю, дорогая, — ответил Дигон и обнял дианиту, — не знаю. Но если такие монстры стали гулять по Миглаху — добра не жди. Эта тварь обездвижила архоса Чтецов Дома Гадеса, как мальчишку. Их каста — сильные маги. Они хранят знания о природе Смерти и могут через её потоки заглянуть в будущее, могут определить каким образом и когда нить Морты живого существа оборвётся. А он, их глава, не смог и пальцем пошевелинуть в ответ. Это плохо.

— Срань морских чертей! — выругался Ямлих. — И что этой каракатице нужно? Я был далеко, но понял, что она идёт во Флегетон?

— Да. Она хочет убить Маркара. Уж не знаю, можно ли его убить вообще, но проверять мы не будем. Он нужен нам. Без него мы будем искать в этом мраке последнюю пиксиду, пока мир сам не развалится. А ты не получишь ещё денег.

— Да какие там деньги! — на полном серьёзе ответил полукровка. — Я одним глазком на эту мразь глянул, так чуть не обмочился. Я тебе сам денег дам, чтоб больше никогда не видеть этого.

— Да шучу я, друг. От тебя заразился, — и оба как-то неестественно попытались улыбнуться.

— Что делать будем? — спросила Лаянна, проверяя натяжение тетивы. — Атакуем?

— Подожди, — вставил Ямлих, — горячая дианитская дева. Подумайте сами — вы как к Маркару пройти думаете? Позвать его? «Маркар, выходи»? Мы ехали вслепую, а тут подарок судьбы. Они нас и проведут к Верховному. А уж потом — атакуем.

— Нет. Это не подарок судьбы. — Сказал Дигон. — Это Целум меня направил к тому дому. Это его наводка. Прав ты, друг Ямлих. Прав. До Флегетона одна дорога. Выследим и воспользуемся их планом проникновения.

Столица Дома Гадеса представляла собой впечатляющее зрелище. Десятки тысяч разномастных, рвущихся из земли вытянутых конусов. Некоторые шпильки доходят до нескольких сотен метров. Их острые макушки теряются в мутной мгле тяжёлого люминесцирующего тумана, который опускается с клубящихся в небе туч. Тела длинных

башен местами прорезаются круглыми окнами, словно выеденные термитами иссохшие стволы омертвелых деревьев. Во многих виднеются трепещущие, едва побеждающие темноту огоньки свечей. Но это — только верхушка столицы гади. Основные помещения, каналы, транспортные развязки и тоннели между норами располагаются глубоко под землёй. Потому на поверхности и народа было не так много, как в других столицах. Однако, после сотен лиг пустынного одиночества, даже здесь чувствовалось оживление большого города. Местные, среди которых несколько раз попадались и инородцы, неспешно ходили по широким просторным улицам без ограничения дорог и тротуаров. Здания просто вырастали из черной гранитной брусчатки и тут же устремлялись вверх, словно не желая терять времени здесь, на унылой поверхности.

Дигон, Ямлих и Лаянна добрались к воротам Флегетона через день, как и планировали. Представились охране из касты Наблюдателей, как беглецы от войны из соседних Домов, благо молодой маг в его броне подозрений не вызвал. Только один из воинов высказал замечание, что и руководство уже покидает свои края. Но деньги нужны даже детям Смерти. А у руководства их обычно много. Вор и так был наполовину кронианцем, а острые ушки дианиты не оставляли сомнений в причинах появления здесь троицы «живых». Друзья поселились в гостинице и успев лишь пообедать, тайком покинули её. Они снова отправившись за городские стены. Хотя, и стенами-то их назвать нельзя было. Красивая, плавная, изогнутая наружу ограда в два человеческих роста, словно застывшая каменная волна морского шторма. Строение, для защиты города совершенно бессмысленное. Как и любая идея напасть на Флегетон.

Просидев несколько часов на открытой площадке в таверне у великого тракта, с которой открывался хороший обзор окружающей депрессивной каменной элегии, друзья заметили первую пару знакомых коней. Те быстро приближались с равнины, со стороны странного дома. Подъехав к тракту, они сбавили скорость и направились вперёд, мало чем отличаясь от других путников, идущих в столицу. Тут же вдали возникла вторая пара. Третья. Дигон с товарищами сели на коней и так же неспешно пошли вслед третьей группы, выдерживая приличное расстояние. Долину уже пересекала четвёртая пара.

Стражи на воротах не оказалось. Покойный архос не обманул. Пройдя по городу за последней парой в течение минут двадцати, и углубившись в какие-то немислимые столичные дебри, друзья спешили. Возле неприметного низкого здания стояла конюшня, а в ней — шесть уставших чёрных скакунов с жадностью поглощали не весть откуда доставленное сюда сено. Своих коней трое преследователей отвели дальше и оставили возле тихой таверны в двух кварталах. Когда они вернулись, в конюшне стояли уже восемь голодных ртов.

— Ждём ещё Игорита и Минфу, — сказал за приоткрытым окном знакомый приятный голос. — Они замыкающие. Потом выдвигаемся. Окно смены караула через полтора часа. Так ведь?

— Да, госпожа, — ответил кто-то из прибывших вчера с архосом. — Через полтора часа наша смена.

— Не забывай, что ты умрёшь первым, в случае чего. Помнишь своих друзей? — угрожающе произнёс мужской голос.

Оставь, Гестас, — прервал его женский, — он и так воняет страхом.

Вскоре прибыли последние заговорщики. Без особых промедлений десять тёмных смутных плащей, сливаясь во мраке с камнем строений, перебежками двинулись в сторону

шестибашенной короны входа в подземелье Маркара. Трое преследователей украдкой пошли за ними. Пять малых шпилей высотой до ста метров располагались в форме звезды, а шестой, толстый и мощный, выходил по центру между ними и взлетал в полтора раза выше. Заговорщики дождались, пока караул покинет свою смену чуть раньше запланированного, и тихо вошли в один из круглых арочных боковых проёмов. За ними нырнули Дигон, Лаянна и Ямлих. Дианите пришлось снять кристалл и спрятать его глубоко в сапог за голенище, поскольку яркий красный свет больше мог привлечь внимания, чем предупредить про явную опасность.

Коридоры подземного замка главы гади тянулись на тысячи шагов. Проводник вёл банду к цели. Преследователи не отставали. Трижды им пришлось прятаться за тёмными поворотами закоулков лабиринта, слабо освещённого лампами с запёртыми в них душами. Кто-то из десяти идущих впереди иногда останавливался проверить нет ли за ними слежки. За момент до этого кристалл слегка обжигал ногу Лаянне и трижды они успевали скрыться, а проверяющий видел пустые проходы.

Заговорщики остановились. Впереди, за поворотом, был широкий полукруглый тоннель тридцати шагов в длину, заканчивавшийся массивной двустворчатой дверью и четырьмя охранниками перед ней. Одинаково холодные и бесчувственные двуликие в затянутых кожей доспехах стояли не шелохнувшись. Оставив одного из своих с проводником, восемь воинов тени решительно вышли из-за угла. Один нападавший так же оказался из числа двуликих и на его месте в миг возникло мутное серое облако — след успения. Шестеро достали из-под плащей взведённые арбалеты и спустили затворы. По двойным направляющим двенадцать болтов метнулись в охрану. Те явно не ожидали нападения у самих покоев Верховного Отца. Один страж упал изрешечённый, словно ёж. Ещё один быстро успел шагнуть за грань реальности и теневое облако двинулось навстречу врагу. Последних двоих стрелы лишь слегка зацепили. У одного оперение торчало из ноги, второму прострелили левый бок. Раненые не могли обратиться — успение чувствует кровь, словно пищу и в секунды выпило бы их. Они быстро сняли со спины маленькие щиты и вынули короткие сабли.

Лаянна выскочила из-за поворота и с пяти метров выстрелом в голову на вылет повалила того, кто остался стеречь проводника. Вынырнувший из-под её руки Ямлих подбежал к встававшему предателю и ударом тяжёлой рукояти кинжала лишил его сознания. Дигон с мечом Целума, уже бежал мимо них к начинавшейся за следующим поворотом драке. Чёрный символ зеркального трезубца с кругом вспыхнул ярким переливистым пламенем. Оружие почувствовало мощную незнакомую магию. И она присутствовала. Шестеро заговорщиков бросились наперерез двум охранникам, а возле стены два мутных облака крутились в смертельном танце, выбивая в реальность искры и струи тёмной магии. В это время восьмой плащ уже лежал на полу, а на месте прекрасного тела молодой предводительницы мерзкая тварь расправляла длинные чешуйчатые руки.

Дигон сконцентрировался и отчётливо увидел двух дерущихся в тени успения. Он знал, что обычное оружие не навредит им, но решил попробовать. Подлетев к ничего не подозревающим двуликим, он с разбега рассёк пространство с тенями размашистым низким круговым батманом. Пляска стихла. Медленно на полу проявились два тела, рассечённые пополам в области талии. От неожиданности молодой маг даже хмыкнул, поражённо смотря на подарок учителя.

К охранникам у двери уже подбежали противники. По трое на каждого. Даже ранеными, эти воины превосходили умением нападавших. Оба крутили саблями, отбивая

град ударов, которые сыпались со всех сторон. Выпад. Щит. Финт. Защита. Восьмёрка. Блок щитом. Защита. Финт. Натиск. Отработанные до автоматизма движения выполнялись с каменными лицами. Трое из нападавших уже замертво лежали на земле. Левая рука одного из стражников, выронив щит висела, не двигаясь, а на плече зияла красная полоса вывернутой плоти. Второй держал вес на одной ноге, а рядом с торчащим арбалетным болтом виднелась ещё одна дыра, из которой периодическими фонтанами вырывалась кровь. Он согнулся, подпрыгнул на здоровой ноге и в последнем порыве насадил на лезвие одного из врагов. Оба упали на бок. Из спин обоих торчали окровавленные клинки. На оставшегося стража, уже медленно и тяжело дыша, наступали двое, так же покрытые мелкими ранами.

За минуту до этого Лаянна вышла из-за стены и выпустила одну за другой три стрелы в только что успевшее трансформироваться двухметровое чудовище. Острые и мощные наконечники отлетели от чешуйчатой зеленоватой кожи, даже не поцарапав её. Ямлих с разбега метнулся в ноги, стараясь попасть кинжалами под сухожилия неестественно вывернутых вторых коленных суставов. Проезжая на спине, прошёлся по ним, но результата не было, как и от стрел. Оружие не причиняло твари никакого урона. Она развернулась и уродливой ногой, похожей на обезьянью лапу, со всего размаха прыгнула на полукровку, наступив на плечо. Раздался звонкий хруст, утонувший в болевом крике. Сжав его тело длинными пальцами ног, отбросила в сторону. Повернулась к Лаянне и с писком, походившим на шипение, зашагала в её сторону, тяжело проседая на вогнутых коленях. Путь преградил Дигон, ударив сверху вниз по выставленной вперёд передней лапе. Существо остановилось. Удивлённо и с возмущением уставило на ученика Целума выпученные горящие красным глаза. Издадо странный звук. Глухой низкий, уходящий корнями в сами лёгкие, словно попыталось на вдохе спросить: «Что?!». Из раненной лапы, рассечённой до кости, на пол стекала вязкая зелёная жижа, невыносимо воняющая гнилой мертвечиной.

Последний двуликий пятился к стене, выставив вперёд оружие. Заговорщики не спешили. В этот момент распахнулись широкие дубовые двери и в помещение тоннеля вышел Верховный Отец Дома Гадеса. Увидев прямо перед собой двоих наступающих, он взмахнул рукой и вслед за ней в воздухе потянулась длинная четырёхметровая полоска концентрированной энергии разложения — «плеть Танатоса». Движение ладони вперёд. Резко назад. Полоска хлыстом обвилась вокруг двух заговорщиков, стянула их вместе и с жадным шкварчанием медленно погружалась внутрь, насыщая неуёмную жажду. Броня под нитью лопнула. Она коснулась живой плоти и её края почернели. «Плеть» входила всё глубже и глубже, превращая кожу, мясо, ткани органов в осыпавшийся пепел праха. Маркар резко дёрнул и мучения прекратились: четыре половинки двух тел рухнули, как совсем недавно рассыпались двое теней под ударом Дигона.

Тварь повернулась. Увидев свою цель, она резким ударом ноги отшвырнула замешкавшегося мага Единства в стену и с диким рёвом, подобным разъярённому буйволу, бросилась в сторону Маркара. Тот лишь мгновение стоял ошарашенный невиданным уродством, и метнул «стрелу Танатоса». Чудовище лишь отмахнулось от неё, как от назойливой мухи. Расстояние сокращалось. Двадцать шагов. Почти касаясь головой потолка, оно приближалось. Маркар закрутил руками перед собой и навстречу бледно-зелёной коже всплыла «сеть смерти» — широкая паутина, сплетённая из нитей, подобных «плети Танатоса», жадных до плоти. Хрюкающая и брызгающая слюной мразь лишь замешкалась. Сеть не вредила этому созданию. Маркар ничего не понимал. На его вечной памяти ещё не было существ, устойчивых к Смерти. При этом, магию оно не применяло. Оно само было

магией. Он начал «крик Гадеса». Дигон, подхватил бессознательного Ямлиха и с разбега повалил его и Лаянну за угол. Крик нарастал. Тела погибших в схватке, лежащие по всему коридору, превращались в пепел и разлетались, словно сдуваемые сильным ветром листья. Разбросанное оружие покрывалось червоточинами, мгновенно ржавело и таяло, не долетев до противоположной стены. Даже камень, которым обложены стены, начал потихоньку выщербливаться, осыпаясь песком. Но и это не убивало загадочную тварь. Кожа стала болотной, побагровела, куски её начинали отслаиваться, обнажая гнусное зелёное мясо и источая смрад падали, но монстр ещё больше рассвирепел, зарычал в последнем рывке агонии и понёсся на Маркара. Даже «крик» не добил уродину. Схватив главу гади скользкой рукой уже без кожи, со стекающей по всей поверхности зловонной жижей, она бешено швырнула его о стену. В месте удара на каменной кладке образовалась вмятина и пошли трещины. Но Маркар даже после такого чудовищного удара попытался встать на одно колено. Из головы по бесцветным волосам обильно текла смутная серо-белая кровь Отца.

Озверевшая тварь замахнулась правой лапой, намереваясь снести противнику голову, и прорычала: «КЛИДНА!».

На расстоянии ладони от головы Маркара пролетел обрубок лапы, забрызгивая его зелёной гнойной массой. Большая часть, начиная от локтя, упала, отрубленная в прыжке Дигоном. Последний рёв был уже затухающим. С бульканьем и хрипом вырвался он из того места, где только что была изуродованная голова с местами оголённым черепом. Тварь рухнула. Верховный Отец, медленно качая головой, поднял глаза на своего спасителя.

— Благодарю, кто бы ты ни был! — почти шёпотом, сдерживая кровавый кашель, произнёс он и поднялся, найдя опору в руке Дигона. Искренне произнёс впервые за тысячи лет.

Потом посмотрел внимательнее на спасшего его, закрыл глаза и, немного помолчав, добавил:

— Хм, меч Урана. Оружие древних богов в твоих руках. Не тебе я бы хотел быть обязанным жизнью, Разрушитель. Но эта тварь...

Он указал на то место, где только что лежала грудa зловонной тухлятины, и осёкся. За спинами Дигона и подоспевшей Лаянны лежало совершенно голое ужасно истерзанное, почти без кожи и с вывернутыми наизнанку участками обугленного мяса человеческое тело. А чуть в стороне — наполовину сожжённая голова некогда прекрасной воительницы Захарии.

Первый месяц осени перешёл свою половину и короткий период тепла в северной части Миглаха давно покинул эти края. Заметно короче становились дни, а ночи длиннее и прохладнее. Растения, бурно переживавшие быстротечное лето, словно пытаясь по максимуму насытиться за это время, уже отходили и к природе ощутимо приближалось увядание. Жухлая трава под копытами чалых коней Литы и Астры вминалась в сырую от первых дождей землю. Сёстры так привыкли быть рядом, что даже лошадей выбрали одинаковых и, как всегда, не отставали от супруга.

— Что будет дальше? — Спросила старшая, немного оторвавшись вперёд и подойдя к Гипериону. — В этих проклятых лесах осталась почти половина наших армий.

Младшая догнала свою жену и пристроилась с другого бока от мужа.

— Не вспоминай об этом ужасе, дорогая, — ответил он, — мы давно покинули чащи Кариатида, и до Анциломета осталось не больше шестой части всего пути. Здесь, на равнинах, эти трусы не смеют атаковать нас даже с половиной войска. К тому же, и мы лишили их под сотню тысяч солдат, а для них такие потери куда существеннее. Эти северяне никогда не шли в открытую. Вот и сейчас сбежались все на перевал Анта и думают, что стены столицы Кроноса их защитят.

— Осада? — спросила юная Астра.

Яркая приталенная золотая кольчуга с пластинчатыми вставками смотрелась на ней не хуже бального платья. За спиной красовался чёрный с серебряными вставками лук из железной берёзы, подаренный Верховным Отцом Дома Аполлона в день свадьбы. Он посмотрел на то, как молодое тело подпрыгивает в такт ходу лошади и улыбнулся:

— Нет, милая, не думаю. Такой форпост, как Анциломет можно удерживать годами. Две мощные крепости по обоим склонам прохода в горах и огромные стены самого города на расстоянии полёта дальнобойного снаряда от крепостей — это очень выгодная позиция. Тем более, за перевалом океан и они смогут получать ресурсы.

— Так мы сами скорее вымрем под его стенами, — сказала Лита.

Её доспехи были почти как у Астры, с тем лишь различием, что крест-накрест через плечи на ней висела широкая португепя из белой кожи со множеством сумочек и заполненных чем-то кармашков. На спине пошатывался длинный металлический резной посох, на тонком древке которого оранжевым огнём сиял кубический камень гелиодор, насаженный по оси между двумя из дальних вершин.

— Да, Лита, ты права. К тому же, мы потеряли много осадных орудий. Это не лучший вариант. Но с него нам, похоже, и придётся начать, а обстоятельства покажут. Нам с Квирином нужно попасть на остров в заливе. Возможно, мы выиграем войну раньше, чем падут стены Анциломета.

Трёхсоттысячное войско, растянулось по великому тракту и придорожным полосам почти на четыре лиги. С одного конца этой блистающей железом доспехов реки не было видно второго. На открытом степном пространстве, хорошо просматриваемом во все стороны, легионы шли гораздо быстрее. После того, как силы Юга оставили позади лесные массивы, нападать на них действительно никто не решался. Только по началу бывали случаи, когда ночью небольшие отряды прокрадывались и слегка покусывали незваных гостей во время стоянок. Но организованные профессиональные воины очень быстро доказали, что

потери несоизмеримы и такая тактика больше не принесёт успеха. Обороняющиеся отвели остатки сил назад и сконцентрировали их в горах Анта, на перевале и в предместье столицы, готовясь дать врагу отчаянный последний отпор. На подготовку у них было меньше месяца.

Неделей ранее в соседнем Доме Гадеса, в библиотеке Маркара, после долгого крепкого сна двум гостям дома подавали горячую оленину с грибами в молочном соусе. Левая рука ученика Целума была подвязана и зафиксирована, но сухожилие, вывернутое ударом «Госпожи крови», уже не болело под действием каких-то жгучих мазей местных лекарей. Куда меньше повезло Ямлиху. Монстр сломал ему плечо, ключицу и почти все рёбра с правой стороны, раздавил одно лёгкое. Он лежал без сознания в отдельной комнате, а вокруг него неусыпно дежурил целитель.

— Ваш друг сейчас на туманном берегу, — спокойно произнёс Верховный Отец Дома Гадеса, хромая переступив порог библиотеки. — Он уже слушает тихий шёпот волн Океана Теней. Мои медики ему помочь не в силах. Но я послал весть Урании. Никто, кроме неё не сможет вытащить с того берега живого. Не знаю, откликнется ли. Она — словно сок жизни, под моими облаками ей тесно. Так что Мать венетов не была в моих землях ни разу. И врат Талари у меня нет. Отсюда только я могу творить порталы. И сюда тоже. Здесь властвует Смерть и стихийные переходы не найдут в моих землях себе источника. Но несколько недель мы подержим твоего мальчика у грани. Пока что он не умрёт.

Маркар сам был весь перевязан бинтами и походил на высыхающую старую мумию. Ходил он с трудом. Значительная часть костей его тела сломалась под непомерной мощью «Госпожи крови». Многие органы смяты. И хоть регенерация бессмертного организма началась очень быстро, с таким количеством повреждения даже она справится не скоро.

— Благодарю Вас, Верховный, — робко начал Дигон. Я пришёл в твой замок...

Хозяин гади поднял руку:

— Я знаю с какой ты здесь целью. Не утруждай себя рассказом. Ешь. Я виделся с Держателем и знаю, что он ищет. Нашу последнюю встречу нельзя назвать тёплой. Да и нет на то причин. Ни у него, ни у меня. Но я помогу тебе. Именно тебе. Смерть не терпит долгов. Нужно торопиться — орды южан уже близко к цитадели Лабриса. Поэтому скачи кратчайшим путём обратно в землю Дома Зевеса. Когда покинешь мои границы — сможешь перейти на Дагарок. Ты ведь освоил технику порталов, не так ли? А мне нужно побывать в Омфале. Кровь Агадира, в которой другие Отцы умирают и перерождаются, теряя часть своей жизни, исцелит меня. И я прибуду к перевалу Анта отплатить за спасённую жизнь. А теперь заканчивай и иди. Пиксида перед тобой, на столе. Советую не перчить её содержимым мясом. Передавай привет... папе.

Маркар вышел и больше не возвращался. Лаянна раздвинула подносы с олениной и овощами, а между ними лежала капсула с прахом Всеотца.

— Как-то, я уже и наелась. Ты ему доверяешь?

Дигон подумал и ответил:

— Смерть всегда приходит, даже если не обещает. А сейчас он дал слово. Думаю, мы скоро увидимся.

Ученик Целума и прекрасная дианита, всё-таки, закончили трапезу. Как только они встали из-за стола, где-то сбоку открылась неприметная дверь и вошли двое гади в смутных плащах поверх чёрной брони. Похоже, из двуликих.

— Ваш провиант, — сказал первый и положил на землю наполненные большие кожаные сумки, приспособленные для крепления к сёдлам.

— Четыре ваших коня готовы и ждут у центральных ворот, — произнёс второй. — Я провожу.

Ближе к полудню два всадника на четырёх конях уже мчались во весь опор тем же маршрутом, которым ещё недавно втроём они прибыли во Флегетон. Путь назад протекал немного быстрее. Магу и лучнице не приходилось уже мыкаться наугад в поисках дороги и даже обременять себя тяжёлыми походными запасами. Весть о героях, раскрывших заговор против Верховного Отца, быстро распространилась по всему Дому и по распоряжению свыше в городах их ждал несвойственный здешним краям тёплый приём. На великом тракте, недалеко от большого поселения, в котором когда-то трое путников встретили первого бежавшего от войны кронианца, Дигон и Лаянна пересеклись с невиданной процессией. Навстречу им, не щадя коней мчалась фигура в разгоняющем окружающий мрак лучезарном живом зелёном плаще. Едва поспевая за ней, скакали четверо сопровождающих воинов двуликих. Заметив их издали, двое влюблённых переглянулись и, не сказав ни слова, съехали с дороги. Затаились, не желая задерживать Верховную Мать Дома Венеры в ситуации, когда каждое мгновение могло стоить жизни их другу полукровке. Пропустив всадников, они поскакали дальше к рубежу границы зевитов.

Даже старый паромщик Тан не потребовал в этот раз за переправу ни гроша и попытался неумело улыбнуться своим клиентам:

— А я сразу понял, что вы, друзья, не просто так к нам пожаловали. А где третий ваш, который шустрый?

— Он отдыхает у вашего повелителя, — ответила Лаянна. — Его приключения пока что подождут.

— А жаль. Весёлый он малый, — покачал головой хозяин парома.

— Что слышно, уважаемый, — спросил его маг, — какие вести с севера несёт молва?

— Да переправлял вот вчера две семьи «серых», они в земли Зевеса бежали. Рассказывали, что плохо там всё, что войска Домов Кроноса и Дианы почти разбиты. Их оттеснили уже к стенам Анциломета и бои идут на плоскогорье вокруг. Но куда там тягаться с бесчисленными легионами юга. Они враги неукротимые. Сметут в Океан Теней защитников силой или голодом заморят.

Дигон всё-таки вручил Тану пять монет серебром, чему тот искренне обрадовался, и путники устремили почти выдохшихся коней дальше.

В тысяче лиг от них по промозглой степи остатки передовых отрядов дианитов и крониан, отступали к перевалу Антоных гор. Благодаря их отваге защитники города успели, по возможности, подготовить цитадель к осаде, окружить её рвами с земляной смолой и настроить дальнобойные орудия, организовать гарнизоны.

Военный совет занимал величественный тронный зал Лабриса. Он и Селена стояли в окружении своих полководцев возле необъятного стола с разложенной на нём картой горной гряды. Скалы закрывали полукругом Дагарокский залив и тянулись от него вдоль берега Ледового океана на восток и на запад. Ближе к перевалу Анта, вокруг Анциломета, стояло множество конусных фигурок белого и чёрного цветов. Последняя линия обороны. По паре разноцветных статуэток располагались в трёх точках справа и в трёх слева на территории с изображением гор. Они обозначали шесть фланговых крепостей на острых вершинах Анта, готовых дать отпор, если вдруг нападающие решат брать труднопроходимые утёсы и обходить столицу с тыла. Удерживать эти форпосты на голых скалах было просто и удобно, так что враг потерял бы десятки своих людей за одного павшего в бою защитника. Основные

силы сгруппировались в масштабно увеличенном на карте Анциломете и его предместьях. Некоторые белые и чёрные фишки находились чуть ниже, вдали от гор. А ещё ниже, уже на подступах, территория равнины была сплошь заставлена красными, золотыми и пурпурными фигурками. Перед столом было шумно. Селена возбуждённо говорила, указывая на дальние рубежи карты:

— Я смотрела сквозь пространство. Наши не успевают. Первые конные центурии уже стригут отступающих, словно траву на покосе. Уже через два дня со стен сторожевых башен мы сможем видеть их плащи.

Лабрис опёрся руками на карту попеременно смотрел то на военачальников, то на Слену:

— Нельзя пока что подпускать их слишком к заградительным позициям. Так они слишком рано узнают про рвы. Просто подожгут их сами и пересидят, пока все не выгорят. Нужно заставить ушедших вперёд вернуться к основным силам. Или наоборот — выманить из общего строя как можно больше противника и нанести первый удар.

— Сколько передовых отрядов нагоняют наших? — спросил архос фракции боя Сатор.

— Не более тысячи. Почти все арейцы. — ответила Селена. — Жадным до крови детям войны не терпится напоить свои мечи чужими жизнями.

— Владыка, — продолжил военачальник, — позвольте применить отряды конников. За день они обойдут по флангам передовиков и окажутся на месте их появления раньше. Они смогут защитить отступающих. Или отрезать их преследователей от основных сил. У нас всего тысяча двести коней, но для такой вылазки этого более чем достаточно. Дальше может и не представится шанса их использовать.

— Хороший план. Но мы поступим немного иначе, — ответил на просьбу Сатора Лабрис. — Конница выйдет на день позже, завтра к полудню, и пройдёт вглубь материка не больше, чем на полторы лиги. Там отряды дождутся эту когорту головорезов и обойдут их с тыла. Навстречу отступающим остаткам наших лучников мы сегодня направим гонцов. Чтобы те не слишком спешили, сгруппировались и могли вступить в сражение, когда увидят подмогу. Так мы зажмём врага в тески. Нужно потянуть бой, чтобы основные силы южан увидели разгром своих особо ретивых братьев. А потом — стремглав обратно. Ни Гиперион, ни тем более Квирин сдержанностью не отличаются. Они непременно бросят в погоню большие силы. Так мы заманим их на рвы и покажем, что огонь не так дружелюбен их Домам.

— Тогда позвольте я сам поведу конницу в бой, Верховный.

— Это твои люди, Сатор. Я знаю, что ты не подведёшь их. Собирай вылазку, — скомандовал Лабрис и архос, поклонившись, направился готовить операцию.

Пока обречённые защитники столицы Дома Кроноса ожидали встречи с многократно более сильным противником, Дигон с Лаянной загоняли коней по пустыне Гадеса. В это же время на западном берегу Центрального моря, недалеко от границы с Домом Венеры, Фульгур и Кетер подгоняли полки не воинов, но инженеров. Жара стояла редкая. Травяной сухостой давно сменил собой сочный зелёный ковёр вокруг песчаного берега и нового городка на четыре тысячи жителей. Большая часть из них работала на таинственных объектах глав Домов. Исполинский каменный круг уже заполнили установленные мегалиты. Кетер дни и ночи безвылазно находился в его границах, постоянно что-то вымеряя, рассчитывая, и проводя бесконечные ритуалы с группой из десяти приближённых магов. Ещё два десятка адептов Цифры, используя энергию своего Дома, все эти месяцы трудились над

структурой растущего кристалла, которая позволит ему пить информационные потоки. И сегодня этот долгий процесс подошёл к концу.

Аппаратуру вывели из работы. Стравили давление и отвели остатки ионизированного расплава мнеморина. Трое суток ушло на то, чтобы плавно, опасаясь резкого перепада температур, понизить жар внутри агрегата. И вот, тёплым ясным утром, неповторимый Великий Кристалл Памяти увидел свет Аполлона. Сильно вытянутые к вершинам неровные трапеции его граней сначала скромно поблёскивали. Знакомились с миром. Питались информацией о Стихиях, первоэлементах, энергиях Домов и всех других бесчисленных тонких материях, пронизывающих естество Миглаха. Кетер коснулся его и поприветствовал. Кристалл принял своего хозяина. Вспыхнул мириадами огней всех возможных и невиданных цветов. Заискрился. Засиял и свет этой вспышки подобен был ярчайшему беззвучному взрыву тысяч огненных шаров. Даже кони влюблённых героев, почувствовав рождение великого артефакта за шесть сотен лиг, в краю вечного мрака, встрепенулись и громко заржали, а окружающий тяжёлый мутный воздух на мгновение, как будто, посветлел. Все, кто непосредственно наблюдал за происходящим, и по велению Кетера не успел закрыть глаза рукой, едва ли скоро смогут нормально видеть. Кристалл, как самую большую ценность этого мира, аккуратно переместили в подготовленный мегалитический круг и установили вертикально в тело алтаря с идеально подогнанным под него отверстием. Играя отблесками света Аполлона, он создавал причудливые тени на поверхностях десятков окружавших его каменных исполинов. Кетер во главе трёх десятков магов-цифиров укрылся за стенами двухметрового земляного вала. Они готовили своё невиданное оружие против «сферы безмолвия».

На утро шестого дня после того, как беловолосый паромщик-гади удовлетворённо простился с двумя всадниками, они пересекли неярко полыхающую синюю линию границы Дома Зевеса. Оба резко остановились, слезли с коней и тут же бросились на вялую траву с обширными рыжеватыми проплешинами. Глубоко осеннее, но ещё помнящее трепет жизни покрывало разительно отличалось от блеклых скелетов, устилавших пустоши земель нетленного правителя. Лошади последовали примеру своих хозяев и даже лёжа жадно вгрызались в сочный покров, видимо, стараясь навсегда забыть о двух с лишним месяцах диеты из сухой пустотелой соломы. Дигон и Лаянна лежали на спинах и, как нырятьщики за жемчугом дальних южных островов после долгих погружений, что было сил, наполняли грудь свежим утренним ветром. Казалось, будто десятипудовый груз свалился с плеч и на его месте выросли невесомые ангельские крылья. Не меньше часа они просто лежали, не говоря ни слова. Даже ненадолго уснули, измождённые непрерывным бегом. Тоска, уныние и гнёт чуждой вязкой энергии Гадеса уходили в прошлое вместе с тягучим застоявшимся туманом, наполняющим воздух его сумрачных границ. Проснулись они, когда Аполлон уже приближался к своему зениту. Страдания мира, вновь пришедшие в сознание Дигона из тени могильного мрака, ослабили. Стабильные потоки привычных Стихий вернули их душам равновесие и даже возродили проблески надежды. Все пиксиды были собраны. Задание Целума выполнено. Оставался, казалось, последний шаг — туда, на северный край мира, за которым лишь холодные воды Ледового океана и конец затянувшегося похода.

Лаянна сняла ставшие ненужными упряжи и сёдла с лошадей, ласково потрепала им гривы и несильно шлёпнула каждую по ляжкам:

— Бегите, добрые друзья! Вы верно послужили людям и достойно завоевали свою свободу. Прощайте!

Дигон сел на землю и сконцентрировался. Он вспоминал прошлое, казавшееся таким далёким и светлым на фоне безудержного темпа почти что года скитаний. За это время они прошли вокруг всего Миглаха, побывали в сражениях и не раз стояли на пути в Океан Теней, посетили самые тайные и свято хранимые места континента. Он стал иным. Впитал мудрость, силу и боль всех стихий и энергий этого мира, обрёл мощь, местами недоступную даже Верховным Отцам. Он был готов завершить свой путь. Дигон вспоминал изнурительные тренировки и долгожданные часы отдыха, проведённые в иллюзорной башне Держателя Мира.

— Сын мой! — загремел в голове ликующий бас Целума. — Я снова отчётливо вижу тебя. И я чувствую, что все части утраченного мной при тебе. Торопись! Армии непокорных Домов Юга уже готовятся штурмовать Анциломет. У нас мало времени. Мы должны закончить начатое. Ещё можно помочь умирающему миру.

Голос стих. Дигон представил древние развалины храма в южной части острова Дагарок. Вспомнил огромные валуны от расколовшегося в незапамятные времена циклопического храма Всеотца. Возродил в памяти каждый камень, через который он пробирался, стремясь выполнить задание тогда ещё своего Дома. Промозглый воздух, холодящую душу высоту серого кронианского неба. Запах океанического сырого ветра, который после затхлого марева Дома Гадеса казался свежим бризом. Потянулся вглубь своего естества. Сначала он подумал выудить поток земной стихии для создания прохода, но

энергии четырёх первооснов сплелись так плотно, что он взял их все. Направил бурной рекой к рождённому в воображении образу, и те неожиданно легко повиновались. На границе земель зевитов, в полуметре над танцующими стеблями травы вспыхнул идеально круглый радужный портал Эфира. Его трепетная вуаль переливалась в лучах Аполлона неестественным фосфоресцирующим свечением.

Лаянна даже подпрыгнула:

— Ого! Это что-то новенькое. Какая красота!

Дигон обхватил свою женщину за талию, крепко поцеловал, и они вместе перешагнули порог тоннеля в межреальности. В тот же миг на острове Дагарок, над каменистым покровом гигантской воронки, недалеко от руин Старого Мира, открылся рождённый учеником Целупа проход. Первый за десять тысяч лет эфирный портал, созданный не машинами зевитов, а волей мага.

Всего в десятке лиг от него архос фракции Боя, неустрашимый Сатор, выводил две группы кронианской конницы из ущелья перевала Анта. Шестьсот отборных всадников он повёл сам, повернув налево, вдоль гряды скалистых гор. Такие же шесть сотен пошли направо под предводительством его заместителя, молодого витязя Арнура. Пройдя по половине лиги каждый в свою сторону, чтобы враг не обнаружил засаду раньше времени, они развернули коней и параллельно устремились в глубь материка.

Проскакав по полторы лиги и спрятавшись от лишних глаз за холмами, они выставили дозорных и стали ждать появления красных плащей. В аккурат посередине между двумя частями конного полка бежали, кто на лошадях, а кто и пешим ходом, измождённые бесконечной погоней остатки армий Домов Кроноса и Дианы. Те самые, что встречали врага на всей протяжённости северных земель. Единицы гнали коней ещё с Кариатидских лесов, но основная часть — с равнин. Леса мало кого выпустили из-под своих крон, обильно насыщая почву погибшими с обеих сторон. Долгая погоня уничтожила почти всех, кто четыре-пять месяцев назад первыми встречали удар с Юга. Больше было белых плащей — до воротника заляпанных грязью и кровью, разодранных и обгоревших. Но когда-то белых. Чёрные плащи по своей специфике больше вязывались в ближний бой и чудовище войны пожирало их чаще. Оставшиеся лучники Дианы не спешили. Группировались небольшими мобильными отрядами по двадцать — тридцать стрелков, выбирали главного и в любой момент готовились развернуться и отомстить преследователям за смерти своих товарищей. Они знали уже, что где-то на этих рубежах должна прийти подмога и доверяли свои жизни мудрости правителей.

Враг не заставил себя долго ждать. Первые несколько десятков всадников выскочили из-за холма с яростными криками и, увидев скопления преследуемых, подняли вверх копья с режущими на ветру красными лентами. Сзади нарастал гул копыт остальной части авангарда. Опьянённая в предвкушении крови врага когорты из почти тысячи конных воинов вынесла щиты вперёд, чтобы лучники не могли их достать. Выстроившись двумя широкими рядами и оцетинившись копьями, арейцы рванули вниз собирать смертельную жатву. До первых групп лучников оставалось не больше половины лиги.

Ветер на время будто стих. Стрелков на широком гладком поле было немного, сотен пять. Почти все пешие. Но они были рассредоточены на большом расстоянии. Оставшиеся мечники уже были далеко и приближались к первым линиям защиты подступов к Анта. Да и что они сделают против закованной в латы и прикрытой щитами кавалерии? Лучники боялись. Страх витал в воздухе, привлекая извечных гостей на ристалище — крылатых

падальщиков. За рядами набирающих скорость всадников южан начала подниматься пыль. Её плотная пелена вздрогнула от зычного неистового пения боевого горна Сатора. С другой стороны ему мелодично ответил второй рог Арнура. Стук копыт арейских скакунов постепенно тонул в гулком топоте более тяжёлых, мощных, но не предназначенных для долгих походов, лошадей крониан. А на дальних холмах, закрывающих горизонт в трёх лигах южнее, уже показывались первые сотни алых, пурпурных и золотых флагов необъятного войска союзников Огня и Воздуха.

Ряды передовой атакующей когорты замешкались. Горны всё трубили, быстро приближаясь. Группы лучников, радостно ликуя, быстро собрались в пять больших отрядов по сотне в каждом и натянули тетивы. Тысячей отчаянных всадников Дома Ареса командовала младший архос братства Копья, ужасная Беллона. Она поздно поняла свою ошибку. Куда бы теперь она не повернула, в спину всё равно ударит враг: или конница Кроноса, или дети Дианы. В воздухе засвистели первые стрелы, отлетая от панцирей и щитов. На холмах сзади, со стороны основного войска, уже ревели низким тенором десятки боевых рогов. Увидев издали засаду, они собрали не меньше легиона в погоню за кровавым ответом священной мести. Четыре или пять тысяч разноцветных плащей оторвались от основных сил и погнали коней на помощь авангарду.

— Вперёд! — обезумев от неотвратимой смерти, заорала дикая всадница. Белонна понимала, продолжение атаки на лучников, даст ей возможность забрать с собой в Океан Теней куда больше врагов, чем битва с кавалерией, и это осознание подогревало её неукротимую ярость.

Когорта уже слишком растянулась, собираясь ловить разрозненных беглецов, чтобы эффективно противостоять тяжёлым всадникам. Правый и левый её фланги начали тонуть в полукруглых строях конниц крониан. Словно гигантские пасти пожирали они десятки за десятками настигаемых красных плащей. Первая волна всё-таки успела нагнать пять групп с лучниками и длинными копьями впились в их неплотные ряды. Трупы разлетались во все стороны, многих с пронзёнными насквозь телами на копьях так и потащили дальше. Больше третьей части из пяти сотен дианитов смяли за раз. Вторая волна уже не смогла организовать. Большинство атакующих уничтожила засада защитников. Остальные рассыпались во все стороны и медленно гибли, сражаясь с грозным натиском мощных коней Кроноса и от метких стрел Дианы. Выстроившись ровными шеренгами, отряды Сатора и Арнура прошли навстречу друг другу, заканчивая внезапный разгром яростной когорты арейских берсеркеров. Тело Белонны, внушающей страх даже мёртвой, сидело на погибшем и рухнувшем на колени коне. Из её головы, спины и груди торчали десятков оперённых древков, но поводья она так и не выпустила.

— Перекличка! — скомандовал архос фракции Боя и спешил. Подошёл к первому попавшемуся дианиту и крепко обнял. — Надеюсь, это не последняя наша победа. Распределитесь по всадникам и готовимся к отступлению. Но не сразу. Заманим за собой сколько сможем.

Несколько минут все отдыхали после боя, унесшего жизни почти двухсот стрелков и немного меньше кавалеристов. Легион мстителей уже преодолел больше половины пути к месту битвы. Сатор не торопился. Ждал, пока они подойдут ещё ближе, заставляя своих людей хаотично двигаться на месте и создавать иллюзию продолжающейся битвы. Сквозь налитые облака пыли разглядеть подробностей было невозможно. Расстояние быстро сокращалось. Выжившие лучники расселись на освободившихся коней. Хватило всем, даже

остались не осёдланные.

Когда до несущейся во весь опор орды оставалось пол лиги, архос командовал отступление. Тяжёлые лошади, потратившие немало сил в бою, двигались ощутимо медленнее своих преследователей, но это было только на руку плану Лабриса. Отходящие силы продвинулись на две трети лиги, а нагонявший их легион рассыпался и шёл широкой рассредоточенной тучей уже вот-вот собравшейся поглощать первых отстающих. В этот момент солдаты Сатора начали выбрасывать в стороны заранее заготовленные пакеты с зажжёнными фитилями. Прошло ещё не больше половины минуты и там, куда они упали, рождались огненные вспышки, разбрасывая далеко от себя россыпи крупных капель пламени. То там, то здесь от них загоралась сухая трава. Красно-жёлтые языки быстро обрастали чёрным клубящимся дымом, передавая запал скрытым под дёрном неглубоким рвам, которые заполняла земляная смола. Огонь быстро расходился под плотным ветром, дующим с океана.

Пространство на равнине загудело. Наполнилось криками и звуками арейских горнов, прекращающих атаку. Но поздно. Коней на всём скаку не так легко остановить. Первые ряды уже ступевались, резко встали, кони заржали, отпрыгивая назад, стараясь убраться подальше от губительного жара. Сзади на них наваливались всё новые и новые эшелоны, к ним присоединялись десятки и сотни других с флангов, пытаясь стряхивать с копыт липкую пылающую чёрную жижу. Продолговатые борозды вспыхивали одна за другой во все стороны вслед за отступающими. Огонь быстро покрывал поле, усеянное сваленными в кучу лошадьми и их наездниками. Над равниной сгустилась непроглядная чёрная копоть, закрывая свет Аполлона, а над землёй уже выше человеческого роста буйствовал шквал ярко красного с бордовыми прожилками пожара. Адская картина силуэтов, обречённо метавшихся внутри трепещущего моря пламени, предстала глазам выживших. Не больше пятой части легиона успели вовремя остановиться. Рванули назад, обгоняя разносимую порывами ветра копоть, наполненную маслянистым пеплом и смрадом горелой плоти. Почва пустоши, обильно пропитанная земляной смолой, выгорала ещё много часов, заставив отодвинуть конец триумфального наступления разъярённой армии захватчиков.

Ночью этого дня, ставшего роковым для авангарда союзников, далеко на юге Верховный Отец Дома Цифры вышел из кольца могучего земляного вала наружу. Ни один из тридцати магов-цифиров, вошедших с ним в каменный круг четырьмя днями ранее, назад не вернулся и следов их больше никто никогда не видел. Исполинский мегалитический артефакт преобразился. Даже в свете ясного неба над ним очевидно проглядывался напряжённый сферический купол, приплюснутый сверху, похожий на гигантскую каплю росы, растянутую по периметру окружности земляной стены. Ночью эта эфемерная прозрачная шапка светилась насыщенной плотной энергией, пропитавшей сочный воздух внутри её пределов. Сама фигура Кетера, покинувшего своё творение, излучала невиданную мощь. Когда он проходил мимо, волосы окружающих наблюдателей сами собой поднимались в разные стороны, а мелкие металлические предметы начинали заметно подрагивать. Если присмотреться, то можно было заметить кокон лёгкой искрящейся ауры вокруг него на расстоянии вытянутой руки. Глаза его пылали, но были стеклянными, словно смотрели в одну точку, не меняя положения зрачка. Хозяин Цифры молча, ни на кого не обращая внимания, прошагал к камню оператора в тридцати метрах от рва, упёрся в него спиной. Раскинул руки и впился взглядом в кристалл, источающий потоки света.

Не прошло пяти минут и пространство песчаного берега напряглось. Мельчайшие

окатанные частички кварца по всему пляжу завибрировали. Тихая водная гладь морского залива вздрогнула и покрылась неестественной мелкой рябью, словно стадо из тысячи раззадоренных буйволов неслось по земле где-то рядом. Самого потока не было видно, но все присутствующие узнали о нём. Ощутили другими чувствами. Подсознанием. Он нёсся, не зная преград из самого сердца Дома Цифры, стремительно пересекая Центральное море. Приближался неистово и быстро. Влетел. Ворвался, растолкав привычную леность и вальяжную неспешность учёного Дома Зевеса. Ударил в камень оператора, слегка даже накренив его, и волну этого столкновения почувствовали все наблюдатели. Кетер прижал руки к груди и взвыл. Не своим. Даже нечеловеческим голосом. Трубным, со звоном металла в недрах. Его резко оторвало от земли и плавно опустило обратно. Он снова расправил руки и уже видимый дымным фиолетовым светом, массивный и плотный поток энергии Дома Цифры полился через Верховного Отца, насыщая Великий Кристалл Памяти.

Молчаливая и бесплодная земля в воронке вокруг руин Старого Мира вздрогнула: рукотворный эфирный проход Дигона прорвал устойчивую ткань реальности. Первым под мелкий морозящий дождь, смывающий и без того скудное полуденное тепло Дома Кроноса, вышел молодой маг. За ним, удивлённо улыбаясь, выскочила Лаянна и восхищённо затараторила:

— Я плыла! Ты видел, я сама плыла в потоке! Тебе не приходилось защищать меня от стихийных сил в межреальности. Этот проход был просто великолепен! Я чувствовала, как Вода внутри меня радовалась и пела, почувствовав сотворённый тобой поток Эфира! Это просто сказочно!

Казалось, что проблемы мирской суеты, тяготы походной жизни, даже боль и ужас войны Юга и Севера совершенно не интересовали прекрасную молодую дочь Дианы. Она кружилась и глотала слова от переполнявших чувств. Лишь кристалл Дианы на её шее пульсировал цветом опасности. Дигон подошёл и обнял её:

— Пойдём, душа моя, нам осталось совсем немного.

Взявшись за руки, широко переставляя ноги, они зашагали вниз по небольшому склону к сокрытому в камнях проходу внутрь заброшенного зала.

— Как здесь тихо и одиноко, но в то же время вдохновенно величественно, — протиснувшись в расщелину, оценила остатки былой славы храма притихшая дианита.

Дигон вошёл за ней. Тут же, отражаясь эхом от стен, прогремел голос Держателя мира:

— Ты даже не представляешь, насколько ты права, дитя! Несказанно тихо и бесконечно одиноко!

Лаянна закрыла рот рукой и даже присела. В самом центре разрушенного зала зародился маленький пыльный вихрь. Он закручивался, креп, рос, быстро набирая обороты. Через мгновение достигал уже половины высоты сводов и несколько обхватов в диаметре. И, вдруг, резко остановился, раздвигая набравшее скорость серое облако до самих стен помещения. Гости невольно зажмурились, а когда открыли глаза, то уже стояли на чистом мраморном полу в просторном и светлом зале иллюзорной башни Целума. Он сам, положив руку на алтарь безжизненного Чёрного Камня Кибелы, стоял в центре.

— Подойди, мальчик мой, я так рад снова видеть тебя! — зазвучал чистый, не искажённый расстояниями и междумирьем, голос учителя. — И ты, прекрасное юное создание, ты тоже подойди, я хочу посмотреть из-за кого мой ученик потерял покой.

Дигон и Лаянна приблизились к великану с тёмно-каштановыми с проседью волосами. Целум положил огромные тёплые руки на плечи обоим.

— Путь ваш был наполнен непредсказуемыми странностями, и я часто терял нить твоей судьбы, мой верный ученик. Я рад, что не ошибся в выборе. Ты стал сильнее и мудрее, чем я только мог предположить. Но расслабляться рано. Мне нужно подготовить ритуал, поработать в реальном времени над составляющими, смоделировать наиболее подходящую совокупность потоков. На это уйдёт не час и не два. А, возможно, и пара дней. Но огромная союзная армия трёх Домов уже в половине дня пути от перевала Анта. Сегодня хитроумному Лабрису удастся ненадолго остановить их, но уже завтра утром враг набросится на охранные кордоны и крепости Анциломета с удвоенной яростью. Ты должен помочь нашим соратникам сдержать этот свирепый натиск, пока я не буду готов выйти к ним сам.

Он повернулся к Лаянне и продолжил:

— А ты, милое дитя, поможешь мне. Я знаю, что ты искусный стрелок, но на стенах столицы Дома Кроноса и без тебя хватит героев. Мы займёмся куда более важными вопросами.

Дианита немного помолчала, задумчиво склонив голову и сказала, протягивая свою сумку:

— Возьмите, повелитель. Это Ваше. Позвольте мне недолго побыть с любимым, и я буду в Вашем распоряжении.

Целум отпустил своих гостей, а глаза его полыхали чёрно-красными вспышками и замирало дыхание, когда дрожащими руками он выставил на идеально глянцевую чёрную поверхность алтаря девять возделенных пиксид. В это время Дигон и Лаянна сидели в гамаке на цветущей лужайке дворика храма. Сидели молча, держали друг друга за руки и смотрели в глаза. Что-то въедливо-гнетущее терзало их души, что-то страшное и необоримое, казалось, стояло за спинами влюблённых и ждало подходящего момента, чтобы рухнуть на них и оборвать хрупкую связь человеческих жизней. Иллюзорный весенний покой дворика башни никак не сочетался с этим тяжёлым иррациональным страхом. И только кристалла Дианы вторил предчувствию даже не красным, а бордово-алым трепетным огнём.

Ближе к вечеру, под бледно-жёлтыми лучами Аполлона, бегущего за рваный кордон Антоных гор, на гигантской внешней стене Анциломета появился исполненный достоинства, величественный молодой маг Единства. С его плеч спадал широкими фалдами, переливаясь радугой в закатных лучах, сотканный серебром живой эфирный плащ Единства. Последний подарок Держателя мира, подготовленный им для своего ученика. Завидев под ним чёрную броню-ящерицу, безотказно служившую хозяину в течении всего долгого похода, окружающие радовались, ликовали, в их глазах загорался луч надежды. Кто-то почтительно отходил в сторону, учтиво кланялся, кто-то наоборот — стремился дотронуться, просил благословения.

«Скорее, смотрите! Дигон-боритель вернулся!», — шептали люди друг другу.

«Дигон-боритель с нами!», — раздавалось громким эхом по рядам защитников.

Людская молва превратила Разрушителя в героя, разнесла и, конечно, приукрасила его подвиги. Во все времена в период безысходности и перед лицом надвигающейся гибели людям был нужен живой светлый идеал непобедимого воина, сокрушающего врагов одним своим видом. И таким кумиром, сам того не подозревая, стал для них Дигон. Вот он, о ком уже слагают легенды. Вот он здесь, обладатель магических сил, недоступных прочим. Вот он, рядом с нами, кто победил даже в битве с Верховным Отцом Гиперионом. Никого не интересует правда. Никто не хочет знать, что и он смертен, что его разрывают сомнения и пожирает боль всего мира. Никто и не поверит, что в схватке с Гиперионом он хоть и искусно, но просто бежал. Реальность — это не тот герой, которого жаждут люди в час беспросветной обречённости. Ученик Целума осознавал это, глядя в глаза запертых на последнем рубеже защитников. И он принимал эту роль, взвалив на себя ещё одну тяжкую ношу, понимая, что никто кроме него этого не сделает. Он взял вороного коня и поехал по улицам понурого города. Полки мечников-кронианцев, готовых стоять до последнего за свою землю, сотни лучников-дианитов и неуловимых спарингистов из ковена Щитов той же крови, отряды неопытных в боях, но готовых на жертву из любви к миру воинов-венетов, вооружённых, в основном, луками — все они вздымали стяги, едва завидев скачущего по

сырой от мелкого дождя брусчатке всадника в серебряном плаще. И след его словно светился восстановленной из пепла верой в то, что не всё ещё потеряно, что Океан Теней ещё подождёт их неприкаянные души. Только ночью, далеко после заката, Дигон остановил коня и передал поводья страже на воротах гранитного замка хозяина Дома Кроноса.

Военный совет давно разошёлся раздавать последние указания и немного отдохнуть перед завтрашним днём. Никто не мог ответить на вопрос: что же задумали узурпаторы с юга. Только две фигуры в полумраке свечей ожидали почтенного гостя. Лабрис и Селена сидели за столом и молчали. Всё, что нужно, уже было сказано. Оставалось лишь толика времени, тонушая в долгих тысячах лет их жизни.

— Приветствую вас, Верховные! — устало произнёс ученик Держателя мира, входя в открытые управителем дворца двери тронного зала. — Я выполнил задание учителя и пришёл к вам стоять перед армиями врага. Целум просит сдерживать их, пока он готовит ритуал возвращения в наш мир.

— Целум не просит, а требует, — возразил глава крониан. — И, в принципе, имеет на это право. Я рад видеть тебя в наших рядах, молодой маг. Твоя помощь не будет лишней. Слышал, как зовёт тебя народ? «Дигон-боритель». Ты нужен им, и как я понял, ты сам это знаешь, раз несколько часов ездил по военным расположениям. Ты очень вовремя.

— А что случилось с дочерью моего Дома? — взволнованно спросила Селена. — Когда я последний раз смотрела на нити реальности, вы были вместе. Она в порядке?

— Да, ночная госпожа, — ответил Дигон, — она сейчас в самом безопасном месте Миглаха, рядом с Целумом, помогает ему в подготовке. Твоя дочь справилась лучше, чем я мог даже мечтать. Прошу тебя, если всё закончится... нет, когда всё закончится — благослови её стать моей женой. Я знаю, что союзы брачные между Домами вне закона, но всё равно прошу тебя.

Селена впервые за несколько последних месяцев тихо по-доброму улыбнулась. Подошла к молодому магу и положила правую руку на плечо. Эфирный плащ возмутился. Одёрнулся. Покрылся рябью, изучая впервые встреченную высшую силу, но тут же успокоился, не найдя опасности.

— Ого! — донеслось удивление Лабриса. — Каким ты другом обзавёлся. Это же Эфир! Как я раньше не обратил внимание. Всё от дикой суеты этой проклятой резни. Живой плащ уже имеешь. Так тебе скоро в пору будет свой Дом основывать. Жаль, ты один такой — последователей не сыщешь.

— Его Дом это весь Миглах, — сказала дианита. — Так что, по большому счёту, ваш брак не будет союзом разных Домов. Я благословлю его. Если сама Лаянна пожелает.

— С ней я договорюсь, — пошутил в ответ Дигон.

— Это всё, конечно, мило, — подошёл к ним Верховный Отец Дома Кроноса, — и такие моменты мне нравятся куда больше того, что творится за стенами, но положение наше ужасно. Осаду мы сможем выдержать очень долго. Даже такого бесчисленного войска как это. Скажем, Агорей именно так и поступил бы. Но я знаю и Гипериона, и Квирина. Они не смогут долго сидеть без действий. Два — три дня и начнутся вылазки, атаки, попытки обойти с флангов. Если бы не спешка, с которой они проводили эту компанию, то были бы и корабли со стороны океана. Мы сделали всё, что в наших силах. Пойдём к столу, я введу тебя в курс дела.

Все трое подошли к карте.

— Вот здесь, вдоль горной гряды, по три сторожевые крепости с боков от прохода.

Между ними где-то по пятьсот метров. Они не большие, но хорошо защищены и очень неудобны на подходах. Фактически, они на острых отвесных скалах. Слишком высоко и для катапульта с равнины, и для нападения пехоты. Так что, реши враги напасть с фангов — им понадобится не одна неделя, чтобы обойти по горам и вдоль берега эти твердыни. Не думаю, что южане пойдут этим путём, но и его мы не упускаем из вида. Пожар на равнине за перевалом затухает, и я уверен, что завтра мы будем наблюдать их армаду во всей красе. Здесь, прямо над проходом перевала, два боковых форта Анта — уже уязвимы для дальнобойных орудий, но только из узкой полосы посередине холмистой пустоши. А они сами имеют по десять катапульти. Не таких мощных, как наземные, но с куда более высокой точки они могут бить дальше. Этого вполне хватит для расстрела всего, что враг выкатит на полосу огневого рубежа. А после — только наши пятнадцатиметровые стены. Великий тракт опирается в треугольный клин нашей крепости. Если огненные решатся на штурм, то не знаю, сколько мы сможем их сдерживать. Пару дней, не больше. Надеюсь, этого времени хватит Целуму для возвращения.

— Сколько у нас солдат? — спросил Дигон, рассматривая карту.

— Шесть малых крепостей по скалам не учитываем — они не будут принимать участие в битвах. Их задача — пассивная защита флангов и они её выполняют просто находясь там. В двух боковых фортах по три сотни лучников, несколько магов и артиллерия. В столице мы смогли собрать большие силы. Не считая особых отрядов, семь тысяч моих мечей, четыре тысячи стрелков Селены и около пяти тысяч воинов Урании, которые пришли сюда океаном почти месяц назад. Стреляют они, конечно, неплохо, но военной подготовки — ноль. Что мои тренеры смогли — за это время сделали. В общей сложности выходит примерно один к двадцати с южанами. Учитывая плюсы нашего расположения, совсем неплохо. Если нужно немного потянуть время, выдерживая осадную изоляцию. И катастрофически, если враг будет наносить короткие точечные удары или, упаси Покровители, пойдёт в лобовую атаку. Нас загнали в угол, как диких зверей. Очень надеюсь, что план Целума сработает. Или в Миглахе станет минимум на два Дома меньше.

— Завтра на рассвете, — начала Селена, — мои стрелки начинают нести круглосуточную вахту на стенах по тысяче в каждой смене. Будем разбавлять двумя тысячами венетов — пусть привыкают к полевой службе и учатс...

Верховная Мать Дома Дианы не закончила. Монолиты древних, как сам Миглах, скалы задрожали от басистого гула большого сторожевого рога. Сразу за ним отозвался чуть более высоким тоном рог второго форта над перевалом. Армии южных Домов пришли в движение. Лабрис ошибся, говоря, что знает горячую натуру Гипериона и Квирина. Нет. Не достаточно знает. Они решили не ждать даже до утра и, загасив остатки тлеющих очагов пожара, бросились в бой немедленно. Без меры разозлило их дерзкое сожжение брошенного в погоню легиона.

Вторя сигналам сторожевых фортов, вся крепость Анциломета наполнилась разноголосыми переливами горнов сотен военных подразделений. Шум разрезал только наступившую ночную тишину. Едва успев отойти ко сну, солдаты вскакивали, надевали броню, подхватывали приготовленное с вечера оружие, беспорядочно бегая в поисках своих отрядов. Лучники спешно поднимались на огневые позиции, стражи катили из складов бочки земляной смолы, тащили массивные острые каменные глыбы, расчёты тяжёлых копьемётов и катапульти натягивали тугие тетивы и поднимали противовесы, готовили снаряды, сгруппированные сотни мечников, поднимая тяжёлые башенные щиты,

организованными рядами устремлялись на широкие пролёты стен.

Словно отвечая позывным из крепости, вдали, со стороны равнины прилетели звуки горнистов южан. Тысячи их. От тонких писклявых рожков до мощных гулких труб, напоминая запертым в стенах цитадели о несметных ордах приближающегося врага. С площадок двух сторожевых фортов по обоим склонам перевала полетели первые ядра — плотные, изготовленные из прессованных опилок и пропитанные смолой снаряды. Оставляя за собой клубы чёрного дыма и длинный огненный хвост, один за одним они помчались в сторону равнины. Значит враг уже подошёл достаточными силами на четверть лиги от прохода в горах. Через десять минут прогремел второй залп, направив два десятка огненных комет в сторону наступающих.

Дозорные на вершинах башен подняли шум указывая вверх. В мутном от моросящего мелкого дождя небе, в слабом свете Дианы, со стороны пустоши показались тени четырёх огромных птиц. Летели они высоко, так что лучнику не достать.

«Целься в небо!», — кричали расчётчики копьемётов, ожидая, что крылатые твари подойдут ближе. Но те резко спланировали над башнями боковых фортов, сбросили десятки небольших предметов, после чего развернулись обратно. Через три минуты склоны ущелья засветились десятками ярких огненных пятен, вслед которым до защитников Анциломета донеслись острые звуки взрывов. Правый форт запылал, буквально обливаясь огненной лавой. Горели люди, катапульти, огонь стекал с каменной кладки. Ещё немного и форт буквально раскололся от взрыва изнутри — пламя добралось до смоляных складов. Блоки известняка сыпались сверху, порождая оползни. Затем почти половина огромного каменного здания съехала вниз по склону. Левому форту повезло куда больше: только несколько огненных шаров вспыхнули на основной площадке орудий, воспламеняя деревянные катапульти. Основная масса невиданных зарядов прошла мимо, укрыв полыхающим ковром горный спуск ниже и в стороне от его стен.

«Поворачивают!», — кричали дозорные, и было видно, как едва различимые тени в небе над равниной совершают широкий разворот.

— Что это за невидаль такая?! — удивилась Селена. — Кого они к нам притащили?

Она, Лабрис и Дигон стояли почти на пике треугольного клина крепости. Птицы возвращались. Верховная Мать Дома Дианы села, скрестив ноги, и подложив под себя плащ. Сконцентрировалась. Её чувства слились с тяжёлым, наполненным влагой небом Кроноса. Птицы уже подлетали к уцелевшему форту. Дигон вовремя спохватился и сел напротив. Легко нащупав след сознания Селены, он устремился туда же, в размытую высь над ущельем. Тучи сгустились, и по воле правительницы дианитов мелкие разобшённые капли не выпавшего дождя закручивались гигантским водоворотом. Медленно. Слишком медленно. Птицы уже на подлёте. Дигон обратился к стихийным силам, вливая в разгоняемый поток энергию Воздуха. Со всей округи в небе виднелась чёрная воронка, засасывающая в себя мрачные облака. Напряжение нарастало. По телу перевёрнутого конуса то там то здесь появлялись тонкие яркие нити. Не сговариваясь, два мага резко потянули вихрь в сторону четырёх крылатых бестий. Одну за другой двоих из них закрутило неудержимым потоком и разорвало на части. Но две пролетели дальше. Похоже, сторожевой форт, потерявший артиллерию, уже не интересовал их. Две тени, увеличиваясь в размерах, летели напрямик на Анциломет. Селена попыталась направить вихрь им вслед, но тщетно. Слишком велика инерция. Дигон погрузился в глубины своего естества и вынул нити огненного потока. В реальности змейки мелких молний, покрывавших всю поверхность воронки, сбежались в

одну точку, и раскатистая направленная сеть грозового удара перекинулась на успевших обогнуть завихрения птиц. Первая крылатая тень взорвалась мгновенно, раскидывая пламя сдетонировавших зарядов в воздухе. Вторая выпустила полосу дыма и тихо снижаясь, продолжила планировать дальше. Удивлённые наблюдатели на башнях не поверили своим глазам, когда увидели странный летающий аппарат с широкими, в два десятка шагов, стальными крыльями. Он стрелой спикировал вниз и разбился у основания городской стены, извергая клубы дыма и пламени почти на всю её высоту.

Ураганный водоворот в небе не стихал. Дигон и Селена, не тратя понапрасну сил, устремились навстречу армиям противника, увлекая за собой атмосферный катаклизм. Они увидели первые ряды квадратного построения, строевым шагом мерно входящие в ущелье. Те остановились, прижались к земле, создавая щитами подобие полукруглого обтекаемого купола над землёй. Да, командовали ими далеко не бездари. Но мощь вихревого потока была огромна и первых солдат начало вырывать из черепашьих конструкций. С нарушением строя рассыпались и остальные. Не меньше двух сотен разноцветных плащей уже кружились с неистовой скоростью. В этот момент воздух затрясся от широкого громогласного звука голоса, умело заклинающего стихию Воздуха. Отец Агорей присоединился к нападающим. Силы его были неестественно могущественны. Похоже, Гиперион открыл свои запасы и подпитывал соратника. Ураган стих так же быстро, как и появился, а на стене Анциломета откинулись на спины уставшие маги. Волна одобрительного крика прошла по рядам армии Юга.

Бой боевых барабанов, отмеряющих шаг легионеров, заглушал речь и периодически нужно было переходить на крик. Гиперион, Лита и Астра не прятались за спинами солдат и двигались в общих рядах, намереваясь отойти в сторону перед стенами Анциломета и наблюдать ход боя с самого его начала. Они прошли в проём двух горных склонов перевала, когда легионы авангарда уже маршировали вдоль груды камней, оставшихся от правого сторожевого форта. Но левый не был уничтожен, как они того ожидали. Вниз полетели стрелы, камни, первые подождённые бочки со смолой. Несколько сотен бойцов, ушедших вперёд, отрезало коридором огня от остальных и со столичных стен послышались команды наводчиков копьемётов. Огромными тяжёлыми снарядами выкашивали они первые ряды наступающих. Часть копий прорывалась сквозь огненную стену. Они оставляли за собой в пламени вихрящиеся прорезины и сбивали остановившихся перед заслоном воинов. Щиты закрывали их от стрел с форта, но окованные металлом копья с грохотом врезались в группы, вынося по четыре — пять щитоносцев за раз.

— Один форт уцелел! — прокричала Лита и рванула вперёд, расталкивая корпусом лошади не успевших отойти солдат. — Астра, за мной!

Верховный Отец Дома Аполлона не стал сдерживать жён, но потянулся к пламени, бушевавшему и нараставшему от бочек, летящих сверху. Огонь подчинился хозяину. Новые снаряды перестали взрываться, а лишь лениво вспыхивали и горели, словно сырая древесина. Лита спешила в ста шагах от огненной ловушки.

— Качай! — сказала она подоспевшей сестре и сняла со спины посох.

С размаху вогнала его нижнюю часть в землю и оставила стоять вертикально. Кубическое оранжевое навершие вспыхнуло так, что даже со стен Анциломета, в половине лиге от происходящего, сквозь чёрный дым можно было заметить его яростный свет. Картина была удивительной: прекрасная златовласая воительница стояла, держа двумя руками древко, окружённая чистой искрящейся сферой. Вокруг метались воины, танцевали

языки пламени и клубился дым. Вторая дева, похожая на немного уменьшенную копию первой, будто валькирия, прильнула коленями к основанию посоха. Подняв руки вверх, она сжимала его чуть ниже, касаясь пальцами ладоней своей сестры. Сфера густела, наливалась оранжевым, а став почти непроглядной, в мгновение схлопнулась в области кристалла. Он грянул волной ослепительной вспышки. В тот же момент раздирающий уши грохот донёлся сверху. Сначала огонь тонкими длинными лентами вырвался из окон и бойниц возвышенного строения, потом полез из щелей и, наконец, разорвал изнутри вторую охранную цитадель. Длинные волосы цвета сочной спелой соломы плавно покрыли чёрный камень. Две женщины опустились на неприветливую сырую почву по обе стороны затухающего посоха, который так и остался стоять вплавленный в обугленную поверхность. Над потерявшими сознание жёнами, широко вытянув вперёд руки, застыл их величественный горделивый муж. Ни один камушек, ни одна пылинка не коснулась их тел, вылетая из нагромождения кирпичной лавины. Ворох камней так и застыл напротив такой же груды с противоположной стороны прохода. Защитные форты пали. К широкому ристалищу у подножия монументальных стен непреступной твердыни Анциломета, гонимые слепой яростью, хлынули потоки золотистых, красных и пурпурных плащей.

Сверху к узким мерлонам, расстояния между которыми вмещали по три лучника, подходили правители Домов Кроноса и Дианы в сопровождении молодого мага Единства. Стрелки ближайшего проёма разошлись в стороны, шепча друг другу: «Я же говорил, что Дигон-боритель теперь с нами. Вот он!». До самых подошв окружающих гор в тысячу шагов по периметру виднелись три лучезарных живых плаща. Пространство, примыкающее к стенам, постепенно заполнялось движущимся морем факелов противника. Начиная с краёв, от пределов скалистых утёсов, армада медленно наползала на центр. Долина окрашивалась цветами легионов вторжения, словно пёстрым ковром под трепещущим светом десятков тысяч огней. На какие-то секунды всё замерло. Онемело. Слышно было только бьющиеся на ветру мокрые полотна стягов. Тишину растрожили единогласно грянувшие горны, чьё эхо утонуло в криках боевого экстаза. Все факелы разом погасли и страшной медленной волной хлынуло человеческое море в направлении стен крепости.

«Готовьсь!», — зазвенели команды мощных дальнобойных расчётов.

«Цельсь!», — завопили голоса наводчиков лучников.

«Огонь!», — разнеслось эхо по склонам вечных гор.

Ливень стрел и копий посыпался вниз на мрачные потоки атакующих. И было бы им куда сложнее пройти стрелковый заслон, если бы в подкорке мира не зазвучал снова глубокий лёгкий тенор Отца герметов. Агорей гнал плотный ветер навстречу несущимся оперённым древкам, сбивая их с пути и отклоняя от цели. Залп, второй, третий — прошли, едва задев десятой части от намеченного. Наперекор его заклинаниям наполнилось междумирье голосом Дигона. Словно нотный ряд распевал он какие-то звуки и колебались струны мировой души, гася порождённые Агореем ветра. Четвёртый и последующие выстрелы входили в ряды армий южан без сопротивления, но тысячи бегущих теней уже перешли рубеж поражения стрел.

«Вира!», — раздались громкие крики из долины и высоким навесом хлынули снизу через стену тысячи ярких точек, неся с собой частичку пламени. Каменным стенам домов они, конечно, ничего сделать не могли, но деревянные части зданий то там, то здесь загорались, несмотря на сырость. Падали первые сражённые воины и одежда их тут же покрывалась огнём. В трёх местах по огромной протяжённости стен прогремели взрывы и

оранжево-красные пятна растеклись, обрекая на гибель окружающих защитников — огненные стрелы попали в бочки с земляным маслом. Селена встала на колени. Эндимион, присоединившись к сражению, встал напротив неё и взяв за руки. Стремительным броском они направили своё сознание ввысь и тучи над столицей Дома Кроноса сгустились, полностью закрывая и без того слабый серебристый свет Дианы. Дождь усилился. Лёгкая изморось сменилась тяжёлыми каплями, плотно хлынувшими к земле, гася запалы огненных стрел и подавляя уже начавшиеся пожары. Молнии засверкали в небе, тут же разнося гулкое эхо грома и освещая бесчисленную орду под столичными бастионами.

Первые каменные глыбы из мощных катапулт и требушетов, выставленных нападающими вдоль противолежащих скал, прилетели в цитадель Анциломета. Артиллерия союзного войска не целила в стены — их мощная кладка из массивных мегалитов неподвластна никакому оружию. Снаряды били по мерлонам и площадкам с дальнобойными орудиями. Били неестественно метко в цель, усиленные магией удачи от Дома Аполлона. За три захода семь из двадцати площадок были уничтожены. Лабрис подозвал к себе четверых из фракции Книги: архоса и трёх его помощников.

— Стройте круг, мне нужна вся мощь, которую вы сможете собрать!

Четверо магов взяли за руки вокруг своего правителя и пошли по кругу, распевно бормоча слова силы. Верховный Отец вознёс руки к небу и раздался «крик Кроноса». Он ширился вибрирующими волнами, затмевая гулкие удары каменных ядер. Через пол минуты затряслась сама твердь, зашаталась вековые стены твердыни Анциломета и навстречу наступающему войску двинулась волной земля, поднимая на своём гребне маленькие фигурки людей на высоту их роста. Сами солдаты даже не обратили на это внимания, исключая некоторых, упавших. Но целью были не они. Дойдя до границы гор, волна впиалась в них и затрещали каменные исполины, поднявшиеся здесь ещё до времён прихода людей. Ринулись вниз валуны с вершин сотрясённых скал, собирая с собой всё новые и новые камни, и лавина смела расставленные у подножья орудия, как мелкие щепки, погребя под собой сотни стоявших рядом разноцветных плащей. Четыре мага рухнули без памяти вокруг опустившегося на колени и воющего от боли хозяина. С ристалища донёсся отчаянный вопль Квирина. В отместку он яростно выпустил шесть раскалённых огненных шаров туда, где недавно блистали живые плащи правителей обороняющихся народов. Но не достигли они цели, хотя и забрали жизни двух десятков воинов, мгновенно испепелив их тела. От гнева архейца Селена и Дигон закрыли себя и Лабриса мощным «щитом Воды».

А на стенах уже кипел бой. Далеко за полночь отряды бесстрашных солдат, в основном из Дома Ареса, уже бились в смертельной схватке с хладнокровными мечниками-кронианами. Со стен лились потоки смолы, вспыхивая внизу и топя в пламени десятки живых факелов, но быстро гасли под проливным дождём и телами погибших соратников. Летели камни, трупы убитых, стрелы, но сотни атакующих всё равно проникали в проёмы мерлонов, рубили лучников и сами гибли, сражённые мечом или стрелой. Выдвижные лестницы доставляли всё новых и новых отчаянных рубак.

К цитадели подкатили широкие площадки, вмещавшие до пяти десятков человек сразу. Их механизм выпрямлял крестообразно соединённые и сжатые, как пружины, балки основания, поднимая платформы с грузом на высоту стен.

— Стреляйте в помосты! — Кричал неустрашимый витязь Сатор, архос фракции Боя, командовавший обороной.

Он влетел на площадку и сам развернул в сторону вдоль стены копьемёт.

— Заряжай!

Тяжёлое металлическое копьё в полтора человеческого роста легло в желоб направляющих. Архос подбежал к колёсам, натягивающим канаты тетивы, приподнял и немного передвинул хвостовую часть, корректируя выстрел.

— Огонь!

Дуги зазвенели, выпрямившись и отпуская снаряд. Огромный стальной шест с тяжёлым навершием разнёс в щепки одну из платформ, которая поднимала с пол сотни красных плащей, и те с криком посыпались вниз. Пройдя насквозь, копьё вонзалось в почву, проломив панцири ещё двоих под стеной.

— Корректировать огонь по машинам! — закричал Сатор, вынул меч и бросился наперерез четверым бегущим к артиллеристскому расчёту золотым плащам.

Смерть уже всю пировала не только на стене, залитой вязкой кровавой кашей, но и на улицах города. Наиболее сильные из магов-герметов, пользуясь даром левитации, просто перелетали через высокие стены. Благо, что таких способностей достигали не многие. Ещё почти половина легиона из арейцев и аполонитов нашли какую-то узкую горную тропу. За ночь они успели перебраться через скалы, утратившие защиту уничтоженных фортов. Побережьем они вошли через порт в самый тыл защитников и сейчас дрались с отрядами под предводительством Арнура на узких улочках прибрежного района. Стражи крепости неумолимо теряли преимущество. Они выдохлись и ослабли под неистовым натиском величайшей из армий, когда-либо маршировавших просторами Миглаха.

Ночь близилась к завершению и укрытые вековыми ледниками рваные гребни скал на востоке уже светились отблесками рассветного зарева. А дикой бойне не было конца. Ливень прекратился, выжав из неба над Анцилометом всю воду до капли и теперь чистое звёздное небо величественным вечным шатром покрывало суetyающиеся под ним народы. В центре огромной эспланады перед стенами столицы на белом коне стоял Агорей, получая со всех сторон донесения, анализируя ход сражения и раздавая команды. А Гиперион и Квирион куда-то внезапно исчезли с поля битвы.

Последние ночные минуты застали Кетера стоящим спиной к камню оператора. Он продолжал напитывать великое творение нескончаемым потоком энергии своего Дома. По всему Миглаху народ Цифры чувствовал это. Резкая головная боль одновременно охватила более ста двадцати миллионнов цифиров. Магия перестала слушаться их, а от косящей усталости спасал только мгновенно накрывающий сон. Воздух окрест каменного круга звенел перетянутой струной, готовой вот-вот лопнуть от слишком высокого напряжения. Наблюдателям пришлось отойти на сорок-пятьдесят шагов от рва, наполненного сейчас водой. Интенсивность, с которой артефакт набирал мощь, уже казалась опасной. Во рту стоял привкус калёного металла, а каждый вдох наполнял лёгкие свежестью предгрозового озона. Ближе к земляному валу волосы поднимались дыбом, делая людей похожими на перезревшие одуванчики, а кожа покрывалась мурашками и на ощупь казалась шероховатой и липкой. За стенами вала периодически разгорался и снова затухал гигантский кристалл. Ещё вчера вспышки свечения происходили каждые две — три минуты. Потом одна. Всю ночь интервалы стабильно сокращались. Пол минуты. Двадцать секунд. Десять. Сейчас световое представление, разыгравшееся в пределах каменного круга, уже представляло собой едва уловимое мерцание, почти ставшее сплошным непрерывным потоком.

Отец Кетер заметно постарел всего за один день. Если раньше в его густых седых волосах ещё проблёскивали перья былой черноты, то теперь пепельные безжизненные пряди спадали на осунувшиеся плечи блеклыми сосульками. Кожа потемнела, чёрные глаза впали и едва различались в одутловатых буграх потемневших век. Руки его дрожали, но так и не опустились, держась крестообразно, как ветви усыхающего дерева. Всё тело утратило обычную статную мощь, но воля его крепла, несмотря на боль, заполнившую собой ночь величественного ритуала.

Наконец, с первыми лучами Аполлона, проложившего широкую блестящую полосу на тихой морской глади, мерцание кристалла слилось в постоянство. Перламутровое тело ярко вспыхнуло, затмевая восходящее светило. Вал защитил окружающих от новой возможности ослепнуть, но вверх из его границ поднялся огромный столб зардевшегося потока. Из проёма в стенах вала, через который сила Дома Цифры втекала в каменный хоровод, вырвался пронзительный луч и ударил в правителя цифиров. Он пошатнулся, и кожа его побагровела. Немощный старик с нарастающим усилием свёл окоченевшие руки перед собой ладонями навстречу обжигающей линии. Она попятилась назад. Медленно преодолела тридцать шагов и вернулась в границы круга. Кетер собрал остаток сил и породил «крик Цифры». Заклинание выдалось мощнее, чем бывало на его долгой памяти. Наблюдавшие за процессом рабочие зажали уши, стараясь спасти свои барабанные перепонки. Тело едва стояло на ногах. Колени подкосились и с тыльной стороны камня оператора к нему подбежал Фульгур, сопротивляясь разразившейся вокруг дикой стихийной пляске. Он положил руки на плечи друга и стал вкачивать в него энергию на пределе своих ограниченных способностей. Буквально на глазах молодой Верховный Отец Дома Зевеса высыхал, съёживался, становясь похожим на его брата-цифиро. Но его помощь завершила задуманное. В периметре, огороженном стеной земли, раздался пронзительный хлопок. Часть исполинских камней, вкопанных в землю, раскидало, как осенние листья порывом ветра. Почва под ногами людей на всём песчаном берегу затряслась и, приподнявшись, осела. Купол звенящей энергии,

покрывавший комплекс артефакта, озарился красно-синей вспышкой и начал плавно спадать, тускнея и угасая. Из самого центра круга навстречу голубому утреннему небу взметнулась пылающая фиолетовая комета Великого Кристалла Памяти. Мгновение, и два совершенно седых старика в изнеможении повалились на разгорячённую ритуалом землю.

На монументальных стенах Анциломета кипело беспорядочное варево сражения, сверкали клинки, разрывались огненные сгустки и мелькали стрелы. С обеих сторон вершина мегалитической кладки покрылась липкими кровавыми потёками. Десятки тысяч мёртвых тел горами укрывали основание по два бока нерушимой каменной преграды. Сегодня Смерть получила поистине бесценный дар от народов Миглаха.

— Дигон! — прогремел в голове молодого мага Единства гром голоса его учителя.

Вокруг бурлил бой. Он быстро отправил в Океан Теней очередного штурмующего крепость солдата, и без промедлений открыл портал к самому входу в разрушенных стенах древнего храма. На камнях возле проёма стоял Гиперион. Из его рук вырывался плотный поток огня, обтекая массивную тень. Это был Целум, каким его видел Дигон в иллюзорной башне, но образ его был размытым, полупрозрачным, едва очерченным серыми дымными нитями. Однако он был здесь, в реальности, почти полностью проявившимся. С западной стороны к сражающимся бежал Квириин с мечами-близнецами в руках. Его стальная сияющая кираса была измята, местами проглядывал оплавленный металл, а живой кроваво-алый плащ хлипко висел на плечах, подставляя ветру чёрные обугленные проплешины. Ученик Целума из-за огромного валуна бросился ему наперерез и попытался достать арейца неожиданным нападением. Неусыпная защита ещё работала. Взлетевшая навстречу переливающемуся мечу ткань обернула клинок, и он заскрежетал, увязнув в ней. Дигон рванул оружие на себя и вверх, раздирая магическую плоть. Она лопнула, источая подобие плача, но спасённый хозяин отскочил в сторону, заметив нового противника. Бросился в атаку, замахнувшись клинками через правую сторону и ударил ими одновременно. Зачарованный металл, выпивший тысячи жизней, встретился с непоколебимой силой таинственного меча. Противников даже оттолкнуло друг от друга разлетевшейся волной. Квириин с удивлением посмотрел на противника:

— Достойный меч. Но стоит ли его достоинства носитель? Ты — Разрушитель и тебе не место в моём мире, — выпалил глава арейцев.

По правую руку от Дигона вспыхнул воздух между двумя потоками. Яркая оранжево-красная река из рук Гипериона встретилась с мутной, переливисто-серебряной полосой со стороны Целума.

— Я не возродился ещё! — промелькнуло в голове ученика. — Я не выдержу долгого боя в реальности.

Дигон зачерпнул стихии Воды и ударил «ледяным копьём» в бок аполонита. Плащ защитил его, но тот отвлёкся, давая передышку учителю. В этот же момент один из близнецов с размаху влетел в плечо молодого мага. Удар был огромной силы и левую руку свело тупой болью, но и эфирная мантия Единства была под стать своим братьям из Домов Миглаха. Меч упёрся в материю, выпивая пропитавшую её силу. Серебряный участок на плече потемнел, словно покрываясь изъёмами ржавчины, но тело носителя осталось целым.

— Ага, и защита, значит, у тебя имеется! — опять удивился Квириин. — Хорошо тебя старик подготовил.

Коротким толчком плоского дола Дигон отбросил тонкое лезвие от своего плеча и сделал выпад, используя свой меч, как рапиру. Квириин парировал, уводя клинок в сторону левым близнецом, а сам развернулся через правый бок и нанёс круговой рубящий удар в

область головы, не закрытой плащом. Молодой маг успел присесть и нижним горизонтальным тондо попытался достать ноги противника. Не тут-то было. С энергией разворота на себя принял удар второй клинок Квирина. Дигон отпрыгнул назад. Потом снова вперёд, стараясь попасть по руке финтом справа. Но соперник невероятно быстр — радужно сверкающий металл лишь коснулся правого плеча над стальной кирасой, оставляя красную кровавую полосу. А Квирина уже успел развернуться и ударить рукоятью меча в оцарапанной руке. В голове Дигона зазвенело, и он вслепую рубанул батманом в пару одновременно выставленных близнецов. Привыкшие пить силу противопоставленного им оружия, мечи главы Дома Ареса, должно быть, удивились ответу подарка Целума. Вибрирующий от напряжения металл вложил столько мощи, что парные клинки отбросило назад и тупой обух одного из них ударил в лоб хозяину, оставив чёткий синий след. Глава арейцев зарычал от злости. Закрутил вокруг себя мечи, выписывая идеально ровные восьмёрки, и пошёл в атаку. Сблизившись, стал наносить размашистые диагональные удары сверху вниз по очереди: справа, слева, справа, слева. Непрерывный град сыпался с неистовой скоростью и уйдя в глухую защиту его соперник едва успевал отбивами гасить силу атак. Сталь звенела, словно выбивающий маршевую дробь барабан. Улучив момент между двумя лязгами, Дигон нанёс прямой удар ногой в живот. Сапог словно упёрся в каменную стену, но атака остановилась и противник был отброшен. Сделав короткий обманный прыжок влево, ученик Целума резко перешёл в нападение, прыгнув на два метра вправо. Оказавшись сбоку от Квирина, ещё в воздухе начал выполнять рубящий сгуалембро. Глава Дома Ареса просто отскочил с линии удара и пока его соперник не восстановил равновесие после прыжка, ударил его ногой в бок. По инерции тот рухнул на землю. Не в правилах Квирина было так просто добивать врага:

— Вставай, тупой щенок! Эти твои пляски могут удивить моих слуг, но не меня. Покажи на что ты ещё способен, пока мне не стало скучно.

Дигон встал. Фехтовать с лучшим воином Миглаха было бессмысленным. Собравшись с силами, он вызвал в мир стихию Воды, оставшуюся после адской ночи защиты крепости. Она натужно вырвалась из глубин его сущности, отдавая себя без остатка. Меч покрылся инеем. Вращая им, попеременно проводя в левой и правой плоскости, маг Единства быстро сформировал по бокам два блестящих, до предела насыщенных холодной влагой диска. Резко остановился. Раскинул руки и раскрученные синие круги разлетелись в стороны. Один врезался в Гипериона, уже готового добить тень учителя, прижатую пламенем к потрескавшейся стене башни. Того отбросило в и, покрывшись паром, он покатился по земле от неожиданного удара. Второй диск ринулся в Квирина. Тот выставил перед собой скрещённых близнецов, уже покрытых языками пламени, и упёрся правой ногой в землю, отставив её далеко назад. Но и это не сильно помогло. С грохотом вода врезалась в пылающие мечи, истлела взорвавшимся облаком, но опрокинула арейца на спину. Дигон повернулся к учителю, но того у стены уже не было.

Он остался один против двоих. Гиперион встал, отряхиваясь и тихо бормоча ругательства. То же делал и Квирина. Уже вымотанный и уставший молодой маг медленно попятился назад, стараясь держать в поле зрения обоих врагов. Сил хватало только отступать. Они не спеша подходили с двух сторон.

— Ну, теперь ты мне ответишь за пирамиды, червяк! — стирая с лица золотистую кровь процедил хозяин Дома Аполлона.

Два Верховных Отца подошли друг к другу и остановились в десяти шагах от выставившего перед собой меч Дигона.

— Спалим его! — сказал Квирина и оба протянули руки в сторону врага.

Оранжево-красный раскалённый вихрь, закручивающий призванные силы двух Домов, рванулся на свою жертву. Но цели так и не достиг. С размаху он налетел на невидимую преграду в двух шагах от Дигона. Воздух сгустился, вырастая стеной, наполненной мутной серо-чёрной дымкой. Между раскаляющейся преградой и учеником Целума из разжиженной каменистой почвы медленно поднималась бледная фигура нетленного Маркара. Силаuspения растекалась от него мощными монотонными волнами. Сегодняшняя ночь с избытком наполнила посмертие энергией бесчисленных прерванных жизней, и правитель Дома Гадеса предстал в пугающей величии небывалой мощи.

— Пришло время отдать тебе мой долг. Я не стану убивать своих братьев, но и твоя смерть сейчас не наступит. Беги.

Не задавая никаких вопросов, пошатываясь, Дигон побежал в сторону руин древнего храма. За спиной звучали проклятия Гипериона, обращённые то ли в его сторону, то ли в адрес вынырнувшей из-под земли фигуры бессмертного. А в этот момент далеко над центром континента, где на тихом песчаном берегу нет и тени пирующей в разгар битвы смерти, фиолетовый свет рвущегося ввысь камня уже походил на яркую звезду в утреннем небе.

Внутри развалин оплота Старого Мира было ещё темно и сыро. Рассветные лучи только начинали проникать в проёмы высоких окон и покрывать светом искажённые временем картины фресок. Центр внутреннего зала был очищен. На полу сиял матовой восходящей дымкой ровный круг десяти шагов в диаметре. Центром его был Чёрный Камень Кибелы, разительно отличающийся от окружающей обстановки своим законченным совершенством. Внизу у его подошвы стояли девять вскрытых пиксид. Из них тонкими ручейками взвивалась вверх пыль праха и стягивалась к уже более проявленной тени Держателя мира, сидящего на коленях. А на самом камне без чувств лежало на спине прекрасное обнажённое тело Лаянны, безвольно свесив ноги и руки в аккурат по направлению рёбер сверкающего чернотой куба.

Дигон замешкался. Увиденное закрутилось в голове калейдоскопом стущёванных картинок. В животе что-то скрутилось и заурчало, а по мокрой после боя спине пробежал предательский холодок озноба. Руки затряслись от непонимания и гнева.

— Что... Что происходит?! — только и смог с трудом выдать он из себя.

Образ Целума уже почти сформированный, но ещё местами тусклый и призрачный, оторвался от ритуала. На его лице ясно читалось недоумение.

— Ты выжил? Против двух иерофантов? Не думал, что ты настолько хорош.

— Что ты творишь? — уже громче повторил вопрос ученик, чувствуя, как злость наполняет душу, готовая выплеснуться наружу.

— А ты думал, что Камень Кибелы — это ящик с подарками? — насмешливо произнёс великан, поднимаясь. — Древняя жертва меня убила, твоя жертва вырвала мой дух из заточения, а её жертва вернёт мне тело.

Лаянна медленно повернула голову и её затуманенные, покрытые белесой поволокой глаза открылись. Едва шевеля пересохшими бледно-розовыми губами, девушка прошептала: «Дигон...».

Он рванулся с места. Ярость добавила сил и любые рассуждения в голове стихли. Пробежав с десятков шагов, его тело с глухим ударом врезалось в прозрачную стену, подымающуюся от дымки на полу по периметру начертанного круга.

— Не всё так просто, мой верный ученик! — слова звучали издевательски и насмешливо. — Твоё чувство справедливости сейчас бурлит, а отравленное любовью сердце жаждет спасти эту дочь Дианы. Признаюсь, она хороша. Даже очень. Но стоит ли это судьбы целого мира?

Дигон поднял меч, выпавший из рук от столкновения, занёс над головой и со всей силы опустил на поверхность цилиндрической защиты. Синевато-фиолетовые переливы стали клинка запылали. Белый сноп не то искр, не то капель разлетелся в стороны от острой кромки. Меч медленно и плавно раздвигал тягучую пелену заслона, создавая в ней треугольный, направленный остриём вниз проход. Всё покрывало от пола до потолка колыхалось волнами голубоватого цвета. Образ Целума, уже почти реальный, широко раскрыв глаза, обогнул алтарь с противоположной стороны. Но его ученик уже запрыгнул внутрь, а разорванная защитная стена сзади него сомкнулась, снова став матовой белесой дымкой.

— Неблагодарное отродье! — заревел великан. — Я дал тебе власть, недоступную правителям этого мира, а ты смеешь идти мне наперекор?!

Вооружённый только коротким жертвенным ножом, он действовал грубой неукротимой силой. С разбега ударил ногой в корпус. Живой эфирный плащ отреагировал куда быстрее хозяина и принял всю мощь массивного молота на себя, заметно потускнев. Это спасло Дигона. Он отлетел в сторону, упёршись в границу круга, но кроме звона в ушах и тянущей боли в мышцах, не пострадал. Стал в стойку, приготовившись встретить следующую атаку. У него было преимущество — подаренный древний клинок. Выставив его перед собой, он пятился задом, выжидая момент. Время торопило Держателя, и он бросился на врага снова. Удар монتانте по правому бедру наступающему гиганту затормозил его. Он всё так же плохо защищал позицию ног. Клинок впился в призрачную плоть и из раны потекло серебристо-белое подобие крови.

— Моим мечом! — заорал Целум. — И он породнился с тобой? Сейчас мы это исправим.

Разбрызгивая по полу светящуюся жидкость, он всем весом навалился на ученика и снова закричал — лезвие прошло между рукой и корпусом, оцарапав эфемерные рёбра. Но зажав подмышкой меч и резко развернув туловище, он вырвал оружие из рук противника. Дигон оказался под тяжёлым телом Держателя, упёршись в него выставленными коленями. Великан весил с доброго кронианского грузового коня. Но руки были свободны, и он выпрямил их, одновременно погружаясь в глубины собственного духа и призывая оставшиеся запасы Стихий. Отозвались трое из них. Закрученный поток Огня, Земли и Воздуха ударил в широкую грудь Целума. Тот закричал и был слышен скрежет оскаленных зубов. Сдавлив поток энергий огромными руками, он развёл их, формируя яркий серебряный шар, который начал медленное движение сквозь бело-красно-чёрное переплетение. Эфир был тоньше Стихий и постепенно продвигался вниз, к телу Дигона. Освободив одну руку, тот нервно нащупал кармашек в броне и вытащил подаренную некогда Эндимионом сферу Воды, засунул её себе в рот и с хрустом разрушил оболочку.словно бурная река, до поры сдерживаемая плотиной, прорвалась холодная влага, заполняя собой всё естество молодого мага. Он собрал этот бешенный поток и вплёл в завихрения своей магии, рвущейся навстречу убийственному шару Целума. Вибрирующий столб окрасился синим, смешался с прочими цветами, вспыхнул, и с переливистым звоном теперь уже поток серебряного Эфира рванул навстречу такому же сгустку. Всплеск света раскинул сражающихся, отшвырнув

обессиленное пустое тело Дигона к алтарю, авзбешённого Держателя мира подбросив на пять метров вверх и ударило о землю.

Захрустели призрачные кости. Но хруст этот утонул в неведомом грохочущем звуке, залившим всё пространство истерзанного мира. Он ширился, нарастал, становясь нестерпимым, причиняя дикую боль в ушах. Больше миллиарда жителей Миглаха одновременно повалились на землю, бессмысленно закрывая кровоточащие уши руками. Утренний свет Аполлона безнадежно померк перед ослепительной фиолетовой вспышкой далеко в небе. Её волна за считанные секунды испарила облака, обогнула планету и вернулась полыхающим заревом. Всё пространство светилось огнём конвенционного цвета Дома Цифры. Затем недосыгаемая высь, будто мелкими пчелиными сотами, покрылось сетью пылающей паутины «сферы безмолвия». Великий Кристалл памяти достиг своей цели и разнёс в дребезги закрывающий Миглах купол.

Планета вздохнула. Первый раз за десять тысяч лет она жадно впитывала безграничный поток силы жизни из Единого начала. И вздох этот прогремел по всему континенту. Земля словно расширилась, покрывая титаническую твердь исполинскими трещинами. Весь необъятный Миглах приподнялся и снова рухнул в потоки кипящей оранжево-красной магмы, порождая гигантскую волну смеси расплавленного камня и воды океанических глубин. Из бездонных, шириной в десятки тысяч шагов трещин, разорвавших континент на шесть огромных частей, вверх вырывался пар и раскалённые лохмотья густой лавы. Осунувшись, словно тяжёлые камни на песчаном бархане, шесть кусков тверди поползли в разные стороны. Планета дрожала и ревела. Земля пульсировала, разрушая дома, дворцы и храмы народов, которые, казалось, стоять будут вечно. Десятки миллионов жизней прервались в одночасье, поглощённые смесью воды и кипящего камня. Повезло только тем, кто оказался далеко от пламенеющих разрывов...

На крайнем севере остров Дагарок накрыло волной, и вся вогнутая долина вокруг руин Старого Мира заполнилась солёной водой. Над её поверхностью остались лишь развалины древнего храма. Качаясь в такт континентальной тверди, облученные временем камни едва держались один за другой. Два недавних противника встали на колени, пытаясь понять, что случилось, но в памяти обоих не было и следа прошлого. Как и у всех на бескрайних просторах новых континентов. Умирая, Великий Кристалл Памяти лишил народы бывшего Миглаха почти всех воспоминаний. Ошарашено оглядываясь по сторонам, израненный Дигон и поверженный великан пытались зацепиться хоть за что-то в поисках понимания происходящего. Но тщетно.

В головах обоих вдруг возник тонкий, почти детский женский голос:

— Вы слишком долго терзали этот бедный мир своей алчностью.

В стороне заваленного прохода возник силуэт девочки, лет тринадцати, в накинутой поверх голого тела грязной рваной хламиде. Босиком она шла по воде, залившей пол разрушенной башни, и следы её ступней оставляли лёгкие мерные круги.

— Десять тысяч лет я томилась в глубочайших слоях междумирья, куда даже сила жизни Единого не знает путей. Десять тысяч лет меня терзала разрушительная природа Хаоса, которой вы заполнили моё мёртвое тело. Я вернулась, и что я вижу? Очередную жертву на том же месте, где была сама? Десять тысяч лет я беспомощно наблюдаю за тем, как мир вянет и гибнет вашими стараниями. Пришло моё время править.

Девочка подошла к центру круга. Цилиндрическая пелена защиты сама послушно расступилась перед ней. Она дёрнула рукой, будто стряхивая с неё капли, и тело Лаянны

слетело вниз, как лёгкая тряпичная кукла. Маленькая тонкая ладонь коснулась центра Чёрного Камня Кибелы. Он задрожал, приподнялся над полом, повинувшись пальцам новой властительницы. Зеркально-чёрный цвет постепенно сменился раскалённо-красным, завибрировал в такт сотрясаемому катаклизмом миру и взорвался.

Из недр под развалинами храма, проходя сквозь материю, поднялась огромная энергетическая сфера, поглотила руины и окружающую их воронку. Потом резко схлопнулась в точку и разлетелась по миру, последней волной успокаивая разбушевавшиеся стихии. Когда пыль и пепел над островом Дагарок рассеялись, жалкие остатки храма Старого Мира уже покоились, погребённые глубоко под землёй.

Всему рано или поздно приходит конец. Эры сменяются Эпохами. Эпохи уходят в прошлое, оставляя после себя лишь призрачные следы своего существования, которые так же, в своё время, канут в беспросветный мрак забвения.

«Ничто не вечно под Луной», как напишет когда-нибудь, спустя тысячи поколений, один гениальный поэт из числа новых хозяев изменившегося Миглаха.

Великий Кристалл Памяти оправдал надежды своего создателя. Он действительно разрушил купол, призванный скрыть больной мир от тысяч таких же миров Плеромы, пока жизнь, заражённая разобщением, не иссякнет сама собой. Но взорвавшись, это прекрасное творение человеческого гения пошло ещё дальше. Почти никто более в мире не помнил прошлого мироустройства. Все знания впитал неповторимый камень. И магия покинула Миглах вместе с памятью о самом этом имени. Бесценный дар, однажды вырванный из рук богов горсткой дерзновенных смертных, снова вернулся в лоно своего первоисточника. Былины стали легендами, а подлинные события — мифами. Покрылись мхом забвения герои и их подвиги. А люди, всегда жаждущие знать, что они не одиноки, нашли для себя в их именах новых Богов и Покровителей. Так закончилась история героической эпохи великих свершений простых смертных, и началась новая, не менее интересная повесть уже совсем других имён.

— Почти? Ты сказала: «Почти никто не помнил». Значит были и те, кто помнили?

— Вот маленькая проныра, всё ты хочешь знать.

— Но бабушка Теллура, рассказ не должен оставлять вопросы, ты же сама учила искать истину.

— Тот, кому чужды земные радости жизни, так и остался со своим наказанием вечностью. Но он редко посещает новый мир, предпочитая одиноко сидеть на берегу Океана Теней и смотреть вдаль, ожидая, когда же наконец придёт и его черёд. И та, которой без суждено было несправедливо испытать страдания тысяч лет заточения. Она, конечно, тоже осталась. Она теперь Держатель нового мира. Были и другие, ставшие, со временем, учителями новых народов. Они повели выживших сквозь мрак первобытного мира. Мира без магии, без знаний прошлого и без памяти.

— А как же дедушка? Что с ним стало? А что с обманутым Дигоном и его возлюбленной? Они разве не заслужили прощения?

— Ананке, милая, достаточно вопросов. На часть из них я просто не знаю ответов, а некоторые так и витают эхом неразгаданности среди миров Плеромы. Хотя, ты можешь спросить у Единого. Он-то, конечно, мог бы ответить на любые вопросы. Если бы заговорит хоть с кем-то. Но ты, пожалуй, и его уболтаешь...

Долгая ночь ложилась на один из высших миров — лучезарную долину Анакрона. И божественная внучка Изначальной Матери засыпала, а её сны создавали в низших мирах новую реальность и новые творения, среди которых, непременно, найдётся место и старым героям.

Дом	Планета, тотем	Столица	Народ	Объединения	Цвет	Стихия	Верховный правитель
Кроноса	Сатурн	Анциломет	Крониане	Фракции	Чёрный	Земля	Лабрис
Дианы	Луна	Менна	Дианиты	Ковены	Белый	Вода	Селена
Цифры	Сефирот	Ацилут	Цифиры	Кланы	Фиолетовый	Информация	Кетер
Гермеса	Меркурий	Кериксион	Герметы	Гильдии	Пурпурный	Воздух	Агорей
Ареса	Марс	Градив	Арейцы	Братства	Красный	Огонь	Квирин
Аполлона	Солнце	Гелиос	Аполониты	Альянсы	Золотой	Огонь	Гиперион
Венеры	Венера	Бербея	Венеты	Общины	Зелёный	Вода+Земля	Урания
Зевеса	Юпиер	Гонгилат	Зевиты	Артели	Синий	Эфир (НАУКА)	Фульгур
Гадеса	Плутон	Флегетон	Гади	Касты	Смутный	Смерть	Маркар

Глава	Дни повествования	Название	Стр.
Часть 1. Дагарокский дебют.			
-1-	1	Деревня "Мокрая"	
-2-	2	Цифра в игре	
-3-	2	Мысли о прошлом	
-4-	2-3	Первая кровь	
-5-	1	Незванный гость	
-6-	3	Прекрасная незнакомка	
-7-	2	Клиодна	
-8-	3	Древние руины и тени прошлого	
Часть 2. Ненулевая сумма.			
-9-	5	Дафнис Ктариан	
-10-	4	Повторнорождённый	
-11-	4	Смерть и любовь	
-12-	9	Первый договор Кетера	
-13-	9	Покидая Дом Венеры	
-14-	9	Второй договор Кетера	
-15-	3-34	В башне изменённого времени	
-16-	8	Первый совет Аполлона.	
-17-	9-10	Снова дома	
-18-	11	Вспомнить всё	
-19-	13	Союзники бывшие и союзники будущие	
-20-	32	Перерождение	
Часть 3. Эксельсиор.			
-21-	34	Когда ученик готов	
-22-	21-27	В наказание оставить всё как есть	
-23-	35-69	Дом Кроноса. Обретение Земли	
-24-	68	Второй совет Аполлона. Подготовка к войне	
-25-	70-115	Дом Дианы. Обретение Воды	
-26-	15-80	Договор с летальным исходом	
-27-	116-149	Дом Цифры. Новый соратник	
-28-	134	Проект науки и магии	
-29-	150-182	Дом Гермеса. Сделка	
-30-	183-188	Верховный Совет раздора	
-31-	183-184	Дом Ареса. Обретение Огня	
-32-	185-189	Дом Аполлона. Комплекс Пса	
-33-	195	Начало войны	
-34-	190-249	Дом Венеры. Обретение Воздуха	
Часть 4. Цугцванг.			
-35-	209	Последний ответ Агротерской крепости	
-36-	250-279	Дом Зевеса. Попутчик	
-37-	266	Кристаллизатор и каменный хоровод	
-38-	280-322	Дом Гадеса. Госпожа крови	
-39-	323-348	На подступах к апогею войны	
-40-	349	Огненные рвы	
-41-	349	Снова Дагорок и битва за Анциломет	
-42-	350	Великий Кристалл Памяти	
-43-	350	Предательство и Мать Хаоса	
Эпилог			